

Герберт Спенсер

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

ЛИЧНОСТЬ
И ГОСУДАРСТВО

I
ТОМ

СОЦИАЛЬНАЯ
СТАТИКА

II
ТОМ

ИСТОРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИНСТИТУТОВ

III
ТОМ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ОПЫТЫ

IV
ТОМ

ЭТИКА
ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ

V
ТОМ

Герберт
СПЕНСЕР

ИСТОРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИНСТИТУТОВ

Москва • Челябинск

УДК 316.334.3+32.001
ББК 66.033
С71

Печатается по изданию:
Спенсер Г. Развитие политических учреждений.
СПб.: журн. «Мысль», 1882.

Комментарии, глоссарий и указатель имен, предметный указатель
составлены Татьяной Даниловой.

Спенсер, Герберт
С71 **Политические сочинения** : в 5 т. / Г. Спенсер. — Москва ; Челябинск :
Социум, 2015.

ISBN 978-5-906401-14-4

Т. III : История политических институтов. — 425 с.

ISBN 978-5-906401-17-5

В томе III «История политических институтов» публикуются главы из части V «Оснований социологии». Здесь Г. Спенсер исследует закономерности постепенного становления институтов цивилизованного человеческого общества. Он развивает свою знаменитую теорию двух типов общества (и соответствующих им культур) — воинственного и промышленного. По его мнению, благотворные результаты войн и конфликтов остались в далеком прошлом, а в Европе и Северной Америке завершился эпохальный переход от «военизированных» форм общественной организации (режим статуса) к «промышленным» формам (режим договора). «Принудительное сотрудничество», характерное для воинственных обществ, в целом заменено «добровольным сотрудничеством» промышленных обществ. И когда ближе к концу жизни Спенсер наблюдал откат к воинственным формам общества, он назвал эту вызывающую беспокойство тенденцию «поворотом Европы к варварству» (см. т. IV настоящего пятитомного собрания «Политических сочинений» Герберта Спенсера).

УДК 316.334.3+32.001
ББК 66.033

ISBN 978-5-906401-14-4
ISBN 978-5-906401-17-5 (Т. III)

© ООО «ИД «Социум», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

СУБЪЕКТИВНЫЕ И ОБЪЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ В СОЦИОЛОГИИ И ИХ ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ	vii
ОБРЯДОВЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ	xxxi
I. Введение	3
II. Политическая организация вообще	18
III. Политическая интеграция	39
IV. Политическая дифференциация	58
V. Политические формы и силы	83
VI. Политические главы, военачальники, короли и т.д.	104
VII. Сложные политические главы	141
VIII. Совещательные учреждения	174
IX. Представительные организации.	192
XVI. Воинственный тип общества	220
XVIII. Промышленный тип общества	255
КОММЕНТАРИИ	295
ГЛОССАРИЙ ИМЕН	311
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	335
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	338

Субъективные и объективные методы в социологии и их относительное значение

Прежде чем говорить о субъективном и объективном методе в социологии, скажем два слова об этих методах в психологии.

Когда мы наблюдаем отдельный человеческий, т.е. сознательный, организм, нам кажется с первого взгляда, что в нем происходят два рода совершенно отдельных и особенных процессов, из которых одни мы называем физиологическими, а также физическими, химическими и механическими, — а другие мы называем психическими, а также субъективными; последнее название дается в отличие от первых, т.е. физиологических, химических, физических и механических процессов, часто объединяемых одним термином — *объективных*.

Однако убеждение, что эти два процесса, т.е. процессы объективные и субъективные, или процессы физико-химические, механические и физиологические и процессы психические, т.е. идеи, чувства, ощущения, сознание, стоят независимо друг от друга, — такое убеждение падало с каждым шагом развития науки. Это разрушительное действие произвела в особенности физиология, и в частности нервная физиология, ukazавшая рядом самых точных опытов связь психических, или субъективных, явлений с процессами, происходящими в мозгу и нервах. В самое последнее время такие изобретения, как, например, аппарат известного итальянского физиолога Моссо, довели нас до возможности непосредственно, так сказать, собственными глазами видеть эту связь. Аппарат Моссо приспособлен к тому, чтобы показывать немедленно и точно малейшее увеличение объема какого-либо органа, например руки. Оказалось, что при всякой умственной работе объем руки уменьшается, что зависит от оттока от нее крови к мозгу. Наблюдая с этим аппаратом спящего человека, мы видим, как аппарат своей стрелкой отмечает даже его сновидения, не говоря уже о том, что малейший шум или стук, тревожащие спящего, тотчас сказываются и на аппарате.

Но эта связь давно известна науке.

На ней основано лечение психических больных, она открывается нам также патологоанатомическими вскрытиями мозга

умалишенных и вообще страдающих душевными болезнями, и пр., и пр. Но даже и человеку, не обладающему научными знаниями, известно, что его расположение духа, его настроение зависят весьма часто от состояния его тела, от здоровья или нездоровья какого-либо органа и пр., и пр.

Соображаясь со всеми этими фактами, психология, которая в прежние времена ограничивалась наблюдением человека только с субъективной стороны, должна была радикально изменить свой метод: ей пришлось начать исследования о связи субъективных психических явлений с явлениями объективными, или физиологическими. Отсюда в конце концов новейшая психология приняла совсем иной вид, чем прежде, она стала наукой, изучающей законы связи и последовательности не только явлений, субъективных в их соотношении с внешним миром, но и в их соотношении с физиологическими или объективными процессами организма. Когда в этой области набралась достаточная масса фактов и наблюдений, масса, обязанная главным образом исследованиям физиологов, а также невропатологов, когда эта масса фактов убедила в самом неизбежном и неизменном соответствии почти каждого субъективного явления с каким-нибудь объективным явлением в организме или рядом таких явлений, тогда явилась психологическая гипотеза, состоявшая в том, что объективные процессы организма и субъективные процессы нашего сознания суть одно и то же и различаются друг от друга только способом, каким они достигают до нашего сознания. Если какой-либо процесс в нашем организме достигает до нашего сознания путем наших же собственных нервов или мозга, он кажется нам субъективным, т.е. является нашему сознанию в форме ощущений, чувств, идей, мыслей, желаний, воли; когда же этот самый процесс мы наблюдаем в другом организме или даже и в нашем собственном, но *извне*, посредством внешнего исследования органических явлений, — то он нам является как процесс физиологический.

Но и наблюдая других, мы можем останавливать свое внимание или на физиологической, или на психической стороне одного и того же процесса. Так, в обыкновенных сношениях с людьми нам обыкновенно важно понимать не то, какие физиологические процессы совершаются в человеке, а то, какие идеи, чувства, желания относительно нас и окружающих явлений

имеет этот человек. Хотя при этом мы не можем знать непосредственно того, что он мыслит и чувствует, но по его мимике, по его речи и движениям мы делаем заключения о его субъективных состояниях, которые нам известны по нашим собственным, привычным, обыкновённым субъективным состояниям. Таким образом, в обыденной жизни каждый невольно является психологом старой школы, т.е. понимает другого и наблюдает за ним только субъективным методом, т.е. переводя внешние движения и выражения другого на привычный ему субъективный язык чувств и идей. Так как этот способ понимания других людей каждым практикуется с самого рождения, то весьма естественно родилась иллюзия, вследствие которой кажется, что мы непосредственно сознаем идеи и чувства, т.е. субъективные состояния, других людей. Конечно, это ошибка. Мы непосредственно сознаем только их движения, движения исключительно мышечные, движения мышц лица и глаз, производящие выражения чувства, движения мышц грудной клетки, гортани и рта, производящие звуки речи, и пр. И только за этим переводим эти движения, дошедшие до нашего сознания, в те чувства и идеи, которые ассоциируются с ними. Стало быть, даже и этот способ наблюдения других есть способ отчасти объективный (хотя еще и не физиологический), и если его приходится назвать субъективным, то это потому, что подобное наблюдение ровно ничего не дало бы нам, если бы мы не знали по нашему личному, субъективному опыту постоянной связи между нашими собственными субъективными состояниями и их мышечным выражением.

Таким образом:

- 1) С самого начала человек знал (хотя и не отчетливо-сознательно), что каждое чувство и движение его и других людей имеет связь с мышечными движениями.
- 2) Он из этого всегда заключал, что мышечные движения (или выражения, речь и пр.) других суть лишь отражения их психических внутренних состояний, так что последние он может узнавать по первым.
- 3) Затем он узнал научно, что кроме мышечных движений в его организме происходит масса процессов физико-химически-механических, соответствующих каждому его субъективному, психическому движению. Эти более тонкие процессы часто неуловимы извне и простым глазом, без

помощи сложных научных исследований и утонченных научных аппаратов.

- 4) Он отсюда естественно заключил первоначально, как и во втором случае, что эти физиологические процессы суть только *выражения* субъективных состояний, как и мышечные сокращения, т.е. что хотя они и находятся в связи с психическими явлениями, но составляют нечто отдельное и только *вызываются* ими, как сокращение мышцы только *вызывается* психическим состоянием.
- 5) Увидев более тесную связь между физиологическими, т.е. физико-химически-механическими процессами организма и процессами психическими, он пришел к выводу — о котором мы уже упомянули, — имеющему до сих пор характер гипотезы, что и те и другие процессы не отдельные, как отделен психический процесс и соответствующее ему мышечное сокращение, а что они одно и то же, только рассматриваемое с двух противоположных сторон. Это особенно наглядно выразил Тэн, сказав, что субъективную и объективную сторону психических явлений можно сравнить с одной и той же плоскостью, рассматриваемой с двух сторон.

Подтвердится ли эта гипотеза, или новые исследования покажут ее несоответствие с новыми фактами, этот вопрос решительно не имеет пока научного значения, а есть вопрос пока метафизический. Важно не это, а то, что доказано, т.е. связь и соотношение между объективными и субъективными процессами. Раз эта тесная связь установлена, для науки открывается новое широкое поле исследования, помимо всяких метафизических гипотез о тождестве или не тождестве субъективного и объективного процесса. Принимая пока как доказанный факт только неоспоримую связь и зависимость этих процессов, новейшая психология устанавливает эту связь, где это возможно, опытным и научно-гипотетическим путем, а затем работает дальше, прямо уже объективным методом, т.е. исследуя объективную сторону процесса. Это развязывает ей руки, так как этим путем она может идти вполне научно и опытно. Этим же путем удалось открыть уже в области психических явлений тот самый великий закон эволюции или развития, который первоначально был открыт в развитии внешних форм или типов животного царства, а затем распространяется и на все области челове-

ческого знания. Открытие его в области психических явлений, принадлежащее, бесспорно, Герберту Спенсеру, внесло громадный переворот во все науки, тесно связанные с психологией. Уже плодом этого переворота явились «Данные науки о нравственности» Спенсера, распространяющие этот закон на явления нравственной области, а затем целый ряд социологических исследований, как самого Спенсера, так и других эволюционистов, перенесших закон эволюции на явления общественные.

Общественные явления, так же как и психологические, имеют сторону объективную и субъективную: сторона субъективная есть сторона, выражающаяся общественными и вообще историческими стремлениями, идеями, чувствами, идеалами. К этому числу необходимо отнести все чисто субъективные создания человеческого творчества, имеющие общественный, а не личный только характер, каковы: метафизика, религия, искусства, и в том числе самая идея прогресса как вера в постоянное *улучшение* физического, умственного, нравственного и общественного положения человека — улучшение, сообразное с идеалами, имеющими более или менее общее распространение. Объективная сторона общественных явлений так же двойственна, как и объективная сторона психических явлений. Как в психических явлениях первая ступень объективного выражения есть мимика, так и в общественных явлениях первая ступень есть выражение речью, мимикой и письменностью. Это первый простейший способ, которым мы узнаем о существовании субъективного процесса в обществе и человечестве. Но есть и дальнейшая ступень. Как в психических явлениях каждому субъективному состоянию соответствуют процессы физико-химически-механические, так в общественных явлениях *должно* существовать такое же соответствие. Как в психологии истинный прогресс науки начался с момента отыскания таких главнейших соответствий и затем с возникшей отсюда возможности продолжать исследование законов субъективных явлений путем исследования законов объективных явлений, так и в социологии истинный прогресс науки начался лишь с того момента, когда исследование с чисто субъективной почвы перенесено было и на объективные процессы, с приложением к исследованию данных, уже открытых науками физико-химически-механическими и биологическими.

Например, прогресс в области общественных явлений замечался давно. Можно сказать, что здесь не биология помогла социологии, а, наоборот, изучение общественных явлений, их развивающейся, прогрессивной смены дало мысль биологам и естествоиспытателям, что тот же закон развития совершается в природе. Однако та постановка закона развития, какую мы видели прежде в общественных науках, а в частности в истории и в философии истории, была вовсе не та, какую ее сделали теперь работы Спенсера, Мэна, Бетжгота, и массы других эволюционистов в области языка, религии, эстетики и пр., и пр. Прежде эволюционисты-историки, или социологи, или философы-историки шли исключительно субъективным путем исследования, т.е. тем самым путем, каким мы идем в наших обыденных отношениях к отдельным людям. Они изучали *антропологические выражения* субъективных процессов, совершавшихся в человечестве, как они сохранились в сказаниях, летописях, памятниках литературы, религии и права, переводили эти выражения на субъективный язык своих современных чувств, идей и понятий, и этим путем каждый, с своей точки зрения, старался проследить и указать постепенное развитие в человечестве своих собственных заветных идей, чувств и стремлений.

Для поклонника свободы эволюция человечества оказывалась эволюцией свободы, для христианина она казалась постепенным подготовлением и торжеством христианской идеи, для демократа — постепенным выступлением вперед народных масс, для мирного социалиста — постепенным наступлением экономического равенства; кроме того, поклонники постепенного развития видели в ней постепенное развитие дорогих им идей и форм; более страстные и нетерпеливые поклонники быстрых взрывов и катаклизмов видели в ней, наоборот, успехи или прогресс достижимыми только путем таких катаклизмов, обязанных личной человеческой энергии и успехам: для одних умственным, для других — успехам развития чувств, для третьих — религий... Таким образом, сколько было умов, столько же было и эволюций человечества. Многообразная масса фактов давала каждому возможность извлечь доводы в пользу своего любимого верования или чаяния. Люди, смотревшие на мир пессимистически, как, например, Шопенгауэр, Гартман, имели возможность из тех же фактов сделать совсем противоположные выводы о постепенном

торжестве зла, насилий и страдания, т.е. имели возможность доказывать, что не только человечество не испытывает прогресса, но оно идет назад, т.е. путем регресса. Наконец, были и такие мыслители, которые говорили, что прогресс совершается кругообразно, что человечество, как белка в колесе, бежит сперва вперед, а потом возвращается назад и к тому же месту. Находились и более снисходительные, которые полагали, что это круговращение напоминает не круг, а спираль, которая хотя приближается каждый раз снова к прежнему месту или точке исхода, но уж каждый последующий круг шире, полнее.

Из этого читатель, к удивлению своему, заметит, что человечество передумало относительно своей истории решительно все, что можно было передумать, руководясь самой пламенной фантазией. И каждая из этих противоположных гипотез имела своих горячих поклонников и последователей. Мы еще не упомянули о целом ряде других воззрений вроде, например, таких, что, по одним, история есть развивающаяся идея, по другим — она осуществляющееся божество, по третьим — механический процесс, по четвертым — разумное развитие, совершаемое коллективной мыслью, по пятым — ее ведет демон, злобный и враждебный жизни, по шестым — вселюбящий, всеблагий Бог, по седьмым — Бог строгий и карающий, по восьмым... но и этого довольно.

Спрашиваем читателя, могла ли такая история или социология назваться наукой? Не была ли она делом исключительно субъективного творчества, смелых полетов фантазии, управлявшихся чувством, характером, настроением, идеалом или предрассудком тех, которые являются творцами?

Это был период чисто метафизического состояния истории и общественной науки вообще — период, когда законы не открывались путем исследования, а изобретались путем подбора фактов к господствующим чувствам, идеалам, настроениям или предрассудкам.

Как все науки пережили этот период, так и науке общественной пришлось его пережить. Но в области других наук этот период прошел скорее. Природа не вселяет в нас таких страстей, в силу которых факты могли бы извращаться в наших глазах или одни факты могли бы предпочитаться, а другие наоборот, смотря по владеющей нами страсти. Если в области исследования природы и были «партии», т.е. люди, враждующие из-за того,

а не иного понимания природы, то они были лишь до тех пор, пока наука, т.е. опытное исследование природы, и метафизика, т.е. вопросы о сущности природы и ее сил, о Боге природы и пр., были нераздельны: тогда, естественно, то или иное толкование явления встречало или покровительство, или отпор, смотря по тому, согласовалось ли оно или противоречило метафизическим и религиозным воззрениям партии. Но науки о природе скоро ушли от такого состояния: они отделились от метафизики, поставив в свое основание два-три положения или несколько наглядных фактов без всякого их метафизического толкования.

Взяв этот багаж, науки о природе двинулись далее путем кропотливого наблюдения связи и последовательности явлений, не заботясь об их метафизической сущности и дальнейших вопросах и выводах, которые из этого последуют для метафизики: они отбросили вопросы о конечных причинах, об общемировых законах, а стали открывать частные законы связи и последовательности явлений. Работа закипела и уже не встречала себе препятствий ни в чьем предубеждении, ибо с наукой в этом состоянии могли ужиться рядом всякие метафизики и всевозможные религии. Исключение составляли лишь отдельные случаи, когда какая-нибудь новая научная гипотеза или теория, вроде теории Галилея или Дарвина, противоречили или установившимся научным теориям, или метафизическим и религиозным представлениям о природе. Но и тут скоро наступало примирение. К новой теории привыкали, или она сама подлаживалась в своих конечных выводах к господствующим традициям и метафизике, или же она совершала частный переворот в умах — и наука шла дальше.

Не то было с общественной наукой, даже после того, когда, увидев свою ошибку, она захотела идти новым методом, методом научным, захотела, отрешившись от конечных, метафизических вопросов о целях человечества, о его грядущем и пр. или от своих предвзятых идей и идеалов, как традиционных, так и метафизических, идти путем исследования фактов и явлений — хотя бы в их обыкновенном антропологическом выражении, — отыскивая лишь связь и последовательность между ними, исследуя, иными словами, условия явлений.

Здесь в наблюдение явлений, даже по поводу каждого частного вопроса, вмешивается субъективное состояние наблюда-

теля, его чувство, его страсть, его симпатии или антипатии, его предубеждение как члена партии, сословия, учреждения. Значит, здесь даже каждый частный вопрос постоянно стоит на метафизической почве личного субъективного творчества или подбора фактов, руководимого идеалом, желанием, настроением. Таким образом, с первого взгляда наука общественных явлений невозможна, а придется ограничиться лишь общественной метафизикой. Многие так и порешили. Есть и в нашей русской литературе нечто вроде школы социологов (если их так можно назвать), которые прямо отрицают возможность объективной общественной науки, или по меньшей мере истории, и называют себя субъективистами. Из ее рядов немало было сделано полемических выстрелов, например в Спенсера, с целью доказать во-первых, что и он, несмотря на свой видимый объективизм, субъективен и даже буржуазен, а во-вторых, с целью подорвать некоторые из его выводов и положений. Однако нам кажется, что эта школа сбита с толку некоторым недоразумением. Один из наиболее глубоких ее представителей, автор «Исторических писем»¹, отделяет историю от социологии следующим образом.

Он говорит, что, например, Бокль «открыл не законы истории, а лишь с помощью истории устанавливал некоторые законы социологии». Что же такое законы социологии и в чем их отличие от законов истории? Законы социологии, по этому автору, суть определения, «при пособии исторического элемента действуют на развитие общества вообще и как всегда будут действовать, если повторится это преобладание». «Но это не законы истории, как понимали их Вико, Боссюэ, Гегель, Конт, Бюшэ, — продолжает автор, — история представляет процесс, в котором требуется определить последовательную связь явлений, *один лишь раз* представляющихся историку в *данной* совокупности в каждый данный момент процесса. Закон же исторической последовательности в ее целом (?) еще не найден». Итак, допускает ли автор возможность отыскания социологических законов? Очевидно допускает — иначе он не называл бы законов, указанным Боклем, социологическими, но в отличие от исторических. Затем, что же он называет законами истории, «как их понимали Вико, Боссюэ, Гегель, Конт, Бюшэ»? «Последовательную связь

¹ Лааров П. Л. Исторические письма. С.-Петербург, 1870. С. 13—29.

явлений, один раз представляющихся историку в данной совокупности», или «закон исторической последовательности в его целом»? Этого почтенный автор не объясняет нигде. Он приступает прямо к указанию того, что естествознание имеет объективный критерий для отделения важных явлений от неважных, тогда как история его не имеет. Для естествоиспытателя, говорит он, «более важным является то, что повторяется в неизменной связи». *Исторические* же факты не повторяются, а потому и объективного критерия их важности не существует, ибо если мы, например, критерием такой важности возьмем количество людей, охватываемых событием, то окажется, что для нас вовсе не это важно в истории. Война китайцев с японцами кажется для нас менее важной, чем какое-либо столкновение Швейцарии с Габсбургами, и т.д.»

«Если Спенсер думает, что он открыл объективную сторону прогресса в переходе от простого к сложному, то, по мнению автора, это только заблуждение, ибо если бы оказалось, что такой процесс ведет к тому, что каждый человек станет говорить на особом языке, то сам Спенсер не назовет этого прогрессом. Если он назвал этот процесс прогрессом, то потому, что заметил предварительное совпадение с этим процессом дифференциации того развития, какое ему кажется наилучшим и прогрессивным. Итак, всякая формула прогресса является всегда субъективной или выводом из субъективной формулы, определяемой нашими идеалами, вкусами и пр.»

Разберемся во всем этом довольно смутном сцеплении идей, которое для многих служит до сих пор катехизисом.

История, если ее понимать как ряд фактов не повторяющихся, конечно, имеет право на существование, если такой историей будет интересоваться человечество. Но что такое значит «факты истории не повторяются»? Это значит только, что не повторяются факты во всей их *детальной сложности*. Так, во второй раз не повторится Александр Македонский со всей окружающей его обстановкой. Но, спрашивается, какой же естественнонаучный факт повторится когда-либо со всей его сложной обстановкой? Возьмем падение тела: если я его наблюдаю сегодня и завтра, то уже его обстановка не та, потому что состояние погоды, температуры, барометрического давления, ветра едва ли может повториться в один и тот же час, минуту

и секунду в известном месте два раза. В чем-нибудь да будет изменение. Не говоря уже про другую обстановку, не могущую прямо влиять на падение. Но как же освобождается естествоиспытатель от этих, так сказать, индивидуальностей факта; он их или игнорирует, или, в свою очередь, подводит под общий закон. Могут сказать, что в истории все дело, наоборот, в этой индивидуальности факта — что, теряя индивидуальность, Александр Македонский становится типом, а не явлением неповторяющимся. Пусть так. И пусть все чисто индивидуальные, неповторяющиеся особенности явления так же дороги человечеству, как и то, что в них общего, типичного; пусть, наконец, эти чисто индивидуальные особенности составят предмет особой научной области, которую мы называем историей, хотя вернее ее назвать описательной историей, в отличие от истории в более широком смысле, т.е. от такой истории, которая путем совокупности наших общих знаний: социологических, психологических и естественнонаучных — будет стараться уяснить нам условия и причины каждого такого отдельного индивидуального явления и их взаимной связи между собою. Но вот ведь и все, что останется в истории, раз мы ее определим как науку об индивидуальных неповторяющихся явлениях. Самое явление прогресса не будет уже поэтому принадлежать к области истории, ибо прогресс есть понятие, относящееся ко всей цепи исторических явлений; в нем нет уже ничего индивидуального, неповторяющегося, и он прямо отойдет в область социологии. Поясним это еще.

По определению автора «Исторических писем», история имеет дело с неповторяющимися, так сказать, индивидуальными явлениями. Прогресс есть общий закон для всего человечества *во времени*, а стало быть, он, как известная совокупность признаков, отличающих прогресс вообще, должен так или иначе повторяться в цепи индивидуальных или неповторяющихся явлений. Он именно есть, между прочим, то, что связывает собою в одно целое индивидуальные явления, — он то, что в них есть общего. Но то, что в явлениях есть *общего*, может принадлежать, по определению самого автора, исследованию естественнонаучному, т.е. такому, где критерием важности явления может служить повторение его в неизменной связи с другими явлениями. Еще иными словами: в исторических событиях есть

элемент неповторяющийся, индивидуальный, составляющий предмет собственно истории, и есть элемент, общий всем явлениям истории — прогресс, т.е. элемент повторяющийся и, стало быть, не подлежащий истории, а подлежащий естествознанию или социологии. Т.е. если он подлежит социологии, то ввиду того, что социология, очевидно, относится автором к естествознанию, именно этим и отличаясь от истории, автор на основании собственного же определения должен признать, что определение прогресса возможно по естественноисторическому, т.е. научному методу, методу объективному, а не субъективному, т.е. по методу отделения важных фактов от неважных в силу их повторяемости в неизменной связи.

Ошибка автора, очевидно, состояла в том, что он упустил из виду двойственность событий истории. Факты истории, конечно, неповторяемы в их сложной индивидуальности, но в каждом таком сложном факте, кроме этого, есть элементы, которые повторяются. Нам могут возразить, что стадии прогресса также не повторяются, ибо вчерашняя стадия прогресса не есть нынешняя. Это совершенно справедливо, и отдельные стадии прогресса могут и должны быть предметом истории прогресса. Но и в этих стадиях должны быть элементы двух сортов: во-первых, элементы, отличающие одну стадию от другой, и, во-вторых, элементы, позволяющие нам утверждать, что эти стадии суть именно стадии прогресса, т.е. элементы, общие всякой стадии прогресса, а стало быть, повторяющиеся, т.е. не подлежащие истории, а подлежащие социологии. Таков, например, элемент дифференциации, или перехода от простого к сложному, открытый Спенсером.

Если таким образом мы отнесем к истории определение условий возникновения каждой отдельной статьи прогресса, то и в таком случае общий закон прогресса, а стало быть, и истории в ее целом, не будет предметом истории, а будет предметом социологии, т.е. естественнонаучного исследования. Возьмем сравнение. История есть как бы биография одного, единого существа, человечества. В этом смысле отдельные фазисы его развития вполне индивидуальны, ибо нет другого человечества. Они и не могут повториться во всей своей индивидуальности, как не повторяются факты биографии одного и того же человека. Но, во-первых, уже между отдельными фазисами

биографии одного и того же человека есть, кроме различий, и сходства. Эти сходства вносятся общим характером этого человека, выясняющимся в отдельных фактах, а этот общий характер определяет и общий характер развития этого человека; этот общий характер развития и будет закон прогресса этого человека. Конечно, если взять изолированного человека и не сравнивать его ни с кем другим, то и об отличительных особенностях его характера говорить невозможно, ибо различение возможно только путем *сравнения*; поэтому-то и кажется, что и при исследовании человечества в его целом нельзя говорить об отличительных особенностях его прогресса. Но это вовсе не значит, что нельзя говорить вообще о его прогрессе и о законе этого прогресса из сравнения отдельных стадий его в том, что в них есть общего.

И во-вторых, человечество разбивается на отдельные группы или общества. Если прогресс всего человечества в целом не подлежит сравнению с прогрессом другого человечества, потому что другого нет, то история отдельных обществ не имеет уже и такой оговорки. Здесь возможно такое же сравнение и такое же нахождение общего и повторяющегося в отдельных историях, как и в изучении развития отдельных организмов естественными науками. А определив закон развития нескольких обществ, мы его вправе распространить, с оговорками, на все общества, как физиолог распространяет свое изучение законов развития десятков и сотен организмов на все организмы. Таким образом, и здесь возможен естественнонаучный объективный критерий. Наконец, закон прогресса человечества, если этот прогресс не имеет себе ничего близко подобного, может быть сравниваем с отдаленным подобием прогресса в других областях природы. Тут-то и подвертывается человечеству сперва мысль об аналогии или сходстве общественных процессов с биологическими и даже космическими (Керри) явлениями природы, а затем и гипотеза, тождественная с вышеуказанной психологической гипотезой, относительно кореллятивности физико-химически-механических и биологических процессов с субъективными процессами общества. Но в оценку этого воззрения мы войдем далее.

Таким образом, закон человеческого прогресса, представляющий автору «Исторических писем» стоящим в исключи-

тельном положении, оказывается с этой точки зрения в самом обыкновенном положении всех естественнонаучных вопросов. Впрочем, этого и следовало ожидать, ибо если мы можем изучать совершенно научно общества пчел, муравьев, законы эволюции *всего* животного царства, которое также *одно*, то нет причин делать исключения для естественнонаучного изучения прогресса человечества.

Возникает, однако, другое, более крупное возражение. То, что может при таком объективном изучении социальных явлений и прогресса показаться важным, может быть вовсе не важным с субъективной точки зрения, т.е. для человечества, а в этом-то и вопрос, говорят многие. Исследуя прогресс с субъективной точки зрения, мы отыскиваем в истории человечества условия, создавшие тот прогресс, который *нам* нужен и важен, а исследуя развитие человечества с объективной точки зрения, мы можем открыть такие законы, которые никому не нужны. В первом случае мы делаем *открытия* действительно полезные и важные для человечества; мы узнаем, что именно содействовало важному для нас прогрессу, а через это мы отыскиваем орудия, которыми следует добиваться и в грядущем подобных же результатов.

Ввиду этого положения и самая объективная социология, если бы она была даже возможна (а ее возможность, как видели и еще увидим, отрицается), представляла бы бесполезную и ненужную трату времени, тогда как социология субъективная, т.е. ставящая себе идеал и исследующая явления с точки зрения этого идеала, ведет нас прямым и быстрым путем к знанию условий прогресса.

С первого взгляда кажется, что ничего не может быть проще и вернее этих положений. Тем более что они, по-видимому, совершенно совпадают с утверждаемой некоторыми невозможностью отрешиться при исследовании общественных явлений от страстных, субъективных и партиозных точек зрения. Когда Герберт Спенсер в своей книге «Об изучении социологии» пытается отрешить исследователя социологии от субъективных и партиозных точек зрения, то субъективистам это представляется каким-то невероятным сальто-мортале, а один наш русский критик заметил даже, что Спенсер хочет перепрыгнуть через свою собственную голову.

Таким образом, перед нами два возражения: 1) невозможность отрешиться от субъективной точки зрения, 2) бесполезность и даже злобредность такого отрешения в социологических исследованиях.

Мысль человеческая имеет замечательное свойство, замеченное еще и Гегелем, ударяться в крайности и только затем, исчерпав эти крайности, отыскивать между ними примирение, в котором по большей части и оказывается истина. Мы видели, что с психологией происходила та же история. Она сперва держалась чисто субъективного метода, затем ей пришлось обратиться почти исключительно к объективному методу, к методу аналогий, неизменных механических законов общества, причем совершенно игнорировался субъект и его влияние на жизнь и среду при известном обратном влиянии на него среды. Теперь социологию ожидает неизбежно примирение этих двух крайностей. В этом примирении только и может лежать полная истина.

То есть социология была прежде исключительно субъективной наукой, как и прежняя психология, затем она ударилась в противоположную сторону. Теперь уже намечается возможность и необходимость примирения этих крайностей. По нашему мнению, истина лежит и здесь только в таком примирении ввиду следующих соображений.

Хотя с первого взгляда кажется, что субъективный метод скорее ведет к цели изучения условий прогресса, нужного для нас, однако факты доказывают противное. Как мы видели, относясь к явлениям истории с чисто субъективной точки зрения, можно одинаково хорошо доказать какой угодно исход для человечества. Ясно, что это доказывает. Это доказывает, что каждый субъективист, ставящий свой идеал критерием для исследования условий прогресса, всегда найдет такие условия, и всякий другой исследователь, с другим идеалом, найдет свои. В конце концов, где же критерий того, что они не ошибаются? Где критерий того, что, выхватывая из сложной исторической массы нужные им факты, они не игнорировали при этом таких фактов, которые в корне изменяют их вывод? Когда естествоиспытатель исследует явления, у него есть критерий важности явлений, это их постоянно повторяющаяся связь. У субъективиста есть один только критерий — его идеал, а потому

он может отбросить весьма существенные явления и условия, имеющие решающее значение в вопросе. От этого-то мы и видим, что в практической области субъективисты почти всегда попадают впросак.

Они, задавшись идеалом, видят его прогресс то в развитии разума, то в развитии науки, то в развитии исключительно одних чувств, то в религиозном процессе, положительном или отрицательном, то в общественных катаклизмах и насильственных переворотах, то еще в чем-нибудь. Одним словом, тут открывается широкое поле для решений, не основанных на строгом изучении фактов в их бесконечной сложности, а основанных на чисто гипотетическом или рациональном умозаключении, выводимом из тех или других человеческих свойств. А раз такое гипотетическое решение найдено, стоит лишь подыскать в истории ряд фактов — и исследование готово. Возьмем пример: Ж.-Ж. Руссо под влиянием недовольства окружающей средой, стеснительными формами быта создал себе идеал общественного строя чисто отрицательным путем, т.е. отбрасывая одни за другими ненавистные формы, он пришел к идеалу почти первобытного человека. Из этого идеала путем чисто отвлеченных силлогизмов он дошел до учения о природном человеке, а затем до соответственного представления о человеке таком, каким ему хотелось его видеть. Сообразно с этим явилась чисто гипотетическая постройка и человеческого прогресса, и его условий. Обращаясь затем к истории, ему уж ничего не стоило подыскать факты — и теория была готова, а из теории возникало общественное искусство. При столкновении с действительностью должно было получиться и получилось следующее: хотя в людях и в условиях прогресса и были, быть может, некоторые элементы, взятые Руссо, а именно были субъективные элементы, т.е. стремления, одушевлявшие большинство людей в эпоху Руссо, но, однако, целое было гораздо сложнее, и целая масса самых существенных условий была упущена из виду. В конце концов и теория, и искусство, как и всякая метафизика, овладевши временно умами (почему — это мы сейчас объясним), потерпели полное фиаско и отошли в область красивой, но бесплодной поэзии.

Овладели же они временно умами потому, что их создала та же самая потребность, какая была и в массе, и тот же недоста-

ток метода, тот же недостаток исследования. Толпа этими свойствами, общими с автором, была подготовлена именно к таким идеям, а не к другим, а страстное напряжение ее нужд и потребностей, давно наболевших, усилило популярность теории, обещающей быстрое и легкое спасение.

Еще лучший пример мы видим на теориях мистических социалистов Германии в XVI веке. Мюнцер понял, что в его воззрениях на историю был громадный пробел знания условий прогресса (насколько эти условия лежат и в человеческой дряблости, своекорыстии, эгоизме), лишь перед последней битвой, решившей его участь в 1525 г.

Мы достаточно видим, таким образом, что если субъективный метод в социологии имеет, по-видимому, свои достоинства, он имеет и свои громадные недостатки. Его достоинства в том, что он действительно направляет исследования на вопросы, самые дорогие человечеству, а его удобство заключается в том, что им может пользоваться почти каждый без предварительного труда, серьезного и кропотливого изучения. Можно, не выходя из кабинета и не прикасаясь ни к одной книжке, построить идеал, развить гипотетические последствия из гипотетически же созданного отвлеченного человека, нацепить на это несколько фактов и цифр — и социология готова. От этого социологи-субъективисты всегда находят массу почитателей и обожателей, ибо масса строит именно так свои социологические теории и утопии. Но, однако, не масса простонародная. Социологи-субъективисты имеют популярность среди *массы* так называемой интеллигентной, поверхностно образованной, оторванной от жизни и страстно возбужденной всякими невзгодами и лишениями. Решения субъективистов скоры, просты, легко усваиваются и обещают скорое исцеление. Но если такие решения и имеют в этом смысле свою относительную цену, если они и приятны для своих избирателей, давая им быструю и легкую популярность, они, в смысле историческом, дают всегда больше вреда, чем пользы, хотя, очевидно, обрушиваться на них с нравственной точки зрения невозможно, ибо эти теории, эти системы чаще всего просто рефлексы наболевшей страсти, вызванные условиями жизни. Живется плохо, ум ищет выхода, находит, по-видимому, самый ближайший и идет. Если перед ним и перед теми, кто

идет за ним, оказываются пропасти, разве можно их обвинять строго? Конечно, если бы они могли мыслить иначе, они первые не захотели бы мыслить так, чтобы это привело их к пропасти. Если они не мыслили так, значит, не могли.

Но можно ли на этом успокаиваться? Конечно, нет. Человечество заблуждается, но оно и сознает свои ошибки, умеет и исправлять их. Для этого одним из средств служит опыт, а другим — живое слово. Как бы ни было естественно стремление к субъективному методу в социологии, необходимо употреблять все силы, чтобы убедить возможно большее количество людей не идти этим методом. Как бы ни было медленно распространение такого убеждения, но оно будет постепенно делать свое дело, внося все в больший круг людей стремления к положительным социологическим знаниям.

Теперь остается решить вопрос, поставленный у нас первым: каким образом возможно и возможно ли вообще отрешиться от тех субъективных настроений, чувств и предубеждений, которые мы выставили вначале как препятствие к освобождению социологии из области метафизики, т.е. субъективного творчества?

А главное, насколько это полезно и как устранить тот вред от такого устранения, который, как показано выше, видят в объективной социологии субъективисты. Мы уже упомянули, что Спенсер, прежде чем приступить к своему сочинению «Основания социологии», издал книгу «Об изучении социологии», где со свойственной ему простотой и ясностью старается подготовить читателя к объективному социологическому методу. Для этого лучшим средством он нашел постепенное перечисление и разбор тех страстных чувств, настроений и предубеждений, с которыми различные касты, сословия, профессии и вообще различные типы людей смотрят на общественные явления. Эту-то попытку один из русских критиков и нашел стремлением перескочить через свою голову. Однако едва ли можно согласиться с таким взглядом. Как бы человечество ни было косно в своих страстях, традиционных чувствах и предрассудках, Спенсер более чем кто-либо имел это в виду. В той же книге «Об изучении социологии» он говорит, что люди даже в обыденной жизни ленятся шевельнуть лишний раз мыслью, чтобы устроить свою жизнь лучше: так,

он указывает, что даже какие-нибудь каминные щипцы, аптечные склянки, кресла устраиваются по раз заведенному образцу, крайне неудобному: из аптечной склянки вы никогда не накапаете должного числа капель, не испачкав себе рук; из каминных щипцов скользят угли; устройство спинки кресла не соответствует гигиеническим требованиям положения корпуса и пр., и пр. Между тем, весьма небольшого усилия мысли требовалось бы для устранения этих недостатков, но, увы, человечество даже в таких мелочах предпочитает лучше терпеть неудобство, чем сделать новый шаг. Чего же ожидать от явлений, требующих более важных усилий мысли и энергии действия? Замечательно, что тот же упомянутый нами критик посмеялся над этой тирадой Спенсера, совершенно не поняв ее цели и приняв ее за брюзжанье на житейские мелочи пресыщенного богатого буржуа. А между тем из этих же слов он мог бы понять, что Спенсер не надеется на быстрое и окончательное рассеяние препятствий к здоровому изучению социологии. Он делает, однако, все что может, чтобы их рассеять, а мы знаем, что многие человеческие предрассудки, гораздо более прочные, рассеиваются при свете критической мысли и науки. Разве не труднее было отрешиться от понятия, создаваемого даже непосредственным представлением, что земля вращается вокруг солнца? А между тем никто не назовет этого «скаканием через собственную голову», хотя к этому факту подобный эпитет скорее мог бы быть приложен, ибо здесь мы должны убеждать себя прямо против непосредственной очевидности. И таких примеров можно привести не один. А если даже такие предубеждения в силах разрушить наука и критика, то предрассудки общественные она и подавно может разрушить. Масса почитателей у самого Спенсера во всех странах света нам служит лучшим доказательством.

Но самое главное состоит в том, что объективистам помогает отрешиться от субъективных настроений самый их метод, и вот тут-то уясняется особенное значение объективного метода в более тесном смысле, метода сходств или аналогий, метода сопоставления биологических и физико-химических процессов, метода средних чисел и пр., и пр. В самом деле, какую пользу принес социологии столько раз проклятый субъективистами метод аналогий? Несмотря на полнейшую несостоятель-

ность этого метода, если им действуют без посредства других методов и без поправок, мы должны, однако, сказать, что только аналогии обязана современная социология тем, что она увидела жизнь. Аналогия ей помогла отрешиться от субъективности. Аналогия позволила ей открыть в массе запутанных социальных явлений некоторые обобщения, остов или скелет общих законов, помимо субъективных увлечений. Это было уже великим шагом вперед. С этого момента и началось, собственно, объективное исследование, и оно пойдет все дальше. Аналогия была первым критерием, чуждым субъективности и пристрастного отношения к фактам. То же значение должны иметь и всякие другие объективные приемы.

Но, однако, не вредно ли такое подавление в себе чувств и предубеждений? Спенсер, в первой главе своей книги «Развитие политических учреждений», говорит, что он не только не отвергает необходимости субъективного метода или, вернее, субъективного отношения к явлениям, но даже признает его необходимым; надо лишь знать, когда его уместно употреблять. Мы можем задаваться различными целями при исследовании общественных явлений, говорит он; или мы хотим оценить значение этих явлений относительно человеческого блага и счастья, или же мы желаем только исследовать условия происхождения и развития явлений, т.е., говоря иначе, их законы. В первом случае нравственный критерий и субъективная оценка необходимы, во втором случае они прямо вредят точности исследования и наблюдения. Это до такой степени ясно и просто, что едва ли можно что бы то ни было возразить против этого. Спенсера, за его объективный метод, старались представить чуть не извергом, стремящимся в своих исследованиях игнорировать людские чувства и страдания, подавлять в себе естественное негодование против порока и пр., и пр. Но он этого никогда не проповедовал как условия всяких социологических исследований. Наоборот, когда дело касается оценки явлений по отношению их к человеческому благу, тогда он признает полноправие субъективного метода. Он устраняет его только при исследовании законов связи явлений. И в самом деле, только благодаря этому уменью и возможности отрешиться от своих естественных чувств мы в силах понять, например, относительную благодетельность рабства, сменившего людоедство

или избивание пленных и т.д. Это несколько не должно мешать при оценке тех же явлений с нравственной точки зрения в современном состоянии человечества. Но только первым путем мы можем понять значение явлений во всей его сложности, а судя о современных нам формах общества, можем сказать уже с уверенностью, насколько те или другие из них соответствуют современным потребностям человечества. Кроме идеала, как у субъективистов, у нас является и положительный критерий значения многих из этих форм при *известных* условиях, а это вносит уже совсем иную точку зрения на все общественные явления, точку зрения относительной оценки каждого явления, а не оценки абсолютной. Последняя оценка является в высшей степени ошибочной, ибо с точки зрения абсолютной может казаться вредным то, что при данных условиях в высшей степени полезно и необходимо, и, наоборот, то, что с абсолютной точки зрения может казаться прекрасным, при известных условиях может быть никуда не годно.

Таким образом, например, у Спенсера мы видим уже примерение субъективных требований от социологии и объективного метода. Достиг он этого более или менее точным разделением областей, подлежащих ведению того и другого приема исследований.

В его «Развитии политических учреждений» мы видим наглядный пример применения этого метода. Задавшись целью исследовать развитие существующих политических учреждений, Спенсер прежде всего постарался освободиться от тех чувств, симпатий или антипатий, которые могли только мешать его покойному и точному наблюдению условий развития этих учреждений. Кроме этого предварительного самообуздания, ему на помощь явилась биологическая аналогия трех первичных элементов политической структуры с тремя элементами живой клетки, состоящей из оболочки, содержимого и ядра. Кроме аналогии, его ум направлялся заранее открытым, объективным законом развития, а именно — законом дифференциации. Три таких руководителя были его ариадниной нитью среди лабиринта исторических фактов. Результаты у вас перед глазами. Шаг за шагом он прослеживает условия явлений, не боясь замечать и выставлять такие связи и соотношения, против которых могло бы протестовать его чувство.

От этого мы и получаем действительное *исследование*, а не субъективную фантазию, продиктованную страстью или заблуждением. Мы получаем знание, а знание есть сила.

Еще одна черта, на которую мы должны обратить особенное внимание, отличает субъективное исследование от объективного. Мы уже видели, что в психологии, с открытием связи объективного процесса с субъективным, явилась возможность сосредоточиться на объективном процессе, и таким образом представилось для психологии широкое поле обширного опытного исследования. В социологии опыт немислим, или, по крайней мере, если он и возможен, то в самых ничтожных размерах. Опыт заменяется здесь наблюдением и наблюдением не столько текущих явлений, сколько явлений прошедших, но записанных в истории человечества, а также исследованием нравов, обычаев, форм жизни и пр., и пр. И вот здесь-то нам особенно уясняется значение громадной разницы между субъективными и объективными исследованиями.

Возьмем пример: субъективист находит в обществе *моду*. Для него в ее основании лежит совокупность наличных чувств субъекта, которые он наблюдает в своих знакомых, в себе самом и проч. Исследуя причины или условия происхождения моды, он и в древности будет искать только тех явлений, которые имели ту же субъективную подкладку, т.е. те же чувства, как и современная мода, и в конце концов разразится против нее гневом. Объективисту сперва нет дела до чувств; он исследует генезис объективных проявлений, руководясь чисто объективными критериями. Потом он может для пополнения исследования прибегнуть к синтезу и перевести объективные проявления на чувства. Он знает, что субъективный процесс иногда совсем не точно выражает действительные объективные побуждения. Так, чувство озноба или жара не всегда доказывает, что снаружи холодно или тепло. С этим критерием он идет уже совсем иным путем, чем объективист.

Вернемся к моде.

Итак, социолог-объективист начинает с исследования объективных условий происхождения и развития моды. Он указывает на тот ряд первобытных условий жизни, который ее породил, он указывает, что в числе этих условий было, например, стремление к равенству и что развитие моды имело немалую

связь с развитием более нормальных отношений между общественными классами. Вывод, конечно, совершенно неожиданный для субъективиста, но заметьте, что такое исследование не мешает примирить и первый, и второй вывод. Несмотря на значение моды в прежнее время, она может быть вредна теперь и пр., и пр. К нравственной проповеди субъективиста прибавляется положительное знание открытых объективистом чувств, мотивов и условий, породивших моду, а этим делается уже сила для борьбы с модой тому, кто бы хотел задаться такой целью. Таким образом, ясно, что в то время как субъективизм служит в социологии лишь общим средством оценки явлений относительно нашего блага и счастья, объективная социология, указывая законы и условия этих явлений, дает средства и орудия для воздействия на явления в целях нашего счастья.

Как в отдельном организме, так и в целом обществе субъективное состояние не всегда точно передает объективный процесс. Так, субъективное чувство, заставляющее модничать, не может еще сказать нам обо всех тех условиях, которые обусловили моду. Это может открыть только объективное исследование. У отдельного человека горло может болеть и от простой простуды, и от жабы, и от дифтерита, и от скарлатины, и от крупы. Субъективно будет все одно и то же — горловая боль. Врач должен прибегнуть к объективному исследованию, чтобы узнать болезнь, а чтобы понять ее причины, например причины дифтерита, ему приходится иногда рыться с микроскопом, посещать статистические архивы и пр., и пр., т.е. производить чисто объективные исследования. Так же и в обществе. Одни и те же чувства, одни и те же стремления могут вызываться сотнями и тысячами различных объективных причин, и, чтобы удовлетворить им, надо знать эти объективные причины, а также причины и условия этих причин. Но даже и в области оценки явлений относительно нашего блага и счастья субъективный метод односторонен. Он дает только абсолютную оценку, а относительную оценку дает даже и здесь только объективный метод.

Ничего этого не дает субъективный метод. Он может только сострадать, негодовать, вопиять, страстно настраивать или повергать в отчаяние, возбуждать энергию или подавлять ее. Средство, орудия, знания для борьбы с недугом, точное опре-

деление недуга и его условий дает только объективное исследование. Отрицать объективную социологию и уповать на одну субъективную значит отрицать научные орудия и полагаться на допотопные. Объективная социология не уничтожает высоких стремлений, как железные дороги не уничтожают желаний отправиться на богомолье или на свидание с дальними друзьями. Железные дороги суть лишь научное орудие передвижения, доставляющее к цели скорее и дешевле, чем первобытное; хотя тому, кто страстно хочет увидеть своих близких, и может захотеться в первую минуту бежать или даже лететь к ним.

Субъективный метод в социологических исследованиях есть такой же рефлекс, как и желание бежать или лететь за тысячу верст, вместо того чтобы проехать до станции железной дороги и сесть на поезд. В последнем случае, т.е. когда вы садитесь на поезд, является синтез вашего субъективного стремления и научного орудия в виде железной дороги. Научная объективная социология сама по себе так же бесстрашна, как поезд железной дороги, но она, как и всякая наука, есть в то же время могучая сила. Каждый из нас подавляет свой рефлекс, заставляющий его бежать немедленно на свидание за тысячу верст, зная, что по железной дороге доедешь скорее. Так же точно каждый, кто сознает необходимость объективной социологии, сумеет сдержать в себе субъективные порывы к немедленному решению всех общественных вопросов, и направится по более верному, научному пути.

Конечно, эти истины не уничтожат еще субъективистов-социологов, как железные дороги не прекратили путешествий пешком на богомолье из усердия, как они не прекратили и вообще путешествий пешком для всех тех, у кого нет средств ехать по железной дороге. Народ еще долго останется субъективистом, помогая себе житейским опытом. Останутся субъективистами еще долго все чересчур возбужденные партии, особенно в периоды страстных настроений.

Заслуги Спенсера и его социологических работ видны из этого очерка яснее, чем если бы мы даже стали специально говорить только о них. Поэтому можно кончить.

Л. Оболенский

Обрядовые учреждения

Печатаю перевод нового сочинения Герберта Спенсера, мы считаем нужным познакомить читателя в изложении с предыдущей работой этого замечательного мыслителя. Эта предыдущая работа пояснит и дополнит многое в его теперешнем труде.

Прежде чем явилось правительство, в том смысле, в каком мы понимаем его теперь, отношения людей в обществе регулировались разного рода и вида обычаями, обрядностями. Этот вид контроля над поведением можно поэтому считать одним из первобытных зачатков правительственного элемента в обществе. Что ограничение лица, вытекающее из обычая, нравов и т.п. контроля, предшествует религиозным и политическим ограничениям, доказывается уж тем одним, что этот род отношений существует даже у животных. У них есть известные приемы умиловления, подчинения, выражающиеся в соответственных движениях. У дикарей, не знающих никакого правительства, кроме вождя на время войны, как, например, у тасманийцев, имеются определенные правила для выражения мира или вражды. Расспросы, поздравления, соблезнования, которыми обмениваются арауканцы при встрече, столь выработаны, что на исполнение этой формальности требуется не менее 10 или 15 минут. В то же время ограничения этого рода самые распространенные. Каждый из нас постоянно соблюдает в общественных отношениях с людьми сумму формальностей, нарушить которые почти никто не решится открыто.

Другим доказательством того, что обрядовые учреждения предшествовали всяким другим, служит интересный факт, который можно наблюдать до сих пор в странах застоя, как, например, в Китае: «несоблюдение *форм обращения*, предписываемых относительно каждого особого класса чиновников, *считается равносильным отрицанию их власти*». То же мы видим и во многих переходных стадиях государственного развития, как, например, в Европе в Средние века. Теперь на островах Тонга, хотя еще не имеется ни твердо установленного закона, ни прочного контроля со стороны власти, но внешние знаки почтения к власти считаются до того обязательными, что нарушение их есть преступление. Столь же строго карается нарушение

религиозных церемоний. Так, на Сандвичевых островах в день праздника Табу (буквально: «посвященный богам») всякий, произведший какой-нибудь шум, подвергается смертной казни. Источник религиозных церемоний лежит первоначально в умилоствлении умершего предка, в воспоминании о нем и его приказаниях, в покаянии, если их не исполняют. Египтяне и евреи до Моисея видели тоже наибольшую важность в соблюдении обрядов умилоствления; количество быков, принесенных Рамзесом в жертву отцу его Аммону, служит основанием для Рамзеса просить отца помочь в битве.

По мнению Кюнена, «величайшая и важнейшая заслуга» Моисея заключается в том, что он дал в религии преобладание нравственному элементу. «В религии, преобразованной Моисеем, Иегова отличается от других богов тем, что он желает, дабы ему служили не только посредством жертв и празднеств, но также, или, скорее, *главным образом* посредством соблюдения его нравственных заповедей». В христианстве религиозно-нравственный элемент вначале развивался даже в ущерб обрядовому, но когда потом христианство разрослось всюду, то нравственный его элемент в средневековой Европе до того был сужен, что, например, в правилах св. Бенедикта к нравственным и общим обязанностям братии относятся девять, а к обрядам — 13. Что даже невольное несоблюдение обряда считалось преступлением, видно из правил св. Колумбина, которые назначают 10—20-дневное наказание тому, у кого вследствие расстройства желудка или болезни будет выкинута невольно просфора, и до 12 ударов плети за непроизнесение вовремя амен, за разговор во время еды и т.п.

Если мы теперь припомним, что с дальнейшим развитием религии обрядовая форма утрачивает свое значение, уступая нравственному элементу, как, например, в европейском протестантизме, то мы поймем, что преобладание обрядности характеризует религию на ее низшей ступени, т.е. и здесь обряды являются предшествующим началом. Если, как мы видели, христианство в Средние века временно ушло в обрядность, то это надо приписать влиянию языческой обрядности и вообще низкому развитию той среды, в которую попала высшая религиозная идея.

Мы видим, что подобно тому, как в зоологии общие признаки нескольких близких типов надо считать более древними,

чем те признаки, которые их различают, потому что эти последние, т.е. различия, должны образоваться позднее, — так же точно и в общественных формах: обрядовый контроль мы находим и в политических, и в религиозных формах, значит, как *общий* элемент он должен быть древнее и религиозного, и политического контроля. Это различие должно было образоваться впоследствии. Это доказывается и тем, что *формы* выражения почтительности, подчиненности, вообще умилоствления почти всегда более или менее одинаковы по отношению как божества, так и светской власти, и частных лиц или родителей: например, у нас снятие шапки, падение ниц и т.п.

Но откуда явились эти формы? Обыкновенно думают, что они были выдуманы сознательно. Но это мнение так же ошибочно и вытекает из того же заблуждения, из которого вытекает мнение, что первобытные дикари имели сознательный общественный договор, сознательно выдумали символы, составляющие язык и буквы азбуки. Это мнение есть плод ошибочного перенесения цивилизованных развитых идей в неразвитую среду. Если мы выдумываем знаки для стенографии по своему произволу — мы полагаем, что и первобытный человек следовал по тому же пути.

Исследуя различные формы и символы отношений, как, например, поцелуй, аплодисменты и т.п., Спенсер полагает, что они вовсе не были выдуманы искусственно, а явились сперва естественным выражением или рефлекса, или эмоциональных движений. Так, поцелуй появился из *обнюхивания*, которое и до сих пор практикуется среди многих народов, как знающих, так и не знающих поцелуя (у монголов, у племен читтагонга, у бурмезов, эскимосов, новозеландцев). Обнюхивание же и лизание было результатом развитого обоняния и вкусовых ощущений: оно постоянно практикуется животными. Аплодисменты представляют рефлекс, который можно постоянно наблюдать в естественном состоянии у детей, которые, чувствуя радость, делают «ладушки». Обычай носить зеленые ветви в знак мира вызван, вероятно, необходимостью показать неприятелю, приближаясь к нему издали, что в руках нет оружия, и т.п. Только впоследствии, когда причина, породившая обычай, забылась, они сделались *символами*, знаками.

Спенсер утверждает, что обрядовое правительство имело и во многих местах имеет до сих пор свою организацию, но мы

ее мало замечаем, потому что в наиболее цивилизованных государствах она отошла на задний план, уступив место организации политической и религиозной. Лица, заведовавшие обрядами, выражавшими политическую субординацию, занимали первоначально второе место после управлявших религиозными обрядами, но тем не менее они были совершенно однородны с жрецами религиозными. Это объясняется тем, что первоначально люди почти не разделяли живого политического владыку от мертвого, которому они поклонялись как богу. Те же самые обряды, благоговение и церемонии совершались и совершаются до сих пор во многих странах и тому и другому. У многих народов и теперь простой смертный приговор с владыкой не иначе как при посредстве других лиц, совершенно подобных в этом случае жрецам, передающим молитвы Богу.

В иных местах за один взгляд на монарха следовала смерть и т.д. При многих властителях у диких народов имеются постоянные ораторы и даже целые хоры, поющие им гимны и восхваления. В недавнее время в Англии герольды, говорившие от имени короля, надевали короны, королевские одежды и говорили о себе «мы»; до какой степени имело силу это правительство обрядов, видно из того, что одно время в Англии нельзя было похоронить дворянина без согласия герольда. Почему умилостивление живых политических владык постепенно вырождалось, а умерших, наоборот, развивалось, Спенсер объясняет тем, что живой владыка, хотя и имел своих представителей в разных пунктах страны, тем не менее был локализован, тогда как после смерти страх перед его привидением-двойником распространялся по всей стране и потребность умилостивления умножала повсюду жрецов религиозного характера, служащих посредниками между народом и духом умершего. С развитием политической жизни герольды, эти жрецы светской власти, исполняли роль судей над преступлениями, совершаемыми между дворянами (Франция); в Англии они до 1688 г. посещали и ведали те дела, которые теперь перешли к судам, в том числе записи рождений, браков, смерти дворян.

Мы видим, таким образом, что обряды предшествуют закону и правительствам, что они вырастают из личного (индивидуального) поведения ранее, чем создаются общественные порядки, контролирующие это поведение. С появлением политиче-

ского вождя он сперва сам является своим церемониймейстером, а затем это отправление его дифференцируется в особую организацию чиновников, заведующих политическими церемониями, которая затем мало-помалу вырождается с развитием организаций, усиливающих гражданские законы и провозглашающих нравственные правила. Прежде этот класс чиновников был вполне сходен с тем, который руководил делами умиловителения усопших и божественных правителей и был одним из важнейших элементов общественного строения.

Перейдем теперь к частным проявлениям обрядового правительствa и начнем с происхождения трофеев. Они, собственно, не относятся прямо к обрядам, но тесно связаны с другим классом явлений, понимание которого невозможно без их обозрения. Трофеи возникли из потребности иметь наглядные доказательства своей храбрости и военных подвигов. Когда человечество было обставлено постоянной нуждой в кровавой борьбе с окружающими, то наглядное доказательство храбрости и силы в военном деле, естественно, должно было служить источником страха для окружающих и до известной степени ограждало личность храбреца и, кроме того, возвышая его в глазах своего племени, давало ему некоторые преимущества; например, у мундруков обладание десятью черепами неприятелей дает человеку право быть избранным в вожди, и т.п. В более развитых обществах, где уже установилась власть, обилие воинственных трофеев служило точно тем же целям: оно устрашало врагов, как, например, пирамиды и башни из голов, воздвигнутые Тимуром в Багдаде и Алеппо; с другой стороны, оно внушало самим подданным владыки большой ужас перед его особой, окруженной такими трофеями. Так, например, опочивальня драгомейского короля вымощена черепами соседних вождей и князей с той целью, чтобы король мог попирать их ногами. Так как очевидно, что подобные трофеи составляют естественное выражение могущества и силы по понятиям окружающей среды, то нет ничего удивительного, что могилы умерших вождей и царей украшались ими, а где не было голов или других членов тела неприятелей, там их рубили у рабов (на Целебесе и у дайнаков). Для того, чтобы эти трофеи было легко носить с собой, а в то же время, чтобы и обмана не могло быть, головы заменялись рукой, правой или левой, челюстями или ртом

врага, и из таких ртов делались браслеты (Южная Америка), из зубов делались ожерелья, волосами покрывали целые щиты и одежды; нос, как вещь довольно поместительная и не допускающая обмана, был всегда в большом ходу. Известно, что Чингисхан наполнил ушами в Польше девять мешков. Черногорцы и до сих пор приносят домой носы убитых турок. При Константине V поднесение кому-либо блюда с носами считалось большой любезностью. Кожа побежденных служила также трофеем, а так как с нею было много возни, то достаточно было иметь кожу с волосами с темени врага для доказательства убийства. И вот откуда развилось скальпирование.

Кроме этой главной причины, трофеи имели еще и другую, побочную: дикари верят, что свойства человека разлиты в нем и даже в его палате в виде особой силы, так что если человек храбр, то, поевши его мяса, можно и самому сделаться храбрым; то же самое бывает, если обладать какой-нибудь частью тела этого лица. Сверх того, они верят, что обладание частью тела дает силу над таким человеком по смерти, в будущей жизни. На этом основании стали предавать смерти жен, лошадей и собак известного лица, так как они должны ему служить в будущей жизни. Мы уже видели, что поднесение трофеев начальнику выражает покорность. Отсюда понятно, почему трофеи стали приносить также и умершим начальникам и, наконец, богам. Не только у дикарей, как, например, хондов, существует такое приношение, но и у греков и римлян трофеи складывались в храмах. Фламандцы, после победы над французами при Куртрэ, сняли сотни шпор с враждебных рыцарей и отдали их в местный храм. У французов и многих других цивилизованных народов трофеи до сих пор хранятся в храмах. Что этот обычай имеет источником старину и язычество, Спенсер доказывает тем, что такие жертвы не имеют отношения к «богу любви и милосердия», но, наоборот, языческие боги-людоеды могли служить источником подобных приношений. В первобытные времена люди не отделяют раба от врага, врага от преступника. Мщение за какую-нибудь обиду распространяется не только на виновного, но и на невинных членов его семьи и даже племени. Теперь это странное понимание вещей осталось только в военных отношениях наций. Этим можно объяснить, что вместо врагов при смерти какого-нибудь вождя приносили в жертву

рабов. Этим же объясняет Спенсер выставление голов и трупов казненных преступников.

Итак, трофеи во всяком случае имели важное значение в человечестве: будучи, как мы сказали, наглядным выражением силы, храбрости и прочих достоинств, они послужили средством для выделения своего рода военной аристократии и закрепления власти; как в наше промышленное время изобилие бриллиантов на дочери или жене банкира свидетельствует о промышленной силе главы семьи, так в то время ожерелье из зубов или украшение из скальпов на жене какого-нибудь героя служило источником уважения, сообразного понятиям того времени. Значение военных трофеев, теряющееся в наше промышленное время, имело связь с другим явлением — изувечением живых людей, к которому мы и перейдем теперь.

Во многих странах существует и теперь обычай, передавая во владение другого лица какой-нибудь предмет, который нельзя вручить в целом составе, например землю, — отдавать в виде символа часть этого предмета. Отсюда понятен и обряд изувечения людей. На о. Фиджи данники, приближаясь к своему владыке, должны были обрезать свои *tobe* (локоны волос, висящие сзади наподобие хвостов). Может казаться, что это просто символическая церемония, придуманная искусственно для выражения подчиненности. Но Спенсер доказывает, наоборот, что обряд этот только со временем обратился в церемонию, выражающую символически подчинение, а первоначально он был вызван потребностью: с одной стороны, отметить чем-либо людей, взятых в рабство, для чего их скальпировали, а с другой стороны, иметь при себе вещественные доказательства своего могущества, для чего скальпы носят при себе вождь. Эти явления мы и теперь видим у чичимеков. В истории евреев мы находим повествование, что когда Наас осадил Иавис и жители согласились ему подчиниться, он предложил им выколоть у каждого один глаз. Одним словом, это было то же, что клеймо или тавро у современных коннозаводчиков.

Понятно, что наложение клейма для отметки рабов и вообще изувечения с целью отметки переживают то время, когда из отнятых членов или частей вожди делали себе трофеи, точно так же, как изувечение с целью иметь трофеи пережило убивание пленных и отрезывание у них таких

трофеев. Изувечение, значит, есть уже прогресс, когда побежденных стали ценить *как рабов* и потому перестали убивать их, а напротив, старались сохранить. Этим же принципом руководилось человечество, смягчая самые изувечения. Так, на некоторых памятниках и теперь можно видеть изображение пленных с отрубленными руками, но это было невыгодно; стали отрубать пальцы, примеры чему видим в «Книге судей». У фиджийцев же находим уже этот обычай поднесения отрубленных пальцев разгневанному владыке — в качестве умиловительного обряда, смягчающего как живых владык, так и умерших. Этот обряд умиловления умерших посредством членоповреждения (отрубания пальца или его части) находим, кроме фиджийцев, у чарруасов, манданов, у дакотов и разных американских племен. Пальцы же приносили в жертву умершему духу, для чего, например, у манданов предварительно произносится речь Великому духу, с поднятым вверх мизинцем, а затем мизинец отрубали. У австралийцев, готтентотов этот обычай практикуется над женщинами. У древних евреев, в Египте и Японии преступники лишались одной или обеих рук; тут, очевидно, не принимались в расчет их полезность как рабов, а потому более ранний и грубый обычай сохранился. В некоторых восточных государствах, а также у некоторых древних племен Центральной Америки отмечали побежденных, отрезая им носы, в других местах — уши и даже губы, что в древней Мексике и у гондурасов служило также формой наказания за ложь, воровство, прелюбодеяние. На Востоке был обычай отмечать рабов, только прокалывая им уши, что интересно сопоставить с обычаем хондов хватать себя за уши в знак покорности и с обычаем бурмезов, которые, все без исключения, прокалывают себе уши, праздную этот день с особой торжественностью. Читателю известно, что у многих народов есть обычай продевать кольцо в нос, а на ассирийских скульптурных памятниках мы видим, что пленники изображены так, как будто их ведут на веревках, привязанных к кольцам, продетым сквозь ноздри¹.

¹ Интересно сопоставить с этими фактами верование нашего народа в целебную силу ношения серьги, а также вообще ношение серег женщинами. Не было ли это теперешнее украшение также символом рабства и подчинения, аналогичным с приведенными выше?

Подобное же смягчение мы видим в замене человеческой челюсти, как такого трофея, который можно взять, только убив врага, трофеем менее зверским, а именно зубами, выбивание которых служит сразу и знаком рабства, и дает их новому обладателю вещественное доказательство победы и власти. Обычай, сохранившийся и у нас, обрезать локоны был прежде видом наиболее безвредного изувечения, причем локоны или вообще волосы приносятся в жертву вождю, например, в древней Британии. С этими изувечениями интересно сравнить также наш давний русский обряд отрезать косу у согрешившей женщины и девушки, а также вырывание ноздрей, наложение клейма и бритье головы у преступников.

У дакотов мужчины бреют головы, оставляя клочок на макушке, совершенно подобный локону скальпов (чуб у наших малороссов?), а евреи делали искусственную плешь на голове, что играло у них роль похоронного обряда. Бритье головы у еврейских женщин, которые и донныне считаются чем-то низшим у мужчины и даже не допускаются в то место храма, где молятся мужчины, указывает, очевидно, на переживание того же обычая — обрезать волосы в знак порабощения. Это даже прямо осталось обычаем на Самоа, где мужчины носят длинные волосы, а женщины короткие — в знак порабощения. То же у тана, лифу, тасманийцев и некоторых других. Во многих местностях России крестьяне выстригают макушку (в Костромской губернии это делают, кажется, только раскольники). Некоторые места у Эврипида показывают ясно, что обрезание волос женщинами совершалось ради умиловления духа какого-нибудь умершего лица или предка, а отсюда понятно, что где предки эти обратились в божество, там обрезание волос превратилось в форму поклонения или жертвы божеству. Это и было у греков, не говоря уже о том, что у них в случае смерти популярного лица, например главнокомандующего, целая армия стригла себе волосы. У евреев и арабов отрезание волос составляло богослужебный обряд. В Перу этот обычай явился в форме вырывания ресниц и бровей и сдувания их с своих пальцев по направлению к идолу, или солнцу, или вообще к предмету, который они хотели почтить, а при входе в храм они просто подносили руки к бровям и затем дули на них. Образчик того, как переродился обычай в церемонию. Итак, когда вы дарили волосы

своей возлюбленной, думали ли вы, что этот обычай выродился из скальпирования? А это происхождение весьма вероятно.

Необходимо еще упомянуть о кастрировании. Перуанцы кастрировали пленных. У фригийцев кастрация юношей служила жертвой богине Аммо (Агдистис). У финикийцев кастрировались жрецы, у готтентотов и австралийцев — дети. Отсюда произошла более мягкая форма того же изувечения — *обрезание*, практикующееся во всех частях света, на Таити, на Тонга, Мадагаскаре, среди африканских и американских народов и т.д. То же и в древности. Спенсер полагает, что вовсе не потребности гигиены произвели этот обычай, как думают некоторые, а именно то, о чем мы уже говорили ранее, т.е. что некогда эти обрезанные части у пленных и убитых, например, в Абиссинии, подносились вождю, как трофей. Это могло перейти затем в отметку для поработанных, оставленных в живых, потом просто в форму умилоствления живого владыки, а затем умерших и, наконец, в жертвоприношение и религиозный, умилоствительный обряд. Это весьма ясно подтверждается тем, что у многих племен, где нет обрезания, хотя они принадлежат к расам, употребляющим его, не было и правительства. Спенсер перечисляет несколько таких племен. Затем этот обычай становится выражением религиозного подчинения. Это подтверждается фактами. Обрезание у евреев было выражением подчинения Иегове, на что указывают многие библейские рассказы. Старый духовный вождь тонга не подвергается обрезанию, тогда как все остальные туземцы подвергаются. Замечательно также, что именно у евреев был обычай из этих же обрезанных частей делать трофей.

Особенно интересен обряд кровопускания, происшедший, вероятно, от обыкновения, имеющегося и теперь у кафров аманонда, лакомиться кровью врага. У евреев, гуннов, турок пускали кровь при похоронах. Известен обычай, бывший еще недавно даже в Европе, — меняться кровью для установления особой взаимной таинственной связи. Отсюда понятен обряд нанесения себе ран и увечий для выражения верноподданничества и печали (гунны на похоронах Атилы, турки на похоронах султана). Македоняне после смерти царя сходились толпой и при помощи игл или булавок вырывали взаимно друг у друга кусочек мяса со лба для умилоствления духа умершего. В иных

местах такие насечки становятся национальными знаками. Весьма вероятно, что отсюда произошла и татуировка, которая, начинаясь с простых надрезов и шрамов без всяких красок, как, например, у жителей Танна, доходит потом до способа украшения и щегольства рисунками, узором, красками.

Весьма важен и интересен по связи с современными формами жизни и отношений обычай «подарков». Спенсер находит, что этот обычай стоит в связи с изувечениями. Как прежде подчинение выражалось поднесением владыке какой-нибудь части своего тела, не имеющей, конечно, никакой ценности, кроме символической, выражающей подчиненность, так в подарках, иногда совершенно бесценных, выражается подчинение, почтение. Но подарки могут быть и ценные, и в таком случае они сразу удовлетворяют и жадность, и властолюбие. Спенсер указывает факты, поясняющие это символическое значение подарков, там, например, где за неимением другого, приносятся в подарок не только волосы, но даже кусочки дерева, соломинки, камешки, из которых иногда образуются целые кучи (приношения богу Пачакамак). Подарки обращаются со временем в обязательные дани и контрибуции, приносимые одновременно или периодически, а затем из них же вырабатываются подати и повинности. Этого мало: обычай принимать подарки от низших влечет другой обычай — часть этих подарков раздаривать обратно своим подчиненным, выказывая тем свою щедрость и прикрепляя к себе сильнее своих приближенных. Множество фактов доказывает, что этот обычай предшествовал тому, что в наше время является как определенная рабочая плата или жалованье. Впрочем, и теперь награда к праздникам и подарки прислуге, а также за различные мелкие услуги «на водку» или «на чаек», указывают на переживание этого обычая.

Но наряду с развитием этого обычая в области политических отношений подданных к владыке он должен был развиваться и в области религиозных отношений. Так как первоначальные религиозные поклонения обращались к духам умерших предков и вождей, то им считалось нужным принести такие же подарки и съестные материалы, как и живым. За исключением того, что потреблялось на жертвоприношения, остальное шло жрецу или жрицам, делившим эти приношения между своими сотрудниками. Тут точно так же мало-помалу

из приношений развилось обязательное содержание религиозных служителей.

Надо еще прибавить один важный факт: многие народы еще и до сего времени не имеют ни малейшего понятия о торговле, и у них можно получить что-либо в обмен только посредством взаимного дарения. Белль, говоря об остяках, снабжавших его в «изобилии рыбой и дичью», замечает: «Дайте им маленькую щепотку табаку и рюмку водки, и они не спросят у вас ничего более, так как они не имеют ни малейшего понятия об употреблении денег».

В глубине далеких губерний России еще недавно трудно было «купить» хлеба или молока: вас просто «угощали», конечно, иногда, быть может, и не ожидая подарка, если вы человек видимо бедный; но в большинстве случаев даже странники и странницы считают своим долгом что-либо подарить за это: образок, крестик и т.п.

Здесь, по-видимому, подарки указывают и на иной источник своего происхождения: на первобытный, безденежный обмен услуг.

Однако следует заметить важный факт: у дикарей, не знавших подчинения, почти не замечается и обычая подарков.

Во всяком случае вероятнее допустить, что обряд подарков возник ранее власти, просто из желания приобрести расположение, почему-либо нужное или интересное. Так что обряд предшествовал и здесь политическому или религиозному контролю. При установлении же этих последних он был сильнее там, где страх, внушаемый владыкой или божеством, был сильнее. Это доказывается даже современными обществами: типы и формы правления, равно как и характер религиозных воззрений на божество, чрезвычайно влияют на объем этого обряда: лучшим доказательством последнего положения может быть сравнение огромного количества церковных пожертвований, например у католиков, с незначительными жертвоприношениями англиканской церкви и еще меньшим числом или полным их отсутствием с давнего времени у квакеров и диссидентов.

Спенсер находит, что даже в среде общественных отношений у современных европейских народов обычай подарков сильнее там, где была более сильная воинственная организация. Так, у немцев подарки друг другу и родственникам очень рас-

пространены, у французов они даже разорительны, а у англичан, наоборот, этот обычай развит очень мало.

Таким образом, подарки, столь услаждающие наше современное сердце, вытекли из желания или задобрить высшего и сильного, или подчинить себе низшего и слабого. Подкупы лиц служащих не были прежде преступными, а считались и теперь считаются в неразвитых обществах естественным способом вознаграждения, так что, например, во многих местах судьи получали подарки или вознаграждение от обеих сторон. Теперь часто нас возмущает обычай угощения крестьянами своих судей, но это, после того, что сказано, является весьма понятным переживанием древнего обычая, когда еще не было понятия об определенном вознаграждении или жалованье должностным лицам.

В тесной связи с подарками стоит обычай *визитов*. Обязательное принесение подарка или дани требовало и обязательно посещение. Затем это посещение обращается уже в самостоятельный обычай, в известную, довольно тяжелую нравственную дань: так, некоторые береговые негры, например иолаффы, являются *ежедневно* на поклон к своим старшинам. В сложном обществе, состоящем из подчиненных одному лицу завоеванных племен, является обряд периодического выражения верноподданнических чувств. Это требуется не одним честолюбием, но и необходимостью удостовериться, не составляет ли вождями покоренных племен заговор и т.п. Такие обязательные обычаи мы видим в Перу, Мексике и мн. др. Наоборот, визит правителя даже важнейшему сановнику, например в Дагосе, считается, как и следовало ожидать, позорным. В империи Великого Могола все придворные должны были под страхом наказания два раза в день являться на поклонение.

В монархической Франции, особенно в XVII в., этот обычай послужил средством удерживать дворянство при дворе и отделить его от народа, способствуя этим устранению возможной непокорности властителем. Как непоявление с визитом, так и удаление от дворов в таких случаях есть знак неповиновения.

Визиты к живым тесно связаны с визитами к умершим. И здесь отправляются первоначально с дарами; в Японии в дни праздников визиты делаются не только важным лицам, но и божествам в их храмах. Японцы верят, что умершие *kamis*,

или боги страны, обязательно посещают в известный месяц живущего *kami*, т.е. микадо, и прислуживают ему невидимо. Посещение кладбищ в Европе, пилигримства, например, столь далекие, как в Палестину, имеют связь с этими обычаями. В основе религиозных визитов лежит, очевидно, верование, что божество присутствует преимущественно в том месте, куда ему приходят поклоняться.

Этот общий обычай, как и предыдущие, спускается постепенно из сферы высших отношений, религиозных и политических, в сферу обыденных отношений между равными. Но и здесь младший должен сделать первый визит старшему, а более важные лица даже вовсе не делают визитов низшим лицам, ожидая их у себя дома (у ваггабитов, персов, унианиемби, у нас в Европе — во многих странах и т.д.). Спенсер замечает, что и здесь обязательность визитов имеет связь с политическими формами. Визиты преобладают в странах сложных, составленных из подчиненных групп и с преобладающей военной организацией.

Наши приветствия имеют подобный же источник: до сих пор во многих странах приветствие выражается падением на землю на спину (у батака) или ниц, т.е. выражением полной отдачи себя в распоряжение другого. В древности являлись к лицу, имеющему власть, связав свои руки, или надев на шею или голову веревку (3-я Кн. Цар. XX, 32, также у перуанцев), или (как у перуанцев же) навалив себе на спину тяжести. Кроме этого, в приветствии должны входить и выражения радости. Припадение к ногам заменилось более сокращенным падением на колени. Эта форма при встрече и разговоре с властителями весьма употребительна во многих местах у дикарей, а также в Китае, где, впрочем, существует восемь поклонов разных оттенков; ее можно встретить и у нас. Эта форма является у многих народов и формой религиозного поклонения.

В Лоанго мы уж видим, что и домашние, например жены частных лиц, не смеют говорить с домохозяином иначе как стоя на коленях. Переход от этой формы мы видим в обычае приближаться к королю или идти за ним не иначе как на четвереньках или ползком (Дагомэ). У дагомейцев колени делаются такими же твердыми, как и пятки.

Из стояния на коленях выродилось обыкновение сгибать колено (у японцев и китайцев); отсюда наше шарканье ногой

и приседания наших бабушек, состоявшие в сгибании ноги в колене и движении ее назад. Наши поклоны, выражающиеся наклоном головы, есть лишь первая ступень той формы, которая на крайней ступени выражается падением ниц.

Обычай складывать вместе две руки во время молитвы, находимый нами еще в Древнем Египте, судя по изображениям, находимым в храмах, объясняется отчасти тем приветственным движением, которое и ныне мы видим у племени конго. Вступая в разговор с высшим лицом, они падают на колени, наклоняют голову и, вытягивая руки к тому лицу, с которым говорят, ударяют ими друг о друга.

Но возможно и другое объяснение. Мы видели, что, являясь к владыке, иные племена связывают себе руки: вытягивание рук со сложенными ладонями могло быть выражением подчинения и согласия дать себе связать руки.

Хлопанье в ладоши вообще, как уже сказано, выражает радость, и члены племени батока, о которых говорилось выше, что они падают на спину, еще катаются по земле и хлопают себя по бедрам в знак удовольствия. Здесь знаки подчинения соединяются с радостью. Хлопанье в ладоши выражает, как сказано, естественный рефлекс радости у детей, но мы его видим как обычай у лоанго, в Дагомэ при приближении к королю. Иногда к этому прибавляются прыжки, пляска и т.п.¹

Обычай целовать руки и ноги в иных местах является просто лизанием рук (Малагази) и ног, быть может, указывающим на происхождение поцелуя. В странах с сильно развитой деспотической властью целуют землю около владыки (Эбоз, Мексика), или следы его и его лошади, или же окружающие предметы (Шоа).

Нужно ли говорить, что и обычай целования и пляски является и в некоторых религиях выражением почтения (Давид, Пипин, поклонение Аполлону).

Посыпание головы песком, землей или пеплом или вообще пачкание себя есть также выражение почтения, происшедшее, вероятно, от земных поклонов и катаний по земле, пачкавших лицо и голову землей. Этот обычай сократился в простое дви-

¹ Один очевидец передавал нам, что в Цетинье, столице Черногории, во время одного праздника по случаю победы народ собрался перед дворцом князя и делал огромные прыжки, выражая свою радость.

жение, имитирующее пачкание или посыпание песком и пылью. Говорят, что в Турции офицеры при появлении начальника, даже сидя на лошади, делают вид, что посыпают себя чем-то.

Но откуда берется наш обычай снимать шляпы при поклоне? У многих племен есть обычай в знак почтения обнажаться, а в Судане женщины, даже дочери, не смеют иначе явиться перед королем, как нагими. В других местах это смягчается обнажением лишь до пояса, или приподыманием края одежды, или ее сдвиганием с одного плеча, или обнажением груди. В источнике лежит все одно и то же, а именно обнажение, происшедшее, вероятно, от обнажения, которому подвергались завоеванные и пленные. Что обычай снимать шляпы связан с обнажением, доказывает совместное существование обоих обычаев в Дагомэ, на Таити и т.п. В связи с этим является и обычай снятия обуви, распространенный во многих странах. Этот обычай существовал еще в 1467 г. во Франции, где пленных привели в одних рубашках, босиком, с открытыми головами. Снятие одежды заменялось во многих местах надеванием грубой и рабской одежды при входе в жилище властителя.

Этот обычай отразился и в религиозных обрядах, например у евреев, надевающих вретиче, снимающих обувь и пр., а также в наших траурных костюмах, которые первоначально были просто грубыми, серыми и дешевыми, т.е. малоцветными, а потом перешли в белые и черные, как наиболее близкие по виду.

Обычай раздиранья одежд, встречающийся в древности, произошел также от обычая обнажения.

Из области отношений религиозных и политических обычаев обнажения головы, ног и т.п. перешел и в частные отношения. Как в Африке обнажение плеча, так в Испании передвижение плаща на плече служит приветствием. Японцы снимают обувь даже при входе в лавку.

Наше пожатие руки происходит, кажется, от обычая, заменившего во многих местах целование рук. Арабы, встречаясь друг с другом, делают вид, что хотят поцеловать руки друг у друга, поднося соединенные руки на высоту груди. Спенсер полагает, что это движение порождено стремлением встретившихся не дать друг другу поцеловать своих рук из вежливости и некоторой борьбы из-за этого, что могло затем обратиться в обычное телодвижение — братья за руки при встрече, потрясая их вверх и вниз.

Думали ли вы когда-нибудь, читатель, что значит слово «челобитчик», употреблявшееся в наших старых судах? Оно произошло от слова «бить челом» (о землю) и выражает на словах то, что делалось, конечно, ранее в действительности. Польское выражение благодарности «upadam do nog» («падаю в ноги») служит другим образцом выражения в словах того, что когда-то было действием. Эти-то слова, эти «формы обращения» к лицам, власть имущим, мы теперь и рассмотрим. Например, подпись под письмами «Ваш покорный слуга», «всегда готовый к услугам» и т.п., даже самое начало писем «Милостивый государь», хотя бы писали к лицу совершенно незнакомому, показывают, как в словах, обращаемых теперь частным лицом к частному лицу, сохранились формы обращения, имевшие место между слугой или рабом и его властителем. В таком же роде сохранились и многие религиозные формы обращения — «твой раб», «отче» и т.п.

Спенсер приводит множество примеров, где и в обыденной речи нельзя было назвать что-либо своим, например свой дом, жену, детей, а говорилось «это твой дом, твоя жена» и проч.; точно так же, говоря о своем сыне, житель Индии назовет его вашим сыном, а себя вашим рабом. В Средние века менее могущественные правители отдавали себя в усыновление более могущественным и отсюда, конечно, добывались названия «сын», выражая этим и свое сыновнее подчинение, которое в старину было громадно.

Все вышеописанные выражения имеют источником сильное политическое военное подчинение, ибо они гораздо менее льстивы и напыщенны или не встречаются вовсе в странах, менее испытывавших его. Спенсер приводит массу примеров, которые мы пропустим, упомянув лишь об особенно курьезных. Как у нас при встрече спрашивают о здоровье, так у Ориноко утром говорят: «Как вас кушали москиты?», а у египтян: «Как вы потели?».

Даже грамматические формы в некоторых странах подчиняются тому почтению, какое люди стараются выразить в языке. В разговоре с важными лицами употребляются особые окончания для их имен (у абипонов) или особые выражения и даже особый язык для разговора с ними (японцы, самоа). В иных странах подданный не смеет называть властителя по имени, а жена не смеет произносить имени мужа (кафры), в таких случаях

ему дают названия вроде «господин жизни», «господин земли» (в Сиаме). Точно так же избегают личных местоимений; так, сиамцы не говорят: «*вы* оказали *мне* услугу», а «господин или доктор (т.е. *вы*) оказал услугу своему нижайшему слуге» и т.п.

Вообще не всякий имеет право употреблять одинаковые местоимения. В Японии каждый класс имеет свое особенное личное местоимение первого лица, (т.е. «Я») и, например, восемь местоимений второго лица: особое для микадо, для детей, женщин и т.д. В старину в Германии с низшими говорили в третьем лице, т.е. называя его не «ты», а «он», т.е. как будто он не присутствовал при разговоре.

Мы не можем здесь не припомнить, что и у нас в России во время крепостного права часто приходилось слышать вместо «позовите» — «позвать», вместо «сделайте» — «сделать!» и т.п., то есть неопределенное наклонение вместо второго лица. И наоборот, о третьем высшем лице, как у нас, так и в Германии, говорят «они», т.е. во множественном числе. Если припомним, что в Англии даже местоимение «ты» вовсе не употребляется, а заменилось всюду «вы», то легко поверить Спенсеру, что и формы обращения имеют связь с формами общества. Между прочим, интересно упомянуть, что в Самоа вождя называют не только во множественном числе, но даже вдвойне, т.е. говорят, например, «*пришли вы оба*» или «идите вы оба» и т.д. У племен, не знавших подчинения, нет и этих церемонных извращений языка и местоимений. В частную жизнь они пришли из высших сфер и отношений. Китаец и к частному лицу обращается с льстивыми и рабскими фразами. Например, желая узнать ваше имя, он скажет: «Могу ли я взять на себя смелость спросить, каково ваше благородное имя и ваша знаменитая фамилия?» А отвечать нужно не иначе как с величайшим унижением, например: «Подлое имя моей бедной фамилии такое-то». «Наибольшее извращение языка и местоимений встречаем в Японии, где хронические войны породили издавна деспотизм, усвоивший истинно божественное обаяние и значение». Наименьшее извращение видим в Англии, стране промышленной, и особенно среди промышленных классов, где обмен услуг и продуктов за плату давно устранил преувеличения прославления и рабские самоунижения.

В связи с формами обращения стоят титулы, которыми люди возвеличивают своих глав, властителей и владельцев и которые-

ми сами главы и владельцы любят украшать себя. Мы не будем, однако, долго останавливаться на этой части человеческих обычаев, имеющих первоначальный источник точно так же в войне и деспотизме, из нее проистекающем. Мы ограничиваемся только приведением титулов бирманского короля, как они записаны корреспондентом английской газеты Daily News:

«Его светлейшее превосходнейшее величество, властелин Ишадана, царь слонов, господин многих белых слонов, владелец золотых и серебряных рудников, копей амбры, рубинов и серпентина, государь империй Тунапаранта и Тамнадина и других великих империй и стран, и всех вождей, носящих зонты, опора религий, монарх — потомок Солнца, владыко жизни, великий, праведный царь, царь царей и обладатель безграничных владений и верховной мудрости...»

Происхождение титулов, по мнению Спенсера, описательное, т.е. оно выражало какое-нибудь свойство или подвиг.

Наряду с титулами идут одежды и знаки отличия. Одежды произошли первоначально, кажется, не столько из потребности защищать себя от непогоды и холода, сколько из потребности поразить своей одеждой, например из звериной шкуры, как трофеем, напоминающим победу над зверем, храбрость и пр. Мы видели ранее, что трофеи служили первоначально для показания силы и могущества; потом они заменяются искусственными моделями трофеев и переходят в украшения и знаки отличия.

Как одежды, так и эти знаки отличия служат для отличия разных классов и подразделений общества, причем во многих странах только известный ранг людей может носить одежды известного цвета и покроя, тогда как другому рангу это строго запрещено.

Разнообразии костюмов и знаков, строго отличающих ранги, увеличивается по мере того, как мы спускаемся от более развитых и менее воинственных наций к более воинственным. Так, в Англии даже военные и моряки носят в обыкновенное время общий штатский костюм. Рабочие, прислуга и вообще отдельные классы не отличаются костюмом друг от друга. Не то уж во Франции, где даже рабочий выдается своей блузой, а горничная — чепчиком. Англичанин уж поражается страстью немца

к чиnam, мундирам и орденам, но от нас, русских, даже немцы приходят в ужас по этому поводу. Наши четырнадцать классов чиновников описываются Спенсером как нечто необычайное. Описывая один званый обед в России, немец д-р Мориц Вагнер говорит: «Более двухсот звезд и крестов красовалось на груди тридцати пяти военных гостей; на платье многих гостей было больше орденов, чем пуговиц». Нужно ли говорить о более отдаленных временах, когда, как, например, при Филиппе Августе, даже длина сапог была строго определена по рангу. Спенсер указывает, что во Франции еще в XVII в. ранг определялся длиной шлейфа: ему, вероятно, неизвестно, что у нас длина шлейфа и траурного вуаля до сих пор определяется для разных рангов, а еще недавно ранг определял число лошадей, каким имел право пользоваться каждый по чину. Однако у нас едва ли доходило до того, чтобы даже моралисты жаловались на «вредное смешение рангов», производимое вычурными костюмами, и чтобы даже женщин десятками сажали в тюрьмы за одежду «не по чину», как было во Франции в XIV, XV и XVI вв.

Однако из этого правила в некоторых, хотя и весьма немногих первобытных обществах существуют исключения. Так, у дакотов и у абипонов высшие чины отличаются бедностью и даже оборванностью одежд. За этими исключениями, даже раскрашивание хорошими красками и намазывание тела ценными мазями и маслами (первоначально, вероятно, в защиту от насекомых, что практикуется дикарями и теперь, и даже иногда просто при помощи грязи) выражало богатство и силу и стало потом даже обрядом «помазания», на которое имели право лишь исключительные лица. Но, кроме одежды и украшений, для отличия рангов служили и самые жилища. В древней Мексике под страхом смертной казни определялась высота жилищ для обыкновенных смертных. То же и в Дагомэ, в Японии, Бирмании, где определяются даже архитектура и материал постройки по рангам: так, шпицы не дозволяются на частных жилищах, камень и кирпич, золочение, раскрашивание и лакировка дозволяются лишь во дворцах и лишь иногда, как исключение, могут быть разрешены частному лицу.

Как у нас на Руси ранг определял число лошадей, так во многих странах, в Африке, на Мадагаскаре, в Японии, ранг определяет форму и величину носилок и число носильщиков. В Риме

только сенаторы и знатные женщины могли ездить на носилках; в Турции и Сиаме отличаются не носилки, а лодки. Но интереснее всего то, что во многих странах, например на Фиджи (Сомо-Сомо) и Конго, обыкновенные смертные не имеют даже права носить зонтики. От Индии до Абиссинии зонт служит знаком царского достоинства. Число зонтиков и балдахинов, а также их цвет определяются, в свою очередь, рангами (Ява и древняя Америка).

Даже циновки и подушки, покрывала от москитов и разные роды пищи составляют привилегию то монархов, то высших классов, то мужчин, а иногда только взрослых мужчин. Законы о пище по классам существовали в прошлые времена и во всей Европе.

Как у нас тщеславятся белизной и малым размером рук, доказывающими отсутствие ручного труда, так на островах Товарищества, на Суматре, на Фиджи высшие лица, короли, жрецы отличают себя необыкновенно длинными ногтями. Отчасти тот же обычай, с присоединением уродования женских ног, мы видим и в Китае; все это вызвано стремлением показать свое богатство и ненужность личного труда. Подобное этому мы видим в обычае добиваться непомерной тучности. В Индии, Китае, Африке тучность есть признак богатства и весьма уважается. В Парагвае невестка короля была чудом тучности: она не могла стоять иначе, как на четвереньках. Здесь ожирения старались достигнуть даже посредством розог, так как оно составляет «первую и главную обязанность фешенебельной женской жизни». Чем это хуже наших корсетов? Даже болезни, порождаемые роскошью, как, например, подагра или особый струп у полинезийцев, производимый напитком ава-ава, служа признаком богатства и дворянского достоинства, вызывают даже искусственные подражания в простом народе. Замечательно при этом, что стремление к подражанию высшим, строго караемое, легло в основание *моды*. Но так как первоначально подражание строго каралось, то это стремление нашло себе лазейку, и люди стали сперва подражать лишь недостаткам и уродствам важных лиц, находя в этом даже средства их умилостивить. Так у фиджи, когда однажды король, взбираясь по горной тропинке, упал, упали и его придворные, чтобы сделать ему удовольствие. В Африке, у Дарфура, если султан упадет с лошади,

то валяются и приближенные, чтобы показать, что они не лучше его ездят верхом. В 1461 г., когда Филипп Бургундский должен был вследствие болезни стричь свои волосы, он издал эдикт, предписывающий стричься всем дворянам. В 1665 г., когда Людовику XIV сделали операцию фистулы, масса придворных доходила до безумия, желая болеть той же болезнью и подвергнуться операции. Надевание королем темного галстука, чтобы скрыть золотушную шею, тотчас вызывает подражание, которому, конечно, не препятствуют, ибо приятнее, чтобы у всех шеи казались золотушными, и т.д. Но начавшись с этого, мода развивалась уже иным путем, при большем развитии свободы в промышленных обществах промышленные классы и даже прислуга стремятся добыть себе право подражать дворянству, чтобы сгладить внешние черты различия. И действительно, мода является орудием и признаком уничтожения внешних ранговых и классовых различий и уравнивает людей по крайней мере во внешнем отношении. Но это уже победа.

В заключение Спенсер говорит о будущности обрядового правительства. Начавшись ранее религиозного и правительственного контроля, что, как уже сказано, доказывается тем, что многие одинаковые обряды вошли и в ту и в другую область, оно клонится к постепенному ослаблению и даже уничтожению, с развитием промышленного характера обществ. Унизительные обряды и обычаи, выражающие лстливое, лживое и приниженное подобострастие одной стороны, становятся все более и более антипатичны даже тем самым лицам, для которых они назначаются. Уже Гамлет Шекспира досадует, когда перед ним стоят без шляпы и подобострастно льстят и лгут: развитое нравственное чувство уже не выносит в нем лжи и унижения других и само оскорбляется неравенством, а не только не получает от него удовольствия.

Таким образом, развитие более свободных политических форм, развитие высших альтруистических чувств, на место прежнего эго — альтруизма в высших классах и в то же время развитие большего чувства достоинства и самоуважения в массах — все это одновременно клонится к постепенному низложению обрядового правительства и к замене его правовым порядком, господством договора, закона и справедливости.

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

**ГЛАВЫ ИЗ ЧАСТИ V
«ОСНОВАНИЙ СОЦИОЛОГИИ»**

I | ВВЕДЕНИЕ

§ 434. Мысль и чувство не могут быть вполне разделены. Каждое чувствование имеет более или менее ясную идейную основу, и каждая группа идей более или менее носит отпечаток чувствований. Однако существуют большие различия между степенью участия и того и другого в их соединениях. Мы имеем некоторые чувствования, которые смутны благодаря недостатку умственного определения; и есть другие, которым ясный вид дан умственными понятиями, с ними ассоциировавшимися. Иногда наши мысли извращаются чувствами, влияющими на них; в других же случаях трудно отыскать в них след удовольствия или неудовольствия. Совершенно очевидно, что в каждом частном случае эти составные элементы душевного состояния могут изменяться в своих пропорциях. Если идея остается одной и той же, то чувствование, связанное с нею, может быть больше или меньше; известна истина, что точность суждения зависит если не от отсутствия чувствования, то от того равновесия чувствований, которое бы уничтожило избыток какого-нибудь из них.

Эта истина является особенно важной, когда речь идет о вопросах, касающихся человеческой жизни. Есть два пути, которыми можно рассматривать человеческие действия, личные или общественные. Мы можем рассматривать их или как группы явлений, которые подлежат анализу и в законах зависимости которых мы желаем удостовериться, или же мы можем, рассматривая их как производящие удовольствия и страдания, связывать с ними одобрение и неодобрение. Обсуждая их с интеллектуальной точки зрения, мы можем рассматривать поведение как результат известных сил; рассматривая же их с нравственной точки зрения, мы определяем их последствия, в одном случае как хорошие, в другом — как дурные, и замечаем, что они наполняют наше сознание то восхищением, то негодованием. Очевидно, что должна происходить огромная разница в выводах от того, рассматриваем ли мы в одном случае человеческие деяния, как будто бы они были деяниями чуждых существ, относительно которых речь идет только о том, что бы их понять; или же, в другом случае, мы их рассматриваем

как деяния подобных нам созданий, с жизнями которых связаны наши собственные жизни и поведение которых возбуждает в нас — прямо или вследствие симпатии к другим — чувства любви или ненависти.

В сочинении «Об изучении социологии» я описал подробно различные извращения, производимые в человеческом суждении чувствованиями. Выставленные там примеры доказывают, как опасения и надежды приводят нас к ошибочным оценкам; как нетерпение подсказывает несправедливый приговор; как симпатия и антипатия извращают наши верования. Истина, что склонности, привитые воспитанием, и склонности, обусловленные патриотизмом, различным образом колеблют убеждения людей, была подтверждена там многими иллюстрациями. Было указано, что более специальные формы склонностей: сословные, политические, теологические — производят каждая резкое предрасположение к тому или другому взгляду на общественные дела. Теперь позвольте мне сделать особое ударение на выводе, что, совершая наши социологические изыскания, особенно те, в которые мы теперь вступаем, мы должны, насколько это возможно, исключить какие бы то ни было чувства, возбуждаемые перечисленными фактами. Существуют многие группы людей, при обсуждении которых помимо воли возникают то удовольствие, то отвращение, то негодование; но эти чувства необходимо сдерживать.

§ 435. Вместо того, чтобы обойти суеверия первобытного человека, как не имеющие значения, или смотреть на них как на исключительно зловредные, мы должны исследовать, какую роль они играли в общественной эволюции (развитии); мы должны приготовить себя, если это понадобится, к признанию их полезности. Мы видели прежде, что верование, которое побуждает дикаря хоронить вместе с трупами ценности и класть на могилу пищу, имеет естественное происхождение; что умиловительные растения и животных, «поклонение пням и камням» не суть беспричинные неделности; что рабы были приносимы в жертву при погребениях ради идеи, которая казалась разумной необразованному уму. Теперь мы должны рассмотреть, каким путем теория духов действовала в политической области; и, если бы мы нашли основание заключить, что она оказала неоспоримую

помощь общественному развитию, мы должны подготовиться к принятию этого вывода.

Знание о несчастьях, которые в течение бесчисленных веков причинялись антагонизмом (враждой) обществ, не должно отвращать нас от признания всемогущей роли, которую играл этот антагонизм в цивилизации. Содрогание, которое мы должны испытывать от каннибализма (людоедства), бывшего в ранние дни во всем мире последствием войны; ужас, который мы чувствуем при мысли о тех принесениях в жертву пленников, которые, иногда десятками тысяч, следовали за войнами между дикими племенами; негодование, которое нас гнетет, когда мы читаем о пирамидах из голов и белеющих костей избитых народов, оставленных как памятники завоевателем-варваром; ненависть, которую мы чувствуем к воинственному духу, побуждающему даже и теперь среди нас к низким вероломствам и грубым нападениям, — все это, тем не менее, не должно позволять нашим чувствам делать нас слепыми к доказательствам, с которыми мы встретимся, что междуобщественные столкновения подвигали развитие общественных структур.

Кроме того, нерасположение к правительственным формам того или другого рода не должно мешать нам рассмотреть их соответствие с условиями. Хотя бы мы отвергали вульгарную идею о славе и отказывались соединять, как солдаты и школьники, эпитет «великий» с деспотизмом победителя, протестуя против такого деспотизма; хотя бы мы смотрели на принесение в жертву каким-нибудь деспотом собственных и побежденных народов с целью всемирного господства как на гигантское преступление, — мы должны, однако, признать выгоды, иногда возникавшие от объединения обществ, которое достигалось этим путем. Ни кровопролитные избиения подданных, которые совершались по повелению императоров Рима, ни убийства родственников, столь обычные у владык Востока, ни разорение целых наций излишними поборами не должны нас убеждать до такой степени, чтобы воспрепятствовать оценке тех выгод, которые, при некоторых условиях, были результатом безграничной власти владыки (*supreme man*). Воспоминание об орудиях пытки и *oubliettes* (подземные тюрьмы), о страданиях, замурованных в стены, не должно отвращать нашу мысль от очевидности, что отвратительное порабощение слабого

сильным, хотя бы путем бесчестного насилия, было в известное время и в известном месте необходимо.

Точно так же и с другим спутником войны — собственностью человека над человеком. Необходимо удержаться от абсолютного осуждения рабства, даже если мы поверим преданию, повторенному Геродотом, что постройка Большой пирамиды потребовала сотни тысяч рабов, томившихся в течение двадцати лет, или даже если мы сочтем правдой рассказ, будто бы из крестьян, принужденных работать при постройке Петербурга, погибло триста тысяч. Хотя мы и знаем, что не занесенные в историю страдания мужчин и женщин, захваченных в рабство, превышают всякое воображение, мы должны, тем не менее, сохранить наше умственное состояние восприимчивым к тому доказанному факту, что рабство в некоторых случаях имело благодетельные последствия.

Говоря короче, правильное истолкование общественного устройства требует наиболее бесстрастного сознания. Однако чувства не могут и не должны быть исключены из мысли, когда общественные порядки обсуждают иным образом; чувства должны быть устранены тогда, когда эти порядки исследуются как *естественные* явления с целью *понять* их причины и результаты.

§ 436. Это душевное состояние можно поддержать, если не терять из виду той истины, что в человеческих действиях абсолютно дурное может быть относительно хорошим — и абсолютно хорошее может быть относительно дурным.

Хотя становится общим местом, что учреждения, среди которых одна раса процветает, могут не соответствовать другой, однако признание этой истины никоим образом нельзя считать достаточным. Люди, потерявшие веру в «бумажные конституции», тем не менее защищают государственное устройство для низших рас, увлеченные верой, что цивилизованные общественные формы могут с успехом быть наложены на нецивилизованные народы, что учреждения, которые кажутся недостаточными для нас, кажутся и им такими же, что они достигнут блага от учреждений семейных, промышленных и политических — близких к тем, которые мы находим благодетельными. Однако признание той истины, что тип общества определяется

природой составляющих его единиц, вынуждает нас к выводу, что *режим* (управление, правление) действительно самый низший может быть, однако, возможно лучшим при первобытных условиях существования.

Иными словами, не следует смешивать нашего развитого кодекса поведения, имеющего главным своим предметом частные отношения, с неразвитым кодексом поведения, содержащим преимущественно публичные отношения. В настоящее время, когда жизнь главным образом поглощена мирными отношениями между согражданами, нравственные идеи относятся главным образом к действиям людей относительно друг друга; но в ранние эпохи, когда жизнь людей проходила в борьбе с соседними нациями, те нравственные идеи, какие могли существовать, имели предметом почти исключительно междуобщественные отношения — действия людей обсуждались по их прямому влиянию на процветание племени. А так как охранение общества предшествовало охранению индивидуума, будучи условием этого последнего, то мы должны при изучении общественных явлений понимать добро и зло скорее в первобытном смысле, чем в позднейшем, следовательно, рассматривать как относительно хорошее все то, что помогло выживанию общества, как бы ни были при этом велики страдания, выпавшие на долю индивидуума.

§ 437. Прежде чем получим возможность правильно истолковать политическую эволюцию, мы должны значительно расширить одну из наших обыкновенных идей. Слово *дикий* и *цивилизованный* должны употребляться совсем в другом значении, чем это было до сих пор. Общее убеждение, состоящее в том, что обыкновенно приписывают все преимущества людям, составляющим передовые нации, а несовершенства — людям, образующим простые группы, не выдерживает натиска более полных знаний. У грубых народов находятся особенности, выдерживающие сравнение с самыми лучшими особенностями культивированных народов. С небольшими знаниями и зародышевым искусством дикари обладают иногда добродетелями, могущими посрамить тех между нами, чье воспитание и вежливость вполне совершенны.

В Индии существуют остатки некоторых первобытных рас, которые обладают такой нравственностью, что правдивость

кажется органически врожденной у них. Они не только выше в этом отношении соседних индусов, стоящих на более передовой ступени умственного и культурного развития, но они выше и европейцев. Относительно некоторых из этих горных народов замечено, что их слова могут быть принимаемы с совершенным доверием; но можно ли то же сказать о дипломатах, которые обманывают умышленно, или о министрах, делающих ложные сообщения о делах кабинета. Между этими народами можно назвать санталов*, о которых Хантер говорит, что они «самые правдивые из людей, каких он когда-либо встречал»; затем идут суры (Sowrahs, Sourahs), о которых Шорт рассказывает, что «приятная черта их характера заключается в абсолютной правдивости. Они не знают, как сказать неправду». Несмотря на то что отношения полов у тодасов принадлежат к первобытному и низшему типу, даже у них, как описывают, «лживость считается ужаснейшим из всех пороков». Хотя Метц рассказывает, что они практикуют притворство относительно европейцев, но и он признает, что эта черта есть следствие торговли с нами же самими. Это суждение оказывается согласным с тем, которое высказано мне одним гражданским чиновником в Индии относительно других горных племен, так же точно известных своей правдивостью, но которые делаются менее правдивыми от соприкосновения с белыми. Ложь так редка у туземных народов Индии, которых не испортили *цивилизированные*, что Хантер из всех племен Бенгала называет типперов (Tipperas) «единственным племенем, в котором встречается этот порок».

Точно так же, что касается честности, некоторые из племен, относимых к низшим, могут поучить в этом случае вышших. О тодасах, уже упоминавшихся нами, как они ни невежественны и ни развращены, Гаркнесс говорит, что «он никогда не видел народа, цивилизованного или дикого, который имел бы более религиозное почтение к праву на *мое* и *твое*». Мариасы (гонды) «обладают, как и многие другие дикие расы, особенной способностью правдивости и честности». У кондов (Khonds) «отрицание долга есть нарушение этого начала, считающееся величайшим преступлением». Они говорят: «Пусть человек отдает все, что имеет, своим кредиторам». Сантал, который «никогда не подумает взять денег с чужестранца», предпочитает «совсем не заговаривать о расчетах со своим гостем;

но если этот последний сам подымет об этом вопрос, он рассчитывается с ним так честно, как поступил бы с членом собственного племени... он сразу назначает настоящую цену». Лепхи (Lepchas) «удивительно честны; воровство почти неизвестно у них». Бодо и дималы «честны и правдивы в действиях и словах». Полковник Диксон распространяется о «верности, правдивости и честности карнатских туземцев, которые проявляют крайнее и часто поразительное самопожертвование, когда полагаются на их честность». Хантер уверяет о чакмасах (Chakmas), «что преступления редки среди этого первобытного народа... Воровство почти неизвестно*».

То же самое можно сказать о добродетелях, общих как этим племенам, так и некоторым другим диким народам. Санталы «обладают счастливыми наклонностями», они до крайности общественны, «вежливы», но «в то же время тверды и чужды угодливости»; и, хотя «оба пола чрезвычайно стремятся к обществу друг друга», женщины «чрезвычайно целомудренны». Бодо и дималы «исполнены дружелюбия и совсем почти не имеют свойств противоположных». Лепхи (Lepcha) веселы, любезны и терпеливы, «а по словам доктора Гукера (Houker), они прекрасные собеседники». Доктор Кэмпбел сообщает пример того, «какое глубокое влияние имеет чувство долга на этих дикарей». Точно так же из рассказов о некоторых малайо-полинезийских и папуасских обществах и некоторых других можно извлечь примеры, доказывающие существование высших степеней таких свойств, которые мы привыкли связывать лишь с человеческой природой, подвергшейся долговому влиянию дисциплины цивилизованной жизни и давлению высшей религии. Один из последних очевидцев, Альберти, описывает некоторые новогвинейские племена (около острова Юля), которые он посетил, как чрезвычайно честные, «очень добрые и мирные»: после споров, возгоревшихся между деревнями, «они оставались так же дружелюбны, как и до того, и не проявляли никакой злобы». Но W. G. Lawes, комментирующий отчет Альберти, в своем сообщении Colonial Institut'у говорит, что их доброе отношение к белым разрушается дурным обращением с ними белых. Обыкновенная история!

Наоборот, в различных частях света люди, принадлежащие к различным типам, дают основание убеждаться, что срав-

нительно передовые цивилизации, — в смысле организации и культуры — могут, однако, быть чисто варварскими в своих идеях, чувствах и обычаях. Фиджийцы описываются д-ром Пиклерингом как наиболее интеллигентные из народов, не имеющих письменности, но в то же время и самые свирепые. «Характер фиджийцев отличается глубокой злостью и мстительностью». Ложь, предательство, воровство и убийство вовсе не считаются у них преступными действиями, а, наоборот, признаются почетными; детоубийство практикуется в широких размерах; удушение больных вещь самая обыкновенная; иногда они режут на куски совершенно еще живые человеческие жертвы, собираясь их есть. Между тем фиджийцы имеют сложную и заботливо проводимую систему управления, хорошо организованные военные силы, выработанные укрепления, развитое земледелие с переменными полями и орошением; разделение труда замечательно; существует особый распределительный орган, а также начала денежных знаков; наконец, промышленность настолько развита, что строятся лодки, выдерживающие триста человек.

Посмотрим еще на одно африканское общество, Дагомею. Мы находим в нем полную систему сословий, числом шесть; сложные правительственные учреждения с чиновниками, являющимися всегда в двойном числе; армию, разделенную на батальоны, которым делаются смотры и маневры; тюрьмы, полицию и законы против роскоши; земледелие с употреблением удобрения и возделыванием двадцати растений; с городами, окруженными канавами; мосты и дороги с заставами. Однако рядом с этим общественным развитием, сравнительно высшим, существуют факты, которые можно назвать организованными преступлениями. Войны начинаются с целью добыть побольше черепов для украшения царского дворца; умерщвляют сотни подданных, когда умирает король; ежегодно убивают пятьсот человек, отправляя курьерами на тот свет. Они жестоки, кровожадны, лживы и хитры, «как будто самой природой лишены симпатических чувств и признательности, даже относительно членов своего собственного семейства», до того, что «не существует даже наружных выражений чувства между мужем и женой или родителями и детьми». Новый Свет в эпоху своего открытия представлял подобные же явления. Мексиканцы имели город с 180 000 домов, но обожали богов-людоедов, а их

идолов они кормили человеческим мясом, еще теплым и дымящимся, которое проводили к ним в рот; они начинали войны с целью добыть жертвы, которые бы можно было отдать этим богам; они умели строить столь величественные храмы, что десять тысяч человек могли танцевать в их дворах, но они ежегодно приносили в жертву две тысячи пятьсот человек в Мексике и ближайших городах, не говоря уже о том, сколько приносилось в жертву во всей остальной стране. Подобным же образом в многолюдных центральных американских государствах, настолько цивилизованных, что они имеют счетную систему, правильный календарь, книги, географические карты, существовали подобные же обширные жертвоприношения пленников, рабов, детей, сердца которых вырывались и клались еще трепещущие на алтарь, а в других случаях с них живых сдирали кожу, которая служила танцевальным нарядом для жрецов.

Нам не нужно искать в отдаленных областях или у чуждых рас доказательств того, что не существует необходимой связи между общественными типами, носящими название цивилизованных, и высшими чувствами, которые мы обыкновенно соединяем с цивилизацией. Изувечение пленных, изображение которого находим в ассирийской скульптуре, не уступает в зверстве тем, которые мы находим у самых кровожадных из диких рас. Рамзес II, который любил, чтобы его скульптурные изображения на стенах храмов всего Египта представляли его держащим за волосы двенадцать пленников, которым он отрезает головы одним ударом, убил в своих победах больше людей, чем тысячи предводителей дикарей могли бы уничтожить все вместе.

Казни, совершавшиеся краснокожими индейцами над пленными врагами, не более ужасны, чем те, которым наши античные предки подвергали преступников, распиная их на кресте, или мятежников, которых зашивали в свежую шкуру только что убитого животного, или еретиков, которых намазывали горючими материалами и поджигали. Дамары, описываемые такими безжалостными, что они могут смеяться, видя одного из своих, пожираемого диким зверем, не превосходят в этом случае римлян, которые употребляли столько утонченных и трудных приготовлений, чтобы набирать жертв собственного удовольствия, которые убивали массами в амфитеатрах. Если массы

убитых ордами Аттилы не могут сравняться с числом избитых римскими армиями при победе Суллы, и массы иудеев, избитых при Адриане, то это просто потому, что больше убить было уже нельзя. Жестокости Нерона, Галлиена и других можно сравнить разве только с жестокостями Чингисхана и Тамерлана; а когда мы читаем о Каракалле, что после убийства им двадцати тысяч приверженцев убитого брата солдаты требовали, чтобы Сенат поместил его между богами, мы убеждаемся, что свирепость римского народа была не слабее той, которой запятнаны самые кровожадные предводители самых свирепых из дикарей. Не много удалось изменить и самому христианству. Во всей средневековой Европе политические репрессии и религиозные сектантства навлекают на своих основателей утонченно обдуманные пытки, равные, если не более жестокие, чем те, которыми самые свирепые варвары истязали свои жертвы.

Как бы нам ни казалось странным, но следует признать, что усиление человеческих чувств не идет шаг за шагом по следам цивилизации, но что, напротив, первые ступени цивилизации неизбежно обуславливают относительную бесчеловечность. Среди племен первобытных людей самые грубые скорее, чем самые добрые, успевали в той борьбе, которая имела результатом объединение и отвердение обществ; и в течение многих последующих стадий общественной эволюции бессовестные давления на общество извне и жестокие внутренние насилия долгое время были обычными спутниками политического развития. Люди, соперничество которых образовало лучшие организованные общества, были вначале, да и долгое время потом не что иное, как дикари, но более других сильные и хитрые. И даже теперь, если они освобождаются от влияний, которые по наружности видоизменили их поведение, они оказываются немногим лучше. Если мы, с одной стороны, взглянем на племена абсолютно нецивилизованные, как лесные веддахи, которых описывают как «вошедших в притчу по своей правдивости и честности», «благородных и чувствительных», подчиняющихся малейшему выражению желания и очень признательных за всякое внимание и помощь», о которых Придгам замечает: «Сколько уроков благодарности и деликатности можно получить даже от веддаха», — и если, с другой стороны, мы подумаем о наших собственных новейших международных

разбойничьих деяниях, сопровождающихся убийством тысяч индивидуумов, которые не сделали нам никакого зла, сопровождавшихся вероломным нарушением доверия и хладнокровным избиением пленных, мы будем не в силах не признать, что между типами, называемыми цивилизованными и дикими, существует разница вовсе не того рода, как это обыкновенно думают. Некоторое отношение между нравственным характером и общественным типом существует, но оно вовсе не состоит в том, что общественный человек выше человека дообщественного по своим чувствам¹.

¹ На что способен общественный человек, даже принадлежащий к развитой расе, было в очередной раз продемонстрировано, когда эти строки находились в наборе. В оправдание разрушения двух африканских городов в Батанге нам говорят, что их царек, желая основать торговую факторию и будучи разочарован обещанием учреждения лишь второстепенной фактории, взял на бордаж английскую шхуну под командованием помощника капитана г-на Гоувиера, а в ответ на требования его освободить угрожал «отрубить ему голову»: странный способ (если история соответствует действительности) добиться учреждения фактории. Г-н Гоувиер в конце концов совершил побег и во время ареста не подвергался жестокому обращению. Выведя из порта базирования «Королеву воинов» («*Boadicea*») и две канонерки, коммодор Ричардс потребовал от царька явиться к нему на борт и дать объяснения, при этом обещав ему безопасность и угрожая серьезными последствиями в случае отказа. Не поверив обещаниям, тот не пришел. Не удостоверившись у аборигенов, имеются ли у тех причины поднять руку на г-на Гоувиера, коммодор Ричардс обстрелял берег снарядами, сжег город, состоящий из 300 домов, уничтожил урожай, выращенный аборигенами, а также все их каноэ. А затем, не удовлетворившись разрушением города King's Jack, двинулся на юг и сжег город King's Long-Long. Об этих фактах рассказывается в номере «Таймс» от 10 сентября 1880 г. В статье, посвященной этому инциденту, орган английской респектабельности сожалеет, что «детскому уму дикаря наказание могло показаться непропорциональным нанесенному оскорблению», подразумевая, что взрослому уму цивилизованного человека оно таковым не кажется. Затем эта газета правящего класса, который считает, что в отсутствие веры в теологические догмы невозможно отличить добро от зла, замечает, что «если бы над этой историей не висела мрачная тень угрозы жизни [двух наших людей], «весь этот эпизод предстал бы в юмористическом свете». Несомненно, после того как «детский ум дикаря» воспринял «благую весть», принесенную миссионерами «религии любви», есть определенный юмор, надо

§ 438. «Но как же согласовать такой вывод с понятием прогресса? — должен будет спросить читатель. — Что же думать о цивилизации, если, как следует из этого вывода, высшие атрибуты человечества гораздо более свойственны диким народам, живущим изолированными парами в своих лесах, чем членам обширной, прекрасно организованной нации, имеющей чудесно выработанные искусства, обширные и глубокие знания и бесчисленные применения к их благосостоянию?» Ответить на этот вопрос лучше всего аналогией.

Борьба за существование была необходимым средством эволюции, она распространялась во всех областях животного мира. Мы видим, что в соревновании между индивидуумами одного вида выживание более приспособленных благоприятствовало в самом начале дальнейшему происхождению высокого типа; но это — не всё; мы видим еще, что беспрестанная война между видами есть главная причина не только развития, но и организации. Без всемирной борьбы не было бы ни развития, ни орудий для действия. Органы восприятия и передвижения развивались мало-помалу в течение взаимного действия индивидуумов как преследователей и как преследуемых. Члены и органы чувств, улучшаясь, служили для более успешного снабжения внутренностей, а внутренние аппараты служили для лучшего проведения крови, насыщенной воздухом, к членам и органам чувств; между тем на каждой высшей стадии требовалась все высшая и высшая нервная система для того, чтобы было можно сочетать действия более сложной структуры. Среди хищных животных смерть от истощения, а между животными, служащими добычей, — смерть от пожирания привели к уничтожению тех индивидуумов, которые были менее выгодно устроены. Весь прогресс в силе, быстроте, ловкости или уме животных одного класса имел необходимым следствием соответствующий прогресс в другом классе; без усилий, повторяемых бесконечно, чтобы настигнуть добычу или уйти от врага

признать, весьма черный, в демонстрации практики этой религии путем сжигания их домов. Проповедям о христианских добродетелях, звучащим на фоне разрывающихся снарядов, очень подошла бы улыбка Мефистофеля. Возможно, отказываясь подниматься на борт английского корабля, местный царек разделял широко распространенное у негров поверье о том, что дьявол — белый.

под страхом потерять жизнь за неуспех, не было бы прогресса ни у того, ни у другого класса.

Заметим, однако, что если этот безжалостный порядок природы, этого чудовища «с красными от крови когтями и зубами»*, был необходимым условием развития разумной жизни, то из этого вовсе не следует вывод, что этот порядок должен существовать во все времена и у всех существ. Высшая организация, развитая в этой универсальной борьбе и при ее помощи, вовсе не навсегда предназначена необходимо для подобной цели: сила и ум, явившиеся в результате, способны служить для совершенно другого употребления. Наследственное устройство организма полезно не для одной только защиты и нападения, но и для других изменившихся целей, и эти другие изменившиеся цели могут сделаться потом исключительными целями.

Мириады лет борьба развивала силы всех существ низших типов; эти силы, унаследованные высшим типом создания, теперь употребляются ими на бесчисленные цели, совершенно далекие от убийства или от охранения себя от убийства. Зубы и когти этих существ мало служат для борьбы, и их умы лишь в необыкновенных случаях заняты обдумыванием средств к разрушению других существ или к охранению себя от чужой несправедливости.

В общественном организме дело идет подобным же путем. Мы должны признать истину, что борьба за существование между обществами была орудием их развития. Ни первоначальное, ни вторичное соединение малых общественных групп в большие группы, ни организация сложных групп и вдвойне сложных групп, ни сопутственное развитие всех тех орудий более широкой и высшей жизни, которые принесла цивилизация, не были бы возможны без борьбы племен и наций. Общественное сотрудничество началось с объединения для защиты и нападения, а из сотрудничества, начатого таким образом, возникли все роды сотрудничества. Как бы ни казались непонятными ужасы, причинявшиеся всеобщей борьбой, начавшейся хроническими войнами малых групп десять тысяч лет назад и окончившейся обширными сражениями больших наций, мы должны тем не менее допустить, что без них мир был бы населен только людьми слабых типов, прячущихся в пещерах и живущих грубой пищей.

Заметим, однако, что борьба за существование между обществами, бывшая неоспоримым условием эволюции обществ, не будет необходимо играть в грядущем роли, подобной той, какую она играла в прошедшем. Признавая, что мы обязаны войне образованием великих обществ и развитием их устройства, мы можем, однако, заключать, что приобретенные способности, приложенные к иным видам деятельности, утратят свои первоначальные профессии. Хотя мы понимаем, что без этой продолжительной кровавой борьбы обществ не могли бы образоваться цивилизованные общества и что это состояние должно необходимо иметь свое соответствие в приобретенных свойствах человеческого характера, т.е. в свирепости столько же, как и в уме, мы в то же время можем утверждать, что раз такие общества произошли, то грубость природы единиц, их составляющих, обусловленная процессом развития, перестав быть необходимой с прекращением процесса, исчезнет. Между тем как выгоды, приобретенные в течение приготовительного периода, останутся в вечное наследство — страдания, как общественные, так и личные, произведенные этим периодом, уменьшатся и постепенно вымрут.

Таким образом, когда мы рассматриваем строение функции общества с точки зрения эволюции, мы можем сохранить спокойствие духа, необходимое для научного объяснения этих явлений, не теряя в то же время нашей способности к нравственным чувствам похвалы или порицания.

§ 439. К этим предварительным замечаниям о душевном состоянии, которое должно сохранять при изучении политических учреждений, мы должны прибавить другие замечания, более краткие, относительно вопросов, которыми нужно будет заняться. Если бы все общества были одного рода, отличаясь только стадиями роста и структуры, то одно сравнение их между собою обнаружило бы ясно движение их эволюции; но несходство типов между ними, то сильное, то слабое, затемняет результаты таких сравнений.

Кроме того, если бы каждое общество увеличивалось и развивалось без вмешательства новых факторов, то объяснение его эволюции было бы сравнительно легко, но сложные процессы развития паразитально усложняются постоянными

изменениями в сочетании факторов. То вдруг увеличивает-ся или уменьшается объем общественного агрегата вследствие прибавления или потери территории, то средний характер составляющих его единиц окажется изменившимся вследствие введения новой расы в виде ли победителя или побежденного раба; таким образом, новые влияния этих перемен, новые общественные отношения перемешиваются со старыми. Во многих случаях повторяющиеся опустошения одной нации другою, смешение рас и учреждений, растворение и пересложение до такой степени расстраивают последовательность нормальных перемен, что становится крайне трудным, если не невозможным, сделать о них какой-либо вывод.

Еще раз повторяем: перемена в среднем способе жизни общества, то более и более воинственном, то усиливающимся промышленном, есть начало превращений: измененные деятельности порождают изменения в устройстве. Также нужно отличать переустройства прогрессивные, принадлежащие раннему развитию социального типа, от тех, которые произведены начавшимся развитием *иного* социального типа. Черты организации, приспособленные к роду деятельности, которая остановилась или была надолго задержана, начинают сглаживаться и дают место более и более определяющимся чертам, приспособленным к тому роду деятельности, который заменил прежнюю деятельность. Можно впасть в заблуждение, если смешать одно с другим.

Отсюда мы можем предвидеть, что из сложного и запутанного целого могут быть с точностью извлечены только одни самые общие истины. Вполне предвидя возможность установить положительно некоторые общие выводы, мы должны также предвидеть, что более специальные истины могут быть выведены только приблизительно.

Однако, к счастью, мы увидим в конце концов что выводы, которые могут быть установлены положительно, наиболее важны для руководства.

II | ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВООБЩЕ

§ 440. Простое собрание индивидуумов в группу еще не составляет общества. Общество, в социологическом смысле, образуется только тогда, когда кроме *соприкосновения* индивидуумов есть и *кооперация* между ними. Пока члены известной группы не соединяют своих сил для достижения какой-нибудь общей цели или целей, до тех пор связь, соединяющая их вместе, ничтожна. Они тогда только сдерживаются от разъединения, когда потребности и нужды каждого удовлетворяются объединением их усилий с усилиями других лучше, чем это могло бы быть достигнуто каждым в отдельности.

Таким образом, кооперация не может существовать без общества, и в то же время общество существует для нее. Она может быть или соединением многих сил для достижения чего-либо, чего не может достигнуть сила одного человека, или она может быть разделением различных видов деятельности между разными лицами, которые взаимно участвуют в выгодах деятельности друг друга. Мотивом совместного действия, первоначально одним из господствовавших, может быть защита против врагов или же более легкое добывание пищи на охоте или другим образом; или же мотивом могут быть, как это и случается вообще, и защита, и добывание пищи. Во всяком случае, однако, единицы переходят при этом от состояния совершенной независимости к состоянию взаимной зависимости, и по мере того, как это совершается, они начинают объединяться в настоящее так называемое общество.

Но кооперация подразумевает организацию: чтобы действия были соединены целесообразно, должен быть известный порядок, которому они подчиняются в смысле времени, количества и характера.

§ 441. Эта общественная организация, необходимая как средство для согласных действий, бывает двух родов. Хотя оба эти рода обыкновенно существуют вместе и более или менее

взаимно проникают друг друга, но они различны по своему происхождению и природе. Есть кооперация бессознательная (*spontaneus*), развивающаяся без участия мысли во время преследования частных целей; и есть кооперации, придуманные сознательно, предполагающие ясное признание общественных целей. Пути, которыми обе возникают и продолжают относительно друг друга, представляют значительные контрасты.

Всякий раз, как в примитивной группе начинается кооперация, сопровождающаяся обменом услуг, всякий раз, как люди находят свои потребности лучше удовлетворенными от того, что они отдают продукты, которые они могут произвести лучше, в обмен на другие продукты, которые они делают наименее успешно или для производства которых у них нет достаточно хороших условий, — всякий раз возникает род организации, которая в таком случае, как и во всех высших своих стадиях, происходит из стремления удовлетворить *личным* нуждам. Разделение труда в последнее время, равно как и вначале, вырастает из опыта взаимного облегчения жизни. Каждая новая специализация промышленности возникает из стремления лица, начинающего ее, получить выгоду и устанавливается сама, потому что приводит каким-нибудь путем к выгодам других. Таким образом, существует род согласных действий, с развитой и выработанной для этих действий специальной организацией, которая не происходит из обдуманного согласия. Хотя правда и то, что с незначительными подразделениями этой организации мы находим всюду повторяющиеся отношения, с одной стороны, работодателя, с другой — работника, из которых один управляет действиями другого, однако, это отношение, образующееся бессознательным преследованием *частных* целей и продолжающееся по желанию, не совершается с сознательным отчетом о достижении общественных целей: обыкновенно об этом не думают. И хотя для регулирования таковых деятельностей в конце концов образуются посредничества, служащие для приспособления снабжения товарами с их спросом, но такие посредничества совершают это не вследствие прямого стимула или препятствия, но просто вследствие распространяющихся известий, которые служат и стимулом, и препятствием; кроме того, эти посредничества сами возникают не потому, что предвидится такое регулирование,

но ради преследования выгод личных. Такое выработанное разделение труда, при посредстве которого исполняется теперь производство и распределение, возникает столь непредумышленно, что только в новейшее время пришли к пониманию этого факта, развивавшегося во все времена.

С другой стороны, та кооперация, которая объединяет действия людей, имея непосредственно в виду задачи, предполагающие *целое* общество, есть сознательная кооперация и выполняется организацией другого рода, возникающей другим путем. Когда примитивные группы защищали себя от другой группы, их члены действовали вместе под влиянием иных стимулов, чем те, которые определяются чисто личными желаниями. Даже вначале, когда еще не существует никакого контроля главы, есть уже контроль, выполняемый самой группой над своими членами; каждый из них обязан, вследствие общественного мнения (*consensus of opinion*), участвовать в общей защите. Очень скоро воин, признанный лучшим, начинал оказывать на каждого в течение войны влияние, добавочное к тому влиянию, которое оказывало мнение группы; а когда его авторитет устанавливался, он значительно подвигал вперед соединенные действия. Таким образом, с самого начала этот род общественной кооперации есть сознательная кооперация и притом такая, которая не есть вполне дело свободного выбора, она часто очень не в ладу с частными желаниями. Когда организация, начатая таким образом, развивается, мы видим, что на первом месте военное разделение общества обнаруживает в наиболее значительной степени те же самые черты; степени и деления, составляющие армию, кооперируют более и более при посредстве сознательно установленного управления, которое уничтожает индивидуальные воли, или, говоря точнее, индивидуальный мотивированный контроль, заменяя его как бы бессознательными действиями. Во-вторых, мы видим, что через все общество как целое простирается родственная форма организации, родственная настолько, насколько здесь, как и для поддержания военной организации и управляющей ею власти, устанавливаются над гражданами подобные же агенты, принуждающие к труду более или менее значительно, имеющему публичные цели вместо частных. И одновременно развивается дальнейшая организация, также родственная по своему основному принципу,

которая сдерживает личные деятельности таким образом, чтобы общественная безопасность не подвергалась риску от беспорядочных последствий необузданного преследования личных целей. Таким образом, этот род общественной организации отличается от другого тем, что он возникает из сознательного преследования общественных целей, для поддержания которых ограничиваются личные воли, прежде всего соединенными волями целой группы, а потом более определенной волей регулирующего агента, который развивается в группе.

Особенно ясно мы поймем контраст между этими двумя родами организации, когда заметим, что, хотя оба они служат орудиями общественного благосостояния, они действуют обратными путями. Организация, являющаяся нам в разделении труда для промышленных целей, требует соединенного действия; но это соединенное действие прямо стремится и служит средством благосостояния индивидуумов, косвенно — посредством сохранения индивидуумов — служит и благосостоянию общества как целого. Наоборот, хотя тот род организации, который развивается из правительственных и защитительных целей, также требует соединенного действия, но это те соединенные действия, которые прямо стремятся и служат средством для благосостояния общества как целого, а косвенно служат средством для блага индивидуумов, так как охраняют общество. Усилия единиц для самосохранения порождают одну форму организации; усилия самосохранения целого агрегата порождают другую форму организации. В первом случае сознательно преследуются только частные цели, а соответствующая организация, образуемая из этого преследования частных целей, вырастает бессознательно и без принуждения власти. Во втором случае есть сознательное преследование общественных целей, а соответствующая организация, установленная сознательно, действует принуждением.

Из этих двух родов кооперации и структур, связанных с ними, мы здесь займемся только одной. Политической организацией мы называем ту часть общественной организации, которая сознательно исполняет направляющие и сдерживающие функции для общественных целей. Совершенно верно, как уже было замечено и как мы увидим теперь, что эти два рода смешаны различными путями, что каждый из них разветвляется

в другом то более, то менее, согласно со степенью своего преобладания. Но оба существенно различны по происхождению и природе; и в настоящее время мы должны, насколько это возможно, ограничить наше внимание последним.

§ 442. Что кооперация, в которую постепенно входили люди, обеспечивала им выгоды, которые не были обеспечены в то время, когда в своем примитивном состоянии они действовали отдельно, и что политическая организация как необходимое средство такой кооперации была и есть выгодна, мы увидим, сопоставляя состояния людей, неорганизованных политически, с состоянием людей, которые политически организованы в большей или меньшей степени.

Действительно, возможны условия, при которых индивидуальная жизнь столь же хорошо возможна без политических учреждений, как и с ними. Там, где, как в странах, обитаемых эскимосами, мало жителей и они слишком разбросаны, там, где нет войны, быть может, вследствие того, что физические препятствия к ней велики, а мотивы слабы, там, где условия делаются занятия однообразными, так что дают мало простора для разделения труда, — там взаимная зависимость не имеет места, и устройства, которые имеют ее своим следствием, не представляются необходимыми. Признавая эти случаи исключительными, позвольте нам рассмотреть не исключительные.

Индейцы-диггеры (копатели), «в очень малой степени отличающиеся от орангутангов», скитающиеся между городами Сьерра-Невады, прячущиеся в пещерах и питающиеся корнями и змеями, влчат свое несчастное существование в естественном состоянии, среди самой отвратительной, безобразной грязи и отличаются от других подразделений шошонов совершенным отсутствием общественной организации. Подразделения той же расы, обитающие по рекам и долинам — под некоторым, хотя и незначительным, правительственным контролем, ведут более удовлетворительную жизнь. В Южной Америке индейцы чачо, столь же низкого типа, как и диггеры, и подобно им ведущие унижительную и несчастную жизнь, точно так же отличаются от высших и более комфортабельно живущих кругом дикарей, которые ассоциировались. Между племенами бедуинов шерараты живут не похоже на других, так как они разде-

ляются и подразделяются на бесчисленные шайки, не имеющие общего главы; их описывают как самых несчастных из бедуинов. Еще решительнее контраст между некоторыми соседними африканскими народами, как заметил Бэкер. Переходя внезапно, говорит он, от обнаженных, неуправляемых племен — от «самой крайней дикости к полудивилизации», мы приходим в Униоро (Unyoro)* к стране, управляемой «бесстрашным деспотом», назначающим «смерть или пытку» за «самые обыкновенные проступки», но где развилась администрация, заместники, налоги, хорошее одеяние, искусства, земледелие, архитектура. То же самое заметил Кук при открытии Новой Зеландии: наибольшее народонаселение и благосостояние было замечено в областях, подчиненных королю.

Эти последние случаи приводят нас к дальнейшей истине. Не только первая степень политической организации, где индивидуум находится под контролем главы племени, приносит выгоды, происходящие от лучшей кооперации, но эти выгоды возрастают, когда меньшие политические главы становятся подвластными высшему политическому главе. Чтобы представить наглядно те бедствия, которые при этом устраняются, я упомяну факт, что между белучами (в Западном Белуджистане), племена которых, не подчиненные общему главе, находятся в постоянной войне друг с другом, существует обычай строить нечто вроде глиняной крепостцы на каждом поле, где владелец и слуги берегут свои продукты. Это состояние вещей родственно, однако хуже, чем у нагорных кланов, с их крепостями для защиты женщин и домашних животных от набегов соседей в те времена, когда они не были под контролем центральной власти. Выгоды, происходящие от такого широкого контроля, просто ли главы или сложной власти, были поняты древними греками, когда совет амфикионов** установил закон, что «никакое племя, принадлежащее к союзу, не разрушит обиталища другого до основания; и ни от какого из городов союза, в случае осады его, не будет отведена вода». Благо, происходящее от успехов политического устройства, которое объединяет мелкие общины в одну большую, было доказано в нашей стране, когда во время побед римлян остановились беспрестанные взаимные войны между племенами, а затем позднее, когда благородное дворянство, по мере подчинения монархии, было удержано от частных

войн между собою. Ту же истину мы можем видеть и с обратной точки зрения, когда, например, среди анархии, последовавшей за падением Каролингов*, принцы и бароны, возвратив свою независимость, начали деятельную вражду друг с другом: их положение было таково, «что когда они не были на войне, то жили открытым грабежом». История Европы многократно, во многих местах и в разные времена дает совершенно подобные же иллюстрации.

Между тем как политическая организация, распространяясь в массах, увеличивающихся в объеме, прямо помогает благосостоянию, устраняя те препятствия для кооперации, которые возникают от антагонизма личностей и племен, она в то же время помогает этому и косвенным путем. В малых общественных группах ничто не может возникнуть, кроме зародышевого разделения труда. Прежде чем могут умножиться виды продуктов, должны умножиться виды производителей; а прежде чем каждый продукт может быть произведен самым экономическим путем, различные стадии его производства должны распределиться между специальными руками. Ничего этого нет. Ни необходимого сложного сочетания индивидуумов, ни выработанных механических приспособлений, облегчающих мануфактуру, не может возникнуть без обширной общественности, порождающей большой спрос.

§ 443. Но, хотя выгоды, проистекающие из кооперации, предполагают вперед политическую организацию, эта политическая организация влечет необходимо невыгоды, и совершенно возможно, что эти невыгоды превосходят выгоды. Контролирующие органы требуют себе содержания, и налагаемые ими тяжести имеют способность развиваться; и вот несчастья, производимые налогами и тиранией, могут сделаться тяжелее всех предшествующих зол.

Когда, например, на Востоке жадность монархов доводит иногда размер поборов с земледельцев до столь значительной части их продуктов, что потом приходится некоторую долю возвращать на семена, то мы имеем здесь наглядный образчик истины, что орган, поддерживающий порядок, может причинять гораздо большие несчастья, чем те, какие происходят от отсутствия порядка.

Управление Египта при римлянах*, которые местных должностных лиц заменили собственными и которые делали назначения из доходов страны не только на содержание местной администрации, но также для императорского управления, дает такой же пример. Кроме прямых налогов, требовались сборы на пищу и одежду войск или же натуральная постоянная повинность; экстренные сборы постоянно делались с народа для поддержания общественных работ и второстепенных агентов; сами должностные лица были так разоряемы взысканиями, что «они должны были прибегать к позорным занятиям или же делались рабами сильных; подарки, делавшиеся управлению, превратились скоро в вынужденную контрибуцию, и те, которые приобретали себе льготы путем лихоимства, видели к себе презрение, едва только требуемая сумма была от них получена». Еще более заметны бедствия, следовавшие за излишним развитием политической организации в Галлии в течение падения Римской империи.

Так были многочисленны *получатели* сравнительно с плательщиками и так безмерна тяжесть налогов, что земледельцы разорялись, поля обращались в пустыни, и лес вырастал там, где прежде ходил плуг. Было невозможно сосчитать чиновников, падавших как дождь на каждую провинцию и город. Треск плетей и крики пытаемых наполняли воздух. Преданного слугу пытали в качестве свидетеля против его господина, жену допрашивали о муже, сына об отце. Не удовлетворялись податями, взятыми по исчислению одних, они вслед отправляли других, из которых каждый возвышал оценку, чтобы доказать, что он тоже послужил; таким-то образом налоги шли повышаясь. Между тем число скота упало, народ умирал. Тем не менее оставшиеся в живых платили налоги за мертвых.

Как буквально в этом случае выгоды превышались несчастьями, доказывает замечание, что «они менее боялись врагов, чем сборщиков податей: совершенно справедливо, что они бежали к первым, чтобы скрыться от последних. Отсюда едидушный предмет желаний римского населения, это их назначение жить с варварами».

В позднейшее время те же самые уроки повторились в тех же областях. Внутренний мир и его благо были достигнуты в средневековой Франции по мере подчинения феодального дворянства королю, пока центральная власть, вырастая

и укрепляясь, прекращала ту первобытную практику кровавого возмездия, которое переносило мщение на каждого родственника обидчика и сделало «божие перемирие» необходимым для смягчения всеобщей дикости; однако из этого напряжения политической организации возникло в скором времени столь же большое и даже большее зло — увеличение налогов, принудительные займы, беспричинные конфискации, произвольные штрафы, прогрессивное понижение достоинства монеты и всеобщее потрясение правосудия вследствие продажности чиновников: результатами было то, что множество народа умирало от голода, немало кончало самоубийством, между тем как другие бросали пустыми свои жилища и вели жизнь бродяг. И таким-то образом, когда верховный управитель, сделавшись неограниченным, контролировал жизнь общества во всех ее деталях через административную систему, огромную по размерам и разветвлениям, получился тот общий результат, что менее чем в два столетия одни косвенные налоги «возросли на безграничную разницу между 11 и 311 миллионами», приведя к национальному унижению и бедствиям, которые имели своим результатом великую революцию.

Но и настоящее время дает подобные же примеры в разных местах. Путешествие на Нил доказывает каждому наблюдателю, что народу лучше там, где он отдален от центра управления, где административные агенты не могут так легко достигать его. И это случается не только от варваров-турок. Несмотря на хвастливые благодеяния нашего управления в Индии, чрезвычайное обременение и тяжести, которые с ним соединены, произвели то, что народ предпочитает соседние страны; riots (землевладельцы и крестьяне — собственники земли, арендуемой ими бессрочно) в разных местах бросают свои жилища и переселяются на территории Низама и Гвалиора*.

Но не одни управляемые терпят от политической организации те страдания, которые не только ослабляют ее пользу, но иногда и превышают ее. Многочисленные и суровые правительственные стеснения потрясают и тех, кто их налагает, так же как и тех, на кого они налагаются. Последовательные ранги правительственных агентов давят на те ранги, которые идут книзу, и терпят давление от верхних рангов; и даже самый высокий агент управления поработчен этой системой, созданной

для предохранения его верховности. В Древнем Египте дневной обиход царя был распределен по минутам относительно молитвы, занятий, церемоний; так что номинально всемогущий царь в действительности был менее свободен, чем его подданный. То же самое было и есть в других деспотических монархиях. Еще недавно в Японии, где форма организации неподвижна и где, от высочайших до самых низших, все жизненные действия были предписаны в подробностях, экзерсии лиц, пользующихся властью, были так обременительны, что добровольное их увольнение весьма часто. Адамс пишет: «Обычай отречения распространен между всеми классами от императора до его нижайшего подданного». Европейские государства представляют примеры такой возвратной тирании. «При византийском дворе, — говорит Гиббон, — император был первый раб церемоний, предписанных им самим». Относительно скучной придворной жизни Людовика XIV, г-жа де Ментенон замечает: «Кроме тех, которые занимают высочайшие должности, я не знаю более несчастных, исключая лиц, им завидующих. Если бы только вы могли себе представить, что это такое!»

Таким образом, хотя удовлетворение личным нуждам людей подвигается вперед сразу и путем поддержания порядка, и путем образования агрегатов, достаточно обширных для того, чтобы стало возможно значительное разделение труда, однако оба эти средства извращались и тормозились вычетами, часто очень большими, из продуктов их действия и препятствиями, налагаемыми на эти действия обыкновенно с излишком против необходимого. А политический контроль косвенно причинял страдания тем, кто его совершал так же, как и тем, над кем он совершался.

§ 444. Камни, составляющие дом, не могут быть употреблены на что-нибудь другое или расположены иначе до тех пор, пока дом не разобран. Если камни соединены цементом, должно употребить чрезвычайно много хлопот, чтобы разрушить их настоящее соединение, прежде чем они могут быть употреблены для другого соединения. А если камни были соединены цементом в течение столетия и успели отвердеть, то разламывание масс, образованных ими, есть дело такой трудности, что постройка из совершенно нового материала обойдется гораздо выгоднее, чем перестройка из старого.

Я привел эти факты для иллюстрирования той истины, что всякий род *строения* служит препятствием переустройству; и это должно быть справедливо относительно организации, которая есть один из родов строения. Когда в течение эволюции (развития) живого тела составляющее его вещество, первоначально сравнительно однородное, преобразуется в соединение разнородных частей, в результате получается препятствие, всегда значительное, часто непреодолимое, к какому бы то ни было значительному изменению структуры; самые выработанные и определившиеся строения представляют и наибольшее сопротивление, противопоставляемое ими всякому изменению. Это положение, справедливость которого для индивидуального организма очевидна, не менее справедливо, хотя не так очевидно, для общественного организма. Хотя общество, состоящее из отдельных единиц и не получающее своего типа установившимся и наследственным от бесчисленных подобных обществ, представляется более пластическим, однако и оно управляется тем же принципом. Коль скоро его части дифференцировались (стали различаться друг от друга) — т.е. коль скоро в обществе возникли классы, группы должностей, установились учреждения, — они, становясь связанными между собой и с другими, сопротивляются таким силам, которые стремятся их изменить. Консерватизм каждого давно установившегося учреждения дает нам ежедневно наглядное подтверждение этого закона. Будет ли это борьбой церкви против законодательства, вмешивающегося в ее устройство; будет ли это оппозицией армии против отмены системы покупки чинов; будет ли это то неравновесие, с каким законодательная профессия смотрит на реформу закона*, — мы видим, что нелегко изменить ни строения, ни способов деятельности, в которых они участвуют, раз они специализировались.

Как справедливо относительно живого тела, что его различные действия имеют одну общую цель — самосохранение, так же точно справедливо относительно составляющих его органов, что они стремятся сохранить себя в целостности. И подобным же образом как справедливо для общества, что цель его соединенных действий есть поддержание его существования, точно так же справедливо относительно его отдельных классов и должностных систем, что господствующая цель каждой такой части есть

сохранение себя. Речь идет не о том, чтобы совершалась известная функция, а только о кормлении тех, кто совершает эту функцию: результат будет одинаков, когда функция совсем не нужна или даже вредна, а строение все еще сохраняет себя до тех пор, пока может. В древние времена иллюстрацией этого стремления служила история рыцарей-тамплиеров. В наше время мы имеем перед собой подобный пример в торговых гильдиях Лондона, которые перестали выполнять свои первоначальные функции, но тем не менее ревниво охраняют себя без всякой иной цели, кроме вознаграждения своих членов*. А отчеты, даваемые в «Белой книге»** о синекурах, которые дожили до нашего времени, представляют бесчисленные иллюстрации.

Степень сопротивления, которое оказывает организация преобразованию (реорганизации), мы поймем не вполне, если не заметим, что сопротивление увеличивается в сложной прогрессии. Ибо между тем как каждая новая часть представляет добавочное сопротивление перемене, ее образование, кроме того, предполагает вычет из сил, причиняющих перемену. Если, оставляя все другое без изменения, политические структуры общества развиваются далее — если существующие учреждения расширяются или возникают какие-нибудь новые, если для направления общественных деятельностей в обширных частностях назначен чрезвычайный штат чиновников, — будет подобный результат, т.е. увеличение в обществе (агрегате) тех, которые образуют управляющую часть, и уменьшение в агрегате тех, которые образуют часть управляемую. Различными путями все составляющие контролирующую и административную организацию, становятся объединенными друг с другом и отделенными от остальных. Каковы бы ни были их частные должности, они подобны друг другу по отношению к малым и большим управляющим центрам своего ведомства, а через них — к верховному управляющему центру; в них укореняются родственные чувствования и идеи относительно целого учреждения, в котором они соединены. Получая средства к своему существованию из национальных доходов, они тяготеют к родственным им взглядам и чувствованиям относительно увеличения этих доходов. Какое бы соревнование ни могло существовать между их подразделениями, оно преодолевается симпатией, когда существованию или привилегии какого-нибудь отделения грозит

опасность, так как потрясение какого-нибудь одного отделения может распространяться и на другое. Тем более все они стоят в сходных отношениях к остальным членам общества, действия которых так или иначе находятся под их надзором; а отсюда выходят их родственные взгляды относительно необходимости такого надзирательства и о свойствах лиц, подвергнутых ему. Не в том дело, каковы были их прежние политические мнения, но они не могут стать публичными агентами какого-либо рода, не склоняясь к мнениям, соответствующим их функциям. Так что неизбежно всякий дальнейший рост органов, контролирующих, администрирующих, инспектирующих или иным образом направляющих социальные силы, увеличивает препятствия к будущим изменениям сразу и положительно — подкрепляя то, что должно быть изменено, и отрицательно — уменьшая число тяготеющих к реформе. Это продолжается до тех пор, пока наконец прочность не станет столь большой, что перемена делается невозможной и тип становится неподвижным.

Каждое чрезмерное развитие регулятивной организации увеличивает препятствия к переменам не только уменьшением силы тех, которые, как регуляторы, поддерживают установившийся порядок, и не только уменьшением силы тех, которые, как регулируемые, не имеют такого же прямого интереса его поддерживать; нет, сами идеи и чувствования целого общества приспособляются к *режиму*, привычному с детства, таким образом, что на этот режим смотрят как на естественный, как на единственно возможный. По мере того, как общественные деятельности занимают все большее и большее место в ежедневном опыте, оставляя лишь незначительное место для других деятельностей, появляются все большее стремление думать об общественном контроле, как о чем-то необходимом, и еще меньшая способность представлять деятельности под каким-нибудь иным контролем. В то же самое время чувствования, приспособленные привычкой к управляющему механизму, оказываются мало-помалу завербованными в число защитников этого механизма и полными отвращения к мысли о свободном месте, которое бы могло остаться при отсутствии этого механизма. Говоря кратко, общий закон гласит, что общественный организм и его отдельные действия и противодействия, пришедшие таким образом к взаимной связи, сопротивляются

ся реорганизации с каждым дальнейшим расширением политической организации, увеличивающейся не только благодаря силе регулирующих частей и уменьшающейся силе регулируемых частей, но также и выработкой в самих гражданах мыслей и чувств, гармонирующих с установленной регулятивной структурой и не гармонирующих ни с чем, существенно различающимся от нее. Германия и Франция служат наглядными образцами этой истины. Конт хотя и предусмотрел промышленное государство*, однако так был опутан идеями и чувствами, свойственными французской форме общества, что его схема организации промышленного государства предписывает его устройство с точностью и деталями, характеризующими военный тип, и крайне несогласными с промышленным типом. Кроме того, он имел глубокое отвращение к тому индивидуализму, который является продуктом промышленной жизни и дает отличительный характер промышленным учреждениям. Точно так же в Германии мы видим, что партия социалистов, которую считают и которая сама считает себя желающей всецело реорганизовать общество, на самом деле так неспособна мыслить вне форм того социального типа, в котором она родилась и воспиталась, что ее предполагаемая социальная система есть, в сущности, не что иное, как новая форма той самой системы, которую она хотела разрушить. Это есть система, при которой жизнь и труд должны устраиваться и находиться под надзором общественных органов, вездесущих подобно тем, которые уже существуют, и не менее принудительных, так что жизнь личности направляется ими более чем даже теперь.

Таким образом, хотя, с одной стороны, без установившегося строя не может быть сотрудничества (кооперации), однако кооперация высшего рода затрудняется кооперацией, облегчающей кооперации низшего сорта. Хотя без установления некоторых отношений между частями не может быть соединенных деятельностей, однако чем более разрастаются такие отношения, расширяясь и вырабатываясь, тем становится труднее совершить какое-нибудь улучшение в комбинации действий. Это происходит от возрастания сил тех, которые стремятся к неподвижности, и от ослабления сил тех, которые стремятся к подвижности; это продолжается до тех пор, пока вполне образованный общественный организм, подобно вполне законченному

индивидуальному организму, не утратит способности приспосабливаться (*no longer adaptable*).

§ 445. В живом животном, образовавшемся из агрегата единиц, первоначально сходных между собою по роду, прогресс организации предполагает не только то, что единицы, составляющие каждый дифференцировавшийся орган, поддерживают свое взаимное положение, но также и то, что их потомство наследует их положения. Желчеобразовательные клетки печени, в то время как они исполняют свои функции, растут и дают начало новым таким же клеткам, которые заменяют их при разрушении и уничтожении, эти клетки-потомки не переселяются в почки, или мышцы, или нервные центры и не присоединяются к ним для исполнения их службы. И, очевидно, если бы специализировавшиеся клетки, из которых состоит каждый орган, не давали начала единицам, специализированным подобным же образом, которые держатся в том же самом месте, то не могло бы быть ни одного из тех прочных отношений между частями, которые характеризуют организм и делают его способным к различным родам жизни.

В обществе точно так же устойчивости строя благоприятствует перенесение положения и специальной деятельности от предков к последующим поколениям. Поддержание этих делений на классы, которое возникает с успехами политической организации, предполагает наследственность ранга и места в каждом классе. Очевидно, что пропорционально тому, как велика трудность перехода из одной степени в другую, эти общественные степени упрочняются в своих отношениях. Подобное же случается с такими подразделениями классов, которые в некоторых обществах составляют касты, а в других обществах отчасти дают образчик в гильдиях. Где обычай или закон заставляет сына купца наследовать занятие его отца, там результатом являются со стороны органов, занимающихся производством и распределением, препятствия к переменам, аналогичные с теми, которые происходят в регулятивных органах от не передающегося разделения на ранги. Индия представляет это в крайней степени; а в меньшей степени это являлось у ремесленных гильдий прежнего времени в Англии, которые облегчали приобретение ремесла детям, принадлежащим к ним, и затрудняли

приобретение его другими. Таким образом, мы можем назвать наследственность положения и функции началом неподвижности общественной организации.

Есть другой путь, которым передача по наследству общественного положения класса или же занятия приводит к неподвижности. Он ведет к главенству старейших, а главенство старейших тяготеет к поддержанию установленного порядка. Система, при которой глава-управитель, подуправитель, глава клана или дома, должностное лицо или какое-либо лицо, имеющее власть, данную рангом или собственностью, имеет свое место, занимаемое до смерти, по наследству, согласно каким-либо принятым правилам о преемстве, есть система, при которой, следовательно, молодежь и даже средний возраст исключаются из заведования делами. Точно так же там, где промышленная система такова, что сын, привычно воспитываясь в занятиях отца, наследует его положение, когда тот умирает, — подобным же образом бывает, что регулирующая власть старшего над процессом производства и распределения почти совершенно соответствует власти над младшим. Теперь это истина, ежедневно бросающаяся в глаза, что увеличение прочности организации, необходимо обусловленное процессом эволюции, приводит в течение времени усиление прочности обычая и отвращение к переменам. Отсюда следует, что передача по наследству места или функций, которая имеет своим спутником монополию власти, влечет за собою преувеличенный консерватизм; а за этим следует стремление обеспечить поддержание дел в том виде, какой они имеют.

Наоборот, общественные перемены облегчаются пропорционально тому, насколько положения и функции людей определяются их личными качествами. Если, не имея препятствий в законе или обычае, члены одного ранга переставляют сами себя в другой ранг, они более или менее отдаленно прямо разрушают деления между рангами, а косвенно они их расслабляют, поддерживая свои семейные отношения с прежним рангом и образуя новые семейные отношения со вторым; между тем, далее, идеи и чувства, преобладающие в обоих общественных классах, предварительно имевшие большие или меньшие различия, влияют взаимно друг на друга и изменяют характер членов. Подобным же образом если между подразделениями

общественных классов, производящих и распределяющих, нет барьера для миграции (перехода), то пропорционально количеству миграций физические и нравственные влияния вследствие взаимного проникновения (диффузии) стремятся изменить природу их единиц; в то же время они постоянно мешают установиться натуральным различиям, производимым различиями в функциях. Такая перестановка индивидуальных из класса в класс или из группы в группу должна, однако, в среднем выводе определяться способностью индивидуальных к их новым местам и занятиям. Такое внедрение человека постороннего будет обыкновенно только тогда успешно, когда внедряющиеся граждане имеют более чем обычную способность к делам, которые они на себя берут. Те, которые покидают свое первоначальное общественное положение и занятие, стоят в невыгодных условиях, конкурируя с теми, чье положение они себе присваивают; они могут преодолеть эту невыгодность только силой и некоторым превосходством способностей к тем занятиям, в которых они конкурируют. Эту возможность для людей избирать себе поприще, определяющееся их действительной силой, мы можем поэтому назвать началом обмена в общественной организации.

Как ранее мы видели, передача по наследству приводит двумя путями к устойчивости, из которых второй состоит в удержании мест, пользующихся властью, в руках тех, которые по возрасту чувствуют наибольшее отвращение от всякой новой практики, — так, наоборот, мы можем видеть, что замещение по действительным способностям приводит двумя путями к перемене: и положительно, и отрицательно. Когда юные силы обладают властью, это облегчает нововведения. Когда энергия в избытке, то мало чувствуется страх перед теми препятствиями к улучшению и перед страданиями, которые они могут принести и которые так устрашают ослабевшую энергию; в то же самое время большая изобретательность, идущая наряду с более высокой жизненностью, соединенная с меньшей косностью привычек, облегчает принятие новых идей и избрание еще не испытанных методов. Следовательно, так как там, где различные общественные положения начинают заниматься лицами, доказавшими на опыте, что они самые способные для таких положений, там для сравнительно моло-

дых дозвоительно исполнять отправление власти, а из этого следует, что занятие должностей по действительным силам влечет дальнейшие изменения в социальной организации как прямо, так и косвенно.

Сопоставляя оба эти явления, мы видим, что, в то время как исполнение функции по наследству приводит к косности структуры, исполнение функции по действительной способности приводит к пластичности, т.е. к податливости структуры. Наследование потомками благоприятствует поддержанию того, что существует. Наследование по способностям благоприятствует преобразованиям и делает возможным что-нибудь лучшее.

§ 446. Как указано ранее¹, «усложнение структуры сопровождается увеличением массы» в общественном организме так же, как и в индивидуальном.

Когда мелкие общества соединяются в более обширные, контролирующие агенты, необходимые в каждом отдельном из этих слагающих обществ, должны быть подчинены центральному контролирующему органу, т.е. требуются новые структуры. Дальнейшие присоединения вызывают необходимо увеличение и подобную же дальнейшую сложность в правительственном устройстве; и в каждой из этих стадий увеличения все другие устройства должны делаться более сложными. Как заметил Дюркгейм, «Рим, сделавшись из города миром, не мог бы сохранить учреждений, установившихся для одного города и малой территории... Как было возможно шестьдесят миллионов провинциалов ввести в узкий и нерастяжимый круг провинциальных учреждений?» Подобное же случается и там, где вместо увеличения территории является только увеличение населения. Контраст между простой административной системой, которая была достаточна для Англии прежних времен, с ее миллионным населением и сложной административной системой настоящего времени, необходимой для многих миллионов*, достаточно указывает на эту общую истину.

Но теперь подведем итоги. Если, с одной стороны, развитие роста предполагает более сложную структуру, то, с другой стороны, изменяемость структуры есть условие дальнейшего

¹ «Основания социологии», § 228.

развития, и, обратно, неподвижность строения сопровождается остановкой развития. Подобно соответственному закону, только что указанному, этот закон ясно виден в индивидуальном организме. С одной стороны, перерождение из малой, незрелой формы в обширную, зрелую форму в живом существе предполагает, что не только целое, но и всякая часть должна изменяться в величине и соотношениях; каждая деталь в каждом органе должна измениться (модифицироваться), а это требует сохранения пластичности (изменяемости). С другой стороны, когда, приобретая зрелость, структуры достигают своего окончательного строения, их увеличивающаяся определенность и прочность составляет возрастающее препятствие росту; разрушение и перестройка, требующиеся прежде чем может быть сделано какое-нибудь необходимое новое приспособление, становятся здесь более и более трудными. То же и с обществом. Увеличение его массы требует перемены первоначальных строений или путем слияния со старыми в одно целое (инкорпорация) нового приращения, или путем их распространения на него. Всякая выработка и развивающаяся определенность структур представляет добавочное препятствие к этому; и когда достигнута прочность строений, то уж такие видоизменения их, как увеличение массы, которое их сопровождает, становятся невозможными: увеличение задерживается.

Отсюда важное отношение между строением общества и его ростом. Хотя всякому приращению роста помогает приспособленная организация, однако та организация, которая не приспособлена к большому росту, становится препятствием к приращению дальнейшего роста. Отсюда следует, что организация, превышающая необходимость, препятствует достижению того более обширного размера, сопровождающегося высшей организацией, которая могла иначе быть достигнута.

§ 447. Чтобы помочь нашему объяснению специальных фактов, с которыми мы теперь будем иметь дело, мы должны удержать в уме следующие общие факты. Их можно резюмировать так.

Кооперация делается возможной благодаря обществу и делает общество возможным. Она предполагает ассоциировавшихся людей, а люди живут в ассоциации вследствие выгоды, доставляемой им ею.

Но согласованных действий не может быть без некоторого посредничества, которое согласовало бы каким-либо образом эти действия во времени, сумме и роде; и действия не могут быть разнородными без кооперации, исполняющей различные обязанности, т.е. кооперация должна прийти к некоторому роду организации или добровольно, или невольно.

Организация, которую предполагает кооперация, бывает двух видов, различных по происхождению и природе. Одна, возникающая прямо из преследования индивидуальных целей, а косвенно приводящая к общему добру, развивается бессознательно и без принуждения. Другая, прямо возникающая из преследования общественных целей и косвенно приводящая к индивидуальному добру, развивается сознательно и путем принуждения.

Между тем как политическая организация, сделавши возможной кооперацию, совершила благо, ущерб этому благу был сделан той же организацией. Содержание ее дорого стоит, а большие издержки могут сделать больше несчастий, чем те, которые она устранила. Она необходимо предписывает понуждения и ограничения, а эти принуждения и ограничения могут стать до того крайними, что люди начинают предпочитать им анархию, несмотря на все ее несчастья.

Организация, едва она становится установившейся, есть препятствие к преобразованию. Вследствие инерции положений и постепенно устанавливающегося между ними союза, единицы, образовавшие структуру, противодействуют перемене. Самосохранение есть первая цель как частей, так и целого, а отсюда части, однажды образовавшиеся, стремятся поддерживать свое существование, несмотря на то, полезны ли они или нет. Кроме того, каждое приращение регулятивной системы, предполагающее при равенстве других условий соответственный вычет из остального общества, т.е. управляемого, имеет следствием то, что препятствия к изменениям увеличиваются, а силы, производящие изменения, ослабляются.

Поддержание общественной организации предполагает, что единицы, образующие его сложную структуру, должны быть заменяемы в случае своей смерти особенным образом. Устойчивости благоприятствует, если остающееся свободное место пополняется бесспорно наследником; тогда как

переменам благоприятствует, если вакансия пополняется тем, кто на опыте доказал свою наилучшую способность к данному занятию. Таким образом, замещение по наследству есть начало общественной косности; между тем как замещение по способности есть начало общественной изменяемости (пластичности).

Хотя организация должна была быть, чтобы сделать возможной кооперацию и этим облегчить общественное развитие, однако организация же образовала препятствие дальнейшему росту, так как дальнейшее развитие предполагает реорганизацию, которой сопротивляется существующая организация.

Так что хотя в каждой стадии лучшие непосредственные результаты могли быть достигнуты усовершенствованием организации, но это должно было совершаться насчет окончательных результатов. Эти последние должны быть достигнуты доведением организации в каждой стадии не далее того, что необходимо нужно для правильного ведения общественных действий.

III | ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

§ 449. Политическая интеграция в некоторых случаях иногда ускоряется, иногда замедляется внешними и внутренними условиями. Первые состоят в характере окружающего соседства, вторые — в характере людей, составляющих общество. Мы проследим их в этом порядке.

Насколько политическая интеграция встречает препятствия в суровости климата или в бесплодии почвы, которые задерживают увеличение населения, это уже было показано¹. К примерам, приведенным ранее, можно добавить то же относительно семинолов*; о них Скулькрафт говорит, что «так как они крайне рассеяны по бесплодной пустыне, то редко собираются для забав или для обсуждения общественных дел». Точно так же и о некоторых снейках (змеиных индейцах, snake indians) он говорит: «Недостаток дичи в этой области, я почти не сомневаюсь, есть причина почти совершенного отсутствия общественной организации». Мы уже видели, что сильное однообразие поверхности страны, минеральных продуктов, флоры и фауны (растений и животных) представляет также задержку; от специального характера флоры и фауны, заключающих виды, благоприятные или неблагоприятные для человеческого благосостояния, зависит отчасти индивидуальное благосостояние, требующееся для социального развития. Было также указано, что строение местности, в смысле облегчающее или затрудняющее сообщение, и в смысле легкого или трудного спасения от преследований, имело большое соотношение с величиной образовавшегося общественного агрегата. К наглядным примерам, приведенным раньше и доказывающим, что горцы так же, как и народы, живущие в степях и среди болот, трудно сплачиваются, между тем как народы, загнанные, так сказать, в ограду, сплачиваются легко², я могу здесь прибавить еще два заме-

¹ «Основания социологии», § 14—21.

² «Основания социологии», § 17.

чательных примера, до сих пор не упомянутых. Один встречается на Полинезийских островах, на Таити, Гаваи, Тонга, Самоа* и других, где замкнутые в известных границах окружающим морем жители сплачивались более или менее прочно в агрегаты значительного объема. Другим примером служит древнее Перу, где перед временем инков полудивилизованные общины образовались в долинах, разделенных друг от друга «с побережья жаркой и непроходимой пустыней, а изнутри — высокими горами или холодными и бездорожными пуньями (*pinas*)**».

Неспособность избежать правительственного контроля, подразумевающаяся у этих народов, указывается Сквайром как фактор их цивилизации, а одним древним испанским историком Sieza это их различие от соседних индейцев папайан приписывается тому, что те могли отступить «в другие плодородные области, если бы были атакованы». Каким образом скучивание людей вместе увеличивается обратно занимаемой площади, благодаря легкому внутреннему сообщению, это достаточно ясно. Значение этого условия предполагается в замечании Гранта относительно экваториальной Африки, что «нет юрисдикции (власти), простирающейся на область, которую невозможно пройти в три или четыре дня». Такие факты, показывающие, что политическая сплоченность может увеличиваться по мере того, как средства сообщения одного места с другим становятся лучше, заставляют нас вспомнить, что со времен Рима образование путей сообщения сделало возможными обширные социальные агрегаты.

Очевидность того, что требуется известный *физический* тип, была также указана¹. Мы видели, что расы, оказавшиеся способными к развитию обширных обществ, предварительно находились в течение долгих периодов в условиях, порождающих сильное строение организма. Я прибавлю теперь только, что телесная энергия, необходимая для постоянного труда, без которого не может быть цивилизованной жизни и сопровождающего ее скучивания людей, не есть энергия, приобретаемая быстро под влиянием какого-нибудь условия или путем какой-нибудь дисциплины, но только энергия, приобретаемая медленно наследственной передачей накапливаемых изменений.

¹ «Основания социологии», § 16.

Прекрасным и очевидным примером того, что у низших типов людей существует физическая неспособность к труду, служат результаты управления иезуитов над парагвайскими индейцами. Эти индейцы были приведены к промышленному состоянию и к такой благоустроенной жизни, которая считается удивительной многими писателями; но отсюда произошло фатальное зло, состоящее в том, что они решительно сделались бесплодны. Не невозможно, что бесплодность, наблюдаемая вообще у диких рас, охваченных цивилизованными обычаями*, есть следствие требования больших физических сил, чем они способны дать по их строению.

Некоторые моральные свойства, которые благоприятствуют и которые препятствуют объединению людей в обширные группы, были мною указаны при исследовании эмоций первобытного человека¹. Здесь я дополню примерами только те из них, которые составляют способность или неспособность типа к подчинению. «Аборы, как они сами говорят, похожи на тигров: двое из них не могут жить в одной берлоге, — пишет Дальтон, — их дома разбросаны в одиночку или группами по два и по три». Наоборот, некоторые африканские расы не только покоряются силе, но благоговеют перед теми, кто их подчинил, — например, дамары, которые, как говорит Дальтон, «добиваются попасть в рабство» и «следуют за господином как болонка». Подобные явления встречаются и у других южных африканцев. Один из них говорил некоему моему знакомому: «Какой же вы господин! Я у вас был два года, и вы меня ни разу не пбили». Очевидно, существуют крайние противоположности в предрасположениях, от которых в сильной степени зависит возможность или невозможность политической сплоченности (интеграции). К этому может быть прибавлено присутствие кочевых инстинктов, также не остающихся без влияния. Разновидности людей, в которых бродячие привычки усвоились в течение бесчисленных генераций охотничьей или пастушеской жизни, показывают нам, даже когда они обратились к земледельческой жизни, что их стремление к перемене места сильно препятствует скоплению (агрегации), например, у горных племен Индии. «Кукии (Kookies), по натуре бродячая раса,

¹ «Основания социологии». Ч. I, гл. VI.

никогда не занимают одного и того же места более двух и, самое большее, трех лет». То же можно сказать и относительно мисми-сов (Mishmees)*, которые «никогда не именуют своих деревень», ибо их существование проходит в перемещении. У некоторых рас этот инстинкт миграции переживает и проявляет свое действие даже после того, как они образовали населенные города. Описывая бакхассинов** (Bachassins) в 1812 г., Берчел говорит, что Литакун, заключающий 15 000 жителей, в течение десяти лет два раза переменял место. Ясно, что народ, столь мало привязанный к месту своего рождения, не так легко объединяется в большие общества, как народ, который любит свои первоначальные жилища.

Относительно интеллектуальных черт, способствующих или препятствующих скоплению людей в массы, я могу дополнить то, что было сказано при описании «интеллекта первобытного человека»¹, двумя выводами, имеющими большое значение. Общественная жизнь, будучи кооперативной жизнью (сотрудничеством), предполагает не только эмоциональную природу (область чувств), приспособленную для кооперации, но также и такую интеллигентность, которая сознавала бы выгоды кооперации и могла регулировать действия, чтобы осуществить ее. Нерассудительность, недостаточное сознание причинности и крайний недостаток осмысленного воображения, которые проявляются у нецивилизованных народов, задерживают кооперацию на степени, которой трудно было бы поверить, если бы не имелось очевидных доказательств. Даже полуцивилизованные народы представляют в совершенно простых вещах отсутствие кооперации, которое изумительно². Имея в виду существ-

¹ «Основания социологии». Ч. I, гл. VII.

² Поступки арабских лодочников на Ниле показывают эту непривычку к кооперации в простых вещах поразительным образом. Когда они соединенными силами тянут канат и — как это у них принято — поют, то приходишь к заключению, что это имеет целью одновременность дергания каната с словами песни. Однако наблюдение показывает обратное, а именно что их усилия не комбинируются в данные промежутки времени и совершаются без всякого ритмического (размеренного) единства. Подобным же образом, употребляя свои шесты для отталкивания *дахабийе* (лодки, употребляемые на Ниле) от песчаных отмелей, они производят то последовательное ворчанье, которое должно помогать при этом, но производят так быстро,

вание такой неспособности, вследствие которой кооперация (сотрудничество) может быть успешной только тогда, когда она повинуется не допускающей возражения команде, мы поймем, что, следовательно, должны быть не только эмоциональные особенности, которыми обусловлено подчинение, но и умственные особенности, которые производят доверие к командующему. То верование, которое заставляет благоговеть перед способным человеком как перед обладателем сверхъестественной силы и которое впоследствии, производя страх его духа, вынуждает исполнение его запомнившихся приказаний, — эта вера, которой начинается религиозный контроль обоготворяемого главы, служит подкреплением контроля его божественных наследников-потомков — без такой веры невозможно обойтись в течение ранних возрастов интеграции. Скептицизм пагубен, если характер нравственный и умственный таков, что требует принудительной кооперации.

Таким образом, политическая интеграция, задерживаемая во многих областях окружающими условиями, во многих расах человечества встречала препятствие к своему развитию в неприспособленности самого естества этих рас — физического, морального и умственного (интеллектуального).

§ 450. Кроме некоторой приспособленности природы объединенных индивидуумов, общественное единение требует значительного сходства в типе (*kind*) или характере натур объединяющихся единиц.

Первоначальное сходство типа обеспечивается большим или меньшим родством по крови. Наглядное подтверждение этого мы встречаем везде между нецивилизованными народами. Лихтенштейн говорит о бушменах: «Только семейства образуют

что совершенно невозможно для них производить те целесообразные соединенные толчки, которые требуют значительных интервалов для приготовления. Еще более потребность в согласии доказывается сотней и даже более нубийцев и арабов, тянущих суда на быстринах. Тут мы видим восклицание, жестикуляции, разрозненные действия, крайний беспорядок, так что только благодаря счастливой случайности достаточное число сил наконец произведет одновременный натиск. Один араб, драгоман, человек сведущий, заметил мне: «Десять англичан или французов сделали бы это сразу».

ассоциации в виде небольших отдельных орд; половые чувства, инстинктивная любовь к детям или обычные родственные привязанности суть единственные узы, связывающие их в известного рода единство». Или: «Рок-ведахи (*Rock Veddashes*) разделяются на маленькие кланы и семьи, соединенные узами родства; по взаимному соглашению они делят меж собой лес для охоты» и т.д. И это возникновение общества из семьи, наблюдаемое в наименее организованных группах, вновь появляется в значительно более организованных группах диких, более подвинувшихся вперед.

Пример — новозеландцы, о которых мы читаем:

«Восемнадцать исторических наций занимают страну. Каждая подразделяется на множество триб (родов или племен), происшедших из семейств, как это ясно показывает приставка *Ngati*, означающая происхождение (равняющаяся *O'* или *Mac*). Связь кровного родства с социальным союзом рельефно выставляется в замечании Гумбольдта о южноамериканских индейцах. «Дикие, — говорит он, — знают только свою собственную семью, и триба кажется им лишь более многочисленным собранием родственников».

Когда индейцы, живущие в миссиях, видят незнакомых им лесных индейцев, они говорят: «Это, без сомнения, мои родственники; я понимаю то, что они говорят мне». Но эти последние, чрезвычайно дикие, презирают всех, не принадлежащих к их семейству или к их племени, «они знают обязанности семейные и узы родства, но не знают обязанностей и уз человечности».

Рассматривая домашние отношения, мы находим основания заключить, что социальная устойчивость увеличивается по мере того, как родство делается более определенным и широким. С развитием родства подкрепляются сходства натур, благоприятствующие кооперации, и развивается сила и многочисленность тех семейных союзов, которые задерживают распадение.

Где преобладает беспорядочное половое сожителство (*promiscuity*), или где браки заключаются на время, там родственные союзы относительно немногочисленны и не замкнуты, и социальная связь здесь немногим более той, которая происходит из принадлежности к одному общему человеческому типу.

Полиандрия (многомужество), особенно высшего рода, производит родство более определенное, позволяющее проследить себя дальше, и служит таким образом к лучшей взаимной связи социальных групп. Еще больший шаг вперед к сближению семьи и увеличению входящего в нее числа лиц делает полигамия (многоженство). Но только из моногамии (одноженство) происходят те семейные отношения, которые в одно и то же время суть и самые определенные, и наиболее широко разветвляющиеся; самые обширные и сплоченные общества развились из моногамических семейств. Двумя соединенными и, однако, различными путями моногамия благоприятствует социальной солидарности.

В противоположность детям полиандрической семьи, которые суть нечто меньшее, чем единокровные братья и сестры¹, и в противоположность детям полигамической семьи, большинство которых суть только братья и сестры по отцу, дети семьи моногамической в громадном большинстве случаев суть единокровные по отцу и по матери. Из того, что они соединены более тесным родством, происходит то, что и группа их детей является соединенной более тесным образом; и когда, как это случается на более ранних ступенях развития, эти группы детей, выросши, продолжают составлять общину и работать вместе, они оказываются соединенными и родством, и интересами промышленности. Хотя с разрастанием семейной группы в *род* (*gens*) промышленные интересы разделяются, однако родство мешает этому разделению сделаться таким резким, каким бы оно могло сделаться при иных обстоятельствах. Точно то же происходит и тогда, когда род (*gens*) с течением времени развивается в трибу (племя, колено). Но это не все. Если местные условия сводят вместе несколько таких триб, связанных, кроме того, хотя и самыми отдаленными узами крови, то в результате эти трибы, оседая одна возле другой, постепенно сплавляются, частью перемешиваясь поселениями, частью вступая во взаимные браки; и сформировавшееся таким образом общество, соединенное многочисленными и сложными узами родства, так же как и общностью политических интересов, оказывается более тесно сплоченным, чем это было бы при других обстоятельствах.

¹ «Основания социологии», § 300, прим.

Иллюстрацию этой истины можно найти в процветающих обществах древности. Грот говорит: «Все, что мы слышим о наиболее древних афинских законах, основано на делении этого народа по родам и фратриям*, которые считаются распространением семьи». Точно так же, согласно Моммзену, римское домоуправление легло в основание римского государства, рассматриваемого как со стороны его формы, так и относительно составных его элементов. Единство римского народа возникло из соединения (каким бы то ни было образом происшедшего) таких древних кланов, как Ромилии, Вольгинии, Фабии и т.п.», а сэр Генри Мэн показал в подробности пути, которыми простая семья переходит в домашнюю общину, а затем и в общину сельскую. Хотя при очевидности примеров, доставляемых расами, имеющими неправильные половые отношения, мы не можем настаивать на том, что единство крови есть первая причина политической кооперации — хотя во многих трибах, не достигших пастушеского состояния, наблюдаются соединения для защиты или для нападений и между теми, имена которых носят ясные следы кровного различия, — однако там, где установлено наследование по мужской линии, и особенно там, где преобладает моногамия, там единство крови оказывается широкой, если не главной причиной, влияющей на определенность политической кооперации. Тут в иной форме является уже ранее изложенная истина, что совместная деятельность, требующая известного сходства натур тех, кто в ней участвует, идет гораздо успешнее там, где они, происходя от одних и тех же предков, имеют наиболее сходства.

Должно быть прибавлено еще одно, в высшей степени важное, хотя и менее прямое следствие кровного родства, и особенно того более определенного кровного родства, которое происходит от моногамического брака. Я подразумеваю общность религии — сходство идей и чувств, воплощенных в обожании общего божества. Начинаясь обыкновенно с умиловления умершего основателя семьи, в котором принимают участие, по мере разрастания семьи, все большие и большие группы потомков, оно становится новым средством связи членов постепенно сформировавшейся группы и противодействием антагонизму между ними, благоприятствуя таким образом интеграции. Повсюду в древней истории встречаемся мы с влиянием уз общего

культы. Каждый из городов Древнего Египта был центром почитания специального божества. И никто из знакомых с предыдущими выводами и чуждый предубеждений, кто замечает чрезвычайное развитие в Древнем Египте поклонения предкам под всеми его формами, не усомнится в происхождении этих божеств. О грехах мы читаем, что «каждое семейство имело свои собственные священные обряды и заупокойные поминовения предков, производимые хозяином дома в исключительном присутствии членов семьи. Вымирание семьи, влекшее за собой прекращение этих религиозных обрядов, считалось грехами за несчастье не только вследствие уменьшения числа граждан, но также и потому, что семейные боги и мань¹ усопших сограждан лишались, таким образом, почестей и могли наделать неприятностей государству. Более широкие ассоциации, называвшиеся родами (*gens*), фратриями, трибами, составлялись через расширение того же самого начала — семьи, рассматриваемой как религиозное братство, почитающее какого-нибудь общего бога или фамильного героя, признаваемого за общего предка».

Подобный же союз и подобным же образом возник и в римской общине. Каждая курия* — соответствие фратрии — имела главу, «первая обязанность которого была председательствовать при жертвоприношениях». А на более широкой ступени развития то же самое поддерживалось целым обществом. Первоначально римский царь был жрецом богов, общих для всех: «он поддерживал сношения с богами общины, с которыми он советовался и которых он умилостивлял». Начала этого религиозного союза, являющегося здесь в развитой форме, до сих пор еще можно встретить в Индии. Сэр Генри Мэн говорит: «Соединенное семейство (*joint family*) индусов — это собрание лиц, которые бы соединились при погребальном жертвоприношении над прахом известного общего предка, если бы он умер в их время». Так что политическая интеграция, которой благоприятствовало сходство природы, обуславливаемое единством происхождения, находит себе снова благоприятствующее условие в сходстве религии, зависящем также от единства происхождения.

¹ *Dii Manes* — души умерших, почитавшиеся у римлян и этрусков. — *Прим. ред.* (Здесь и далее примечания редактора издания 1883 г.)

Таким же образом происходит и на более поздней ступени развития, когда является уже менее резким сходство натур, характеризующее людей одной и той же расы, размножившейся и распространившейся настолько, чтобы образовать маленькие, примыкающие друг к другу общества. Кооперация между ними продолжает поддерживаться, хотя и с меньшей силой, общностью их натур, общностью преданий, идей и чувств, так же как и общностью языка. Между людьми различных типов кооперация необходимо затрудняется отсутствием взаимного понимания, происходящего не только от незнания одним значения слов другого, но и от несходства их способов мыслить и чувствовать. Стоит только вспомнить, как часто даже между теми, которые говорят одним и тем же языком, возникают споры вследствие недоразумений, чтобы понять, какой обильный источник замешательства и антагонизма заключается в частичном или совершенном различии языков, сопровождающем обыкновенно различие рас. Люди, далеко расходящиеся между собой и по складу ума или чувства, часто взаимно поражают друг друга неожиданными поступками — факт, обыкновенно отмечаемый путешественниками. Отсюда дальнейшее препятствие для совместной деятельности. Различие обычаев также делается причиной разъединения. Там, где на пищу одного народа другой смотрит с отвращением, где животное, почитаемое за священное одним, презирается другим, где ожидаемое одним приветствие никогда другим не делается, там должно быть постоянно возрождающееся отчуждение, которое препятствует соединенным усилиям. Другие условия, благоприятствующие кооперации, будут пропорциональны чувству товарищества; чувству же товарищества препятствует то же самое, что заставляет людей в одинаковых условиях действовать различно. Совместное влияние вышепоименованных первичных и производных факторов хорошо выяснено в следующих словах Грота: «Эллины были все общей крови и родства, все происходили от одного общего патриарха Эллина. Рассуждая об исторических грехах, мы должны принимать это как данное: оно является нам в чувстве, под влиянием которого они двигались и действовали. У Геродота это помещено на первом плане, как главное из тех четырех звеньев, которые связывали в одно целое агрегат эллинов: 1) товарищество по крови, 2) товарищество по языку, 3) определенные место-

пробывания богов и общие жертвоприношения, 4) одинаковые привычки и склонности».

Из того влияния, которое, как мы нашли, оказывает сходство натур, обусловливаемое общностью происхождения, следует тот вывод, что обширные политические агрегаты, образовавшиеся при отсутствии значительного сходства, являются неустойчивыми и могут быть поддерживаемы только принудительной силой, которая рано или поздно должна пасть. Несомненно, это обстоятельство являлось одной из причин распада больших империй прошлого времени, хотя к нему присоединялись и другие. Нынешний упадок турецкой империи* во многих отношениях, если не главным образом, должен быть приписываем ему. Наша собственная индийская империя, поддерживаемая в состоянии искусственного равновесия также внешней силой, угрожает в один прекрасный день наглядно доказать своим падением свою несвязность, зависящую от недостатка соответствия между ее составными частями.

§ 451. Один из законов развития вообще состоит в том, что интеграция происходит тогда, когда одинаковые единицы подвергаются действию одной и той же силы или нескольких сходных сил¹, и на всех ступенях политической интеграции, от первой до последней, мы находим наглядное подтверждение этого закона. Совместное испытывание однородных внешних влияний и совместное же противодействие им искони являлись побудительной причиной к союзу между членами обществ.

Уже была косвенно высказана² та истина, что прежде всего связь маленьких орд первобытных людей возникала во время соединенного противодействия неприятелям. Подвергаясь общей опасности и соединяясь для встречи этой опасности, они становятся во время их кооперации против опасности связанными более тесным образом друг с другом. Это отношение между причиной и следствием ясно наблюдается на первых ступенях развития, когда подобный союз, возникший во время войны, распадается с прекращением ее: здесь совершается распадение и утрата того слабого политического подчинения, которое

¹ «Первые основания», § 169.

² «Основания социологии», § 250.

начинало было показываться. Но этот процесс лучше всего подтверждается примерами интеграции простых групп в группы сложные во время общего противодействия неприятелям или нападения на них. Примеры, приведенные раньше, могут быть увеличены и другими. Мазон говорит о кэренах: каждая деревня составляет независимую общину и питает застарелую вражду ко всякой другой из близлежащих деревень своего же собственного народа. Но общая опасность со стороны более сильного врага или необходимость отплаты за старые обиды часто заставляет многие деревни соединяться между собою для защиты или для нападения. Согласно свидетельству Кольбена, «маленькие готтентотские народцы, живущие в соседстве с более сильными народом, часто вступают между собою в оборонительный и наступательный союз против этого последнего». Между новокаледонцами в Танне* «шесть, восемь или более из их деревень, соединяясь, образуют то, что мы назвали бы округом или провинцией, и все заключают союз для взаимной помощи, а во время войны соединяются два или большее число таких округов». В Самоа «деревни в количестве восьми или десяти по общему согласию соединяются и образуют округ или штат для взаимной обороны», а во время войны самые округи соединяются по два или по три. То же самое случалось и у исторических народов. Во время войн при царе Давиде израильтяне перешли от соединения по отдельным коленам в одну тесно сплоченную, правильную нацию. Рассеянные греческие общины, соединяющиеся первоначально во время небольших войн в небольшие конгрегации, были вынуждены нашествием Ксеркса к общезеллинскому союзу и к общему, совместному действию против врага; и из образовавшихся затем спартанских и афинских конфедераций во время продолжавшихся действий против персов афинские приобретают гегемонию, а в конце концов и власть. То же было и с тевтонскими расами. Германские трибы, вначале не имевшие федеративной связи, образовывали случайные союзы во время войны. Между I и V столетиями эти трибы постепенно спланивались в большие и большие группы для защиты против Рима и для нападения на него. В течение следующего столетия продолжительные военные конфедерации народов «одной крови» сделались государственными. А затем эти последние соединились в еще большие государства. А чтобы

взять сравнительно недавний пример, заметим, что и Англия, и Франция перешли от тех условий, при которых они представляли собой феодальные группы, в значительной степени независимые, в тесно сплоченные нации только во время продолжительных англо-французских войн. Для дальнейшего разъяснения способа интеграции небольших общин в более обширные может быть прибавлено, что сначала союзы существуют исключительно для военных целей: каждая община из входящих в их состав долго сохраняет независимость внутренней администрации, и только когда соединенные действия их на войне делаются обычными, союз их делается постоянным, приобретая общую политическую организацию.

Этому слитию меньших общин в более обширные посредством военных коопераций помогает исчезновение меньших общин, которые не кооперированы с другими. Бартс замечает, что «фульбэ (фулахи) постоянно подвигались вперед потому, что им приходилось иметь дело не с сильным врагом, но со множеством маленьких триб, не соединенных в союзы». Гальтон говорит о дамарацах: «Если опустошается одно селение, то соседние редко поднимаются на его защиту, и таким образом намаквы разорили или избрали в плен мало-помалу почти половину дамарского населения». Так же точно произошло, по словам Ондегардо, покорение инками Перу*. Не было общего противодействия их вторжению: каждая провинция защищала свою землю без помощи других. Этот процесс, столь ясный и обычный, я беру потому, что он имеет значение, на которое нужно обратить особое внимание. Мы видим, что в борьбе за существование между обществами выживание наиболее приспособленных есть выживание тех, в которых больше сила военной кооперации; а военная кооперация есть примитивный род кооперации, который пролагает путь кооперациям другого рода. Из этого следует, что образование обширных обществ посредством соединения меньших на время войны и разрушение или поглощение несоединенных меньших обществ соединенными большими есть, несомненно, процесс, посредством которого разновидности людей, более приспособленные к социальной жизни, устраниют менее способные разновидности.

Относительно происходящей таким образом интеграции остается лишь заметить, что она необходимо совершается

по нижеследующему пути: она необходимо начинается с образования простых групп и прогрессирует путем объединения и переобъединения этих групп. Импульсивные в своих действиях, одаренные малой способностью к кооперации дикие сливаются так слабо, что только незначительные группы их могут поддержать свою целостность. Но после того как многие из таких маленьких групп достаточным образом связали своих членов друг с другом какой-нибудь незначительной политической организацией, является возможность их соединения и в более обширные группы, так как союз их представляет им большее удобство для совместной деятельности, более развитую организацию для совершения ее. И точно так же эти образовавшиеся группы должны несколько укрепиться в связи для того, чтобы формирование групп могло быть перенесено на следующую ступень. Проходя мимо многочисленных примеров, доставляемых нецивилизованными народами, я считаю достаточным отослать читателя к примерам, данным ранее¹, которые подкреплю лишь несколькими взятыми из жизни исторических народов. В первобытном Египте многочисленные небольшие общества (которые в конце концов сделались номами) соединились сначала в два агрегата: Верхний Египет и Нижний Египет, которые затем составили одно целое. В Древней Греции деревни присоединились к соседним городам раньше, чем эти последние соединились в государство, а затем уже последовало слияние государств в другие, более обширные. В древнеанглийский период из маленьких княжеств составлялись гептархии*, раньше чем эти последние образовали из себя нечто единое и целое. Одно из основных положений физики состоит в том, что сила сопротивления, оказываемого телом растяжению или разрыву, возрастает пропорционально квадрату его размера, между тем как распадение, причиняемое его собственной тяжестью, возрастает как кубы его размера, откуда следует, что его способность сохранять свою целостность становится меньше по мере того, как его масса делается больше. Нечто аналогичное может быть сказано и об обществах. Только маленькие агрегаты могут удерживаться вместе, пока сцепление слабо, а следовательно, большие агрегаты становятся возможными только тогда, когда более

¹ «Основания социологии», § 226.

сильное сопротивление, предполагающееся при этом, уравнивается тою более сильной связью, какая является результатом приспособления человеческой природы и вытекающего из этого приспособления развития социальной организации.

§ 452. В то время как развитие социальной интеграции идет вперед, возрастающие агрегаты производят все усиливающееся сдерживание относительно своих единиц; это есть истина, которая вполне соответствует другой, утверждающей, что сохранение целостности большим агрегатом предполагает большее сцепление. Силы принуждения, которыми агрегат удерживает свои части вместе, первоначально очень слабы, и доходят до высшего предела на известной ступени общественного развития, а затем слабеют или — что случается реже — принимают другие формы.

Первоначально индивиды диких тяготеют к той или другой группе вследствие различных побуждений, но главным образом стремясь найти себе защиту. Касательно патагонцев мы считаем, что никто из них не может жить отдельно: «Если некоторые из них оказались бы живущими таким образом, они были бы, без сомнения, умерщвлены или отданы в рабство тотчас же, как то было бы обнаружено».

В Северной Америке между чинуками «на побережье есть обычай, узаконивающий захват в рабство (если только друзья не дадут выкупа) всякого индейца, встреченного на известном расстоянии от его трибы, даже если их трибы и не воевали друг с другом». Однако хотя первоначально и необходимо присоединение к известной группе, но постоянная принадлежность к ней не необходима. На низших ступенях развития переход из одной группы в другую — дело очень обычное. В случае притеснений со стороны вождя калмыки и монголы бегут от него и пристают к другим вождям. Об абипонах Добрицгоффер говорит: «Без всякого позволения со стороны старшины и не имея никакого неудовольствия против него, они переселяются со своими семействами туда, где находят себе большие удобства, и присоединяются к другому кацику, а затем, когда им надоедает жить у второго, возвращаются безнаказанно в орду первого». Равным образом в Южной Африке «часто встречающиеся примеры (между балондами) перемещения народов из одной части страны в другую доказывают, что власть великих вождей

ограниченна. Каким образом в этом процессе возрастают одни трибы, тогда как другие погибают, мы ясно видим из замечания Мак-Куллоха относительно кукисов (Kukis), что «есть полная вероятность для деревни, окруженной удобными для обработки полями и имеющей популярного старшину, расшириться присоединением из деревень, поставленных в менее благоприятные условия».

С необходимостью для каждого индивидуума найти себе защиту связано стремление трибы увеличить свою силу. Практикуемое принятие в свою среду чужеземцев, которое вытекает из этого стремления, создает другой вид интеграции. Там, где, как между трибами североамериканских индейцев, «пленнику предстоит альтернатива между усыновлением его со стороны пленивших или пыткой» (усыновление — удел отличившихся своей храбростью), мы видим на наглядных примерах то стремление, которое присуще каждому обществу, — возрастать на счет других обществ. То желание иметь большое количество действительных детей (actual children), способствующих к усилению семейства, о котором говорят нам еврейские предания, скоро переходит в желание приемных детей (factitious children), входящих в среду семьи то с помощью обряда обмена кровью с названными братьями, то при посредстве обрядов, представляющих подобие рождения. И, как было показано в другом месте¹, очень возможно, что обычай принятия в среду семьи, столь распространенный в Риме, возник еще в то раннее время, когда кочующие патриархальные группы образовывали трибы и когда в трибах преобладало стремление увеличить свои силы.

И в самом деле, когда мы припомним, что спустя долгое время после того, как из соединения патриархальных групп образовались обширные общины, продолжалась вражда между вошедшими в их состав семействами и кланами, мы ясно увидим здесь, что в этих семействах и кланах не переставал действовать примитивный мотив, побуждающий семью к увеличению своей силы увеличением числа членов.

Можно прибавить, что однородные причины производили однородные следствия и в среде новых обществ в то время, когда составные их части были так недостаточно сплочены,

¹ «Основания социологии», § 319.

что удерживался взаимный антагонизм между последними. Так, в средневековой Англии до тех пор, пока местное управление не было подчинено общему управлению, всякий свободный человек должен был присоединяться к какому-либо лорду, приписываться к городу или гильдии, являясь в противном случае «человеком, не имеющим друзей» («a friendless man»), в положении столь опасном, как положение дикого, не принадлежащего к трибе. А также, с другой стороны, и в законе, гласящем, что раб, пробывший год и один день в свободном городе или муниципалитете, не может быть потребован обратно ни одним господином, мы можем видеть следствие желания со стороны промышленных групп увеличить свои силы в ущерб окружающим феодальным группам — следствие, аналогичное с принятием в свою трибу чужого человека со стороны диких или с принятием в среду семейства, практиковавшимся в древнем обществе.

Естественно, что по мере более тесного слияния народа в одно целое эти локальные интеграции ослабевают, а в конце концов и исчезают; хотя следы их остаются надолго: мы замечаем их среди нас самих еще до сих пор в законе о приписке к месту, а также в действовавшем в такое недавнее время, как 1824 год, законе, касающемся свободы перехода ремесленников.

Эти последние наглядные примеры приводят нас к той истине, что вначале наблюдается слабое сцепление и большая подвижность единиц, образующих группу, между тем как возрастание интеграции сопровождается обыкновенно затруднением перехода не только из группы в группу, но также и затруднением передвижения внутри групп из одного места на другое: члены общества становятся менее свободными в движениях внутри общества точно так же, как и менее свободно могут оставить его. В частности, переход от пастушеской ступени к ступени оседлой предполагает это; с оседлостью всякий становится в значительной степени связанным материальными интересами. Рабство также способствует — хотя и другим путем — присоединению индивидуумов к локализованным членам общества, следовательно, и к отдельной части его; и везде, где существует рабство, мы в различных формах видим то же самое. Но в обществах, достигших высокой степени интеграции, привязанными к местности оказываются не одни только рабы, но и другие члены. Цурита говорит о древних мексиканцах: «Индейцы

никогда не переменили своей деревни, ни даже своего квартала. Обычай этот был наблюдаем как закон». В древнем Перу «считалось противозаконным переходить из одной провинции или деревни в другую», и путешествовавший без необходимой причины наказывался как бродяга. В других местах, там где интеграция сопровождалась развитием военного типа, там обыкновенно ставилось другое препятствие передвижениям. В Древнем Египте существовала система регистров, и периодически все граждане должны были являться к местным офицерам. «Всякий японец записан в регистры, и всякий раз, когда он желает переменить свое местопребывание, нануши, начальник храма, дает ему паспорт». И теперь в деспотически управляемых государствах Европы мы встречаем более или менее строгую систему паспортов, препятствующую передвижению граждан с места на место и в известных случаях мешающую их выезду из страны.

Однако и здесь, как и везде, давление, которое социальный агрегат оказывает на составляющие его единицы, уменьшается по мере того, как индустриальный тип начинает в значительной степени смягчать тип военный, отчасти потому что общества, характеризующиеся индустриализмом, имеют многочисленное население и излишек в членах для заполнения мест тех, которые оставляют свои общества, а отчасти потому что за отсутствием насилия, сопровождающего военный режим, достаточно тесная связь является результатом денежных интересов, семейных уз и любви к родине.

§ 453. Итак, не касаясь в настоящее время того политического развития, которое проявляется ростом структуры, и ограничиваясь политическим развитием, обнаруживающимся в увеличении массы организма и названным здесь политической интеграцией, мы находим в нем следующие черты. Пока агрегаты малы, то присоединение (инкорпорация) материала для возрастания одного на счет другого слабо подвигается вперед посредством захвата, путем воровства женщин и случайным принятием в свою среду одним агрегатом людей из другого агрегата. С образованием обширных агрегатов процесс инкорпорации получает более широкие размеры: сначала с помощью захвата в рабство отдельных членов завоеванных триб, затем с помощью присоединения к себе этих триб во всем их составе.

И когда сложные агрегаты переходят во вдвойне и втройне сложные, тогда в них возрастает стремление поглотить смежные с ними менее обширные общества и образовать из себя еще более обширные агрегаты.

Разного рода условия могут благоприятствовать или мешать общественному росту и уплотнению (консолидации); обитаемая местность может быть способна или неспособна выдерживать многочисленное народонаселение, или оно может, доставляя большие или меньшие удобства к передвижениям на своей площади, облегчать или затруднять кооперацию, или же, смотря по тому, защищена ли она естественными преградами или не защищена ими, она может делать легкой или трудной сплоченность индивидуумов, необходимую для первоначальной их связи.

Физическая, нравственная и умственная природа индивидуумов, происшедших от одного определенного корня, также может в большей или меньшей степени благоприятствовать их действию сообща.

Хотя размеры, которых может достичь в каждом отдельном случае политическая интеграция, зависят отчасти от этих условий, но, с другой стороны, они зависят также и от большей или меньшей степени сходства между слагаемыми частями. Вначале, если природа является малоблагоприятной для связи социальных организмов, агрегация в широкой степени зависит от уз крови, предполагающих большую степень сходства индивидуумов.

Группы, в которых эти связи по крови и проистекающее из нее сходство наиболее ясны, группы, в которых общие семейные предания, общее происхождение от одного предка и общее поклонение этому последнему благоприятствуют сходству идей и чувств, суть те именно группы, в которых возникает теснейшая социальная связь и которые проявляют наибольшую силу кооперации. Эти связи родства и развивающееся из них сходство природы личностей способствовали в продолжение долгого времени политическому единению кланов и триб, происшедших из этих первоначальных патриархальных групп. Только тогда, когда приспособления к социальной жизни делают значительные успехи, является возможность согласной кооперации лиц, не связанных единством рода; но даже и тогда несходства их натуры не должны

переходить известной границы. Там, где природное несходство велико, общество, поддерживаемое вместе только силою, с падением этой силы стремится распасться на части.

Итак, сходство единиц, образующих социальную группу, составляет одно условие их интеграции. Дальнейшим условием является их взаимное противодействие внешнему действию; военная кооперация является деятельной причиной социальной интеграции. Временные союзы диких для защиты и для нападения служат вступительным шагом к этому. Когда многие трибы соединяются против общего врага, продолжительность их взаимодействия заставляет их соединиться под одной общей властью. То же самое можно сказать и о последующих более обширных агрегатах.

Прогресс социальной интеграции есть вместе и причина и следствие уменьшения разрозненности между входящими в состав ее единицами. Первоначальные бродячие орды не оказывают давления на составляющих их членов, оставляя им полную свободу покидать одну орду и переходить в другую. Когда трибы достигают большего развития, выход из одной и вступление в другую становятся менее легкими; состав союзов является гораздо менее подвижным. И на той долгой стадии развития, на которой расширение и консолидация обществ совершаются помощью военной жизни, подвижность единиц все более и более затрудняется. И только с замещением насильственной кооперации свободной кооперацией, характеризующей развитие индустриализма, исчезает это затруднение: в этих обществах принудительная связь соответственно заменяется связью самопроизвольной.

Может быть названа постоянной та истина, что политическая интеграция, подвигаясь вперед, стремится сгладить первоначальные деления соединенных частей. Здесь мы замечаем, во-первых, медленное исчезновение тех нетопографических разделений, происходящих от связей родства и дающих в результате отдельные роды и трибы — разделения по родам и трибам, которые остаются долгое время после того, как обширные общества являются сформированными: постепенное смешение уничтожает их. Во-вторых, меньшие общества, соединяясь в большее, теряют в течение долгой кооперации различия своих организаций, вначале удерживаемые ими: общая

организация начинает разветвляться между ними, и их индивидуальные различия становятся незаметными. И, в-третьих, за этим непосредственно следует более или менее решительное уничтожение их связей, зависящих от топографических условий, и замена этих последних новыми административными связями общей организации. Отсюда естественным образом следует и обратная истина, что во время распада социальных организмов сперва разделяются большие группы, а потом уже, если распадение продолжается, и эти последние распадаются на составляющие их меньшие группы. В пример можно привести древние империи, одна за другой образовывавшиеся на Востоке: отдельные государства, входившие в их состав, тотчас возвращались к своей прежней независимости, как только исчезало насилие, связывавшее их вместе. Примером может служить также империя Каролингов, которая, распавшись сначала на свои главные составные части, оказалась с течением времени распавшейся и на подразделения их*. И когда, как в последнем случае, процесс распада заходит очень далеко, является поворот к чему-то подобному примитивным условиям, при которых маленькие хищнические общества занимаются постоянными войнами с подобными им маленькими обществами, окружающими их.

IV | ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ¹

§ 455. Тот общий закон, по которому одинаковые единицы, подверженные действию одинаковых сил, стремятся сплотиться (интегрироваться), был подтвержден в последней главе примерами образования социальных групп. Первую ступень социального развития мы видели там, где группа однородных людей, подвергаясь одинаковым образом враждебным действиям извне, оказывала им одно общее сопротивление. Здесь мы заметим применение к этим группам соответственного общего закона, в силу которого пропорционально тому, как одинаковые составные части или единицы агрегата подвергаются неодинаковым влияниям, они стремятся образовать дифференцированные (различные) части агрегата. Этот закон наблюдается в приложении к таким социальным группам, что составляет вторую ступень социального развития.

Первоначальная политическая дифференциация возникает из первоначальной семейной дифференциации. Мужчины и женщины, подвергаясь вследствие несходства их функций в жизни неодинаковым влияниям, в самом начале становятся в неодинаковое положение в социальной группе, подобно тому, как различно было их положение в группе семейной: очень рано они образуют нечто, соответствующее двум политическим классам — правителей и управляемых. А до какой степени справедливо то, что возникающее между ними такое различие общественного положения происходит от различия их отношений к окружающим работам, мы увидим из того, что первое является большим или меньшим, сообразно тому, велико или мало второе. Было указано — когда шла речь о положении (*Status*) женщин, — что между чиппева (*Chippewa*), а тем более между клатсопами и чинуксами*, «живущими рыбой и кореньями, добывать которые женщины способны наравне с мужчинами, первые пользуются большим значением и влиянием, что очень

¹ Разделение на классы и сословия. — Прим. ред.

редко можно встретить между индейцами». Мы видели также, что на Куэбе (Субеа)*, где во время войны женщины присоединяются к мужчинам, «сражаясь бок о бок с ними», их положение оказывается гораздо высшим, чем оно обыкновенно бывает у грубых народов; равным образом в Дагомее, где женщины столь же воинственны, как и мужчины, они пользуются таким уважением, что в политической организации «высшее место принадлежит женщине». Из сопоставления этих исключительных случаев со случаями обыкновенными, когда одни мужчины занимаются войной и охотой и пользуются неограниченным авторитетом, в то время как женщины, занимающиеся собиранием различной ничтожной пищи и переноской тяжестей, являются презренными рабынями, становится очевидным, что различие отношений к окружающим работам дает начало различию социального положения.

Как мы видели ранее, другой иллюстрацией этой истины могут служить те немногие нецивилизованные общества, которые ведут постоянно мирную жизнь, как, например, бодо и дималы в горах Индии или древние пуэблы** Северной Америки: у них занятия не были резко разделены на воинственные и производительные, исполняемые раздельно обоими полами, в силу чего в таких обществах из этой относительно незначительной разницы между деятельностью мужчины и женщины вытекает или вытекало незначительное различие их социального положения (status).

То же мы увидим, переходя от этой большей или меньшей политической дифференциации, сопровождающей различие полов, к дифференциации, не зависящей от полового различия, т.е. к той, которая возникает среди самих мужчин. Там, где жизнь идет неизменно мирно, определенного деления на классы не существует. Примером может служить одно из горных племен Индии, о котором я часто упоминал как об отличающемся честностью, справедливостью и дружелюбием, сопровождающими чисто промысловую жизнь. Ходжсон говорит: все бодо*** и все дималы равны, абсолютно равны — и фактически, и по праву; «это изумительно, но это действительно так». Подобное же говорят и о другой мирной и дружелюбной горной трибе: «Лепхасы не имеют кастовых различий». Между различными племенами папуанцев могут быть названы мирные

арафуры*, обнаруживающие «взаимную братскую любовь друг к другу» и не имеющие никакого деления на классы.

§ 456. И, как первоначальные семейные (домашние) отношения полов переходят в политические отношения, при которых мужчины и женщины в воинственных группах становятся властвующим и подданным классами, так же точно и отношения между господином и рабом — первоначально чисто домашние — переходят в политические, которые устанавливаются тем крепче, чем более вследствие постоянных войн разрастается обращение в рабство. С образованием класса рабов начинается то политическое разделение (дифференциация) между правящими структурами и структурами подвластными, которое продолжает идти сквозь все более высокие формы социального развития.

Кан замечает, что «рабство в своей самой ужасной форме существует среди индейцев на всем побережье от Калифорнии до Берингова пролива: более сильные трибы обращают в рабство всех членов других триб, которых им только удастся победить. Во внутренности страны, где случаи войны незначительны, рабство вовсе не существует». И это замечание выражает лишь в ясной форме истину, наблюдаемую всюду. Очевидность убеждает, что обычай обращения в рабство развивается мало-помалу из обычая людоедства (каннибализма). Относительно нуткасов** мы читаем, что у них «случаются жертвоприношения рабами и угощения ими». И если мы противопоставим этот обычай с обычаем, существующим в других местах, — убивать и пожирать пленников тотчас же, как они захвачены, — мы можем вывести заключением, что захват слишком большого числа пленников, при которых они не могут быть все немедленно съедены, причем их излишек, предназначенный быть съедаемым по мере надобности, в ожидании этого, употреблялся для исполнения различных работ, привел к открытию, что служба пленников может быть ценнее, чем их мясо; отсюда возникал обычай сохранять их в качестве рабов. Очевидно, что рабство женщин, детей и тех из мужчин, которые остаются неумерщвленными, является рабством в полном смысле этого слова. Они абсолютно принадлежат своим поработителям, которые могли убить их и которые удерживают за собой это право убить их во всякое время, когда им захо-

чется. Они становятся собственностью, с которой можно сделать всякое возможное употребление.

Захват рабов, который является вначале результатом войны, становится впоследствии целью войны. О нуткасах мы читаем, что «некоторые из слабейших триб на севере острова обыкновенно считаются за трибы, снабжающие рабами, и периодически выдерживают набеги более сильных триб»; подобное же явление замечается и между чинуками. То же самое было и в древней Вера-Паз, где «совершались периодические набеги в неприятельскую территорию... и захватывалось такое число пленников, в котором была надобность»; то же было и в Гондурасе, где при объявлении войны неприятелю посылается известие о том, что «нуждаются в рабах». То же самое и у различных существующих народов. Сент-Джон говорит, что «большая часть даяков* имеют большее желание завладеть рабами, нежели головами, и, нападая на деревню, убивают только тех, которые оказывают сопротивление или пытаются убежать». А что и в Африке обыкновенно ведутся войны с целью завладеть рабами — это не нуждается в доказательстве.

Разделение на классы, возникшее таким образом из войны, поддерживается затем и усиливается различными путями. Очень рано замечается здесь обычай купли. У чинуков, кроме рабов, захваченных ими в плен, есть еще рабы, которых они купили детьми у своих соседей. Как мы видели, когда рассматривали домашние отношения, продажа своих детей в рабство не представляет ничего необычного в среде диких. Расширение класса рабов, начавшееся таким образом с купли, идет все далее и далее с помощью и других средств. Такова, например, добровольная отдача себя в рабство с целью отыскать защиту, таково порабощение за преступление.

Оставляя подробности, мы должны лишь установить здесь, что политическая дифференциация, начинающаяся войною, осуществляется не помощью присоединения других обществ в целом их составе и не помощью присоединения целых классов другого общества, а помощью присоединения отдельных членов этих обществ или посредством иных подобных единичных приращений. Класс рабов, составленный из членов, оторванных от их первоначальных социальных отношений, разобщенных между собою и всецело привязанных к своим собственникам,

вначале очень неясно выделяется в качестве социального слоя. Выделение его возникает лишь вместе с некоторым ограничением прав собственников. Переставая быть в положении домашнего скота, рабы начинают образовывать отдел политического целого, в котором начинают обнаруживаться их собственные права, ограничивающие права их господ.

§ 457. Обыкновенно полагают, что крепостное состояние происходит из ослабления рабства, но исследование фактов показывает, что оно возникает иным путем. До тех пор, пока первоначальные трибы во взаимной борьбе за существование увеличиваются одна на счет другой посредством присвоения себе отдельных индивидуумов, которых им удастся взять в плен, — они образуют у себя класс абсолютных рабов; образование класса крепостных людей, класса значительно высшего и имеющего определенное социальное *положение* (status), сопровождается те более поздние и более широкие процессы роста, при которых одно общество присоединяет к себе другое в целом его составе. Крепостное состояние возникает вместе с завоеванием и присоединением целых областей.

Между тем как одно обнаруживается тем, что пленники отрываются от их домов, при другом покоренный народ продолжает жить в своих домах. Томсон замечает, что «между новозеландцами трибы становятся номинальными рабами, когда завоеватели оставляют их на их обычном месте пребывания под условием уплаты известной дани съестными припасами и пр.», — положение, в котором можно видеть зарождение подобных учреждений в соединившихся обществах. О правительстве Сандвичевых островов*, когда оно впервые было известно и состояло по описаниям из короля и непокорных вождей — усмиренных им лишь относительно в недавнее время, — Эллис пишет: «Народ вообще рассматривается как прикрепленный в земле и переходящий вместе с нею от одного вождя к другому». Раньше последних перемен на островах Фиджи там существовали поработанные области, о населении которых мы читаем, что оно обязано было снабжать дома своих господ «ежедневно съестными припасами, строить их и держать в исправности». Хотя степень зависимости населения, поработанного подобным образом, чрезвычайно различна, — начиная

с крайней степени, при которой, как на острове Фиджи, порабощенный может подлежать съедению в случае надобности, и до другой — при которой с него требуется лишь определенное количество произведений или труда, однако во всяком случае везде порабощение этого рода сходно в том отношении, что народ остается на своем первобытном месте пребывания. Есть много причин думать, что и крепостная зависимость в Европе образовалась подобным же путем. В Греции, на острове Крите, после покорения его дорийцами*, образовалось вассальное народонаселение, частью, кажется, из туземцев острова, частью из предшествовавших завоевателей; причем первые стали крепостными, прикрепленными к земле государственной и личной, вторые же сделались платящими дань собственниками земли.

И в Спарте подобные же отношения возникли из подобных же причин; в ней были *гелоты*, жившие на землях своих господ, спартанцев, и обрабатывающие эти земли, и кроме того, *перизки* (или лакедемоняне), составлявшие, вероятно, высший класс населения перед вторжением дорийцев. Точно то же было и в греческих колониях, основанных позже, как, например, в Сиракузах**¹, где аборигены страны сделались крепостными. Подобное же было и в более позднее время и в более близких нам местностях. Когда Галлия была наводнена римлянами и потом, когда романизированная Галлия была покорена франками, в ней произошло небольшое перемещение прежних земледельцев, но они только упали в сравнительно низшее положение, именно в низшее политическое положение, а по мнению Гизо, и на более низкую ступень в промышленном отношении. Наша собственная страна представляет также подходящие примеры. «В древней Британии, как пишет Гирсон, вероятно, существовали закрепощенные деревни, населенные родственными, но покоренными племенами, первоначально владевшими землею». К тем же самым выводам приводят нас и наиболее достойные доверия сказания, дошедшие от древних времен Англии и Нормандии. Профессор Стеббс говорит: «*Керл (caorl)*¹ имел право на общественные земли своего городского округа. Его латинское имя *villanus* (гражданин) было символом свободы,

¹ *Keorl*, или *ceorl*, — городские жители и свободные землевладельцы. — Прим. ред.

но его привилегии были связаны с землей; и когда норманский лорд завладевал землей, он овладевал вместе с нею и вилленами. Однако виллен еще удерживал свои древние привилегии, свой дом, свою землю, свои права на лес и на сено; земли лорда нуждались для обработки в его услугах, и лорд из чувства собственного интереса оказывал ему некоторого рода покровительство наравне с тем, которое доставалось на долю лошади или вола». Такое же значение имеют и следующие строки из Иннеса: «Я говорил, что между обитателями Гренджа* на самой низкой ступени стоял *керл*, *бонд*, *серф*, или *виллен* (*ceorl*, *bond*, *seft*, or *villan*), переходивший из рук в руки вместе с землей, которую он обрабатывал; в случае если бы ему вздумалось убежать, его можно было изловить и вернуть на прежнее место, так же как заблудившегося вола или овцу. Их законное имя *nativus*, или *neuf*, которое, впрочем, я встречал лишь в Британии, указывает, как кажется, на их происхождение от туземной расы первобытных владетелей земли. В регистре Данфермлина** находятся многие «генеалогии», или *stud books*, предназначенные для того, чтобы лорд мог проследить и вывести свой род в восходящей линии от серфов. Достоин замечания, что многие из них носят кельтские имена».

Ясно, что покоренная территория оставлялась в руках ее первобытных возделывателей, потому что без обработки она стала бы ни к чему не годной и потому что не было никакой выгоды замещать этих возделывателей другими, если бы даже и имелось адекватное количество этих других. Таким образом, подобно тому, как в собственном интересе завоевателя было прикрепить к земле ее первобытного культиватора, в его же интересе было оставить за последним и известную сумму дохода, необходимую для того, чтобы поддержать его жизнь и доставить ему возможность производить потомство, а также интерес завоевателя охранял возделывателя его земли от всего, что могло сделать его неспособным к работе.

Для того, чтобы показать, насколько существенно различие между рабством первобытного типа и рабством крепостной зависимости, здесь необходимо прибавить, что, тогда как первое может существовать — и на самом деле существует — среди диких и кочевых триб, второе становится возможным только на земледельческой ступени развития, потому что только

на этой ступени можно наблюдать случаи покорения одного общества в целом его составе другим обществом, и только она дает какую-либо возможность прикрепления к земле.

§ 458. Ассоциация людей, живущих охотой, для которых занимаемое ими пространство земли ценно только по водящейся на нем дичи, конечно, не может требовать ничего иного, кроме общего участия в выгодах занимаемой ею площади: право, которое ее члены имеют на землю, должно быть общим правом. Естественно при этом, что вначале все взрослые мужчины, которые суть вместе и охотники, и воины, сообща владеют неразделенной землей и оказывают противодействие захвату ее другими трибами. Хотя на низшей ступени пастушеского образа жизни, особенно в том случае, когда бесплодие почвы заставляет людей далеко расходиться друг от друга, еще и нет определенного пользования на правах собственности местностью кочевья, однако уже и здесь, как мы можем видеть в ссоре за пастбища пастухов Авраамовых с пастухами Лота, начинают возникать некоторые попользования к исключительному пользованию землей; а на позднейшей полукочевой ступени развития, как то мы видим у древних германцев, кочевье каждого отдельного отряда определяется границами. Я привожу эти факты для того, чтобы показать установленную вначале тождественность класса воинов с классом землевладельцев. Потому что и в тех группах, которые живут охотой, и в тех, которые занимаются скотоводством, рабы одинаково исключены из пользования землей, а свободные люди, которые в то же время и воины, само собою разумеется, становятся владельцами территории. Эта связь, под различными видоизменениями форм, долго существует и на последующих ступенях социального развития — противное вряд ли и возможно: так как на ранней ступени оседлости земля составляет почти исключительный источник благосостояния, то неизбежно случается, что во времена господства принципа «сила есть право» личная сила и владение землей идут рука об руку. Отсюда следует факт, что везде, где вместо того, чтобы принадлежать целой политической общине, земля является разделенной между составными сельскими общинами, или между семьями, или же между отдельными лицами, владение ею обыкновенно соединяется с военными

занятиями. В Древнем Египте всякий солдат был землевладельцем и «имел участок земли около шести акров». В Греции вторгнувшиеся эллины, вырывая обладание землей из рук прежних собственников, соединяли военную службу с землевладением. В Риме также «каждый свободный собственник от семнадцатилетнего до шестидесятилетнего возраста был обязан службою... так что даже вольноотпущенник должен был служить, если каким-нибудь исключительным случаем он делался владельцем земельной собственности. Подобное же встречаем мы и в древней тевтонской общине: составленная из воинов по профессии, армия общины включала в себя массу свободных людей, устроившихся семьями и сражавшихся за свои дома и очаги», — эти свободные люди, или стрелки (*markmen*), владели землей частью сообща, частью на правах личных собственников. Равным образом и древние англичане «селились на занимаемой ими земле родственными группами (*cognationes*), происшедшими от их расположения на поле битвы, где каждая родственная группа предводительствовалась офицером, выбранным из своего рода по взаимному соглашению; и до такой степени была тесна эта зависимость, что *«тан»* за дурное командование на войне терял свое наследственное право на владение землей».

Из первоначальной связи между воинскими занятиями и владением землей, естественным образом возникающей из общего интереса, который имеют индивидуальные или коллективные владельцы земли при защите от нападений, возникает с течением времени дальнейшая связь. Так, с военными успехами прогрессирует и социальное развитие, дающее все большее и большее могущество господствующему правителю; а у этого последнего входит в обычай награждать военных предводителей участками земли. Древние египетские государи награждали отличившихся военными подвигами офицеров «участками коронной земли». Когда варвары вошли в состав римских войск, «им, согласно обычаю, господствовавшему в римской армии, было назначено жалованье землей. Эта земля отдавалась солдату под условием, чтобы сын его также поступал в ряды войска». А то, что родственник с этим обычай идет сквозь весь феодальный период, составляет общепризнанную истину; из него возникло временное феодальное пользование землей, и поводом к исключению женщин из права на наследование

земли послужила их неспособность носить оружие. Достаточным примером установленного отношения может служить и тот факт, что «Вильгельм Завоеватель... разделил свое королевство на части приблизительно равного достоинства числом около шестидесяти тысяч и распределил их между солдатами сообразно заслугам каждого» и что одним из своих законов он требовал от всех владельцев земли «клятвы в том, что они признают себя вассалами или ленниками (временными владельцами)» и «будут защищать землю и титул своего государя, точно так же, как и его особу, являясь в военное время вооруженными и на конях».

По гербам графских фамилий и по портретам их предков, представленных большей частью в военных костюмах, мы можем видеть, до какой степени долго держалась эта первоначальная связь между воинскими занятиями и землевладением.

§ 459. Исходя из того, что класс воинов, или людей, носящих оружие, есть вместе с тем в первоначальных трибах и класс людей, владеющих землей на правах коллективной или личной собственности, мы приходим к вопросу: каким образом дифференцируется этот класс на дворян и просто свободных граждан?

Самый общий ответ на это будет, естественно, состоять в том, что с того момента, как состояние однородности неизбежно делается неустойчивым, время неизбежно вносит неравенство положений в среду тех, чье положение первоначально было равным. Раньше достижения обществом полуцивилизованной стадии развития дифференциация не может быть решительной, потому что до нее большое накопление богатств является невозможным и потому что еще нет законов о наследовании, которые дают такую важную поддержку этому накоплению. Но в пастушеских, а еще более в земледельческих союзах, и особенно там, где уж установился закон наследования по мужской линии, появляются различные причины, благоприятствующие дифференциации. Первая из них — это неодинаковая степень родства с родоначальником.

Очевидно, при смене поколений новые потомки отдаленных линий все далее и далее расходятся со старшими потомками ближайших линий и степеней родства. Таким образом возникает социальное неравенство; как обязанность кровавой

мести за убитого члена фамилии не простирается далее известной степени родства (в древней Франции не далее седьмого колена), так же точно и никакие другие отличия не переходят за этот предел. От этой же самой причины возникает и неравенство имущественное. Наследство старшего в роде от поколения к поколению ведет к тому, что те, которые по крови имеют наименее тесную связь с главой группы, оказываются также и наименее бедными. Для содействия этим факторам является еще и следующий за ними фактор — а именно высшая степень могущества, которую дает большое богатство. Потому что в случае возникновения распрей между трибами богатейшие из них, имея лучшие средства защиты и возможность купить себе помощь, натурально имеют преимущество над беднейшими. Доказательством важности этой причины может служить факт, приводимый Генри Мэном: «Основатели части нашей новейшей европейской аристократии, а именно датской, были, как известно, поселянами, которые укрепили свои дома во время смертельной борьбы деревень и воспользовались этим преимуществом». Это превосходство власти или положения, однажды возникшее, возрастает различными путями. В предыдущей главе мы видели уже, что общины в известной степени возрастали через миграцию в них членов других общин, иногда преступников, иногда же тех, которые у себя подвергались угнетению. Часто в тех случаях, когда эти беглецы оказываются принадлежащими к расе более высокого типа, они становятся правителями (так во многих трибах горных индийцев — раджи индусского происхождения); в случаях же принадлежности их к той же самой расе и если они не могут сами стать повелителями, то пристают к наиболее могущественным вождям принявшей их трибы.

Иногда они отказываются от своей свободы, чтобы найти себе защиту; между обитателями Восточной Африки человек, желая сделаться рабом, ломает свое копье в присутствии добровольно выбранного им господина; между фулахами* делающийся чьим-нибудь рабом наносит себе какой-нибудь незначительный телесный вред. И в Древнем Риме класс полурабов, обозначаемый именем клиентов, возник из этого же добровольно принятого рабства для получения безопасности. При равенстве всех других условий, принимая службу и покрови-

тельство лица, отличающегося превосходством власти и имущества, он тем самым служил к еще большему возвышению могущества уже и без того могущественного человека. Эти вооруженные подданные, не имевшие в качестве чужеземцев права требовать части в землях группы и связанные с нею только подданством главе ее, удовлетворялись положением *комитов*, как это мы находим в ранних германских общинах, или *huscarlas* (домашних слуг, домоладцев), которыми в древней Англии окружали себя дворяне.

Очевидно также и то, что партизаны подобного рода имели некоторую общность интересов со своим покровителем, с остальными же членами союза у них ее не было, и потому они становились в руках первого средством для узурпации общих прав и для возвышения путем притеснения остальных.

Мало-помалу контраст усиливается. Сверх тех, которые добровольно делались рабами начальника общины, другие становились рабами, попадаясь в плен во время все еще продолжавшихся войн; иные делались рабами, ставя самих себя на ставку в игре, иные посредством купли, иные за преступление, иные за долги. И неизбежно владение большим количеством рабов, которым обыкновенно сопровождалось богатство и власть, служило к еще большему возрастанию этого богатства и этой власти и к еще более заметному различию высших рядов от низших.

И в конце концов низший свободный в такой степени оказывался во власти высшего свободного, или дворянина, и его вооруженных сторонников чужестранного происхождения, что был вынужден в видах безопасности вливаться в ряды сторонников; и, будучи поначалу добровольным, отношение зависимости становилось все более и более принудительным. «Свободный может выбрать себе господина, кому вверить себя; но он должен иметь господина, который был бы одновременно его защитником и гарантом».

§ 460. Некоторое сопутствующее влияние порождается различием природы, как физической, так и духовной, тех членов общества, которые достигли высшего положения, и тех, которые остались на низшей ступени. Неравенство положения (*status*), однажды возникшее, ведет к несходству образа жизни, кото-

рый, производя различие в телосложении, неминуемо влечет еще более труднопримиримое неравенство положения.

На первом месте здесь стоит различие в пище с сопровождающими его последствиями. В обычае, распространенном среди примитивных триб, по которому женщины поддерживают свое существование только тем, что им оставят мужчины, или же в идущем вместе с этим обычае, в силу которого не дозволяется младшим употребление известных сортов мяса, употребляемых старшими, мы видим пример постоянной склонности сильнейших питаться в ущерб слабейших; потому-то, когда возникает деление на классы, обыкновенным следствием его является лучшее питание высших в сравнении с низшими. Форстер замечает, что на островах Товарищества низшие классы часто терпят от недостатка в пище, никогда не испытываемого высшими. На Сандвичевых островах мясо имеющихся животных обыкновенно съедается вождями. О людоедстве между фиджийцами Симен говорит: «Простой народ всей группы, равно как и женщины всех классов, по обычаю непричастны ему». Этих примеров достаточно, чтобы указать разницу, замечаемую повсюду между пищей правящего меньшинства и подвластного большинства. Итак, от подобного различия в питании и сопровождающих его различий в одежде, убежище и расходе энергии (силы) произошли коренные различия и телесной природы людей. О фиджанах мы читаем, что «начальники их отличаются высоким ростом, прекрасным телосложением и силой мускулов, тогда как низшие классы представляются худосочными вследствие трудных работ и недостатка питания». На Сандвичевых островах вожди «высоки и сильны и по своей наружности настолько превосходят простой народ, что некоторые считали их принадлежащими к отдельной расе». Эллис, подтверждая слова Кука, говорит о таитянах, что их вожди «почти без исключения настолько же выше простолюдинов по физической силе, насколько выше их по своему рангу и положению», а Эрскин указывает на подобное же различие между тонганцами. Из заметок Рида мы можем заключить, что то же самое наблюдается и между африканскими расами: «придворные дамы высоки и элегантны; их кожа гладка и прозрачна; их красота жизненна и долговечна. Девушки средних классов часто также красивы, но в большинстве случаев малы ростом, грубы и скоро

отцветают; если же мы спустимся в низшие классы, то там редко можем встретить красивую наружность; мы встретим там фигуры согнутые, малорослые, иногда почти лишенные форм»¹.

Вместе с тем возникает между правящими и подданными классами различие и в физической ловкости. Высшие классы, занятые, как это обыкновенно бывает, охотой, во время, свободное от военных занятий, отличаются долговечностью и передают из рода в род сложившееся вышеописанным путем физическое превосходство, в то время как низшие классы, занятые земледелием, переноскою тяжестей и другими черными работами, мало-помалу теряют ту ловкость и стройность, которые им были даны природой.

Затем, смотря по тому, пользовался ли человек изо дня в день властью над другими или же изо дня в день подчинялся чужой власти, в нем развиваются и соответственные духовные качества. Мысли, чувства, образ действия, постоянно практикуемые, производят в одном случае врожденную склонность повелевать, в другом — прирожденную способность повиноваться, в результате чего является с течением времени уверенность и с той и с другой стороны в том, что установившиеся отношения между классами устроены так самой природой.

Если мы вспомним обычную войну между оседлыми обществами, то предыдущие разъяснения будут заключать в себе и объяснение образования сложных обществ. Деление на классы, возникшее вышеописанным образом, усложнялось дальнейшим разделением на классы, определявшимся соприкосновением, возникавшим время от времени между такими победителями и побежденными, которые уже имели подразделение на классы в собственных группах.

§ 461. Подразумеваемая непрерывные войны между оседлыми обществами, приведенное выше толкование подразумевает образование сложных обществ. Поэтому описанный выше тип разделения на классы обычно еще сильнее усложняет классовое деление, возникающее в результате взаимодействия между

¹ Подтверждение этому я нахожу в только что вышедших «Transactions of the Anthropological Institute» (Трудах Антропологического института). Даже теперь в Англии люди профессиональных классов выше ростом и плотнее, чем рабочие.

классовым делением завоевателей и побежденных, поскольку эти группы уже поделены на классы.

Возрастание дифференциации, сопровождающее возрастание интеграции, мы ясно можем видеть в некоторых полувиллизированных обществах, подобных обществам жителей Сандвичевых островов. Эллис перечисляет их классы следующим образом. 1) Король, королева, королевское семейство и советник или первый министр короля. 2) Губернаторы отдельных островов и начальники некоторых больших областей. Многие из них потомки королей, владевших во время Кука отдельными островами до тех пор, пока не были покорены Камехамехой. 3) Начальники округов и деревень, платящие определенную ренту за землю, обрабатываемую ими при посредстве подчиненных им людей или же отдаваемую ими в аренду. К этому классу принадлежали и древние жрецы. 4) Земледельческие классы — арендаторы маленьких участков земли; те, которые обрабатывают землю за пищу и одежду; ремесленники, музыканты, танцоры. И, как можно видеть из других мест этого сочинения, земледельческие классы, здесь сгруппированные вместе, подразделяются на рабочих, нанятых за известную плату, крепостных, привязанных к земле, и рабов. Наблюдение делает довольно ясным то, что низшие вожди, некогда независимые, начинают занимать второй из вышеперечисленных рангов, когда соседние с ними вожди покоряют их, становясь таким образом местными королями, и что они переходят в третий ранг в то время, когда эти местные короли, в свою очередь, становятся вождями второго разряда и когда вследствие новых завоеваний устанавливается королевская власть над целой группой. Другие общества на подобных ступенях развития тоже показывают нам подразделения, однородные с только что перечисленными. Новозеландцы делятся на шесть классов; ашантии тоже на шесть; абиссинцы на пять; другие более или менее сложные африканские государства представляют подобные же подразделения. Может быть, древнее Перу доставляет нам наиболее ясный пример того, что подразделение на классы вытекает из порабощения. Маленькие королевства, соединенные в одно целое завоевателями-инками, оставались каждое в отдельности, как и прежде, со своими правителями и с подчиненными ими начальниками; но над всем целым империей явилась

организация инков — правителей различных степеней. Однородные причины производили однородные следствия и в древнеегипетском периоде; это мы можем вывести из преданий и памятников древности, говорящих нам и о локальных войнах, окончившихся слитием воедино, и о порабощении пришлыми расами; отсюда естественным образом произошли те деления и подразделения, которые представляет нам египетское общество, — вывод, подтверждаемый и тем обстоятельством, что когда во время владычества римлян римские правительственные агенты стали над национальными правительственными агентами, тогда здесь возникали новые осложнения. Проходя мимо других примеров древности и обращаясь к близкому нам случаю в нашей собственной стране, мы отметим, что из потомков норманнов-завоевателей здесь возникли два класса высших и низших баронов, получавших свои земли непосредственно от короля, в то время как древние английские таны* были низведены на степень субфеодалов. Само собою разумеется, что там, где непрестанные войны производили то небольшие агрегации, то агрегации более широкие, то распадения их на новые агрегации, то соединения этих последних, разнообразные по своей величине, как это бывало в средневековой Европе, там возникли чрезвычайно многочисленные разделения. В королевстве Меровингов** были рабы, происшедшие семью различными путями: были крепостные нескольких разрядов, были свободные люди, хотя и освобожденные от крепостной зависимости, но все-таки не причислявшиеся к классу вполне свободных, и были два других класса менее свободных — *литены* и *колоны* (*liten, coloni*). Свободные люди были здесь трех классов: независимые собственники земли — свободные люди, зависимые отношения которых к другим свободным людям подразделяли их на два вида, и свободные люди, находившиеся в специальных отношениях к королю и делившиеся на три вида.

Рассматривая до сих пор различные случаи того, каким образом большая политическая дифференциация становится возможной вследствие большей политической интеграции, мы теперь можем заметить, что на низших ступенях, когда социальная связь слаба, тогда, наоборот, большая политическая интеграция становится возможной вследствие большей политической дифференциации. Для того, чтобы большая масса, пока

еще не сплоченная, могла держаться вместе как одно целое, нужны более многочисленные агенты, стоящие в последовательных степенях взаимного соподчинения, чтобы удержать ее от распада.

§ 462. Политическая дифференциация, возникающая путем войн и в течение времени приобретающая все большую и большую определенность, до того, что смешение классов путем брака начинает считаться преступлением, на дальнейших ступенях развития и под влиянием других условий встречает себе препятствия, ослабляется и, частью или всецело, уничтожается.

Там, где в течение долгого периода и в постоянно изменяющихся степенях война производила то объединения, то распада, постоянно то разбивая, то снова образуя общественные связи, там затемнялись первоначальные деления, основанные вышеописанными путями: примером может служить Положение дела в королевстве Меровингов. А там, где завоевания совершались не родственными обществами, которые в большой мере оставляют неприкосновенными социальное положение и права покоренных, а чуждыми расами, поступавшими более варварски, там начальные градации могли совершенно уничтожаться и на месте их могли возникнуть новые градации вполне по указанию деспота-завоевателя.

Примеры этого мы можем видеть в странах Востока, где подобные завоевания одной расы другою совершались начиная с самого раннего времени: здесь очень мало или совсем нет наследственных классов и единственно признаваемые классы суть обуславливаемые официальным положением; кроме этих градаций, обуславливаемых служебным положением, здесь нет никаких классовых различий или никаких различий, имеющих политический смысл.

Стремление к подчинению первоначальному делению и к установлению их на месте новых делений является и вследствие других причин: оно обыкновенно сопровождает успехи политического уплотнения (консолидации). Перемена, происшедшая в Китае, может быть приведена здесь как прекрасная иллюстрация этого эффекта. Гутцлафф говорит: «Единственный титул был впоследствии (при падении феодальной системы) наградою, жалуемою государем... надменные и могущественные

в других странах аристократы стали здесь зависимыми и бедными слугами короны. Революционный принцип равенства всех классов был внесен в Китай в самой широкой степени... Это было введено к выгоде государя, к тому, чтобы дать его авторитету высшее могущество».

Причины этой перемены отыскать нетрудно. Прежде всего покоренные местные правители, теряя с успехами интеграции все более и более свою власть, теряли, следовательно, все более и более свое действительное, если не номинальное, общественное положение (ранг), переходя из состояния данников-правителей к состоянию подданных. В самом деле, подозрительность монарха иногда побуждает его к положительному устранению их от влиятельных положений; так, во Франции Людовик XIV «систематически не допускал дворянства до министерских функций». Затем их значение в дальнейшей степени уменьшается вследствие конкуренции с ними чинов, созданных властью. Место титулов, наследованных от предков, владевших землею и бывших военными вождями, заступают титулы, пожалованные государем. Некоторые из классов, таким образом созданных, все-таки военного происхождения; таковы рыцари (knights), возведенные в их достоинство на поле битвы, иногда в большом количестве раньше сражения, иногда же после битвы в награду за доблесть. Другие из них возникают в зависимости от исполнения политических функций различных степеней; так, во Франции в XVII столетии было пожаловано потомственное дворянство чинам большого совета или чинам счетной экспедиции — чинам, которые в большинстве случаев были буржуазного происхождения. Затем законодательная деятельность тоже порождает почетные титулы. Во Франции в 1607 году дворянство было пожаловано докторам, регентам и профессорам права, а председатели судебных палат получили в 1644 году дворянство первой степени. «Так что, — как замечает Варнкениг, — понятие дворянства получает в течение времени такую растяжимость, что в нем нельзя уже более различить его первоначальных связей с владением земель (леном), вследствие чего целый институт является измененным». Все это, подкрепленное однородными примерами, доставляемыми нашею собственною странюю, равно как и другими странами Европы, показывает нам и то, каким

образом новые классовые разделения представляются отличающимися тем, что они связаны с местностью. Это есть наследие, идущее через интегрированное общество и не имеющее в большинстве случаев никакого отношения к земле и никакой связи с одной местностью преимущественно перед другой. Справедливо, что из искусственно созданных титулов высшие обыкновенно происходят от названий округов или городов: таково, например, симулирование (но только симулирование) древних феодальных титулов, выражавших в свое время действительное господство над территорией. Однако же другие новейшие титулы, возникшие на почве политических, юридических и других функций, не имеют даже и номинального отношения к областным местностям. Эта перемена естественно сопровождается интеграцией частей в целое и организацией целого, делающую незаметным разделение на части.

Еще более действительным средством к уничтожению этих первоначальных политических делений, возникших вследствие войн, служит возрастание индустриализма. Оно действует двумя путями, создавая, во-первых, класс, могущество которого имеет иное основание, чем владение землей или официальное положение, и, во-вторых, давая начало идеям и чувствам, идущим вразрез с древним пониманием классового превосходства. Как мы уже видели, социальное положение и благосостояние являются вначале соединенными. Эту связь их мы видели еще в жизни нецивилизованных народов. У готтентотов-кораннасов старшина крааля «обыкновенно лицо, владеющее большою собственностью». На наречии бечуанов* «слово *кози*... имеет двойное значение, указывая и на вождя, и на богатого человека». То небольшое значение, которым пользуется чинукский вождь, зависит от его богатства, состоящего из жен, детей, рабов, лодок и раковин. То же было первоначально и в Европе. Титул *ricos hombres*, носимый древними испанскими баронами, определенно указывает на тождественность двух атрибутов баронства. В самом деле ясно, что до развития коммерции, в продолжение того времени, пока единственно владение землей могло дать обширные средства, власть и богатство находились в непосредственной связи, так что, как замечает сэр Генри Мэн, «противоположность, существующая обыкновенно между родовитостью и богатством, а особенно

богатством, вытекающим не из поземельного владения, — всецело новейшего происхождения». Когда же с достижением промышленностью той ступени развития, на которой обширные торговые операции начинают приносить значительные выгоды, нарождается сословие торговцев, которое вступает — и не без успеха — в соперничество по богатству со многими из поземельной аристократии, когда эти торговцы, ссужая деньгами королей и дворянство, приобретают себе влияние в обществе, тогда барьер между ними и титулованными классами оказывается отодвинутым. Во Франции прогресс этого рода начался уже в 1271 г., когда была издана грамота, пожаловавшая дворянским достоинством золотых дел мастера Рауля — «первая жалованная грамота на пожизненное дворянство». За прецедентом, однажды установившимся, следуют все более и более частые повторения; иногда под давлением финансовой крайности практикуется то замаскированная, а то и явная продажа титулов. Во Франции в 1702 году король пожаловал дворянство двумстам лицам, уплатившим по три тысячи ливров каждое. Затем на помощь к этим причинам, уничтожающим древнее политическое деление на классы, идет дух равенства, все более и более усиливающийся при содействии индустриализма. По мере того, как у людей, доселе лишь уважавших права других, день ото дня укрепляется привычка защищать свои собственные права, к чему неизбежно ведет каждый акт обмена — продуктов ли на деньги или же услуг за плату, — возрастают и умственные привычки, отличающиеся от тех, которыми сопровождается подчинение, а как скоро это случается, то те политические отличия, которые подразумевали подчинение, теряют более и более уважение, дававшее им силу.

§ 463. Итак, деление на классы зарождается при самом начале социальной жизни. Исключая тех маленьких бродячих групп, которые еще настолько бессвязны, что их составные части постоянно меняют свои отношения друг к другу и к окружающей среде, мы видим, что лишь только появляется некоторая связь и некоторое постоянство отношений между частями — тотчас начинают возникать и политические деления. Относительное превосходство силы, производящее вначале сразу дифференциацию и в домашнем, и в общественном быту, в деятельности

и положении полов, производит затем дифференциацию и среди мужчин, обнаруживающуюся в порабощении пленных, — вот классы господ и рабов сформированы.

Пока люди ведут бродячую жизнь, отыскивая дикую пищу для самих себя или для своих стад, до тех пор группы, образуемые ими, встречают больше препятствий действовать посредством войны, чем лично присваивать себе отдельные единицы. Когда же люди переходят на земледельческую или оседлую ступень развития, тогда становится возможным захват одною общиною другой в целом ее составе и вместе с занимаемым ею пространством земли. При этом возникают добавочные подразделения классов. Завоеванные и обложенные данью общины имеют, кроме вождей, низведенных на степень подданных, еще и народ, низведенный до положения, при котором он хотя и остается жить на своей земле, но должен отдавать при посредстве своих вождей часть продуктов завоевателям; это положение составляет первую степень того, что в окончательной своей форме образует класс крепостных.

С самых начальных степеней развития военный класс, который силой оружия есть вместе с тем и господствующий класс, становится классом, владеющим источником пропитания, землею. На охотничьей и пастушеской ступени воины данной группы владеют землею коллективно. При переходе к оседлой ступени владение землей разными путями становится то отчасти коллективным, то почти вполне индивидуальным. Но в продолжение долгого периода социального развития владение землей продолжает быть тесно связанным с военными занятиями.

Дифференциация на классы, активной причиной которой послужили войны, развивается далее через установление точного наследования, и особенно наследования в мужском колене, при переходе положения и собственности к старшему сыну старшей ветви. Это ведет к неравенству положения и достатка ближайших родственников с отдаленными; и это неравенство имущественное, однажды установившееся, усиливается само собою, давая более богатым новые и новые средства к поддержанию своего могущества, сосредоточивая в их руках удобства нападения и обороны.

Эта дифференциация усиливается через эмиграцию беглецов, которые пристают к наиболее могущественному члену

группы то в качестве зависимых работников, то в качестве вооруженной свиты, которая образует класс людей, привязанных к господину и не имеющих связи с землей. А так как эти беглецы пристают обыкновенно к той из числа многих групп, которая наиболее сильна, и становятся подвластными ее начальнику, то они становятся орудиями дальнейшей, следующей из этой интеграции и дифференциации, к которой приводят завоевания.

Неравенство социального положения, приносящее с собою неравенство в достаточности и роде пищи, одежды и жилища, дает начало физическому прогрессу правящих классов и регрессу управляемых. А за этими физическими различиями идут, вследствие соответственных житейских привычек, и различия духовные, эмоциональные и интеллектуальные, укрепляющие общий контраст природы.

При завоеваниях, совершаемых сложными или вдвойне сложными обществами, совершается наслоение классов одних на другие. Главным следствием его является то, что в то время как классы в завоевавшем обществе становятся на относительно высшую ступень в сравнении с тою, на которой они раньше стояли, классы завоеванного общества становятся соответственно ниже.

Таким образом, деление на классы, образовавшееся на ранних ступенях воинственной жизни, стирается и затемняется, как скоро происходит соединение многих маленьких обществ в одно обширное. Классы, оставшиеся от местной организации, постепенно заменяются классами общей организации. Место представительных правителей и подуправителей, которые были воинственными владельцами управляемого ими удела, заступают правительственные агенты, составляющие более или менее ясно слой, идущий через все общество в целом его составе, — соответствующий развитой политической администрации.

Главным образом мы установили, однако, что хотя на высшей ступени политического развития обширные социальные агрегаты стремятся уничтожить деление на классы, существовавшее в малых социальных агрегатах, вошедших в их состав, но что уничтожению этих делений всего более содействует возрастание индустриализма. Порождая богатство, не связанное с рангом, индустриализм дает начало силе, вступающей в конкуренцию с ними, и в то же самое время, устанавливая

равенство положения перед законом в отношении торговых сделок, он уничтожает те деления, которые первоначально являлись выражением неравенства этого положения перед законом.

Для подтверждения этих объяснений я могу прибавить, что они вполне гармонируют с недавно данными объяснениями обрядовых учреждений. Как первоначально различия классов вытекают из побед и как первоначальные формы подчинения возникают из отношения побежденных к победителям, так и дальнейшие классовые различия вытекают из различия силы, которая в высшей форме проявляется в физической ограниченности, так что подчинение одних классов другим является вследствие признания различия силы. Когда побежденный неприятель становится рабом и уродуется вырезыванием трофея из его тела, мы видим в этом одновременно возникновение глубочайших политических отличий и обрядов, которыми отмечают их; точно так же вслед за продолжающимися войнами, которые сплавляют и вторично переплавляют социальные группы, идет и развитие политических отличий, и развитие обрядов, обозначающих их. И как мы видели раньше («Обрядовое правительство»), что рост индустриализма ослабляет строгость обрядового правительства, так теперь мы видим, что он стремится к уничтожению тех классовых делений, начало которых лежит в войнах, и к установлению других делений, обозначающих различие положений, вытекающее из различия пригодности к исполнению тех или других функций, необходимых в промышленном обществе.

V | ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И СИЛЫ

§ 464. Понятия биологов значительно подвинулись вперед с открытием того, что организмы, которые в своем зрелом возрасте кажутся не имеющими ничего общего между собою, на своих первых ступенях развития чрезвычайно подобны друг другу, и действительно, все организмы начинаются с одной общей структурой. Признание этой истины произвело переворот в идеях касательно не только отношения между организмами, но и отношения между частями каждого организма.

Приложение этой истины таково: если общества развились и если части их достигли шаг за шагом той взаимной зависимости, возникающей вследствие социальной кооперации, которая образует из них организованные тела, то как бы ни сделались различными структуры этих общественных тел в их развитой форме, однако существует зародышевая структура, из которой они все образовались. И если мы можем узнать какое-нибудь такое первоначальное единство, то знание это поможет нам объяснить и получившееся в конце концов разнообразие. Мы лучше поймем, каким образом в каждом обществе отдельные элементы, составляющие его Политическую деятельность, достигли того состояния, в каком мы их находим теперь, и каким образом они оказываются родственными с составными элементами другого общества.

Возьмем неорганизованную орду, в состав которой входят члены обоего пола и всех возрастов, и поставим вопрос: что будет в ней происходить, если какой-нибудь вопрос вроде вопроса о переселении или о защите от неприятелей является требующим решения? Собрание составляющих ее индивидуумов разделится с большей или меньшей ясностью на две части: старшие, сильнейшие и те, прозорливость и мужество которых были доказаны опытом, образуют меньшую часть, тогда как большая часть собрания, состоящая из младших, слабейших и ничем не отличившихся, образует слушателей, не заходящих обыкновенно далее выражения время от времени своего

одобрения или несогласия. Дальнейший ход может быть установлен безошибочно: в группе направляющих людей наверное отыщется один, пользующийся большим весом, чем кто-либо другой: какой-нибудь старый охотник, отличившийся воин или знающий лекарь, который будет иметь исключительное влияние на окончательное решение вопроса. Таким образом целое собрание распадется на три части. Употребляя для метафоры биологические термины, мы скажем, что от общей массы дифференцировалось ядро и ядрышко (*nucleus nucleolus*).

Эти первые штрихи социальной структуры, которые, по нашему априорному заключению, должны сами собой возникнуть, мы находим, действительно, у самых диких народов; они усиливаются вследствие повторения до того, что получают силу установившегося порядка. Так, между аборигенами Виктории триба, подозревающая другую трибу в убийстве одного из своих членов и замышляющая отомстить ей, «собирает совет из всех пожилых членов трибы... Женщины образуют другой круг за кругом мужчин... Старшина (собственно «влиятельный туземец») открывает совещание». Подобно тому, что мы видим здесь, в собрании, не имеющем более важных различий, чем различия, основанные на силе, возрасте и способностях, случается и там, где позже эти естественные различия становятся определенными. Как иллюстрация может быть приведен рассказ Скулькрафта о конференции, на которой чиппевасы, оттавы и поттаватамисы* встречали некоторых уполномоченных Соединенных Штатов, в том числе и самого Скулькрафта. После того, как была произнесена речь главою уполномоченных, интересы индейцев защищались речами их главных старейшин, причем начало было положено «человеком, почтенным по возрасту и положению» (*standing*). Хотя Скулькрафт не описывает собрания остальной массы народа, однако на присутствие ее указывается словами одного из туземных спичей: «Смотри! Вот мои братья, и юные и старые, воины и старшины, женщины и дети моего народа». А что политический порядок, наблюдаемый в этом случае, был порядком обычным — это доказывается повторением его даже в тех частях Америки, где старшин уж стали отличать, приписывая им благородство. Примером может служить рассказ, приводимый Банкрофтом, об одной из триб Центральной Америки, «которая часто устраи-

вает собрания по ночам в особом помещении совета (council-house). Помещение собрания освещается тогда большим огнем, и народ сидит с непокрытыми головами, почтительно слушая замечания и рассуждения *ахуалов* (ahuales), людей свыше сорокалетнего возраста, занимавших общественные должности или отличившихся каким-нибудь другим путем». Между народами различных типов и удаленными друг от друга по месту жительства мы находим различную в частности, но тождественную в своем основном характере эту первоначальную форму правления. Из горных триб Индии могут быть приведены в пример *конды* (Khonds), о которых мы читаем, что «собрания всей трибы или какого-нибудь из ее подразделений созываются для разрешения вопросов первой важности. Хотя члены каждой общины имеют право присутствовать на *всех* ее совещаниях и подавать свои голоса за или против решенных вопросов, но только одни патриархи принимают участие в публичном *обсуждении* этих вопросов. Патриархи союзных триб подобным же образом советуются с главами триб, между тем как собрание в этом случае состоит из всего населения федеральной группы».

В Новой Зеландии правительство действует, сообразуясь с общественным мнением, выраженным общими собраниями, и старшины «не могут объявить войну, заключить мир или решить другой какой-либо вопрос, касающийся целого народа, без утверждения большинством клана». О таитянах Эллис говорит нам, что их король имеет немногих из их старейшин в качестве советников, но что ни одно важное национальное дело не может быть решено без поземельных владельцев, или второго ранга, а также без созыва общественных собраний. То же и у малагазиев*: «Великий национальный совет в Мадагаскаре — это собрание из обитателей столицы и глав от провинций, городов, деревень и т.д.». Король обыкновенно председательствует лично.

Хотя в этих последних случаях мы видим значительное изменение в относительной важности трех вышеуказанных составляющих элементов, а именно: незначительные по числу *внутренние* достигли власти в ущерб многих, составляющих *внешний* элемент, однако все-таки еще они состоят налицо все три и даже продолжают состоять налицо, когда мы переходим к различным историческим народам. Даже о финикиянах Моверс замечает,

что, «когда в эпоху Александра война была решена тирянами без согласия отсутствующего короля, их сенат действовал вместе с народным собранием». Родственный этому пример можно найти и в Греции времен Гомера, где *агора*, под предводительством царя, была «собранием старейшин для совещаний, сообщения и обсуждений в присутствии слушающего и одобряющего народа», сидевшего вокруг, а что роль народа не была всегда пассивной, показывает нам история Ферсита*.

В Древнем Риме отношения, в которых стояли друг к другу царь, сенат и свободные граждане, очевидно, развились также из отношений, существовавших в первоначальных собраниях, потому что хотя эти три элемента и не кооперировали одновременно, однако царь в важных случаях сообщал свои предложения собранию граждан, выразивших свое одобрение или неодобрение, а старейшины кланов, составлявшие сенат, хотя и не дебатировали публично, однако могли при случае отрицать решения царя и граждан. Относительно первобытных германцев Тацит, по переводу Фримана, говорит: «О делах меньшей важности рассуждают старейшины, о делах большей — все люди; но так, что дела, которых окончательное решение принадлежит народу, предрешаются сначала старейшинами... Все люди сидят в вооружении и располагаются так, чтобы хорошенько обдумать вопрос; жрецы призывают к молчанию и даже имеют право принудить к этому. Затем король или вожди в порядке,сообразном с возрастом каждого, происхождением, военной славою, или красноречием, выслушиваются, причем речи действуют скорее силой убеждения, чем властью приказа. Неприятные мнения отвергаются криками; если же мнения одобряются, то слушатели стучат своими пиками».

Подобное же мы видим и между скандинавами: в Исландии, кроме собиравшегося ежегодно главного всеобщего собрания (*General Al-thing*), не присутствовать на котором было «бесчестием для свободного гражданина» и в котором, «действительно, люди всех классов раскидывали свои палатки», были еще местные собрания, называвшиеся *var-things*, «состоявшие из всех свободных людей округа с множеством свиты... и собиравшиеся как для обсуждения общественных дел, так и для отправления правосудия... Внутри круга (образованного для отправления правосудия) садились судьи, народ же стоял вне его». В рассказе

мистера Фримана о ежегодных собраниях в швейцарских кантонах Ури и Аппенцел мы можем еще отметить существование этих примитивных форм государственного устройства, потому что, хотя он главным образом указывает на народ вообще, но у него есть еще указания, по поводу Ури, на собрание должностных лиц (*body of magistrates*) или выборных старшин как на второй элемент, тогда как главный судья (*head magistrate*) образует первый. Есть косвенное доказательство и того, что и в древней Англии существовало подобное же устройство; об этом свидетельствует следующее место из сочинения Фримана «Рост английской Конституции»: «Наши древние летописи не дают нам никакого ясного и точного указания на состав этого учреждения. О нем есть общие и неопределенные упоминания как о собрании мудрых, благородных и важных людей. Но рядом с подобными упоминаниями существуют и другие, указывающие на гораздо более народный состав его. О короле Эдуарде говорится, что он был выбран в короли «всем народом», граф Годвин «говорил свою речь пред королем и пред всем народом страны»*. И вывод, который можно сделать на основании слов мистера Фримана, таков, что участие народа при разрешении дел состояло в том, что он криками выражал одобрение или неодобрение.

На эту форму правления мы указываем здесь как на форму основную, потому что ее находим в самом начале социальной жизни и одинаково встречаем при различных условиях. Мы встречаем ее не только между народами высшего типа, как-то арийцы и некоторые семиты, но и между краснокожими индейцами Северной Америки, дравидианскими трибами горной Индии** и между аборигенами Австралии. Действительно, как уже и предполагалось, невозможен никакой другой путь образования правительственной организации. С одной стороны, первоначально не существует никакой сдерживающей силы, кроме воли агрегата, как это обнаруживается в собравшейся толпе. С другой стороны, главные роли при определении этой воли агрегата неизбежно занимают теми немногими, превосходство которых является общепризнанным. А из этих членов, имеющих преобладающее значение, наверное, один обладает им в высшей степени в сравнении с остальными. Вывод, который мы желаем отметить как имеющий особенное значение, состоит не в том, что свободная форма управления есть

и первобытная форма, хотя он и может быть выведен из наших положений. И не тот факт нас главным образом интересует, что уже на самой начальной ступени развития обнаруживается то обособление немногих высших и многих низших, которое является особенно заметным на более поздних ступенях, хотя и этот факт тоже может быть выставлен как заслуживающий особенного внимания. И не факт раннего появления контролирующего главы, имеющего высшую власть по сравнению со всеми остальными, привлекает преимущественно пред другими наше внимание; хотя в подтверждение его могут быть приведены очевидные данные. Здесь мы желали особенно отметить ту истину, что при самом начале развития могут быть отличаемы смутные абрисы тройственного политического строения.

§ 465. Без сомнения, нет и двух случаев, в которых бы отношения между силами этих трех составляющих элементов были совершенно тождественны: они, как было видно из приведенных раньше различных примеров, подвержены повсюду большим или меньшим колебаниям — колебаниям, обусловливаемым в одном месте эмоциональной (чувствами, склонностями) природой людей, составляющих группу; в другом месте физическими условиями, то благоприятствующими независимости, то затрудняющими ее, наконец — деятельностями мирными или воинственными или же исключительным характером отдельных индивидуумов.

Непривычная сметливость, ловкость или сила, принимаемые примитивными людьми за сверхъестественные качества, дают какому-нибудь члену трибы влияние, которое, перейдя от него и к его наследнику — к которому, как полагают, переходят в наследство и эти сверхъестественные качества, — может послужить к зарождению верховной власти, подчиняющей себе и остальных правящих людей, и людей массы. Или разделение труда, при котором некоторые из членов трибы являются исключительно воинами, в то время как остальные имеют занятия иного рода, может дать двум высшим составным элементам политических отпращиваний возможность далеко оставить за собою третий. Или же члены третьей составной части, подерживая в своей среде свойства, делающие насилие над ними трудным или невозможным, являются способными удержать

за собой преобладающее значение над двумя первыми. А затем отношение этих трех главных элементов к целому общины может подвергнуться и действительно претерпевает изменения путем образования пассивного, исключенного из совещаний класса, состоящего сперва из женщин, а впоследствии также из рабов или других зависимых членов.

Удачно оконченная война не только порождает установление пассивного класса или класса, не имеющего политического значения, но, ведя за собою, как это обыкновенно бывает, отношения подчинения, производит более или менее решительные изменения в относительном значении трех элементов политической функции. Так как — при равенстве других условий — группы, в которых подчинение мало или в которых вовсе нет подчинения, покоряются группами, в которых подчинение больше, то оказывается способность к переживанию и большему развитию у тех групп, в которых контролирующая власть правящего меньшинства является относительно большею. Подобным же образом, так как военные успехи в большей мере зависят от той быстроты и согласия в действиях, которые даются единством воли, то здесь — в случае хронически повторяющихся войн — должно возникнуть у членов правящей группы стремление все к большему и большему повиновению своему главе; уничтожение в борьбе за существование триб, равных во всех других отношениях, есть следствие неодинакового повиновения. Следует также отметить и то обстоятельство, что покорения одного общества другим, повторяющиеся снова и снова, как это часто случается, в результате производят затемнение, а часто даже и совершенное сглаживание следов первоначальной политической формы.

Когда мы, однако, признаем тот факт, что в продолжение социального развития эти три первоначальных составных элемента меняют свои пропорции — причем некоторые из них могут сделаться только рудиментарными или же и вовсе исчезнуть, — то в нашем понимании политических форм произойдет большая перемена, если мы припомним, что все они произошли от этой первичной формы, что деспотизм, олигархия и демократия могут быть рассматриваемы как такие типы правления, в которых один из основных составных элементов развился в более широкой степени на счет двух остальных, и что

различные смешанные типы сложились сообразно с большею или меньшею степенью влияния того или другого из начальных составных элементов.

§ 466. Но не существует ли основного единства и в политических силах, производящих это основное единство политических форм? Бросив взгляд на общее происхождение политических строений, не узнали ли мы кое-чего и об общем источнике их власти? Так как мы склонны забывать отдаленное, в то время когда наши мысли заняты ближайшим к нам и непосредственным, то для нас важно остановиться тут на минуту для наблюдений.

Кто во время бури следит за ее ударами, сокрушающими суда или разрывающими плотины, тот остается под впечатлением необъятной силы волн. Однако же, когда будет указано, что при отсутствии ветра не получилось бы ни одного подобного результата, он признает истину того, что море само по себе бессильно и что сила, давшая ему возможность сокрушать корабли и плотины, зависит от стремления воздуха, взволновавшего его поверхность. Но если наш наблюдатель остановится только на этом, он не достигнет до полного понимания силы, производящей столь поразительные перемены. Воздух, в сущности, столь же пассивен, как и вода. Не было бы никакого ветра без солнечных лучей, действующих неодинаковым образом на различные части земной поверхности. И тогда даже не дойдет он до источника этой силы, когда, проследивши ее прошлое, он узнает в ней силу, подкапывающую утесы и долбящую скалы, потому что без постоянной концентрации солнечной массы, происходящей вследствие взаимного притяжения между ее частями, не было бы и солнечного излучения.

Наклонность, представленная в этом примере, свойственная до некоторой степени всем, и особенно большинству, состоит в том, что ассоциирует понятие о силе с тем видимым орудием, которым действует сила, а не с источником, которого не знают. Эта наклонность мысли оказывала, как это видно из вышесказанного, вредное влияние на понимание чего бы то ни было вообще и на понимание политических отношений в частности.

Хотя рост народных учреждений и ослабил в значительной доле привычку, господствовавшую в прошлые времена, смотреть

на власть правителей как на что-то присущее им самим, однако даже и теперь еще нет ясного понимания того факта, что правительствa не сами по себе обладают силою, а суть лишь орудия силы. Сила эта существовала ранее, чем возникли правительствa: правительствa сами были *произведены* ею, и она никогда не перестает в той или другой форме действовать чрез них. Но возвратимся к началу.

Гренландцы совершенно не имеют политического контроля (и ничего такого, что бы представляло его) большего, чем то простое уважение, которое они оказывают мнению какого-нибудь пожилого человека, искусного в тюленьей ловле или в предсказании перемен погоды. Но гренландец, обиженный своим земляком, имеет против оскорбителя одно средство, которое называется *борьбой пением* (*singing combat*). Он слагает сатирическую поэму и вызывает своего противника на сатирический поединок в присутствии всей трибы. «Победителем выходит тот, за кем остается последнее слово». Кранц прибавляет: «Ничто с большим успехом не удерживает гренландца от порока, как страх публичного позора». Здесь мы видим проявление той первоначальной, не имеющей точных определений власти, которая принадлежит общественному мнению и которая предшествует другим, более специальным видам власти.

Страх общественного порицания иногда подкрепляется опасением изгнания. Между другими примерами могут быть названы не знающие подчинения австралийцы, «которые наказывают тех из своей среды, которые провинились чем-нибудь вроде кражи, изгнанием из стана». Об одной из колумбийских триб мы читаем: «О салишах (*Salish*) смело может быть сказано, что они не имеют никакой правильной формы правления», а затем далее читаем, что «преступники наказываются иногда изгнанием из своей трибы». Некоторые из аборигенов гор Индии, очень не похожие на этих колумбийцев по типу и по своему образу жизни, представляют подобное же отношение между неразвитой политической сдерживающей силой и сдерживающей силой общественного неодобрения (*aggregate feeling*). Между бодо и дималами, деревенские старшины которых суть только пользующиеся уважением старцы, не имеющие никакой принудительной власти, члены, провинившиеся против обычаев, «наказываются выговором, штрафом или изгнанием из

общины, смотря по степени проступка». Но контролирующее влияние общественного чувства в группах, имеющих слабую политическую организацию или не имеющих ее вовсе, с особой ясностью сказывается в той силе, с какой оно действует на тех, кто обязан мстить за убийства. Об аборигенах Австралии сэр Джордж Грей пишет: «Самый священный долг из всех, которые туземец обязан выполнить, есть мщение за смерть его ближайшего родственника, которое лежит исключительно только на нем; до тех пор, пока он не выполнит этого долга, его постоянно преследуют укорами старые женщины; а если он женат, то его жены скоро оставляют его; если же он не женат, то ни одна молодая женщина не станет говорить с ним; его мать постоянно будет жаловаться и плакать о том, что родила такого недостойного сына; его отец будет относиться к нему с презрением; укоризны будут постоянно раздаваться в его ушах».

Затем мы отметим, что еще долгое время спустя после появления политического контроля он остается подчиненным контролю общинного чувства — как потому что при слабой степени развития политической организации глава общины не владеет еще большими средствами для принудительного выполнения своей воли, так и потому что ненадлежащее употребление и тех небольших средств, которыми он владеет, влечет за собой дезертирство членов общины. Примеры могут быть взяты их всех частей света. В Америке между змеиными индейцами «каждый индивидуум является своим собственным господином — и единственный контроль, которому подчинено его поведение, состоит в мнении старшины, поддерживаемого его влиянием на мнения остальных членов трибы». О начальнике чинуков нам сообщают, что «его умение оказывать услуги своим ближним и популярность, которую он имеет, — вот первая основа и мера его авторитета». Если дакот задумает совершить злое дело, то старшина может повлиять на него лишь каким-нибудь подарком или платою ему за его отказ от своего дурного намерения. Старшина не имеет никакого полномочия действовать от имени трибы и не смеет этого делать. И между криксами, хотя они и выше по своей политической организации, власть выборных старейшин «остается при них лишь до тех пор, пока они хорошо пользуются ею. Неодобрение народа является помехою при пользовании ими своей деятельностью». Обращаясь к Азии, мы

читаем, что бэи (bais)*, или начальники киргизов, «имеют над ними очень небольшую власть как в хорошую, так и в дурную сторону. Из уважения к их летам и происхождению оказывают некоторое внимание к их мнениям и ничего больше». Остяки* «платят дань почтения — в полном смысле этого слова — своему старшине, если он мудр и храбр, но это почтение совершенно добровольное и основанное на личном уважении к нему». О старшинах нага** Бутлер говорит: «Их приказания исполняются лишь до тех пор, пока они сходятся с желаниями и выгодами общины». То же самое и в Африке, как показывают нам, например, коранна-готтентоты***. Управление в каждом клане или краале принадлежит начальнику или старшине — обыкновенно лицу, владеющему большою собственностью; но его власть чрезвычайно ограничена и встречает себе повиновение лишь до тех пор, пока встречает общее одобрение». И даже между лучше организованными в политическом отношении кафрами мы находим подобное же общественное влияние. «Король издает законы и приводит их в действие единственно согласно с своею волею. Однако у народа есть власть, уравнивающая его собственную; он царствует лишь до тех пор, пока ему желают повиноваться». Если он царствует дурно, ему отказывают в повиновении.

Итак, политическая власть в ее примитивной форме есть чувство общности (*feeling of the community*), действующее через неоформившуюся — или же принявшую определенную форму — агентуру. Несомненно, что вначале власть старшины есть в известном отношении власть личная; его большая сила, мужество или знания дают возможность поддерживать свою индивидуальную волю. Но очевидность убеждает нас, что его индивидуальная воля является лишь маловажным фактором и что власть, которою он владеет, пропорциональна тому, в какой степени находят в ней свое выражение желания остального народа».

§ 467. Хотя это общественное чувство (*public feeling*), которое первоначально действует само по себе и потом отчасти через агента, есть до некоторой степени самопроизвольное чувство тех, у которых оно является, однако в более широком смысле оно есть мнение, заложенное в них или предписанное им.

Во-первых, эмоциональная природа, обуславливающая общий образ поведения, наследуется от предков, являясь продуктом всех предшествовавших деятельностей; во-вторых, частные мотивы, прямо или косвенно определяющие предпринимаемый способ действия, внушаются на ранних ступенях развития старшими при посредстве требований, верований и обычаев, унаследованных трибою. Говоря кратко, правящее *чувство* (*governing sentiment*) является накопленным и организованным чувством прошлого.

Достаточно вспомнить о тех увечьях, которым в предписанном возрасте подвергается каждый член трибы, — выбиванию зубов, ранам тела, татуированию, пытке; достаточно вспомнить о том, что от этих предписаний обычая не убегает никто, чтобы увидеть, что направляющая сила, существующая раньше возникновения политической и делающая впоследствии политическую агентуру своим органом, есть постепенно сложившееся мнение бесчисленных предшествовавших поколений или, скорее, не мнение, которое строго говоря, есть интеллектуальный продукт, совершенно бессильный, — чувство, ассоциировавшееся с мнением. Это мы находим повсюду при начале развития главной контролирующей силы.

Чтобы дать понятие о той силе, с которой действует это передающееся мнение, можно указать на туписов*, которые думают, что, «если бы они отступили от обычаев своих праотцев, их постигло бы истребление». В одной из наиболее диких триб на горах Индии, у жуангов (*Juangs*), которые почти не знают даже и той одежды, какую знали Адам и Ева (насколько нам известно об одежде этих последних), женщины долго не расставались со своими лиственными повязками в уверенности, что перемена в них могла повредить.

О коранна-готтентотах мы читаем, что, «когда нет подходящего случая в древних обычаях, всякий человек действует так, как ему на его собственный взгляд кажется». Хотя старшины дамаров «имеют неограниченную верховную власть, однако они почитают традиции и обычаи своих предков». Смит (*Smith*) говорит: «Едва ли возможно сказать, что арауканианцы имеют законы, хотя у них есть многие древние обычаи, которые они свято почитают и строго наблюдают». Согласно Бруку (*Brooke*), у даяков «простой обычай сделался законом, и нарушение обы-

чая влечет наказание пеней». По разумению некоторых малагазийских кланов, нововведение и несправедливость неразлучны; идея совершенствования вовсе непонятна им».

Это контролирующее влияние наследственных обычаев в группах людей, политически неорганизованных или имеющих слабую политическую организацию, не только столь же сильно, как и у триб и народов, стоящих на более высокой ступени развития, но еще гораздо сильнее. Сэр Джон Лебокк замечает: «Ни один дикий не может быть назван свободным. Окружающий его мирок ежедневно регулирует его жизнь сложной и, по-видимому, чрезвычайно стеснительной цепью обычаев (столь же обязательных, как и закон), странных предписаний и привилегий».

Хотя некоторые из этих диких обществ кажутся лишенными структуры, однако их понятия и обычаи образуют нечто вроде ее невидимой основы, служа суровым средством обуздания известных классов в их деятельности. Эта невидимая основа медленно и бессознательно складывалась в течение ежедневной работы, возбуждаемой преобладающими чувствами и направляемой преобладающими мыслями в продолжение поколений, уходящих глубоко в даль прошедшего.

Итак, говоря кратко, раньше развития какого-нибудь определенного органа социального контроля существует контроль, возникающий отчасти из общественного мнения живых, а в более широкой степени обусловливаемый общественным мнением мертвых.

§ 468. Но теперь дозвоьте нам определенно установить истину, которая уже заключалась в примерах, данных нами ранее, а именно, что когда уже развилась политическая агентура, ее власть в широкой степени зависит от современного общественного мнения, а с другой стороны, находится почти в полной зависимости от общественного мнения прошлого времени. Правитель, являющийся отчасти органом окружающих его воль, еще в большей степени есть орган *воль* отшедших, и его собственная воля, в большой мере сдерживаемая первыми, еще в большей степени сдерживается последними.

Это потому, что его функции как регулятора главным образом состоят в том, чтобы поддерживать унаследованные

правила поведения, в которых собраны воедино праотеческие чувства и идеи.

Это мы видим повсюду. Между арафурасами те решения, которые даются их старцами, «согласно обычаю, сходны с решениями их предков, к которым они питают глубочайшее уважение». То же самое и у киргизов: «суждения *бэев* (*bais*), или почитаемых старцев, основываются обыкновенно на известных и повсеместно признаваемых обычаях». И жители Суматры «руководствуются при решении различных спорных вопросов собранием долгое время слагавшихся обычаев (*adat*), завещанных им их предками. Старшины, произнося свои решения, не говорят «так повелевает закон», а «таков обычай».

По мере того, как устно передаваемый обычай становится записанным законом, политический глава является еще с большей ясностью агентом, через которого чувства мертвых контролируют действия живых. Что власть, которой он пользуется, есть главным образом власть, действующая *через него*, — это мы ясно видим, замечая его слабую способность к сопротивлению ей, если бы он захотел. Его индивидуальная воля является недействительной во всех случаях, исключая лишь те, когда отсутствие ясно выраженных или подразумеваемых предписаний умерших поколений делает ее свободной. Так, на Мадагаскаре «в тех случаях, на которые нет указания ни в законе, ни в обычае, ни в примерах прошлого, достаточно слова государя». У восточных африканцев «единственным ограничением власти деспота служат *ada*, или примеры (прецеденты) прошлого». О яванцах Раффлз пишет: «Единственным ограничением воли главы правления служат обычаи страны и то уважение, которое он приобретает своими личными качествами в среде своих подданных». На Суматре* народ «не признает за своими старшинами права создавать законы в тех случаях, когда уже имеются подходящие, или отменять и изменять их древние обычаи, к которым они чрезвычайно привязаны и которые ревностно охраняют».

И до какой степени обязательно это согласование с верованиями и чувствами предков, мы видим из тех роковых результатов, которые могут следовать из непочитания их. «Король ашантиев, хотя представляемый монархом деспотическим, никак не стоит вне контроля. Ему вменяется в обязанность соблюдать народные обычаи, перешедшие к народу от глубокой древности.

Практическое пренебрежение этой обязанностью, выражавшееся в желании изменить обычаи предков, стоило Осаи Квамину (Osai Quamina) его трона». Этот пример напоминает нам ту общую истину, подтверждение которой мы видим и в настоящее время среди готтентотов, и в прошлом среди древних мексиканцев, и во всех исторических сказаниях цивилизованных народов, которые свидетельствуют, что правители, наследуя власть, давали обязательство не изменять установившегося порядка.

§ 469. Несомненное положение, утверждающее, что политическое главенство, простое или сложное, есть в большинстве случаев лишь агент, через который действует сила общественного чувства, настоящего и прошедшего, противоречит, по-видимому, многим фактам, доказывающим до какой степени велика власть самого правителя. Не говоря уже о принадлежащей деспоту возможности на номинальном основании или и вовсе без основания отнимать жизнь у человека, делать бесчисленные конфискации, переселять подданных из одной местности в другую, взимать без всякого ограничения подати деньгами и трудом, одно его право начинать и кончать войны, в которых жертвуется жизнью многих его подданных за раз, по-видимому, указывает нам на то, что его единичная воля стоит выше воли народа. Каким же образом может быть утверждено первоначальное положение?

Утверждая, что в неорганизованных группах людей чувство, проявляющееся в общественном мнении, контролирует политическое поведение точно так же, как контролирует оно и поведение, обозначаемое именем обрядового или религиозного, — утверждая далее, что правящие агенты на их первых ступенях развития являются продуктом общего чувства (*aggregate feeling*), получая от него свою силу и вместе с тем находя в нем сдерживающее влияние, мы должны допустить, что эти первоначальные отношения становятся запутанными, когда вследствие войн маленькие группы сливаются первично и вторично в группы более обширные. В обширном обществе, составленном из покоренных людей, содержимых в повиновении высшею силою, естественные отношения, изображенные выше, уже не существуют. Мы не должны надеяться найти в правлении, установленном принудительной силой завоевателя, черты правления, развивавшегося внутри общины. Общества, обра-

зовавшиеся путем завоевания, могут состоять — и в большинстве случаев состоят — из двух обществ, более или менее — если не совершенно — чуждых друг другу. Отсюда следует, что в этом случае не может существовать ничего, подобного тому объединенному чувству (*united feelling*), которое может воплотить само себя в политической силе, происходящей от целой общины. При этих условиях политический глава или производит свою власть исключительно из чувств господствующей части общины, или, направляя различные массы чувства, зародившиеся в высшей и низшей части общины, одни против других, он получает возможность сделать свою индивидуальную волю господствующим фактором.

Сделав эти объяснения, мы продолжаем, однако, утверждать, что обыкновенно почти вся сила правящей агентуры возникает под влиянием действия чувств если не целой общины, то по крайней мере той ее части, которая имеет возможность проявлять свои чувства.

Хотя мнение покоренного и безоружного низшего общества становится мало значащим в смысле политического фактора, однако мнение господствующей вооруженной части продолжает оставаться главным основанием политической деятельности. Так, нам говорят о жителях Конго, что «король, царствующий деспотически над народом, часто встречает препятствие проявлению своей власти со стороны вассальных князей». Так, нам сообщают и о дагомеях, управляемых деспотически, что их «министры, военачальники и жрецы в отдельности могут быть и часто бывают наказываемы королем, но коллективно они являются для него слишком большой силой, и без общего их содействия король немедленно бы лишился своей власти». Все это мы должны признать как действительно бывшее и еще теперь обнаруживающееся в различных более нам известных обществах, в которых власть верховного главы номинально абсолютна. Начиная с того времени, когда римские императоры были выбираемы солдатами и низводились с престола в том случае, если не нравились им, и до нашего времени, когда мы находим многие примеры, подтверждающие эту истину, политическая сила или слабость самодержца зависят от большей или меньшей поддержки его власти влиятельными классами, и даже чувства тех, которые политически пресмыкаются, сильно влияют

на политическую деятельность: пример — влияние турецкого фанатизма на решения султана.

Можно бы припомнить большое число фактов, если бы мы захотели точно оценить могущество воли агрегата по сравнению с волей автократа. Сюда можно отнести тот факт, что автократу вменяется в обязанность почитать и поддерживать массу Постановлений и законов, имеющих свое основание в чувствах и понятиях прошлого времени и получивших санкцию религии; так, в Древнем Египте династии деспотов жили и умирали, оставляя социальный строй существенно неизменным. Сюда же можно отнести факт, что существенные перемены социального строя, не согласующиеся с общим чувством, бывают впоследствии времени снова отменяемы. Так, в Египте, где Аменхотеп IV, несмотря на возмущение, успел установить новую религию, она была уничтожена в последующее царствование*; сюда же подходит и тот факт, что законы, идущие вразрез с общею волею, оказываются неудачными, примером чего могут служить законы против роскоши, издававшиеся средневековыми королями, постоянно возобновляемые и постоянно падавшие. Это факт, что самый высочайший, каким он может быть, и божественный, каковую природу ему приписывают, всемогущий король является, однако, связанным обычаями, делающими его каждодневную жизнь жизнью подчиненной; мнения живых заставляют его исполнять предписания мертвых. Сюда подходит и тот факт, что в том случае, если король не соображается с обычаями или другим каким-либо образом возбуждает своими действиями против себя неприязненное чувство, его слуги, гражданские и военные, отказываются служить ему и обращаются против него — и этим же путем дело идет до разных иных крайностей. Сюда же подходит и дальнейший факт, что обыкновенно в обществах, где иногда ниспровергается король, возбудивший неудовольствие, на его место поставляется другой король, что объясняется тем, что чувство в среднем выводе не только не тяготится самодержавием, а, напротив, желает его, создает абсолютных правителей и дает им ту власть, которой они располагают, — то, что некоторыми называется верностью (*loyalty*), а другими раболепием (*servility*).

Но главная истина, которую трудно оценить достаточным образом, состоит в том, что хотя формы и законы всякого

общества суть отверделые продукты идей и чувств людей, живших в прошлое время, однако они становятся действующей силой, подчиняя себе чувства и идеи живущих людей. Нам привычен тот факт, что воля «мертвого» («the dead hand») контролирует действия живых в отношении владения собственностью; но действия «мертвого» в направлении жизни вообще, через сложившуюся политическую систему, несравненно шире. То, что из часа в час в каждой стране, управляемой деспотически или иным образом, производит повиновение, делающее возможным политическую функцию, это есть накопленное и организованное чувство, питаемое к унаследованным учреждениям, сделавшимся священными по традиции. Отсюда неоспоримо, что «чувство общности» — принимая это слово в самом широком его значении — есть единственный источник политической власти: по крайней мере в тех общинах, которые не находятся под чужеземным господством. Так было с самого начала политической жизни, и так, в сущности, еще и продолжает быть.

§ 470. В науке установилось положение, что с причинами, еще действующими ныне, слились в одно причины, которые, действуя подобным же образом в прошлое время, произвели нынешнее положение вещей. Принятие этого положения и исследование вопросов, возбуждаемых им, влечет к подтверждению вышеизложенных заключений.

Каждодневно всякий общественный митинг (собрание) снова дает пример той же самой политической дифференциации, которая характеризует примитивную политическую деятельность, — снова дает и пример действия составляющих ее частей. Наибольшую массу обыкновенно представляют люди мало выделяющиеся, образующие слушателей, все участие которых в ходе дел заключается в выражении одобрения или неодобрения, в произнесении да или нет по поводу предложенных решений. Затем есть меньшая часть, стоящие у трибуны, состоящая из людей, которым богатство, положение или способности придают влияние, — эта часть ведет прения. Наконец, есть выборный председатель, обыкновенно человек наиболее знаменитый, которому подчиняются как говорящие, так и слушающие, — временный король. Даже без всяких формальностей

собравшаяся сходка немедленно распадается более или менее ясно на эти подразделения, а когда собрание становится постоянным телом, как собрание людей, образующих коммерческую компанию, или филантропическое общество, или клуб, тогда немедленно эти три подразделения получают определенность — являются президент или старшина, совет или комитет и пайщики или члены. К этому следует прибавить, что хотя первоначально каждая из этих добровольно образовавшихся постоянных ассоциаций, подобно собранию примитивной орды или современному публичному митингу, обнаруживает такое распределение власти, при котором немногие избранные с их главою являются подчиненными массе, однако в зависимости от обстоятельств отношение между властью отдельных частей обыкновенно подвергается более или менее значительным переменам. Там где члены массы являются не только очень заинтересованными в ведении дел, но и поставленными в такое положение, что легко могут кооперировать, там они сдерживают немногих избранных членов и их главу; но, наоборот, там где отдаленное расстояние между членами, как, например, между железнодорожными акционерами, мешает соединенной деятельности, там избранное меньшинство становится в значительной степени олигархией, а из олигархии нередко выступает автократ: конституция становится деспотизмом, умеряемым переворотами.

Говоря о ежечасно представляющихся доказательствах того, что сила политической агентуры производится агрегативным чувством, частью воплотившимся в утвердившейся системе, унаследованной от прошлого, частью вызванным непосредственными обстоятельствами, я не только имею в виду доказательство того, что наши собственные политические действия определены подобным же образом, и не только того, что действия всех меньших обществ, сплотившихся временно или постоянно, определяются тем же. Я имею в виду большее; я желаю осветить непреодолимый контроль среднего чувства и мнения над нововведением вообще. Факты в роде того, что закон не в силах бывает помешать дуэлям, если общественное мнение относится к ним благоприятно, или что священные повеления, подкрепляемые угрозами осуждения, бессильны обуздать самые беззаконные посягательства, когда этого требуют преобладающие

интересы и страсти, одни только подобные факты с достаточной ясностью показывают, что правила законов и религиозные верования, со споспешествующими им их органами, бессильны в виду противящегося им чувства. Припомнив стремление к одобрениям общества и страх пред общественным презрением, вызывающие и сдерживающие действия людей, мы не будем сомневаться в том, что цели и стремления людей диктуются им обыкновенно распространенным в массе чувством — конечно, когда насущные их потребности удовлетворены. Нужно рассмотреть лишь социальный кодекс, регулирующий жизнь даже до таких мелочей, как цвет вечернего галстука, и посмотреть, как те, которые, не осмеливаясь нарушать этого кодекса явно, нарушают его контрабандою, чтобы увидеть, что не записанный, но поддерживаемый мнением закон имеет большее решающее влияние в сравнении с законом писанным, но не столь поддерживаемым общественным мнением. И еще лучше, из наблюдения того факта, что люди, презирающие справедливые требования кредиторов, которые не могут получать с них денег за доставленные им продукты, в то же самое время горят нетерпением разделаться с так называемыми долгами чести, следуемыми людям, не давшим им ничего, не оказавшим им никаких услуг, мы можем видеть, что контроль господствующего чувства, не поддерживаемый законом и религией, может действовать сильнее закона и религии вместе взятых, в том случае, когда они поддерживаются недостаточно сильно проявляемым чувством. Рассматривая частную деятельность людей, мы должны признать, что ими и теперь еще, как и при начале социальной жизни, правит агрегативное чувство прошлого и настоящего и что политическая агентура, представляющая сам по себе постепенно развившийся продукт этого чувства, продолжает еще быть главным проводником специализировавшейся части его, регулирующей известные роды действий.

Отчасти, впрочем, я должен слишком выставлять вперед этот общий закон, как главный элемент политической теории. За несколько длинное доказывание того, что кажется уже избытком, я извиняюсь тем, что хотя он номинально и признается, но в действительности признается в очень малой степени. Даже в нашей собственной стране, где агентуры неполитические, самопроизвольно возникшие и самостоятельно действующие,

многочисленны и обширны, а еще более во многих других странах, менее характеризующихся ими, нет еще достаточного сознания той истины, что сложные импульсы, которые действуют через политические учреждения, за отсутствием их производят тотчас другие, чтобы действовать через них. По рассуждениям политиков выходит, как будто бы самые учреждения, т.е. государственные инструменты, обладают внутренней силой, тогда как они ее не имеют, и как будто чувства, создающие их, не имеют этой внутренней силы, тогда как они имеют ее. Очевидно, превратное понимание ими этих истин должно в большой мере оказывать вредное влияние и на их действия.

VI | ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГЛАВЫ, ВОЕНАЧАЛЬНИКИ, КОРОЛИ И Т.Д.

§ 471. Из трех составных частей политического строя, тройственность которого обозначается в самом начале, мы рассмотрим теперь первую и проследим ее развитие. Уже в последних двух главах нами было кое-что сказано и еще более подразумеваемо по поводу того важного дифференцирования, результатом которого является установление главенства. То, что там было намечено только в общих чертах, теперь будет нами разобрано в своих частностях.

«Когда Ринк спросил никобарийцев*, кто из них носит название вождя, они отвечали, смеясь над тем, «как он мог думать, чтобы один мог властвовать над таким множеством». Я привожу этот факт для того, чтобы указать, что прежде всего существует сопротивление захвату власти одним членом группы — сопротивление у некоторых типов людей незначительное, у большинства значительное, а у немногих даже и очень сильное.

К числу племен фактически «безначальных», о которых мы уже говорили, может быть отнесено американское племя гайдахов, «члены которого, по-видимому, все равны», затем калифорнийские племена, у которых «всякий поступает так, как ему заблагорассудится», также племя новайо, в котором «всякий, как воин, является неограниченным властелином в своих личных правах»; из азиатских же племен мы приведем ангамиев, которые «не признают главы или вождя, хотя и выбирают представителей, но эти последние во всех делах и начинаниях являются бессильными и неответственными».

Та незначительная степень подчиненности, какую мы видим у диких племен, является только при безотлагательной необходимости в соединенной деятельности и в контроле над этой последней. Вместо того, чтобы повторять вышеприведенные примеры временного главенства, я приведу здесь несколько новых случаев. О нижних калифорнийцах мы читаем: «Во время охоты и войны они управляются одним или несколькими вождя-

ми, выбираемыми только на время этих действий». О вождях флатхедов (плоскоголовых)* говорится: «Их власть прекращается с окончанием войны». У южных индейцев вождь «не имеет власти и только направляет движения своей банды в ее воинственных набегах». Как нами было уже замечено выше, эта первичная соподчиненность имеет большие или меньшие размеры сообразно тому, будет ли окружающая среда и привычки жизни задерживать или благоприятствовать проявлению принудительной силы. Нижние калифорнийцы, о которых выше было говорено нами как о «безначальных», по словам Банкрофта, походят «на стада диких свиней, которые мечутся из стороны в сторону, руководясь своими единичными желаниями, собираясь сегодня вместе, а завтра разъединяясь, пока снова какая-нибудь случайность не заставит их соединиться впоследствии». «Вожди у чипеваев теперь совершенно бессильны», — говорит Франклин; и племена их живут небольшими бродячими бандами. Об абипонах, которые «не выносят земледелия и оседлой жизни», Дорицгоффер пишет: «Они не только не почитают своего кацика как господина, но и не платят ему дани и не оказывают ему никакого внимания, как это бывает обыкновенно у других племен». Подобные же отношения при подобных условиях встречаются и у других по типу несходных с ними племен. О бедуинах Бургхард замечает: «Шейх не имеет определенной власти»; а по словам другого писателя, вождь, «стесняющийся их слишком тяжелыми узами власти, низлагается или оставляется ими и поступает в число обыкновенных членов племени или даже выходит из него».

Теперь, наметив первоначальное отсутствие политического контроля — сопротивление, которое он встречает при своем появлении, и обстоятельства, облегчающие возможность уклониться от него, мы можем задать себе вопросы: какие причины благоприятствуют его развитию? Таких причин несколько, и сообразно степени их кооперации вырабатывается и степень упорочения главенства.

§ 472. Между членами первоначальной группы, могущей представлять легкие видоизменения как в степени, так и в ходе своего развития, наверно выделяется один, пользующийся признаваемым за ним более высоким положением. Такое более

высокое положение может иметь несколько видов, которые мы и рассмотрим.

Хотя в смысле ненормального, но мы должны указать на случаи, в которых главенство принадлежит человеку чуждому — переселившемуся. Вожди кхондов «по большей части бывают из потомков отважных авантюристов» индустанского происхождения. Форсайт замечает то же самое о «большинстве вождей» племен, живущих в горах Центральной Азии. А предания о бохиках среди чипчасов, об амаливака среди таманаков и о кветзалкотль у мексиканцев* указывают на подобное же происхождение главенства.

Здесь же мы должны главным образом коснуться случаев возвышения, происходящих в пределах самого племени.

На первом месте мы должны поставить возвышение, обусловленное старшинством. Хотя старость в тех случаях, когда ведет за собой неспособность, настолько не почитается дикими народами, что у них стариков убивают или оставляют умирать без всякого призрения, но зато большая опытность, соединенная с годами и еще неугасшими способностями, обыкновенно пользуется влиянием. Не признающие главенства эскимосы выказывают «уважение старым и сильным людям». Берчел говорит, что у бушменов старики пользуются до некоторой степени правами вождей; то же самое можно с достоверностью утверждать и об уроженцах Австралии. У фуэгианцев (Fugians)** «слово старого человека считается законом для молодых». Всякая часть племени рок-веддахов «имеет вождем самого энергичного старика из своей среды», делящего между всеми мед, и т.д. Такой порядок вещей встречается и у других более развитых племен. Даяки на севере Борнео не имеют постоянных вождей, но следуют советам какого-нибудь старика из своих родственников, а Эдвардс говорит о безвластном племени карибов***, что они, «однако, признают некоторую долю авторитета за стариками».

Естественно, что в диких обществах сила пользуется преобладанием. Независимо от влияния старшинства «одна только физическая сила доставляет у бушменов более высокое положение. Вожди тасманийцев**** были высокие и сильные люди»; «у них не существует ни избирательного, ни наследственного главенства, и место военного вождя предоставляется

самому храброму члену племени». Замечание Стурта указывает на подобное же происхождение главенства у австралийцев. То же самое наблюдается и в Южной Америке. О тапайосах* Бэтс говорит, что «следы вождей как величиною, так и длиною шага превосходят следы остальной части племени». У племен бедуинов «самый смелый, самый сильный и самый хитрый получает полное преобладание над своими соплеменниками». В продолжение более высоких степеней развития физическая сила долго еще продолжает быть самым важным качеством, как это мы видим, например, в гомеровской Греции, где даже года не могли вознаградить за упадок силы: «старый вождь, как Пелей или Лаэрт**, не может удержать своего положения». Даже через средневековую историю Европы проходит такое поддержание главенства, которое в сильной степени обусловлено физическими преимуществами.

Умственное превосходство, само по себе или соединенное с другими качествами, составляет обычную причину преобладания. У змеиных индейцев*** «вождь ни более, ни менее как один из воинов, пользующийся наибольшим доверием». Скулькрафт говорит о вожде, признаваемом криксами, что он «стоит выше всех остальных только благодаря своим более высоким достоинствам и политическим способностям», и что у команчей «положение вождя не наследственно, но получается за личную высокую прозорливость, знание и успех в войне». Вождь у короадосов «получает преобладание над остальным племенем за свою хитрость, мужество и силу». Остяки «относятся с почтением, в полном смысле этого слова, к своему вождю, если этот последний мудр и мужественен; но почести, воздаваемые ему, совершенно добровольны и не составляют прерогативы его положения».

Другим источником управляющей власти у первоначальных племен служит величина имущества — богатство, являющееся косвенным признаком большего превосходства и прямой причиной влиятельности. У такуллиев «всякий может сделаться *мьюти*, или вождем, кто только в состоянии устроить на свои средства деревенское празднество». У толеуасов, в Дель-Норте, «деньги делают вождей». А о «безначальных» навайосах мы читаем, что «всякий богатый человек имеет зависящих от себя людей, и эти зависящие люди являются послушными орудиями его воли как в мирное, так и в военное время».

Но естественно, что в обществах, не развитых в политическом отношении, признаваемое главенство за одним из членов группы не исключает возможности совместного существования или даже замещения его другой властью, возникшей самостоятельно. «Если араб в сопровождении только своих родственников имел успех в хищнических набегах на неприятеля, к нему присоединяются и его другие друзья; если же успех продолжает все быть на его стороне, он начинает пользоваться репутацией «удачника» и таким образом устанавливает нечто вроде второй по степени низшей власти в племени. То же самое видим мы и у племен, живущих на Суматре: «повелительный вид, располагающее обхождение, плавная речь, уменье и проныцательность, высказанные при разборе их малозапутанных дел, — вот качества, которые почти всегда закрепляют за их обладателем уважение и влияние на других; последнее иногда может быть даже более сильным, чем у признаваемого вождя». Подобного же рода замещения и вытеснения власти встречаются и у тонганов и даяков.

Таким образом, в самом начале господствует исключительно один принцип организации, который мы ранее назвали принципом личной *способности*. Всякое политическое главенство, в каком бы виде оно ни проявлялось, закрепляется за человеком, пригодность которого для этой цели может основываться на старейшинстве, на необыкновенной храбрости, на сильной воле, на более широком знании, на быстроте ума или, наконец, на большем богатстве. Но очевидно, что такое преобладание, основанное исключительно на личных качествах, не может быть долговременным. Оно всегда связано с возможностью замещения от времени до времени властью другого, более способного человека; в том же случае, если оно даже и не замещается, оно неизбежно кончается со смертью. Нам придется, следовательно, заняться теперь вопросом, каким образом возникает учреждение постоянного главенства. Однако, прежде чем приступить к этому, мы должны рассмотреть более подробно те два вида возвышения, которые исключительно ведут к главенству, и те способы, которыми оно достигается.

§ 473. Если физическая сила составляет причину преобладания в племени благодаря обыденным случайностям, то тем

более она, соединенная с храбростью, может быть такой причиной во время войны. Таким образом, всякая власть такого рода, находящаяся в зачатке, во время войны стремится к более резкому определению. Каково бы ни было отвращение у других членов группы к признанию верховенства за одним из своих соплеменников, тем не менее оно пересиливается в них желанием безопасности, если такое признание обеспечивает эту безопасность.

Возвышение самого сильного и храброго из воинов по пути к власти вначале является само собою (*spontaneous*), а впоследствии зависит от более или менее определенного соглашения, иногда же соединяется с процессом испытания. Где, как в Австралии, «уважение со стороны группы обуславливается степенью ловкости при метании копья и уменья отклониться от удара», там такая высшая воинственная способность является сама по себе достаточною причиной для происхождения временного главенства. У команчей всякий выделяющийся из толпы приобретением большего количества «лошадей или скальпов может рассчитывать на честь главенства, которое достигается постепенно молчаливым народным согласием». Здесь ясно естественное происхождение власти. Однако очень часто мы встречаемся и с обдуманым выбором вождей; так, например, у флатхэдов, у которых, за исключением военачальников, не существует другого проявления власти. У некоторых из племен даяков как сила, так и храбрость подвергаются испытанию. «Ловкость при влезании на большой столб, сильно натертый жиром, составляет необходимое качество военачальника у озерных даяков»; Сент-Джон говорит, что «в некоторых случаях для решения вопроса, кому быть вождем, существовал обычай посылать соперничающих об этой власти в поиски за головой, причем первый доставивший голову признавался победителем».

Необходимость иметь способного вождя ведет к восстановлению главенства даже там, где это последнее непрочно или номинально. Эдвардс говорит о карибах: «Опыт научил их, что во время войны подчинение так же необходимо, как и мужество; поэтому они выбирают своих начальников в общих собраниях с большой торжественностью, причем желающие быть выбранными для доказательства своих прав приводят случаи своей возмутительной жестокости». Подобным же

образом и абионы, «хотя и не боятся своего кацика как судьи и не уважают его как господина, тем не менее его соплеменники-воины следуют за ним как за вождем и главнокомандующим в тех случаях, когда нужно нападать на врага или самим защищаться от нападений».

Эти и им подобные факты, встречающиеся в большом изобилии, могут привести к трем различным выводам. Первый из них тот, что продолжительность военных действий служит к упрочению постоянного главенства. Второй вывод тот, что с увеличением своего влияния, обусловленного успешностью своих действий как военачальника, вождь постепенно приобретает влияние политического главы. Третий вывод тот, что таким образом возникает связь между военным и политическим верховенством, проходящая через последующие фазы социального развития. Не только у нецивилизованных готтентотов, малагазийев и др. вождь или король представляет главу войска, не только у таких полуцивилизованных народов, как перувианцы и мексиканцы, монарх есть в то же время и главнокомандующий, но вообще история всего света, всех наций, исчезнувших и переживших, может дать для подтверждения этой связи множество примеров. В Египте «в ранний период его истории должности короля и главнокомандующего были нераздельны». Ассирийские документы дают нам понятие о политическом главе как о победоносном воине; то же самое мы видим и в еврейских памятниках. Гражданская и военная власть находились в руках одного лица в гомеровской Греции, а в Риме в первые дни его истории «главнокомандующий был обыкновенно в то же время и царем». Тот же самый факт проходит и через всю историю Европы и отчасти встречается даже и теперь в наиболее воинственных государствах.

Каким образом начальствование, захватывающее более широкую власть, может развиваться из военного начальствования, мы не можем проследить в тех обществах, относительно которых у нас не существует письменных документов, но мы можем думать, что с увеличением силы, приобретаемой военным главою по мере своих успехов, естественно должно являться и более сильное управление в жизни гражданской. Что так было у так называемых исторических народов, на это мы имеем доказательства. О первобытных германцах Зом замечает, что

римские вторжения имели следующий результат: «Королевская власть начинает соединяться у них с властью предводителя войска (делающейся постоянной) и возвышается до значения власти (как учреждения) в государстве. Военная подчиненность королю-полководцу повела к подчиненности королю как власти политической. Король после римских нашествий является уже лицом, обладающим высшими правами, является королем в нашем смысле этого слова». Подобное же наблюдение делает Ранке, а именно, говоря о войнах с англичанами в пятнадцатом столетии, он замечает: «Французская монархия, борясь за основы своего существования, приобретает в это время более прочную организацию, которая является результатом этих войн. То, что было полезно во время этой борьбы, развилось, как это бывает и в других важных случаях, в политические учреждения».

Связь, существующая между успешностью военных подвигов и усилением политического контроля, доказывается и примерами из недавнего прошлого, как, например, историей Наполеона или новейшей историей германской империи.

Таким образом, политическое главенство, начинаясь обыкновенно с влияния, приобретаемого самым сильным, самым мужественным и самым хитрым воином над своими соплеменниками, достигает до степени власти как учреждения там, где военная деятельность дает возможность выказаться его превосходству над остальными и вызвать подчинение этому превосходству; дальнейший рост политического могущества идет главным образом в связи с успехами на военном поприще.

§ 474. Однако мы бы поступили весьма опрометчиво, если бы составили себе мнение о невозможности иного происхождения политического главенства. Существует еще один вид влияния, в некоторых случаях действующего самостоятельно, в других же сопутствующий выше установленным видам и представляющий для нас огромную важность. Я говорю о влиянии, которое пользуются люди, занимающиеся врачеванием.

Едва ли возможно сказать, что оно возникает в такой же ранний период, как и другие; до тех пор, пока не складывается теория духов, нет никаких оснований для его образования. Но когда вера в духов умерших делается общераспространен-

ной, люди, утверждающие за собой способность управлять ими и внушающие доверие к такой способности, начинают внушать боязнь окружающим, чем и упрочивают за собой известный род власти. Когда мы читаем о тлинкитах (*Thlinkets*)*, что «самый высший подвиг заклинателя состоит в том, чтобы ввести одного из подчиненных ему духов в тело того, кто отказывается верить в его могущество, и что одержимый таким духом падает в обморок и с ним делаются припадки», то мы легко можем себе представить тот страх, который возбуждает к себе такой заклинатель, и то влияние, которое он таким образом приобретает. У некоторых из низших рас, о которых мы говорили выше, можно также найти примеры таких случаев. Фидрой говорит о «враче-колдуне у фуэгианцев» как о человеке самом хитром и лживом из всего племени, имеющем большое влияние на своих сотоварищей. «Хотя тасманийцы и свободны от деспотизма правителей, но они подчиняются советам, управляются хитростью и трепещут от ужаса, внушаемого им некоторыми мудрыми людьми или знахарями». Эти последние могут не только облегчить боль но и насладь ее. Вождь хайдаков, который, по-видимому, считается главным чародеем, не выказывает, однако, большой власти за пределами его связей со сверхъестественными силами. Знахари у племени дакота «самые отъявленные мошенники и обладают безграничным влиянием над молодостью, воспитанной в доверии к их сверхъестественному могуществу... Вождь, командующий войском на войне, принадлежит всегда к числу таких знахарей, и относительно его существует мнение, что он обладает силою обеспечить успех за своим войском или спасти его от поражения».

У более развитых народов Африки предполагаемая за человеком сила производит сверхъестественное, обеспечивая за ним влияние и упрочивает власть, доставшуюся ему другим путем. То же самое наблюдается и у амазулу: вождь «наводит чары на вождя противной стороны прежде чем сражаться с ним»; и следующее за ним войско имеет тем больше доверия к нему, чем более он пользуется известностью в области чародейства. Отсюда понятно то могущество, которым пользуется Лангалибалель*, который, по словам епископа Колензо, «знает хорошо состав *интелези* (употребляемый для изменения погоды по своему произволу); кроме того, занимаясь сам врачевным

искусством, он хорошо знает состав лекарств, употребляемых на войне». Влияние на управление, приобретенное таким путем, всего яснее видно из примера короля Оббо, который во время засухи собирает около себя своих подданных и объясняет им, «как ему неприятно, что он должен был наказать их за их нерадивость и дурное поведение такой неблагоприятной погодой, но что это их вина во всяком случае... Ему нужны козы и хлеб. «Нет коз — нет и дождя, таково наше условие, друзья мои», — говорит Катчиба... Если подвластный ему народ жалуется на излишек дождя, он грозит насланием на них вечного грома и молнии, если они не доставят ему стольких-то сотен корзин с хлебом... Его подданные выказывают полнейшее доверие к его могуществу». Подобным же образом и у племени лоанго королю приписывается власть управлять погодой по своему произволу.

Подобную связь мы можем проследить и в памятниках различных, в настоящее время исчезнувших народов обоих полушарий. О Гуйтцилопохтли*, основателе мексиканского могущества, мы читаем, что он был «замечательный чародей и колдун»; затем всякий мексиканский король, вступая на престол, должен был дать клятву, «что в его царствование солнце будет идти по своему обычному пути, облака будут изливать дождь на землю, реки будут течь и плоды созревать». Упрекая своих подданных в недостатке послушания, начальник-чичбей напомнил им о том, «что в его власти лежит возможность наслать на них чуму, оспу, ревматизм и лихорадку, также и заставить произрастать траву, овощи и растения в том количестве, какое для них желательно». Древние египетские памятники дают нам указания на подобные же случаи ранних верований. Тотмес III после причисления своего к сонму богов стал считаться богом — приносителем счастья стране и покровителем, и защитником ее против наваждения злых духов и волшебников. То же самое видим мы и у евреев: «Раввинические писатели неистощимы в описании силы чародейства и знания Соломона. Они его изображают не только царем всей земли, но и властелином над дьяволами и злыми духами, обладателем умения изгонять их из людей и животных и подвергать людей их наваждению».

Предания европейских народов также богаты подобными же примерами. Как мы уже говорили выше, рассказы, находящиеся в Геймс-крингла-саге**, указывают на то, что вождь

скандинавов Один был знахарем, так же как и его преемник Ниот и Фрей. Припомнив же то необыкновенное вооружение и те сверхъестественные подвиги, которые признаются за королями героического периода, мы едва ли можем сомневаться в том, что им приписывалась сила чародейства, которая и послужила основанием для признания за ними способности врачевать недуги путем прикосновения или другим каким-нибудь образом. Факты признания такой силы за другими лицами, второстепенными властителями раннего периода, дадут возможность окончательно рассеяться нашим сомнениям по этому поводу. Так, имеется указание на существование в ранний период такой силы у бретонских аристократов, что слюна и прикосновение их обладали целительными свойствами.

Таким образом, мы видели, что один из важных факторов в развитии политического главенства возникает вместе с теорией духов и с сопровождающим ее развитием убеждения в том, что некоторые люди могут приобретать власть над духами и в случае надобности пользоваться их помощью. Большей частью вождь и знахарь не соединяются в одном лице, и в таком случае между ними происходят столкновения, так как они представляют два различных рода власти, стоящие совершенно самостоятельно. Но когда в лице вождя соединяется власть, приобретенная естественным образом, с приписываемым ему сверхъестественным могуществом, то в силу этого его влияние необходимым образом начинает увеличиваться. Недовольные члены племени, которые, может быть, и решились бы сопротивляться его власти, если бы для борьбы требовалась только физическая сила, не решаются начать такой борьбы, если у них существует уверенность в сверхъестественном могуществе вождя, они боятся того *posse comitatus* духов, которым он может мучить их. Стремление вождей к забранию обоих родов власти в свои руки достаточно доказывается следующим фактом. Канон Каллавей говорит, что вождь племени амазулу выпытывает у знахара тайны врачебного искусства и затем убивает его.

§ 475. Но все-таки нам остается решить вопрос: каким образом возникает главенство как постоянное учреждение? Политическое главенство, возникающее на почве физической силы и мужества или более высоких умственных способностей, даже

в том случае, если подкреплено предполагаемую сверхъестественной помощью, кончается вместе с жизнью того человека, которому удалось приобрести его. Принцип влиятельности физической или нравственной, ведущий к произведению временной дифференциации, выражающейся в выделении властителя и подчиненных, недостаточен для произведения более постоянной дифференциации. В этом случае принимает участие другой принцип, к которому мы теперь и перейдем.

Мы уже видели, что даже в самых грубых обществах старость дает некоторые преимущества. Как у фуэзианцев, так и у австралийцев не только старики, но даже и старухи пользуются уважением. Что такое уважение к летам, независимо от всяких других причин уважения, составляет само по себе важный фактор при учреждении политической подчиненности, доказывається следующим любопытным фактом: в различных обществах, достигших более высокой степени развития, характеризующей более высокой степенью гнета со стороны власти, уважение, воздаваемое летам, предшествует уважению, возникшему на другой почве. Шарп замечает о Древнем Египте, что «здесь, подобно тому как в Персии и у иудеев, мать короля пользуется большим уважением, чем его жена». В Китае, несмотря на низкое положение женщин как в обществе, так и в домашней среде, существует известное предпочтение, воздаваемое родителям женщины, хотя и не такое высокое, какое воздается родителям мужчины. То же самое наблюдается и в Японии. Для придания большей основательности тому выводу, что подчиненность родителям служит подготовительным путем для подчиненности вождям, я воспользуюсь здесь одним фактом как доказательством от противного. О племени короадос, между группами которого нет никакой связи, мы читаем, что «пайе пользуется таким же небольшим влиянием на массу, как и всякий другой член группы; племя это не связано никакими общественными узами, так что у него нет ни республиканской, ни патриархальной формы управления. Даже и семейные узы у него очень слабы... Подчинение молодых старым не имеет там правильного характера, так как, по-видимому, у них не существует уважения, воздаваемого летам».

Для подкрепления этого факта я могу обратить внимание на § 317, где было показано, что мантрасы, каробы, мапухесы,

бразильские индейцы, галлиномеросы, шошоны, навайосы, калифорнийцы, команчи, которые подчиняются очень мало или даже совсем не признают власти вождя, выказывают очень небольшую степень подчиненности и своим родителям, причем и эта небольшая доля сыновнего уважения прекращается очень рано.

При каких же обстоятельствах уважение к летам принимает ту определенную форму, какую мы видим в обществах, отличным признаком которых служит высокая степень политической подчиненности? Нами был уже отмечен тот факт¹, что когда люди, переходя из охотничьего состояния в пастушеское, начинают отправляться в поиски за пищей для своих домашних животных, то они попадают в условия, благоприятствующие образованию такой патриархальной группы, которая в одно и то же время представляет семью и общество в миниатюре и которая в смысле общественной единицы входит затем в состав обществ, достигающих более высоких степеней развития. Мы видели, что в первоначальном бродячем пастушеском обществе человек, раз отдалявшийся от первобытного влияния племени, парализовавшего отеческую власть и предшествовавшего устойчивым отношениям между полами, становился этим самым в такое положение, что приобретал главенство над сплачивающейся группой: отец делался «по праву сильного вождем, собственником, господином жены, детей и хозяином всего, что уносил с собою». При этом нами были уже перечислены те влияния, которые обеспечивали патриархат за старейшим членом племени, и было указано, что не только семиты, арийцы и туранцы могут служить примерами для показания связи между пастушескими привычками и патриархальной организацией, но что такая связь наблюдается и у южноафриканских рас.

Каковы бы ни были причины такого явления, во всяком случае мы находим массу доказательств в пользу того, что семейное верховенство старейшего в роде, общее как для пастушеского народа, так и для перешедших из пастушеского состояния в земледельческое, развивается естественным образом в верховенство политическое. О санталах Хантер говорит: «Сельское управление имеет чисто патриархальный характер.

¹ «Основания социологии», § 319.

Всякая деревня имеет своего собственного основателя (манихи-ганан), который считается отцом общины. Ему воздаются божеские почести в священной роще, власть же его переходит к его потомкам».

О семейных союзах у кхондов Макферсон пишет, что «у них (власть отца) почти не ограничена. По учению кхондов, отец какого-нибудь человека должен считаться его богом; непослушание родителю составляет величайший грех... Все члены семейства находятся в строгом подчинении у семейного главы до самой смерти этого последнего».

Дальнейший рост таким образом развивающихся групп и переход их в более и более сложные при существовании признаваемой власти одного лица, соединяющего в своих руках семейное главенство с политическим, был указан сэром Генри Мэном и др. и признан ими общим фактом как для древних греков, романцев и тевтонов, так и для существующих еще форм социального устройства славян и индусов.

Таким образом, здесь мы видим появление фактора, ведущего к упрочению политического главенства. Мы указывали уже в предыдущих главах, что замещение (одного представителя власти другим) по способностям дает социальному строению пластичность (способность изменяться, приспосабливаться к условиям), а замещение в силу наследственности дает ему устойчивость. Какое-нибудь учреждение не может стать постоянным в первобытной общине до тех пор, пока функции каждой единицы, входящей в состав этой общины, определяются исключительно ее личными способностями; в самом деле, после смерти такой единицы учреждение должно начаться вновь, постольку поскольку этот выбывший член составляет его часть. Только в том случае, когда место умершего занимает немедленно лицом, право которого на это признано, только тогда может начаться такая дифференциация, которая переживает последовательную смену поколений. Очевидно, что на низших ступенях социального развития, когда связь слишком незначительна, а потребность в сплочении громадна, принцип наследственности необходимым образом, в особенности по отношению к политическому главенству, получит преобладание над принципом способности. Размышление над фактами сделает для нас ясным это положение.

§ 476. Теперь мы заметим две первоначальные формы наследования. Во-первых, систему наследования по женской линии, общую диким народам, состоящую в переходе собственности и власти к братьям или детям сестер; во-вторых, систему наследования по мужской линии, общую более развитым народам и состоящую в переходе собственности и власти к сыновьям и дочерям. Прежде всего мы должны сказать, что результатом наследования по женской линии является менее прочное политическое главенство, чем то, которое возникает на почве наследования по мужской линии.

Говоря выше о семейных отношениях, мы указали на тот факт, что система наследования по женской линии возникает в то время, когда связи между полами временны и непрочны; отсюда можно сделать вывод, что такая система характеризует общества, стоящие на низкой ступени развития во всех отношениях, даже и в политическом. Мы видели, что неурегулированные связи ведут к слабости и перерывам родственных связей и к такому типу семейства, в котором последовательные звенья родства не подкрепляются столь многими боковыми звеньями. Общее следствие из всего сказанного, следовательно, таково, что при наследовании по женской линии или не существует главенства, или если оно и существует, то обуславливается личными заслугами, или же, если такое главенство наследственно, то обыкновенно оно не имеет устойчивости. Типическими примерами могут служить нам австралийцы и тасманийцы. У гайдаков и других диких народов Колумбии «власть наследственна большей частью по женской линии, но это наследование номинально, действительное же главенство зависит главным образом от богатства и успехов на войне. У других североамериканских племен, как, например, у чиппева, команчей и снейков, мы видим, что система наследования по женской линии существует или при отсутствии наследственности главенства, или при весьма слабом развитии ее. Переходя к южноамериканским народам, мы можем указать на араухов и на вараосов, которые могут служить примером наследования по женской линии и по большей части номинального наследственного главенства; почти то же самое можно сказать и о карибах.

Следует обратить внимание еще на одну группу фактов, имеющую большое значение. Во многих обществах, в которых,

как правило, наблюдается переход собственности и власти по женской линии, существует исключение в этом отношении, делаемое для политического главенства, которое в этом случае бывает сравнительно более прочным. Хотя у племени фиджи существует наследование по женской линии, но, по словам Симена, властитель, избираемый из членов семейства короля, бывает «обыкновенно сыном» своего предшественника. На Таити, где два высших сословия следуют первобытной системе наследования, существует, однако, для властителей столь ясно выраженное мужское наследование, что с момента рождения старшего сына отец делается только регентом от его имени. У племени малагази наряду с преобладающей системой наследования по женской линии верховный правитель назначает или сам себе преемника, или это назначение зависит от вельмож, которые «обыкновенно выбирают старшего сына, если он не совсем неспособен». В Африке мы можем найти в подтверждение этого различные примеры. Хотя племя конго, племя береговых негров внутренней Африки, образовали общества довольно большие и сложные, несмотря на то что трон достается наследникам по женской линии, тем не менее о первом из этих племен мы читаем, что подданство у них «неопределенно и смутно»; о втором из них говорится, что управление, исключая тех мест, где оно имеет свободные формы, представляет «необеспеченный и недолговечный монархический деспотизм», в третьем же из этих племен, там, где управление не имеет смешанного типа, оно представляется суровым, но непрочным деспотизмом». Между тем в двух более развитых и сильных государствах устойчивость политического главенства развивается соответственно частному или полному отклонению от системы наследования по женской линии. У ашантиев порядок наследования таков — «брат, сын сестры, сын брата»; у дагомеев же существует первородство по мужской линии. Дальнейшее развитие такого перехода наблюдается нами у исчезнувших цивилизаций Америки. Хотя ацтеки, победители Мексики, внесли со своим владычеством систему наследования по женской линии и соответствующие такой системе законы наследования, но такой порядок отчасти — или даже вполне — скоро перешел в систему наследования по мужской линии. В Тецкуко и Тлапане (округах Мексики) королевская власть переходила к старшему

сыну; в Мексике же король мог выбираться только из сыновей или братьев прежнего монарха. Затем о древнем Перу Гомара говорит: «Наследуют обыкновенно племянники, а не сыновья, исключая инков»; это исключение у инков отличается странной особенностью, а именно «первенец такого брата и сестры (т.е. инки и его главной жены) считается законным наследником престола» — такой порядок заключает линию наследования в необыкновенно тесные и определенные границы. Здесь мы должны опять возвратиться к Африке и провести параллель между Перу и Египтом в этом отношении. «В Египте соблюдался порядок наследования по материнской линии, дававший права на престол и собственность. Тот же самый порядок преобладал и в Эфиопии. Если монарх брал себе жену не из царского семейства, дети его теряли свои законные права на престол». Если мы присоединим сюда то положение, что монарх «считался лицом божественного происхождения как по мужской, так и по женской линии», или мы свяжем это положение с другим, что царственные браки заключались между братьями и сестрами, мы найдем, что тождественные причины произвели тождественные же результаты как в Египте, так и в Перу. В Перу инка также считался лицом божественного происхождения, наследующим свою божественность как от отца, так и от матери, и также женился на сестре для того, чтобы не допускать посторонних примесей к своей божественной крови. В Перу, как и в Египте, результатом такого положения дел являлся царственный порядок наследования по мужской линии, между тем как в других случаях преобладало наследование по женской линии.

К такому процессу перехода от одних законов наследования к другим, выведенному нами на основании вышеизложенных фактов, могут быть присоединены некоторые процессы, обуславливающие эти факты. В Новой Каледонии «вождь назначает себе наследника в лице сына или брата»: первый из этих случаев обуславливает порядок наследования по мужской линии, а второй может существовать как при наследовании по мужской, так и по женской линии. На Мадагаскаре, где преобладает система наследования по женской линии, «верховный властитель сам назначает себе преемника, естественно отдавая предпочтение своему сыну». Далее, следует заметить, что в тех случаях, где не бывает назначения себе преемника,

вельможи выбирают его из членов царского семейства, причем в своем выборе они руководствуются способностью, что должно составлять и естественным образом составляет отклонение от порядка наследования по женской линии; последний порядок, будучи однажды нарушен, идет по многим причинам к совершенному уничтожению. Таким образом мы знакомимся с новым переходным процессом. Некоторые из этих случаев в среде того множества случаев, в которых наследование власти определено по отношению к семейству, но не определено по отношению к известному члену семейства, составляют ступень, обуславливающую частную, но не полную устойчивость политического главенства. Примеры для этого мы находим в Африке. «Корона Абиссинии наследственна по отношению к семейству, но избирательна по отношению к члену этого семейства», — говорит Брюс. «У тимманиев и булломов* корона остается всегда за одним и тем же семейством, но вождь или военачальник этой страны, от которого зависит избрание короля, может выбрать на престол человека, принадлежащего к одной из отдаленных ветвей этого семейства». Законы кафров** «требуют, чтобы преемник королю избирался из самых молодых лиц царской крови». У племен Явы и Самоа, хотя власть наследуется только в пределах одного семейства, однако возможность такого наследования отчасти связана с уважением, воздаваемым известному члену этого семейства.

Конечно, мы не можем доказать того, что устойчивость политического главенства зависит от учреждения порядка наследования по мужской линии. Мы лишь можем утверждать просто, что наследование такого вида скорее приводит к устойчивости политического главенства, чем всякое другое. Одним из вероятных оснований такого мнения, нам кажется, служит то обстоятельство, что в патриархальной группе, как развившейся среди тех пастушеских рас, из которых впоследствии произошли господствующие цивилизованные народы, чувство подчиненности по отношению к старшему представителю мужской линии, усилившееся обстоятельствами как в семействе, так и в роде, послужило, вероятно, орудием к развитию большей подчиненности в тех более обширных группах, которые из них случайно образовывались. Другой вероятной причиной такой устойчивости служит то, что при порядке наследо-

вания по мужской линии может чаще происходить совмещение способности с верховенством. Сын великого полководца или человека, в каком-нибудь отношении способного к управлению, имеет за собой более вероятности проявить родственные черты, чем сын сестры этого лица; если это так, то на низших ступенях развития общества, когда личное превосходство признается в той же степени, как и законность права, наследование по мужской линии будет вести к упрочению постоянства власти, делая узурпацию более трудной.

Существует, однако, более могущественное влияние, благоприятствующее упрочению постоянства политического главенства, и это влияние действует сильнее, когда оно связано с порядком наследования по мужской линии, чем с порядком наследования по женской, и, по всей вероятности, имеет наибольшую важность.

§ 477. При указании в § 475 на то, каким образом уважение к летам служит причиной образования патриархальной власти там, где возникла уже система наследования по мужской линии, я приводил факты, которые случайным образом содержали в себе указания и на дальнейшие результаты, а именно, что усопший патриарх, служащий предметом поклонения для своих потомков, делается таким образом семейным божеством. В первых главах нашего исследования были изложены и прослежены доказательства из прошлого и теперешнего быта обществ в различных местностях и у различных народов такого происхождения божеств из духов-покровителей. Здесь нам остается указать на усиление политического главенства, неизбежно затронутого таким положением дела.

Происхождение от правителя, который при жизни своей отличался своим превосходством над остальными и дух которого после смерти продолжает внушать страх до такой степени, что ему воздается поклонение в большей степени, чем всем остальным духам предков, такое происхождение усиливает и поддерживает власть его потомка двумя путями. Во-первых, потомок считается унаследовавшим от своего великого прародителя большую или меньшую часть его отличительных свойств, признаваемых сверхъестественными и послуживших к упрочению за ним власти; во-вторых, он, принося

жертвы своему великому прародителю, считается в силу этого поддерживающим с ним такие сношения, которые обеспечивают за ним божеское содействие. В описании Канона Калловейя племени амазулу мы находим указание на влияние, оказываемое таким убеждением. Там говорится: «Итонго (дух предка) живет с великим человеком и говорит с ним»; затем, рассказывая о знахаре, описание прибавляет: «Вожди из дома Узулу не дозволяют обыкновенному смертному даже и говорить о том, что он может иметь власть над небом, так как сказано, что власть принадлежит только главе этой местности». Эти факты дают нам возможность к точному объяснению других фактов, подобных нижеследующему, а именно, что власть земного владыки усиливается при предположении его связей с небесным владыкою; этот небесный владыка есть или дух самого отдаленного предка, считаемого основателем известного общества, или дух воинственного завоевателя, или же дух чужеземного владыки. О вождях кукисов, потомках индустанских авантюристов, мы читаем: «Все эти райи предполагаются происходящими из одной ветви, которая признается ведущей свое начало от самих богов; поэтому особа их окружается большим почетом и почти суеверным поклонением; их приказания во всех случаях составляют закон». О таитянах Эллис говорит: «Бог и король владеют сообща властью над подчиненною им массою человеческого рода. Король иногда служит олицетворением бога... Короли на некоторых островах считаются потомками богов. Их особы были всегда священны». По словам Маринера, «торитонга и веачи (наследственные вожди божественного происхождения) считаются потомками тех главных богов, которые когда-то посетили острова Тонго». В древнем Перу «инка давал понять своим подчиненным, что все, что он делал по отношению к ним, делалось им по приказанию и откровению, полученному им от своего отца Солнца».

Такое усиление естественного могущества при помощи сверхъестественного доходит до крайних пределов в том случае, когда правитель в одно и то же время представляется и потомком богов, и самим богом; такое соединение свойств божественных и человеческих часто встречается у племен, которые не различают, как мы, божественного начала и человеческого. В примере, только что приведенном нами из жизни

Перу, встречается именно факт этого рода. То же самое видим мы и у древних египтян. «Монарх был представителем божества на земле и был из той же субстанции», и не только делался во многих случаях богом после смерти, но и при жизни пользовался божескими почестями; доказательство этому мы можем найти в нижеследующей молитве к Рамзесу II: «Когда они явились к королю... они пали ниц и воздыманием рук своих молились королю. Они восхваляли этого божественного благодетеля... говоря таким образом: «Мы предстали перед тобой, владыка неба, владыка земли, владыка времени, жизнь всего мира... ты владыка благоденства, творец жатвы, ты создаешь нас, смертных, и придаешь нам форму, ты распределяешь дыхание жизни между всеми людьми... ты одухотворитель целого сонма богов... ты даешь форму великому и создаешь малое... ты наш господин, наше солнце; твои слова, исходящие из твоих уст, дают жизнь Туму... даруй нам жизнь твоими руками... и дыхание для наших ноздрей».

Эта молитва приводит нас к замечательной параллели. Могущество Рамзеса, выказанное им во время его завоеваний, считалось до такой степени высоким, что он описывается здесь не только как правитель земли, но и как правитель неба. Подобное же королевское могущество наблюдается и в двух ныне существующих обществах, в которых абсолютизм остался нетронутым: это именно в Китае и Японии. Как мы уже указывали выше в трактате «Обрядовые учреждения», китайский император и японский микадо имеют такую власть над небесными обитателями, что они могут переводить их из одного ранга в другой по своему произволу.

Что такое усиление политического главенства путем приписываемой вождю божественности или божественного происхождения (от обоготворенного прародителя племени или от других, более высоких божеств) имело также место у древних греков, настолько известно, что не требует доказательства. То же самое существовало и у северных арийцев. «Согласно верованиям древних язычников, родословная саксонских, английских, датских, норвежских и шведских королей — весьма вероятно, также и вообще всех германских и скандинавских — возводилась или до Одина, или до ближайших его сотоварищей, или до его героических сыновей».

Далее следует заметить, что правитель божественного происхождения, который обыкновенно также бывает и верховным жрецом, пользуется более существенной сверхъестественной помощью, чем такой правитель, которому приписывается только магическая сила. Ибо, во-первых, те невидимые деятели, которых призывает маг, не занимают, по мнению массы, особенного высокого места в ряду других божеств, между тем как потомок божества пользуется помощью высшего невидимого деятеля. Во-вторых, одна форма влияния над внушающими боязнь сверхъестественными существами склонна более, чем другая, сделаться постоянным атрибутом правителя. Хотя у чибхасов мы и находим пример передачи магической силы преемнику, «хотя кацик Сагамозо и обнародовал, что он (Бохи-ка) сделал его наследником всех своих божественных свойств и что он, Сагамозо, имеет такую же силу заставлять идти дождь по своему произволу» и давать здоровье или насылать болезни (утверждение, пользующееся у народа доверием), во всяком случае такие примеры составляют ни больше, ни меньше как исключение. Говоря вообще, вождь, связи которого со сверхъестественным миром ограничиваются пределами связей чародея, не передает их своим наследникам и не может вследствие этого образовать династию сверхъестественного происхождения, как это бывает в случаях вождей, происходящих от богов.

§ 478. Теперь, разобрав различные факторы, принимающие участие в установлении политического главенства, рассмотрим самый процесс кооперации в его последовательных стадиях. Необходимо отметить ту истину, что последовательные явления, встречающиеся в простейших группах, наблюдаются обыкновенно в той же последовательности и в сложных группах, а затем и в группах вдвойне сложных.

Подобно тому, как в простой группе прежде всего наблюдается нами такое состояние ее, когда не существует главенства, так точно и при соединении простых групп, уже имеющих своих политических глав, обладающих слабой властью, первоначально не имеется политического главы. Примером такого состояния могут служить чинуки. Описывая их, Льюис и Клерк говорят: «Когда эти семьи постепенно разрастаются в толпы или племена, вождь является представителем отеческой власти

в каждом таком сообществе. Однако власть эта не наследственна». Затем идет следующий факт, который особенно для нас важен, а именно, что «вожди отдельных селений независимы один от другого» и что, следовательно, у них не существует общего вождя.

Подобно тому, как главенство в простой группе, будучи первоначально временным, прекращается вместе с войной, вызывающей это главенство, так и в сложной связи групп, из которых каждая в отдельности имеет признаваемого ею главу, учреждение общего политического главенства является результатом войны и прекращается вместе с этой последней. Фалкнер говорит: «При общей войне, когда много племен вступают в союз против общего неприятеля... патагонцы выбирают апо, или главнокомандующего, из среды старейших или знаменитейших кациков». Индейцы верховьев Ориноко живут «ордами от 40 до 50 человек под властью семейных владык и признают общего вождя только во время войны». То же самое мы видим и на Борнео. «Во время войны вожди саремасских даяков подчиняются неопределенной власти главного вождя или главнокомандующего». То же самое было и в Европе. Силей замечает, что сабиняне, «по-видимому, пользовались центральным управлением только во время войны». Далее: «В Германии в древности было столько республик, сколько племен. За исключением военного времени, у них не было ни общего для всех племен вождя, ни даже для известной данной конфедерации».

Это напоминает нам факт, на который мы указывали выше, говоря о политической интеграции, а именно, что связь в сложных группах первого порядка слабее, чем в простых группах, а в группах второго порядка слабее, чем в группах первого порядка. То, что там было говорено нами о связи, здесь может быть приложено к подчиненности, ибо мы находим, что когда зарождается постоянное главенство в сложной группе, благодаря непрерывной войне, оно менее устойчиво, чем главенство в простой группе. Часто оно прекращается вместе с жизнью человека, захватившего его в свои руки; так бывает у каренов* и магангов, примеры в § 226, а также у даяков, о которых Бойль говорит: «Только в исключительных случаях вождь даяков пользуется признаваемым за ним превосходством над другими вождями. Если он и возвысился, то во всяком случае

не мог предъявлять никаких требований на власть, за исключением своих личных достоинств и согласия со стороны прежде равных ему его соплеменников; за смертью же его немедленно следует окончание его господства».

Даже в том случае, если возникает такое главенство, которое продолжается и после смерти его основателя, оно в продолжение долгого времени не имеет такой устойчивости, какой обладают политические главенства составляющих групп. Паллас, описывая монгольских и калмыцких вождей и их неограниченную власть над своими подчиненными, говорит, что хан имел весьма неопределенную и шаткую власть над подчиненными ему вождями. О кафрах мы читаем: «Все они подчинены королю, вожди так же, как и подвластные им; но подданные вообще так слепо привязаны к своим вождям, что готовы следовать за ними, даже если бы эти последние шли на королей». История Европы дает нам много различных примеров. О гомеровских греках м-р Гладстон пишет: «Весьма вероятно, что подчиненность второго по степени вождя своему местному правителю была сильнее, чем подчиненность этого последнего политическому главе Греции». И в продолжение раннего феодального периода в Европе подчиненность местному правителю была развита в более сильной степени, чем подчиненность общему верховному владыке.

В сложной группе, так же как и в простой группе, развитию прочности главенства благоприятствует переход от преемственности избирательной к преемственности наследственной. В продолжение первых ступеней развития простой группы главенство или приобретает на основании личного превосходства и подтверждается безмолвным согласием со стороны массы, или дается путем избрания. В Северной Америке мы видим это у алеутов, у команчей и у многих других; в Полинезии то же самое наблюдается у внутренних даяков: то же самое было и на Яве до магометанского завоевания; из нагорных жителей Индии такой порядок вещей встречается у нагасов и у других. В некоторых областях переход к наследственной преемственности можно проследить у различных племен одной и той же расы. О каренах (Karens) мы читаем, что «во многих округах главенство признается наследственным, но гораздо чаще еще оно бывает избирательное». Некоторые чинукские селения имеют

вождей, передающих свою власть по наследству, однако несравненно большая часть их утверждается по выбору.

Подобным же образом сложная группа управляется прежде всего выборным главою. Примеры для этого дает нам Африка. Бастиан говорит, что «во многих частях области Конго король избирается мелкими князьками». Корона у ярибов* не наследственна, «вожди избираются неизменно из числа ученейших и мудрейших лиц племени». Король ибу, говорит Аллен, как кажется, «избирается советом шестидесяти старейшин, или вождей больших селений». В Азии то же самое наблюдается у кукасов: «Один из среды райев всех классов избирается в прюдгамы, или главные райи, над всем кланом. Это звание не наследственно, как звание других райев, низших по степени, но переходит поочередно к каждому из райев клана».

То же самое видим мы и в Европе. Хотя право наследования в значительной степени признавалось древними греками, однако история Телемака** приводит нас к заключению, «что у них существовал порядок вещей или приближающийся к избранию, или такой, который до некоторой степени обуславливался свободным действием со стороны подданных или только некоторой части этих последних». Подобный же порядок вещей существовал, вероятно, и в Древнем Риме. Тот факт, что монархия была избирательной, «доказывается существованием в позднейшее время должности *interrex****; это заставляет нас заключить, что власть правителя не переходила естественным путем преемственности к наследнику». Позднее мы видим то же самое и у западных народов. С начала X столетия «существовали формальности избрания... в каждом европейском королевстве; и несовершенно право рождения требовало подтверждения общим согласием». То же самое было некогда и у нас. У первых англичан *гретвальдство*, или высшее главенство над меньшими королевствами, было первоначально избирательным; и эта форма избрания надолго оставила следы в нашей истории.

Прочность главенства в сложной группе, укрепляемая успешным предводительством на войне и учреждением наследственной преемственности, делается еще устойчивее, когда в этом принимает участие добавочный фактор — сверхъестественное происхождение или сверхъестественная санкция. Везде, начиная с Новой Зеландии, где король признается *тану*,

т.е. священным в строгом смысле этого слова, мы можем проследить это влияние; если же случалось, что со стороны верховной власти не было стремления к приписыванию себе божественного происхождения или магической силы, во всяком случае существовали притязания на происхождение высшего порядка, чем у прочих смертных. Азия дает нам такой пример в династии Фодли, которая царствовала в продолжение полутора столетий в Южной Аравии — эта так называемая шестипальцевая династия пользовалась большим уважением со стороны массы вследствие упорно передающегося по наследству уродства. Европа меровингского периода доставляет нам другой такой же пример. Во времена язычества за королевской расой признавалось божественное происхождение; но во времена христианства, говорит Вайц, так как короли не могли сослаться на богов, то место сверхъестественного заступили мифы: «Морское чудовище похитило жену Хлодвига, когда она сидела на морском берегу, и от их союза произошел Меровех». Позднее мы видим стремление к постепенному присвоению священным или полусверхъестественным свойствам там, где они первоначально не признавались. Каролингские короли утверждали, что они управляют на основании соизволения свыше. В позднейшее время феодального периода, за редкими исключениями, «короли были недалеки от уверенности в том, что они связаны самыми близкими родственными узами с властителями небес. Короли и боги находились в дружбе». В XVII столетии это мнение было подтверждено богословами. «Короли, — говорит Боссюэ, — наши боги и пользуются в известной мере присущею богам независимостью».

Таким образом, главенство в сложной группе, прежде всего возникающее временно на почве войны, делаясь затем, вследствие частых коопераций групп, пожизненным и избирательным, принимает далее форму наследственной преемственности и делается все более и более устойчивым по мере того, как законы наследования получают большую и неоспоримую определенность. Высшая же степень устойчивости является только тогда, когда король возвышается до представителя бога на земле или если признаваемые за ним божественные свойства не составляют, как в первоначальных обществах, наследия, полученного им от богов, то в таком случае это верование заменяется другим, утверждающим, что король получил от бога поручение властвовать

над своими подчиненными. Это последнее верование еще более закрепляется подтверждением со стороны духовной власти.

§ 479. Там, где политический глава приобрел неограниченную власть, которая является результатом признаваемых за ним божественных свойств, или божественного происхождения, или поручения, полученного им от бога, там весьма естественно не существует пределов для усиления этой власти. В теории и даже в больших пределах на практике он является собственником своих подданных и той территории, на которой эти последние живут.

Там, где утверждено военное господство и где притязания завоевателя не опираются на его личные качества, мы видим до некоторой степени тот же порядок вещей у тех нецивилизованных народов, которые не приписывают своим правителям сверхъестественных свойств. У зулусских кафров «вождь пользуется высшей властью над жизнью своих подданных»; бхильские вожди имеют власть над жизнью и имуществом своих подданных, а у племени фиджи всякий подданный составляет собственность короля. Еще резче проявляются эти черты там, где правитель считается существом более высоким, чем обыкновенные смертные. Астлей говорит нам, что в Лоанго «король называется *самба* и *понго*, т.е. богом»; по словам же Пройарта, племя лоанго* говорит, что «жизнь их и имущество принадлежат королю». У вазоров, племени, живущего в Восточной Африке, «король имеет неограниченную власть над жизнью и смертью... в некоторых племенах... ему поклоняются почти так же, как богу». Мзамбарцы говорят: «Мы все рабы зумбы (короля), он наш мулунгу» (бог). На основании государственного закона дагомеев, так же как и бенинов, «все люди — рабы короля, и большая часть женщин — его жены»; у дагомеев, кроме того, король называется «духом». Малагазийцы говорят о короле как о своем боге; он считается господином земли, собственником всего имущества и полным властелином своих подданных. Он распоряжается их временем и услугами по своему произволу. На Сандвичевых островах король, являющийся олицетворением бога, считается оракулом и дает ответы на предлагаемые ему вопросы; власть его «простирается на собственность, свободу и жизнь его народа». Различные азиатские

правители, титулы которых указывают на их божественное происхождение и свойства, стоят в таких же отношениях к своим подданным. В Сиаме «король не только господин над своими подданными, но и над их имуществом; он распоряжается по произволу их трудами и направляет их в их передвижениях». О бурмезах мы читаем: «их имущество, так же как и они сами, признаются его (короля) собственностью; на этом основании он может взять себе в жены всякую женщину, какая ему понравится». В Китае «только один император пользуется властью... Уанг*, или король, не имеет наследственных владений и живет на средства, доставляемые ему императором. Он единственный владетель всей поземельной собственности».

И в самом деле, там, где неограниченная власть находится в руках политического главы, там, где от милости его, как победоносного завоевателя, зависит жизнь его подданных, там, где признаваемое за ним божественное происхождение не дозволяет даже усомниться в его велениях под страхом быть сочтенным за безбожника, наконец, там, где он соединяет в себе свойства завоевателя и бога, — во всех этих случаях он естественным образом соединяет в своем лице все виды власти; он в одно и то же время глава войска, законодательства, судопроизводства и духовенства. Вполне развившаяся королевская власть есть высший центр всех отдельных общественных органов и управляет всеми функциями общества.

§ 480. В небольшом племени на обязанности вождя лежит самоличное исполнение всех обязанностей его сана. Он ведет войско на войне. Но кроме этого у него остается довольно времени, чтобы решать споры, приносить жертвы духу предка; он может смотреть за порядком в селенье, может налагать наказания, может регулировать торговые сношения, так как подчиненных ему немного и все они живут в пределах небольшого пространства. Когда он делается главою многих соединяющихся вместе племен, то — как вследствие увеличения суммы обязанностей, так и более обширной площади, заселенной его подданными, — на пути его исключительно личного управления начинают являться затруднения. Является необходимость употреблять других лиц для собирания сведений, передачи приказаний и наблюдения за их исполнением; с течением времени

помощники короля, употребляемые для вышепоименованных целей, утверждаются главами округов, причем пользуются властью как представители короля.

Между тем как, с одной стороны, развитие структуры управления усиливает власть правителя, все более и более расширяя круг его деятельности, с другой стороны, оно уменьшает его власть, так как его деятельность все более и более видоизменяется, проходя через посредствующие ступени, которые накладывают на нее свой отпечаток. Те, которые следят за ходом управления какого бы то ни было рода, необходимо должны признать ту истину, что высшая регулирующая деятельность в одно и то же время облегчается и затрудняется подчиненными ей видами деятельности. В филантропическом или учебном обществе или даже клубе лица, занимающиеся управлением, находят, что организованный служебный состав, созданный ими, часто затрудняет, а иногда и совсем разрушает преследуемые ими цели. Тем скорее может наблюдаться такой порядок вещей в бесконечно большей по размерам администрации государства. Правитель получает сведения через своих поверенных; они же исполняют его приказания; но как только его отношение к делам государства становится не непосредственным, контроль его над ними начинает падать, и так продолжается до тех пор, пока в исключительных случаях он или обращается в марионетку в руках его главного поверенного, или власть его и положение захватываются этим последним. Как бы странно это ни казалось, но те две причины, которые стремятся к доставлению устойчивости политическому главенству, на более поздней ступени развития стремятся к низведению политического главы до положения автомата, исполняющего желания им самим созданных агентов. Из этих причин на первом месте стоит наследственная преемственность, которая, окончательно установленная в известной линии строго определенного происхождения, приводит к тому, что обладание высшей властью делается независимым от способностей к ее отправлению. Наследник на вакантный трон может иногда быть, и часто на самом деле бывает, слишком молод для исполнения своих обязанностей, слаб, или не энергичен, или слишком занят удовольствиями, бесчисленное множество которых он может доставить себе в силу своего положения; результатом такого положения дел является то,

что в одних случаях регент, в других главный министр делают-ся настоящими правителями. На втором месте в ряду этих причин стоят те божественные свойства, которые получаются правителем от предполагаемых предков божественного происхождения и которые делают его недоступным для массы. Сношения с ним возможны только при помощи посредников, которыми он окружает себя. Таким образом ему становится трудно или даже невозможно узнать более того, чем они желают, чтобы он знал, из чего вытекает невозможность приспособить свои распоряжения к потребностям массы и невозможность узнать, насколько были выполнены эти распоряжения. Власть его, следовательно, употребляется для достижения тех целей, к которым стремятся его агенты.

Даже в таком сравнительно простом обществе, как у тонгов, мы находим подтверждение высказанному нами предположению. У них существует наследственный вождь божественного происхождения, который «вначале был единственным вождем, обладающим как земным, так и небесным могуществом, и которому приписывалось божественное происхождение», но который в настоящее время совершенно бессилен в политическом отношении. Абиссиния указывает нам на факт, аналогичный до некоторой степени вышеприведенному. Не приходя в непосредственные столкновения со своими подданными и окруженный таким ореолом божественности, что даже в совете он присутствует невидимый для всех остальных, монарх их совсем не имеет голоса. В Гондаре*, также входящем в состав Абиссинии, король должен принадлежать к царственному дому Соломона, но всякий из непокорных вождей, получивший преобладание над другими силой оружия, делается *расом*, первым министром, или настоящим монархом, хотя «нужно содействие титулованного императора для выполнения необходимой церемонии назначения *раса*, так как по меньшей мере имя императора «считается необходимым для придания действительности этому титулу». Тибет представляет нам случай разъединения божественности первоначального политического главы от притязаний, основанных на наследственной преемственности. Великий лама, почитаемый как «бог-отец», воплощающийся каждый раз снова в лице нового претендента на престол, получает свои божественные свойства не путем

естественного происхождения, а сверхъестественным образом, выделяется из среды народа, распознающего его по известным указаниям на его божественность; последняя, требующая разобщенности с земными делами, ведет за собой отсутствие политической власти. Подобный же порядок вещей существует и у бутанезов: «Бутанезы смотрят на дурма-райю, так же как тибетцы на великого ламу — а именно как на непрерывающееся воплощение божества или самого Будды в телесную форму. В продолжение промежутка между смертью старого и появлением нового дурма-райи, или, говоря точнее, достижением этим последним достаточно зрелого возраста, дающего ему права на это духовное преобладание, место его занимают представители его сана, выбираемые из среды духовенства».

Наряду с этим духовным правителем существует и земной владыка. Бутан имеет «двух номинальных правителей, известных нам и соседним племенам горцев под индустанскими названиями дурма-райи и деб-райи... Первый из них глава духовный, второй — земной». Хотя в этом случае и говорится, что земной властитель не пользуется большим влиянием (вероятно, вследствие того, что правитель духовный, безбрачие которого не допускает основания наследственной преемственности, стоит на пути к безграничному применению власти земным властителем), но во всяком случае самый факт существования земного властителя указывает на переход части политических функций из рук первоначального политического главы. Но самый замечательный общеизвестный пример доставляет нам Япония. Здесь замена наследственной власти властью представительной имеет место не только в центральном, но и в местном управлении. «Близко к государю или его семейству стоят *каросы*, или старейшие». Их должности делаются наследственными и, подобно государю, они во многих случаях впадают в совершенное расслабление. Управление делами попадает таким образом в руки одного умного человека или же собрания людей низшего ранга, которые, соединяя с отвагой и доступностью умение управлять, скрывают государя и каросов от глаз остальных людей, окружая их внешними почестями, и управляя мнением большого числа *самураев*, или военного класса, представляют собою действительных правителей. Они, однако, всегда заботятся о том, чтобы каждый акт исходил от имени

faineants, их властителей, и таким образом мы слышим... о *дай-миосах**, точно так же, как и об императорах, совершающих деяния и проводящих такую политику, о которых они, может быть, ничего и не знали!

Такой переход политической власти в руки министров был уже выяснен нами с двух сторон относительно центрального управления. Будучи наследниками завоевателя божественного происхождения, бывшего действительным правителем, японские императоры постепенно нисходили до значения номинальных правителей; отчасти это произошло вследствие того, что их священный ореол разобщал их от народа, а отчасти вследствие того, что часто закон о наследовании возводил их на трон в ранней молодости. Их представители получали вследствие этого преобладание. Регентство в IX столетии «сделалось наследственным правом Фудзивара (отрасли императорского дома), и эти регенты стали окончательно всемогущими. Они обладали привилегией вскрывать все прошения, подаваемые на имя императора, причем могли докладывать их ему или отставлять без дальнейшего хода по своему произволу».

Затем в течение некоторого времени эта узурпированная функция, представлявшая власть, в свою очередь, подобным же образом была узурпирована. И тут явился строго определенный порядок наследования, и снова недоступность имела своим следствием потерю влияния на дела государства. «Высокое происхождение было единственным качеством, необходимым для занятия должности, и в выборе должностных лиц на способность к отправлению обязанностей не обращалось внимания. Кроме четырех доверенных чиновников, никто не мог приближаться к сёгуну*. Как бы велики ни были преступления, было невозможным вследствие интриг этих фаворитов получить доступ с жалобой на них сёгуну. Результатом этого было то, что постепенно это семейство... уступило место военным начальникам, которые, однако, так же часто делались орудиями в руках других предводителей».

Хотя и менее определенно, но этот же самый процесс имел место в течение раннего периода европейской истории. Меролингские короли, имевшие за собой традицию сверхъестественного происхождения и порядок наследования которых дошел до того, что царствовал младший, подпали под контроль того,

кто делался главным министром. Еще задолго до Хильдерика род Меровингов перестал править на самом деле. «Сокровища и власть над королевством перешли в руки управляющих дворцом, которые назывались мажордомами и которым на самом деле принадлежала высшая власть. Король был обязан довольствоваться только ношением имени короля, затем ему предоставлялось право иметь развевающиеся локоны, длинную бороду, сидеть на троне и изображать из себя монарха».

§ 481. С точки зрения эволюции мы, таким образом, можем понять относительную полезность таких учреждений, которые, если их рассматривать абсолютно, не полезны, и с той же точки зрения должны признать временно то, что отрицаем как постоянное. Факты заставляют нас признать, что подчиненность деспотизму правителей в большей степени послужила к движению цивилизации вперед. Это положение доказывается как путем дедукции, так и индукции.

Если, с одной стороны, мы соберем кочевые, не признающие власти племена, принадлежащие к различным расам и встречающиеся то здесь, то там на земном шаре, то мы увидим, что везде, где не существовало политической организации, почти не было и прогресса; лишь если мы рассмотрим те оседлые простые группы, которые имеют номинальных вождей, то хотя у них и существует некоторое развитие отраслей промышленности и некоторая доля кооперации, во всяком случае степень цивилизации их будет незначительной. Если же, с другой стороны, мы бросим взгляд на те древние общества, где впервые мы встречаемся со значительно развитой цивилизацией, мы увидим, что они находились под автократическим управлением. В Америке чисто личное управление, ограниченное только установившимися обычаями, составляло характеристическую черту государств мексиканского, среднеамериканского и чибчаского. В Перу абсолютизм короля божественного происхождения был неограниченным. В Африке пример Древнего Египта дает нам самое неопровержимое доказательство связи между деспотической властью и общественным развитием. В далеком прошлом примеры такой связи беспрерывно повторялись в истории Азии, начиная с аккадийской цивилизации* и кончая до сих пор существующими цивилизациями Сиама**,

Бирмы, Китая и Японии. Ранние европейские общества хотя и не отличались централизованным деспотизмом, но обладали распространенным патриархальным деспотизмом. Только у новейших народов, предки которых прошли через дисциплину, заключающуюся в этих первоначальных общественных формах, и унаследовали эффект этой дисциплины, является обычная в настоящее время возможность цивилизации без подчинения чьей-нибудь личной воле.

Что абсолютизм был прежде необходим для социального развития, доказывается лучше всего тем фактом, что в борьбе за существование побеждали те, которые при равенстве других условий больше подчинялись вождям и королям. А так как на ранних ступенях развития и военная и общественная подчиненность идут вместе, то результатом этого является то, что завоевательные общества в течение долгого времени сохраняют деспотический характер управления. Исключения, которые, по-видимому, представляет нам история, на самом деле служат доказательством этого правила. Во время столкновения Греции с Персией достаточно было незначительной случайности, чтобы погубить греков благодаря разобщенности и несогласиям, происходившим от отсутствия единой власти, а обычай назначения диктатора в случае грозящей опасности от неприятеля прямо указывает на то, что римляне дошли уже до того убеждения, что успешность войны требует абсолютизма в управлении.

Таким образом, оставляя открытым вопрос, могли ли первоначальные группы при отсутствии войн развиваться в цивилизованные нации, мы можем, однако, сделать вывод, что при тех условиях, какие существовали, эта борьба за существование между обществами, шедшими путем сплочения малых групп в большие, пока не достигли наконец размеров великих наций, необходимо обусловила развитие социального типа, отличающегося личным управлением принудительного характера.

§ 482. Чтобы сделать более ясным генезис главных политических учреждений, мы изложим вкратце те влияния, которые его обуславливали, и те различные ступени, по которым он проходил. У диких племен сопротивление захвату власти одной личностью обыкновенно препятствует учреждению устойчивого главенства, хотя обыкновенно упрочивается некоторая доля

влияния, основанная или на превосходстве силы, или на мужестве, или на уме, или на богатстве, или на опытности, зависящей от возраста.

В таких группах и даже в более развитых племенах два вида превосходства предпочтительно перед другими стремятся к преобладанию, а именно — превосходство, основанное на военных заслугах, и превосходство, сопряженное с умением врачевания. Часто находимые в отдельности, но иногда и соединяющиеся в одном лице и тем самым усиливающие его власть, оба эти вида превосходства, способствовавшие зарождению политического главенства, продолжают оставаться и главными факторами развития этого последнего.

Вначале, однако, верховенство, приобретенное в силу большой естественной силы, или предполагаемой сверхъестественной, или благодаря соединению обеих этих причин, является перемежающимся, т.е. оканчивается вместе с жизнью человека, захватившего его в свои руки. Пока действует только один принцип личных способностей, до тех пор невозможно установление постоянного политического главенства. Такое главенство приобретает постоянный характер только тогда, когда начинает действовать принцип наследственности.

Обычай наследования по женской линии, характеризующий многие грубые общества и удерживающийся даже в тех, которые уже значительно ушли вперед по пути развития, не так благоприятен для учреждения постоянного политического главенства, как обычай наследования по мужской линии; в различных полудивилизованных обществах, отличительной чертой которых служит постоянство политического главенства, наследование по мужской линии соблюдается в царствующей династии, между тем как в народе еще сохраняется прежний порядок наследования по женской линии.

Кроме того, что порядок наследования по мужской линии приводит к увеличению связи в семье, к большому развитию подчиненности и к более вероятному, чем в другом случае, соединению унаследованного положения с унаследованными способностями, кроме всего этого, существует еще более важное последствие такого порядка, а именно — такой порядок воспитывает поклонение предкам и ведет, следовательно, к усилению естественной власти властью сверхъестественной. Развитие

теории духов приводит к особенной боязни духов могущественных людей, а там, где много племен соединяются под властью одного завоевателя, дух его в преданиях приобретает божественные преимущества. Развитие этой теории дает нам двоякого рода результаты. Во-первых, преемник такого завоевателя, правящий после него, признается заимствовавшим от него его божественные свойства; а во-вторых, является мнение, что он посредством умиловительных жертв может пользоваться помощью своего предка. С этих пор мятеж начинает считаться греховным и безнадежным.

Процессы, которые принимают участие в установлении политического главенства, повторяются и на последовательных, более высоких ступенях развития. В простых группах учреждение главенства бывает временным; оно прекращается вместе с порождающею его войной. Когда простые группы, приобретшие постоянных политических вождей, соединяются вместе для воинских предприятий, общее военачальство над ними бывает также временным. Подобно тому, как в простых группах вождь обыкновенно избирается и только на позднейших ступенях развития власть делается наследственной, так и в сложной группе, вначале обыкновенно вождь избирается и только впоследствии власть его делается наследственной. То же самое встречается и в образующихся сложных обществах второго порядка. Далее эта установленная власть высшего правителя, вначале делающаяся избранием и затем уже вырастающая до степени наследственной, бывает обыкновенно менее сильной, чем власть местных правителей в подвластных им местностях; там же, где она является более сильной, это усиление обуславливается приписываемыми вождю божественным происхождением или божественной помощью.

Там, где в силу предполагаемого сверхъестественного происхождения власти король делается неограниченным властителем и собственником как своих подданных, так и земли, на которой эти последние живут, там вследствие увеличения массы государственных дел ему приходится доверять свою власть другим лицам. Следствием этого являются обратные ограничения его собственной силы, обусловленные политическим механизмом, который он сам создал; этот механизм постоянно стремится господствовать над ним. В особенности там, где или вслед-

ствие порядка наследования иногда личность правителя слаба, или там, где приписываемые божественные свойства делают правителя недоступным и сношения с ним становятся возможными только при посредстве его агентов, или там, где действуют обе эти причины вместе, власть переходит в руки доверенных лиц. Законный правитель становится номинальным, а его главный агент действительным Правителем; Последний, проходя с течением времени те же ступени развития своей власти, сам делается автоматом, а подчиненные ему — Правителями.

VII | СЛОЖНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГЛАВЫ

§ 483. В предыдущей главе мы проследили развитие первого элемента в той тройственной политической структуре, которая вначале проявляет себя повсюду. Теперь мы переходим к развитию второго элемента — группы руководящих людей, среди которых глава есть первоначально лишь наиболее смысленный. При каких условиях этот элемент развивается до того, что подчиняет два других, какие причины его ограничивают, какие причины его расширяют до того, что он переходит в третье сословие, мы здесь и рассмотрим.

Если врожденные чувства и свойства расы имеют значительное участие в определении объема и связности общественных групп, которые образует эта раса, то еще большее участие должны они иметь в определении отношений, возникающих между членами таких групп. В то время, следовательно, как образ жизни стремится породить то или другое общественное устройство (структуру), его работа всюду пополняется работой наследственного характера. Переходит или не переходит примитивное общество — в котором управляющая власть равномерно распределена между всеми воинами и всеми стариками — в состояние, при котором управляющая власть монополизирована одним лицом, это зависит отчасти от предварительного образа жизни группы, воинственного или мирного, а отчасти от натур ее членов, выказывающих большее или меньшее противодействие единоличной власти.

Арафурасы (папуанские островитяне), которые «живут в мире и братской любви», не имеют иной власти в своей среде, кроме решения своих стариков. У мирных тодасов «все споры и вопросы о правах и обидах решаются или третьейски, или пунчаеком, т.е. Советом пяти». О бодо и дималах, которых описывают как ненавистников военных занятий и как «совершенно свободных от высокомерия, мстительности, жестокости и гордости», мы читаем, что хотя каждая из их маленьких общин имеет номинального главу, на содержание которого платятся

подати, но такие главы не имеют власти, и «споры решаются между членами общины судом (жюри) из стариков». В этих случаях, кроме отсутствия причин, которые главным образом утверждают верховную власть, можно указать на причины, прямо мешающие ей. Папуанцы вообще, тип которых мы видим в вышеупомянутых арафурасах, описываются Россом, Колффом и Модера, как «добросердечные», с «мягким расположением», кроткие и мирные, а Ирль говорит о них, что они неспособны к военной деятельности; «их нетерпимость к власти... совершенно исключает ту организацию, которая могла бы приспособить папуанцев защищать свою землю от завладения». Бодо и дималы, «хотя они чужды какого бы то ни было насилия против своего народа или своих соседей», также противятся неблагоприятным, насильственным правилам с мрачным упорством. И о родственном с ними «совершенно очаровательном народе» лепхасах, любезных, мирных, добрых — как единодушно описывают их путешественники и которые не хотят служить солдатами, нам рассказывали, что они «скорее вынесут огромные лишения, чем подчинятся гнету или несправедливости».

Когда врожденное стремление противиться подчинению сильно, мы находим сохраненной нецентрализованную политическую организацию, несмотря на военные действия, стремящиеся к установлению прочного главенства. Нагасы «не признают среди себя короля и смеются над идеей о такой особе у других; их деревни в постоянной вражде»; «каждый господин самому себе — его страсти и склонности ограничиваются только степенью его физической силы». Затем мы находим далее, что «мелкие споры и раздоры относительно собственности решаются советом стариков; тяжущиеся охотно подчиняются их приговору. Но, правильно говоря, в общине нага нет и тени постоянной власти, и кажется удивительным, что этот недостаток правления не влечет никаких заметных ступеней анархии или замешательства. Точно так же среди народов близкого типа, каковы многие воинственные племена Северной Америки. Говоря вообще об этих индейцах, Скулькрафт замечает, что «все они хотят управлять, но не быть управляемыми. Каждый индеец думает, что имеет право делать то, что ему нравится, и что нет человека лучше его самого; он будет бороться,

прежде чем поступится тем, что считает правым». Он приводит для примера команчей, о которых замечено, что «демократический принцип сильно вкоренился в них» и что для целей управления у них собираются «публичные советы через правильные промежутки в течение года». Далее мы читаем, что в провинциях древней Центральной Америки существовало несколько более передовых обществ, хотя и воинственных, но ревниво оберегающих против монополизации власти. Правительство состояло из избирательного совета старых людей, которые назначали военачальника, и «если этот военачальник обвинялся в злоумышлениях против общественного благосостояния или в намерениях удержать высшую власть в своих руках, он сурово предавался смерти советом».

Хотя особенности характера, которые таким образом привели некоторые известные роды людей к порождению сложного политического главенства в ранние стадии развития, были врожденными, однако мы не совсем лишены возможности найти ключ к тем условиям, которые сделали эти свойства врожденными; и теперь будет полезно обозреть их с целью дальнейшего их истолкования. Команчи и родственные трибы, жившие вокруг малыми группами, деятельные и искусные наездники, стояли в течение долгого периода в таких условиях, которые делали трудным подчинение одного лица другому. Здесь было причиной одно, а у нагасов* другое. «Они жили на суровых и недоступных горных вершинах», и их деревни «лепились на гребнях хребтов». Чрезвычайно наглядным указанием на то же самое служит случайное замечание капитана Бертона, что в Африке, как и в Азии, существуют три различные формы правления: военный деспотизм, феодальные монархии и грубые республики; эти республики образовались «племенами бедуинов, горным народом и лесными расами». Имена этих последних показывают, что они жили в областях, которые, замедляя своим физическим характером централизованные формы правления, благоприятствовали более широким формам правления и менее выраженному политическому подчинению, сопровождающему их.

Эти факты, понятно, имеют отношение к некоторым другим фактам, с которыми они связаны. Мы уже наглядно показали в § 17 и еще раз в § 449, что обширные сообщества срав-

нительно легко образуются в странах, все части которых могут без труда сообщаться между собой, а вся страна имеет в то же время ограждения, выход через которые труден; наоборот, образование больших обществ встречает препятствия или очень замедляется трудностями сообщения в занятой области и легкостью ухода из нее. Но, как мы видим теперь, эти условия препятствуют не только политическому объединению (интеграции) в его первоначальном направлении, т.е. в увеличении массы, но они же служат препятствием к развитию более спланированных форм управления. То, что замедляет политическое уплотнение, замедляет также концентрацию политической власти.

Истина, которая в этом случае, однако, главным образом до нас касается, состоит в том, что постоянное присутствие одного или другого рода этих условий воспитывает характер, которому соответствует или централизованный, или более широкий вид политической организации. Существование в течение ряда поколений в области, где возник деспотический контроль, производит соответственный тип натур отчасти ежедневными привычками, отчасти выживанием тех, которые наиболее приспособлены для жизни при таком контроле. Наоборот, в области, благоприятствующей сохранению маленькими группами их независимости, является укрепление в течение постепенных периодов чувств, враждебных стеснению, ибо, кроме того, что эти чувства упражняются во всех, благодаря тем сопротивлениям, которые людям приходится совершать время от времени против попыток подчинить их, но, в среднем выводе, те, которые наиболее упорно сопротивляются, суть именно те, которые, сохранив свою независимость и передав свой характер потомству, определили племенной характер. Обозрев таким образом действие внутренних и внешних факторов, игравших роль в простых группах, мы поймем, как они кооперировали, когда, путем выселения или иным образом, такие племена попадали в условия, благоприятствующие росту обширных обществ.

§ 484. Самое лучшее начать истолкование этого, приведя сперва пример нецивилизованного народа с описанным характером, который показывал бы, что происходит и в настоящее время, если образуется объединение малых групп в большую.

Ирокезские нации, состоящие из многих племен, бывших предварительно враждебными друг другу, защищались каждая сама по себе против европейских завоевателей. Соединение с этой целью этих пяти (а под конец шести) наций требовало признания равенства власти между ними, так как прочное согласие не было бы достигнуто, если бы требовалось, чтобы некоторые подразделения были подчинены другим. Группы кооперировали, подразумевая, что их «права, привилегии и обязанности» должны быть одинаковы. Хотя число постоянных и наследственных сачемов, назначаемых соответствующими нациями для образования великого совета, было различно, однако голоса различных наций были равны. Отбрасывая частности организации, мы, во-первых, заметим, что несмотря на войны, которые вел этот союз, его конституция оставалась постоянной для многих поколений — не возникало верховной индивидуальности; во-вторых, это равенство власти между группами существовало вместе с неравенством внутри каждой группы: народ не имел участия в своем управлении.

Таким образом, мы имеем путеводную нить к генезису тех сложных главенств, с которыми нас знакомит древняя история. Мы получили возможность видеть, как в одном и том же обществе начали существовать одновременно некоторые учреждения деспотического сорта рядом с другими учреждениями, относящимися по наружности к роду учреждений, основанных на начале равенства и часто смешиваемых со свободными учреждениями. Припомним древнюю жизнь тех ранних европейских народов, которые развили эту форму управления.

В течение бродячей пастушеской жизни укрепилось подчинение простому главе, выросшее естественно из родительской власти. Несогласный член какой-нибудь группы должен был или подчиниться власти, под которой он вырос, или, сбросив свое иго, покинуть группу и остаться лицом к лицу с теми опасностями, которым подвергнута незащищенная жизнь среди пустыни. Установление этого подчинения усилилось выживанием тех групп, в которых оно было наиболее сильно, так как при столкновениях групп, естественно, должны были исчезать сразу меньшие по размеру и менее способные к деятельной кооперации. Но теперь к тому факту, что в таких семьях и родах условия укрепили подчинение отцу и патриарху, должен быть

добавлен упомянутый выше факт, что те же условия усиливали чувство свободы в отношениях между племенами. Упражнять одному из них над другими свою власть было трудно вследствие широкой разбросанности и значительной подвижности; а при успешном противодействии внешнему подчинению или завоеванию через бесчисленные поколения проходила тенденция ненавидеть и сопротивляться всякому чуждому авторитету, который казался способным упрочиться.

Когда группы, дисциплинированные таким образом, соединяются, то примут ли они ту или другую форму политической организации, это зависит частью, как это уже предполагалось, от условий, в какие они попадают. Даже если бы мы отбросили различия между монголами, семитами и арианами*, различия, установившиеся в доисторическое время по причинам, нам неизвестным, и даже если бы было достигнуто в них полное подобие характера путем продолжительной непрерывности пастушеского образа жизни, то и при всем этом, однако, более обширные общества, образовавшиеся посредством соединения этих небольших групп, могли бы быть тождественны по типу только при тождественных условиях. Этим, вероятно, и объясняется, почему монголы и семиты в тех местностях, где они селились и размножались, не могли поддержать автономии своих орд после их соединения и развить проистекающих из этого учреждений. Даже ариане, у которых главным образом возникали наименее концентрированные формы политического управления, могут служить нам в этом случае иллюстрацией. Унаследовав вначале вообще все те умственные черты, которые зародились впервые во время их пребывания в Гинду-Ку и соседних с ним местностях, различные части расы развили различные учреждения и соответствующие характеры. Те из них, которые рассеялись по долинам Индии, где большое плодородие дало возможность развиться многолюдному населению, контроль над которым не встречал небольших физических препятствий, те утратили свою природную независимость и не развили политических систем, подобных тем, какие явились у их западных сородичей под влиянием условий, благоприятствующих сохранению первоначального характера.

Вывод из этого, следовательно, таков: там, где группы патриархального типа попадают в такие области, которые дают

возможность населению увеличиваться в значительной степени, но природа которых препятствует централизации власти, там возникает сложное политическое главенство, поддерживаемое при помощи двух факторов — независимости местных групп и необходимости соединения во время войны. Рассмотрим несколько примеров.

§ 485. На острове Крите находятся многочисленные возвышенные горные долины, отличающиеся своими хорошими пастбищами, а также и много мест, удобных для укрепления: развалины, находимые на них, доказывают нам, что древние жители умели пользоваться ими. То же самое видим мы и на материке Греции. Сложная горная система разрезает этот материк на отдельные части и делает затруднительным доступ к каждой из них. Особенно резко это выражено на Пелопоннесе и всего более в части, занимаемой спартанцами. Было уже замечено, что государство, занимавшее оба склона Тайгета*, имело настолько силы, что могло быть господином всего полуострова: «это Акрополис Пелопоннеса, подобно тому, как сам Пелопоннес составляет Акрополис для всей остальной Греции».

Когда над первоначальными жителями пронеслись последовательные волны эллинского завоевания, эти завоеватели принесли с собой типы характера и организации, свойственные арианам и проявляющие те соединенные черты, которые мы описали выше. Такой народ, обладающий такой страной, неизбежно распадается с течением времени «на столько независимых кланов, на сколько долин и округов горные цепи делят самую страну». Результатом разделения было отчуждение; так что люди, разобщенные друг с другом, делались чуждыми, а затем даже и врагами. В ранний период греческой истории кланы, занимавшие селения, расположенные в горах, так часто совершали набеги друг на друга, что насаждение фруктовых деревьев считалось у них даром потраченным трудом. У них было государство, подобное тем, которые в настоящее время можно видеть у индианских племен, живущих в гористых местностях, как, например, у нагасов.

Хотя и сохраняя предание об общем происхождении и выражая верноподданничество старшему в роде как представителю патриархальной власти, народ, разбросанный таким

образом по области, которая по природе своей разобщила даже и прилежащие одна к другой небольшие группы, а тем более отдаленные скопления групп, возникающие с течением цивилизации, неизбежно должен был разобщиться и в управлении: сохранение подчинения одному общему главе делалось все более и более трудным, и только подчинение местным главам могло поддерживаться. Кроме того, при таких условиях здесь должно было возникнуть усиление причин, вызывающих неповиновение, одновременно с увеличением трудностей поддерживать подчиненность. Когда различные ветви одного общего семейства рассеиваются по местностям, до такой степени отчужденными одна от другой, что сношения между ними становятся затруднительны, то их отдельные истории и порядок наследования их отдельных политических глав делаются неизвестными или только отчасти известными этим разделившимся ветвям, и притязания на верховенство то со стороны одного местного главы, то другого очевидно будут оспариваемы. Если мы обратим внимание на тот факт, что даже и в таких оседлых обществах, у которых имелись летописи, существовали постоянные столкновения за право наследования и что даже и в наше время очень часто разбираются тяжбы по наследованию титулов и собственности, то мы должны будем заключить, что в том состоянии, в каком находились древние греки, трудность установления законности общего главенства при желании утверждения независимости и при способности к поддержанию ее неизбежно вела за собой разделения на многочисленные местные главенства. И действительно, при условиях, различных в каждой данной местности, расщепление более обширных управлений на менее обширные происходило в различных пределах, так же как могло происходить в некоторых случаях и обратное, т.е. новое образование более обширных управлений или расширение меньших. Но, говоря вообще, при таких условиях должна была явиться склонность к образованию небольших независимых групп, большинство которых должно было носить на себе тип патриархальной организации. Из этого очевидно следует упадок таких царств, о которых упоминается в «Илиаде». Так, Грот пишет: «Чем более мы приближаемся к исторической Греции, тем больше мы убеждаемся в том (за исключением Спарты), что первобытный, наследственный

неответственный монарх, соединяющий в себе все функции управления, перестал уже царствовать»¹.

Но теперь что же должно произойти в том случае, когда всем этим кланам общего происхождения, сделавшимся с течением времени независимыми и враждебными друг к другу, одновременно начинает угрожать опасность от врагов, которые им или совершенно чужды, или находятся с ними в весьма отдаленной степени родства? Чаще всего бывает так, что они стараются забыть различия, существующие между ними, и начинают действовать совместно в видах своей защиты. Но на каких условиях будут они так действовать? Соединенные действия даже и у дружественных групп будут затрудняться в том случае, если которая-нибудь из них будет изъявлять притязания на верховенство; группы же, враждебно настроенные одна к другой, могут действовать совместно только при условии полного равенства между собой. План общей защиты, следовательно, будет выработываться в собрании, составленном из политических глав небольших, кооперирующих обществ; если

¹ Как раз в то время, когда я пишу эти строки, только что вышедший третий том м-ра Скена «Кельтическая Шотландия» доставляет мне поучительную иллюстрацию вышеуказанного процесса. Из его описания следует, что первобытные кельтские трибы, положившие начало графствам Морей, Бухан, Атол, Ангус, Ментейт, разделились на кланы; значение же, которое имел физический характер страны на произведение таких результатов, мы видим из того факта, что такое изменение имело место только в той части этого племени, которая поселилась в гористой местности (Хайленде). Описывая меньшие таким образом образовавшиеся группы, м-р Скен говорит: «Клан, представляющий как бы простую общину, состоял из вождя вместе с его родственниками определенной степени родства, затем членов общины, в жилах которых текла та же самая кровь и которые носили то же самое имя, и, наконец, подданных, состоявших из подчиненных племен туземцев, которые не предъявляли никаких притязаний на родство с вождем, но которые, по всей вероятности, или происходили от самых древних местных обитателей, или были людьми, ушедшими из других кланов и здесь искавшими защиты... Те из родственников вождя, которые делались собственниками земли, образовывали семейства... Самым влиятельным из них было семейство старейшего из младшей ветви семейства, давно отделившейся от главного ствола; это семейство обыкновенно было соперничающим и обладало почти таким же влиянием, как семейство вождя».

такая кооперация для защиты будет продолжена или вследствие успешных действий перейдет в кооперацию для нападения, то такое временное, контролирующее собрание будет стремиться к тому, чтобы сделаться постоянной властью над всеми небольшими обществами. Специальные свойства такого политического главенства будут, конечно, изменяться соответственно обстоятельствам. Там, где традиции соединенных кланов допускают признание какого-нибудь одного вождя как неопределенного представителя первобытного патриарха или героя, от которого все они ведут свое происхождение, там он будет пользоваться преимуществами и более высокой властью сравнительно с другими вождями. Там же, где права, основанные на происхождении, будут оспариваться, там личные, более высокие достоинства или избрание будут служить мерилем того, какой из членов сложного главенства должен получить перевес над другими. Если же власть вождя в среде каждой из составляющих групп является неограниченной, соединение таких вождей даст нам замкнутую олигархию; замкнутость этой последней будет уменьшаться соответственно тому, как будет уменьшаться признание власти каждого вождя в отдельности — признание, обусловленное степенью родства с предком божественного или полубожественного происхождения. В тех случаях, когда станет появляться примесь многочисленных чужеземцев, не стоящих в отношении подчинения ни к одному из глав этих составляющих групп, в этих случаях могут иметь место такие влияния, которые будут стремиться к еще большему расширению олигархии.

Таково, как мы можем заключить, было происхождение тех сложных политических главенств греческого государства, которые существовали в начале исторического периода. На Крите, где наблюдалось переживание традиции первобытного царства, но где разбросанность и подразделение классов вызвали такие условия, что «различные города открыто продолжали свои раздоры», там существовали «патрицианские семейства, производящие свои права от самых ранних периодов царского правления»; эти семейства продолжали «держат в своих руках административную». В Коринфе линия гераклидских царей, переходя постепенно через ряд имен, не имеющих значения, заменяется олигархией так называемых Бакхиадов... Лица, носящие

это имя, считались потоками Гераклидов и составляли правящее сословие в городе. То же самое было и в Мегаре. По словам предания, такое положение дел возникло вследствие соединения многих селений, занятых родственными племенами, которые, вначале находясь во вражде с Коринфом, по всей вероятности, впоследствии, при продолжении этого антагонизма, окрепли в независимое государство. То же самое в начале исторического периода было в Сикионе и других местностях. Хотя в Спарте мы имеем дело с пережитком царской власти в аномальной форме, однако соединенные представители первобытного царя, продолжавшие пользоваться уважением вследствие сохранения традиции об их божественном происхождении, выделялись очень незначительно среди членов правящей олигархии и сохранили только некоторые прерогативы своего положения. И хотя верно то, что на самой ранней доступной для исторического исследования ступени спартанская олигархия не представляла такой формы, которая могла бы сама собою возникнуть вследствие соединения глав кланов для кооперации во время войны, и хотя она сделалась избирательной в среде ограниченного числа лиц, однако тот факт, что мерилем избрания служили года (60 лет), как нельзя более гармонирует с мнением, что такая олигархия состояла вначале из глав соединяющихся групп, а эти главы были всегда старшими сыновьями старейших; и далее, что эти группы вместе с их главами, описываемые «как самые необузданные из греков», в доликургово время достигли единения путем непрерывной воинственной жизни, которая отличала их от всех прочих¹.

¹ Относительно толкования истории вообще, и в частности того, которое я привожу в этом труде, в особенности, я позволю себе указать на некоторые основания, которых нет у Грота и других историков, дающие возможность отбросить предание о том, что учреждение спартанских форм правления было делом Ликурга. Общая склонность приписывать результат самой ближайшей резко выдающейся причине бывает особенно сильна в тех случаях, когда результат таков, что подразумевает в себе и причину. Наше время доставляет этому пример в приписывании уничтожения хлебных законов сэру Роберту Пилю, и затем м-рам Кобдену и Брайту, оставляя совсем без упоминания полковника Томнсона. В ближайшем поколении человек, в свое время вступивший в борьбу с пустыми руками и сам создавший все то оружие, которое употребили впоследствии

Римская история доставляет нам пример возникнове-ния сложного главенства при условиях, которые хотя отчасти и отличались от тех, которые имели место у греков, но тем не менее были родственны им в основных чертах. С самого раннего известного нам периода Лациум* весь был занят общинными селениями, соединявшимися в кантоны, а эти кантоны, в свою очередь, составляли союз, во главе которого стояла Альба — кантон, признаваемый самым древним и сильным. Что такой союз существовал для соединенной защиты, доказы-

победители, не будет даже упомянут как принадлежащий к этому делу. Однако для нас недостаточно только предполагать, что Ликург был человеком, которому вполне удалось окончить дело других людей — его предшественников. Мы, кроме того, должны с полным основанием предполагать, что это был результат не деятельности человека, а просто нужд и условий данной эпохи.

Подтверждение этому мнению мы можем найти в факте учреждения общественного стола. Если мы зададим себе вопрос, как в этом отношении должно было устроиться небольшое племя, из поколения к поколению расширяющее свою славу завоевателя, с презрением относящееся ко всякого рода промышленности, проводящее все свое время в военных действиях, в упражнениях для большего успеха в этих последних, то нам будет ясно, что прежде всего ежедневные собрания с целью таких упражнений поведут за собой ежедневное принесение с собой съестных припасов каждым из членов. Аналогичный этому пример мы можем видеть в пикниках, на которых все члены участвуют в доставлении припасов для общей закуски. При этом естественным образом возникает обязательство относительно качества и количества доставляемого — обязательство, которое, повторяясь изо дня в день, может из обычая сделаться законом и в конце концов выработаться в спецификацию рода и количества пищи. Далее можно сказать, что при законе, возникающем таким образом в то время, когда пища груба и не разнообразна, простота пищи, вначале являющаяся неизбежной, будет непременно считаться предустановленной — будет считаться аскетической диетой, преднамеренно измышленной. (Когда я писал эти строки, мне еще не был известен факт, указанный профессором Палеем в «Fraser's Magazine», февраль 1881 г., а именно, что у греков позднейшего периода было в обычае устраивать обеды, на которые каждый из приглашенных приносил свою долю съестных припасов, причем те, которые доставляли мало, а потребляли много, служили предметами для насмешек. Этот факт значительно усиливает возможность допущения, что спартанская общественная столовая имела такое происхождение, как мы указали выше).

важется тем фактом, что каждая группа клановых селений, входящих в состав кантона, имела в общем владении возвышенную крепостцу, а также и тем, что союз кантонов своим центром и местом убежища избрал Альбу, самую древнюю и лучше других защищенную. Кантоны, входящие в состав союза, были настолько независимы, что между ними происходили войны; откуда мы можем заключить, что в тех случаях, когда они соединялись для общей защиты, это соединение происходило на существенно-равных условиях.

Таким образом, прежде чем возник Рим, народ, основавший его, привык уже к такому роду жизни, при котором наблюдалось большое подчинение в пределах каждого семейства и клана, свое особенное подчинение в пределах каждого кантона (управлявшегося вождем, советом старейшин или собранием воинов), затем соединение глав кантонов, которые не находились ни в какой степени подчинения одни другому. Когда жители трех из таких кантонов, а именно Рамны, Тиции и Люцеры, начали занимать ту местность, на которой возник Рим, они принесли с собой политическую организацию. Старейшие из римских патрициев носили имена сельских кланов, принадлежащих этим кантонам. Сохранили ли они свое кантональное деление, утвердившись на холмах Палатинском и Квиринале, нам неизвестно, хотя мы и можем утверждать это а priori. Но, как бы ни было, мы имеем доказательства, что они строили укрепления для защиты как один от другого, так и от врагов. «Горные люди» Палатина и «люди холмов» Квиринала находились обыкновенно во вражде между собою; и даже между самыми последними подразделениями тех, которые занимали Палатин, происходили распри. По словам Моммзена, первобытный Рим представлял «скорее агрегат городских поселений, чем один город». То, что кланы, образовавшие эти поселения, принесли и свои раздоры, доказывается тем фактом, что они не только укрепляли те холмы, на которых поселились, но даже и «дома древних и могущественных семейств строились до некоторой степени так, как укрепления».

Так что и здесь, в этом примере из истории Рима, мы видим, что кучка небольших независимых общин, связанных между собой общим происхождением, но до некоторой степени враждебных друг другу, соединялась для совместных действий против врагов на условиях, общих повсюду.

По словам Грота, в Древней Греции средства защиты были сильнее средств нападения; то же самое было и в Древнем Риме. Из этого следует, что в то время, когда принудительное начало в пределах семейства и небольших групп имело полную силу, распространение его на многие группы встречало затруднения ввиду их взаимной самообороны. Тем более строгость управления в среде каждого поселения, составляющего первобытный город, должна была уменьшаться легкостью, с которой можно было выступить из одной группы и получить доступ в другую. Как мы это уже видели у простых племен, побеги начинают иметь место в то время, когда принудительное начало начинает делаться необыкновенно строгим; и мы можем заключить, что в среде каждого из этих скученных поселений было ослабление в проявлении силы главами более могущественных семейств сравнительно с главами менее могущественных поселений — ослабление, вызванное боязнью, что эмиграция может обессилить данное поселение и усилить соседнее с ним. Таким образом, обстоятельства были таковы, что, когда для защиты первобытного города явилась необходимость в кооперации, главы кланов, составляющих отдельные поселения, соединялись при существенно-равных условиях власти. Первоначально сенат был не что иное, как общее собрание старейших клана; и «это собрание старейшин было средоточием правящей власти», «это было собрание царей». В то же время главы семейства в каждом клане образовали совет граждан и по тем же причинам вступали в него на равных правах. Первоначально для распоряжения военными действиями избирался вождь, который в то же время был и главным судьей. Хотя и не обладая такой властью, которая давалась приписываемым божественным происхождением, он пользовался властью, утвержденной за ним предполагаемым божественным одобрением, и, считая себя избранныком богов, он до конца жизни сохранял неограниченные присвоенные ему права. Но помимо того факта, что избрание, первоначально зависевшее от сената, должно было повторяться им снова вследствие какой-нибудь неожиданной причины, оставляющей место царя незанятым, и помимо того, что каждый царь, назначенный своим предшественником, должен был получить подтверждение в своем сане со стороны собрания граждан, его власть была исключительно исполнительной. Собрание граждан «было

в области закона элементом, скорее высшим, чем равным по степени с властью царя. Затем в исключительных случаях существовало обыкновение прибегать к еще более высокой по степени власти — к сенату, охранителю закона, могущему наложить veto на решение, исходящее от царя и от собрания граждан вместе. Таким образом, такое устройство представляло нам по существу олигархию глав кланов со включением олигархии семейных глав, т.е. сложную олигархию, которая делалась все более и более неограниченной, по мере того как падала царская власть.

И здесь следует высказать истину, достаточно очевидную, но тем не менее постоянно остающуюся в тени, а именно, что Римская республика, удержавшаяся после падения царской власти, была по своему характеру совершенно непохожа на те формы народного правления, к которым ее обыкновенно причисляют. Главы кланов, составлявшие меньшее правящее учреждение, так же как и главы семейств, составлявшие более широкое по размерам правящее тело, конечно, соревновали во власти одни перед другими и в то же время играли роль граждан свободного государства, из которых каждый в отдельности стремится к поддержанию равенства со всеми остальными. Но эти главы в большинстве случаев проявляли неограниченную власть как по отношению к членам своего семейства, так и по отношению к подчиненным им кланам. Общество, составляющие группы которого в большинстве случаев удерживали свое внутреннее самоуправление — причем принудительное начало в каждой из них оставалось неограниченным, — представляло не что иное, как агрегат небольших деспотий. Учреждения, при которых глава каждой группы, не говоря уже о владении рабами, имел такую власть над женой и детьми, включая сюда даже и женатых сыновей, что они все обладали не большими законными правами, чем вьючный скот, учреждения, при которых он имел право лишать их жизни, мог продавать их в рабство, — такие учреждения могут называться свободными только теми, кто смешивает сходство во внешних чертах со сходством во внутреннем устройстве¹.

¹ Я считал бы бесполезным говорить здесь о такой очевидной истине, если бы до сих пор не наблюдалось смешения этих двух крайне различных понятий. В течение последнего времени появилась журнальная статья одного историка, который описывает нам развращенность нравов последних дней Римской республики и выводит

§ 486. Образование сложного политического главенства в позднейшие времена повторяет этот процесс в общих чертах, если даже и представляет некоторые различия в частности. Тем или другим путем, но оно всегда появляется в том случае, когда необходимость в защите, чувствуемая всеми, вызывает кооперацию, причем эта последняя может держаться не иначе как только при условиях добровольного соглашения.

Обращаясь прежде всего к Венеции, мы замечаем, что страна, занимаемая древними венецианцами, включала в себя обширное болотистое пространство, образовавшееся из наносов, которые многочисленные реки несли к Адриатическому морю; эта область во времена Страбона «перерезывалась во всех направлениях реками, ручьями и болотами»; так что «Аквилея и Равенна представляли собою города, выстроенные на болотах». Владея вместо укреплений страной с такими потаенными уголками, доступ в которые был возможен только для людей, знавших всю сложную систему путей, ведущих к ним, венецианцы удержали свою независимость, несмотря на все усилия римлян подчинить их себе, до времени Цезаря. В более позднее время результаты, родственные тем, которые мы описали выше, всего резче выказались в той части области, которая особенно отличалась своей недоступностью. С самого раннего периода островки, или, скорее, мели из наносных остатков, были обитаемы народом, занимавшимся мореходством. Каждый остров, защищенный своими извилистыми лагунами, имел народное управление из ежегодно избираемых трибунов. И это первобытное управление, существовавшее еще в то время, когда появились многие тысячи беглецов, согнанных с материка нашествием гуннов, выжило, приняв форму строгой конфедерации. Подобно тому, как мы это видели уже в других случаях, единение, к которому эти небольшие независимые общины были принуждены ввиду соединенной защиты, было нарушаемо постоянными раздорами, и только в видах важности противодействия нападениям ломбардцев, с одной стороны, и славонских пиратов — с другой, общее собрание из вельмож, духовенства и горожан назначало герцога или дожа для командования над соединенными силами

отсюда мораль, что таковы были и, по всей вероятности, будут всегда результаты демократического правления.

и для прекращения внутренних раздоров; такой дож по положению своему стоял выше трибунов соединенных островов и подчинялся только назначившему его собранию. Те изменения, которые воспоследовали с течением времени, а именно тот факт, что, кроме зависимости от общего собрания, дож был поставлен затем в зависимость от двух выборных советников, а в важных случаях должен был советоваться с главнейшими из граждан, затем факт появления представительного совета, подвергающегося от времени до времени изменениям, — все это не имеет никакого отношения к разбираемому нами вопросу. Здесь мы должны заметить только то обстоятельство, что составляющие группы подобно тому, как и в предыдущих примерах, будучи обставлены благоприятными обстоятельствами для поддержания в большинстве случаев своей взаимной независимости, сознав раз принудительную необходимость соединения против врагов, положили начало сложному политическому главенству, которое, несмотря на централизующее влияние войны, стремилось к сохранению в той или другой форме.

Сходные результаты, находимые у народов, принадлежащих к различным расам, но занимающих области, сходные в физическом отношении, должны сами собой рассеять наши сомнения относительно процесса происхождения этих результатов. В местности, наполовину состоящей из суши, наполовину из воды и образовавшейся из отложений, наносимых отчасти Рейном, отчасти другими близлежащими реками, жили издревле разбросанные кучками семейства. Живя на отдельных песчаных отмелях или в хижинах, построенных на сваях, они были так защищены своими бухтами, мелями и болотами, что устояли против завоевания римлянами. Поддерживая свое существование, во-первых, рыбной ловлей и затем земледелием в тех размерах, в каких оно было возможно, и делаясь в силу окружающих условий мореходцами и промышленниками, этот народ с течением времени, оградив себя дамбами, сделал свою страну более удобной для обитания и долго пользовался частичной, если не полной независимостью. «В III столетии низменность (Nieder-land) была занята свободными племенами германской расы». В частности фризы*, более недоступные для нападения, чем все остальные, «соединились с племенами, жившими на берегах Немецкого моря**», и составили с ними союз,

прославившийся под именем Саксонской лиги. Хотя в позднейший период обитатели низменности признали над собой власть Франции, но, несмотря на это, природа их местожительства давала им такие средства для сопротивления иноземному контролю, что они всегда устраивали себе самобытную организацию невзирая ни на какие запрещения. «Начиная со времени Карла Великого народ, обитавший в древней Менапии* и достигший в настоящее время значительной степени благосостояния, образовывал политические союзы, которые он противопоставлял деспотическому насилию франков». В то же время фризы, которые после столетней борьбы за независимость с франками были принуждены подчиниться им и нести на себе некоторые небольшие тяготы подданства, все-таки сохранили свое внутреннее самоуправление. Они образовали «конфедерацию грубых, но самоуправляющихся морских провинций»; каждая из этих семи провинций была разделена на округа и управлялась по большей части выборными главами с окружавшими этих последних советами, общее же управление находилось в руках общего выборного главы и общего совета.

Из примеров, доставляемых нам новой историей, мы приведем здесь те, которые указывают на влияние гористых местностей. Случаем, наиболее заслуживающим внимания, будет, конечно, Швейцария. В лесах «среди болот, утесов и ледников» разбросанные пастушеские племена с самого раннего периода римского завоевания нашли себе место убежища от последовательных завоевателей остальной Гельвеции». В лабиринтах Альп, доступных только для тех, которые знали хорошо дорогу к ним, пася их скот, невидимый для постороннего глаза; против же бродячих шаек мародеров, которые могли узнать их лазейки, они имели очень легкие способы защиты. Эти округа, которые впоследствии сделались кантонами Швиц, Ури, Унтервальден, вначале имели общий центр для собраний, впоследствии при увеличении населения образовали три таких центра и образовали каждый отдельную политическую организацию. Они долго сохраняли полную независимость. С расширением феодального подчинения по всей Европе они сделались только номинальными подданными императора; но, отказывая в повиновении высшим, стоящим над ними, они входили в торжественные союзы, возобновляемые от времени до времени, для

противодействия внешним врагам. Мы не будем здесь останавливаться на исторических подробностях. Для нас важен только тот факт, что в этих трех кантонах, природа которых в значительной степени способствовала поддержанию как индивидуальной, так и общинной независимости, народ, установив у себя свободное правление, соединился на равных правах для общей защиты. Это были те типичные «Swiss», как их вначале называли, соединение которых составило ядро для других, более широких союзов, которые с различным успехом и при разных обстоятельствах все более и более развивались. Кантоны, входившие в состав этих больших союзов, были в отдельности независимы и вначале находились во вражде между собой, но эта вражда прекращалась во время необходимости в соединенной защите. Только постепенно переходили эти союзы из временных и неопределенных форм к формам, постоянным и определенным. Мы должны упомянуть здесь о двух многозначительных фактах. Первый из них тот, что позднее других подобный же процесс сопротивления, федерации и освобождения от феодальной тирании, наблюдающийся у отдельных общин, живущих в небольших горных селениях, имел место в Граубюнденском и Валезском кантонах, хотя и гористых, но более доступных, чем Оберлэнд и его окрестности. Второй факт тот, что кантоны, расположенные в более ровной местности, никогда не достигали так рано и такой полной независимости и затем, что их внутренние учреждения были менее свободны по форме. Существует резкий контраст между аристократическими республиками Берна, Люцерна, Фрейбурга и Солотурна и чисто демократическими формами лесных кантонов и Граубюндена; в последнем «всякая маленькая деревушка, притаившаяся на горном склоне, представляла собой независимую общину, члены которой пользовались абсолютно равными правами, могли подавать голос в каждом собрании и считались правоспособными к исполнению общественных обязанностей... Каждая деревушка имела свои собственные законы, юрисдикцию и привилегии», из деревушек слагались общины, из общин — округа, а из округов образовывался союз.

Наконец, мы можем воспользоваться примером, аналогичным вышеприведенному, а именно примером, доставляемым нам Сан-Марино — небольшой республикой, которая, будучи

расположена в Апеннинах и имея своим центром утес в тысячу футов вышиной, удержала свою независимость в продолжение пятнадцати столетий. Здесь восьмитысячное население управляется сенатом шестидесяти и старшинами, выбираемыми каждое полугодие; собрания же всего народа сзываются в каких-нибудь особенно важных случаях. Кроме того, здесь существует постоянное войско из 18 человек, «количество податей доведено до минимума», исполняющие же общественные обязанности не получают другого вознаграждения, кроме чести служить своему отечеству. Мы не должны упускать из виду одного достойного нашего внимания различия, существующего в среде сложных главенств, возникающих под влиянием физических условий в приведенных нами выше примерах, а именно различия между олигархической формой и формой, более или менее приближающейся к народному правлению. Как это было уже показано в начале настоящего отдела, в том случае, когда каждая из групп, входящих в состав военной кооперации, находится под деспотическим управлением, когда группы в большинстве случаев построены по патриархальному типу или когда во главе их стоят люди предполагаемого божественного происхождения, — во всех этих случаях сложное главенство принимает характер отсутствия народного элемента в управлении. Но если, как это наблюдалось нами в приводимых нами примерах из новой истории, существует упадок патриархальной власти, если вера в божественное происхождение главы подорвана убеждениями, не согласными с ней, если мирные привычки ослабили ту принудительную власть, которая усиливается во время войны, — в таком случае сложное главенство не имеет уже характера союза небольших деспотических государств. С развитием этих перемен в состав этого главенства начинают входить те, которые уполномочиваются властью не по праву своего положения, а по праву назначения.

§ 487. Существуют еще другие условия, благоприятствующие развитию сложного главенства, если не постоянного, то временного; а именно условия, возникающие при разложении предшествующих организаций. У народа, привыкшего в течение бесчисленных поколений к единоличной власти, у народа, обладающего соответственными последней чувствами и не

имеющего представления ни о чем ином, кроме существующего в данное время, — у такого народа за падением одного деспота следует возвышение другого; или если обширное, находящееся под личным управлением государство приходит в упадок, части его, на которые оно распадается, в большинстве случаев уstraивают себе управление, по форме подобное упраздненному. У народов же менее рабских разрушение политических систем с единоличным главенством может вести к учреждению других систем со сложным главенством; в особенности это можно видеть там, где существует одновременное распадение на части, не имеющие местного управления с постоянным характером. При таких условиях наблюдается возвращение к первобытному состоянию. При упадке прежде существовавшей регулирующей системы члены общины не имеют над собой контролирующей власти, за исключением общей воли, и политическая организация, начиная образовываться, снова принимает форму, родственную той, которую мы наблюдали при соединении диких орд и которую можно видеть в публичных митингах последнего времени. Отсюда в результате получается управление немногими избранными, подлежащими одобрению большинства.

Прежде всего мы возьмем пример возникновения итальянских республик. В продолжение девятого и десятого столетий — когда германские императоры, которые давно уже трагичили свою силу сдерживать как местный антагонизм в Италии, так и нападения бродячих разбойничьих шаек, более чем когда-либо были не в состоянии защищать подчиненные им общины и одновременно с этим все более и более теряли контроль над ними, — для итальянских городов сделалось необходимым и исполнимым развить свою собственную организацию. Хотя в этих городах и существовали остатки древней римской организации, но они очевидно утратили всякую силу; так, во время опасности существовал обычай собрания «горожан по звуку колокола для совместного совещания о средствах для общей защиты». Без всякого сомнения, при таких обстоятельствах впервые обнаруживались те зачатки республиканских учреждений, которым впоследствии суждено было развиваться. Хотя признается, что германские императоры позволяли городам устраивать такие учреждения, тем не менее мы можем заключить с достаточным основанием, что они, не заботясь ни о чем ином,

как только о взимании дани, только не употребляли никаких усилий для того, что воспрепятствовать образованию таких учреждений. И хотя Сисмонди говорит о городском населении, что «оно стремилось к образованию учреждений по образцу существовавших во времена Римской республики», однако мы можем возразить, что народ в эти темные дня вряд ли настолько был знаком с римскими учреждениями, чтобы это знакомство могло влиять на его образ действий. Мы можем заключить с большей вероятностью, что «такое собрание всех членов государства, способных носить оружие», созываемое вначале ввиду принятия мер для отражения нападающих, собрание, на которое должна была в самом начале влиять группа выдающихся по своему положению горожан и которое должно было избирать предводителей, представляло собою республиканское управление в зачаточной форме. Собрания такого рода, вначале созывавшиеся по каким-нибудь особым, выходящим из ряда вон обстоятельствам, постепенно поднимались до значения собраний для решения всех важных общественных вопросов. Частое повторение их внесло большую регулярность в способы ведения дел, большую определенность в образовавшиеся подразделения, пока, наконец, не было достигнуто развитие сложного политического главенства с президентством выборных вождей. И что так было действительно на тех ранних ступенях развития, от которых до нас дошли только самые неопределенные известия, доказывается тем фактом, что подобный же, хотя и более определенный процесс случился во Флоренции, когда были свергнуты дворяне, захватившие власть в свои руки. Из точных отчетов мы узнаем, что в 1250 г. «горожане собрались единовременно на площади Санта-Кроче; они разделились на 50 групп, из которых каждая выбрала себе капитана, и таким образом образовали военный союз; совет, состоявший из этих офицеров, явился первоначально властью в этой вновь оживающей республике». Ясно, что преобладание народа, которое временно было особенностью в этих небольших управлениях, должно было неизбежно явиться, коль скоро политические формы образовывались из первоначальных общественных собраний; между тем как почти невозможно допустить, чтобы оно могло возникнуть там, где политические формы устанавливались искусственным образом, придуманным тесным классом

людей. Что такое объяснение гармонирует с фактами, доставляемыми нам новой историей, это такой вопрос, который едва ли требует указания. В более широких размерах и различными путями: в одном месте путем медленного падения старого режима, в другом путем соединения ввиду войны — возникновение французской и американской республик подобным же образом указывает нам на такое же стремление к образованию первобытной формы политической организации в том случае, когда прежде существовавшие формы управления оказываются негодными или путем упадка достигают полного разрушения. Хотя эти преобразования и затемнены в большой степени усложняющими дело обстоятельствами и особенными случайностями, во всяком случае мы можем и в них распознать участие одних и тех же общих причин.

§ 488. В предыдущей главе мы видели, что под влиянием различных условий первый элемент тройственного политического строя может дифференцироваться из второго в различной степени, начиная от военачальника, очень незаметно выделяющегося среди других воинов, и кончая королем божественного происхождения и с неограниченной властью, резко отличающимся от немногих избранных, приближенных к нему. Предшествовавшие примеры достаточно указали нам, что второй элемент под влиянием различных условий может весьма разнообразно дифференцироваться из третьего: либо вследствие разделяющей их качественной разницы, доходящей до высшей степени и становящейся между ними непроходимой преградой, — это одна крайность; либо другая крайность — это когда второй и третий элементы почти сливаются. Здесь мы сталкиваемся с истиной, которую нам придется тотчас же разобрать, а именно, что условия не только определяют те разнообразные формы, которые может принимать главенство, но что они также определяют те же различные видоизменения, которые претерпевают эти последние. Существуют два главнейших вида таких изменений — во-первых, те, посредством которых сложное главенство переходит к формам, в очень малой степени допускающим участие народного элемента, и, во-вторых, те, посредством которых оно переходит к формам, допускающим это участие в более широких размерах. Мы по порядку рассмотрим

и те и другие. Прогрессирующая замкнутость сложного политического главенства составляет одно из сопутствующих условий продолжительной военной деятельности. Начиная с примера Спарты, устройство которой в самом раннем периоде немногим отличалось от того, которое «Илиада» рисует нам как принадлежность гомеровской Греции, мы видим, во-первых, стремление к концентрированию власти в распоряжениях, проявившееся через столетие после Ликурга в том, что «когда решение народа было несправедливо, сенат и цари могли отбросить его как негодное»; далее мы видим, что вследствие скопления собственности в одних руках число правоспособных граждан все более и более уменьшалось; отсюда следовало не только относительное увеличение власти олигархии, но и возрастающее превосходство богатейших граждан среди этой последней. Обращаясь к примеру Рима, всегда находящегося на военном положении, мы видим, что с течением времени неравномерность усилилась до такой степени, что сенат сделался «орудием вельмож, наполнявших его ряды путем наследственной передачи власти и сообща творивших беззакония»; и далее, что «из зол олигархии вытекало еще большее сильное зло захвата власти частными семействами в свои руки». Затем в итальянских республиках, воюющих постоянно одна с другой, также существовала подобная же замкнутость управляющего собрания. Дворянство, покинув свои замки, забрало в свои руки «муниципальное управление городов, которое последовательно, в течение периода республики, перешло главным образом в руки знатнейших семейств».

На более поздней ступени, когда развитие промышленности положило начало образованию богатого класса промышленников, эти последние, соперничая с дворянством в стремлениях к захвату власти и наконец заменивши их на этом поприще, повторили в сфере своих собраний тот же самый процесс. Более богатые цехи устранили более бедные от участия в выборе лиц, стоящих во главе управления; привилегированный класс все более и более сужал свои пределы под влиянием распоряжений, ограничивающих правоспособность; и недавно возникшие роды исключались из среды более древних по происхождению. Так что, как замечает Сисмонди, те из итальянских республик, которые номинально сохранились как таковые

до XV столетия, были, «подобно Сиенне и Лукке, управляемы одним каким-нибудь сословием граждан... и уж не имели характера народного управления». Подобные же результаты видим мы и у голландцев. «Во время войны фламандских городов с дворянством и между собой, управления городов, допустившие вначале сравнительно большее участие народа, с течением времени сузили свои рамки в этом отношении. Большие цехи исключили меньшие из правительственной корпорации, и члены их, облеченные в муниципальный пурпур... правили на правах аристократии... местное управление часто было олигархическим, хотя умы бюргеров были настроены в крайне демократическом направлении». К этим примерам мы можем присоединить и пример, доставляемый нам швейцарскими кантонами, природа которых была менее благоприятна для индивидуальной независимости и которые в то же самое время предавались военным действиям, как наступательным, так и оборонительным.

Берн, Люцерн, Фрейбург, Солотурн приобрели политические учреждения с сильно олигархическим характером; а в Берне, «где дворянство всегда пользовалось превосходством над другими сословиями, вся администрация перешла в руки немногих родов, за которыми она и упрочилась в силу наследственности».

Мы должны теперь наметить, как причину постепенного видоизменения сложного главенства, что оно, подобно простому, способно к подчинению своим административным агентам. Первым по порядку примером, который приведем здесь, будет тот, в котором этот результат обнаруживается сразу и относительно простого, и относительно сложного главенства, а именно пример Спарты. Первоначально назначаемые царем для исполнения предписанных обязанностей эфоры* прежде всего подчинили себе царей, а затем с течением времени и сенат; так что они сделались действительными правителями.

Теперь мы можем перейти к примеру Венеции, где власть, вначале находившаяся в руках города, постепенно переходила к исполнительному собранию, члены которого, обыкновенно вновь избираемые, а после смерти заменявшиеся своими детьми, образовали аристократию, и на ее почве с течением времени образовался совет десяти, «уполномоченный, подобно спартанским эфорам, охранять неприкосновенность государства

и снабженный властью выше закона», он, не стесненный таким образом «никакими мерами», и образовал действительный центр управления. Проходя через множество революций и перемен в устройстве, Флоренция выказала такие же стремления. Назначаемые правители, были ли то синьоры или приоры, получили возможность в продолжение срока своей службы преследовать свои цели до размера полного уничтожения существовавших учреждений путем получения вынужденного согласия со стороны народного собрания при содействии военной силы. Таким образом, с течением времени главный исполнительный агент, номинально вновь избираемый от времени до времени, но в действительности представляющий собой постоянную власть, сделался в лице Козимо Медичи основателем наследственного главенства.

Но способность сложного политического главенства подчиняться своим гражданским агентам менее сильна, чем склонность их к подчинению военным агентам. С древнейших времен эта склонность подтверждалась примерами и составляла предмет для обсуждения; и хотя этот факт очень прост, но я должен его иллюстрировать и обратить на него внимание, так как он непосредственно имеет отношение к одной из главных истин политической теории. Начиная с греков, мы видим, во-первых, что тираны, которые так часто свергали олигархов, имели вооруженную силу в своем распоряжении. Был ли тиран «судебным исполнителем, которому сама олигархия давала важные административные полномочия», или же он был демагогом, защищавшим интересы общины «с целью окружить себя вооруженными защитниками» — войско во всех случаях служило ему пособником в деле захвата власти. У римлян мы видим, что военачальники, пользовавшиеся успехом на войне, достигали тех же самых результатов. Макиавелли замечает, говоря о римлянах: «Чем дальше они (военачальники) заводили свои войска за пределы государства, тем они выставляли необходимое такую продолжительность исполнения возложенных на них обязанностей и тем больше приобретали популярность; отсюда следовало, во-первых, что только немногие из граждан могли назначаться для командования войском и, следовательно, еще меньшее число могло рассчитывать на приобретение значительной опытности или славы в этом деле; во-вторых, в том случае

когда главнокомандующий в течение долгого времени занимал один и тот же пост, он имел возможность настолько развратить свое войско, что солдаты окончательно слагали с себя обязанности повиноваться сенату и не признавали ничьей власти, за исключением его. Этим и объясняется, каким образом Марий и Сулла могли настолько развратить свое войско, чтобы заставить его идти сражаться против своей родной страны, а также и то, каким образом Юлий Цезарь мог сделаться неограниченным властелином в Риме»*.

Итальянские республики, в свою очередь, доставляют нам много примеров. В начале XIV столетия те из них, которые находились в Ломбардии**, «подпали под военное владычество нескольких вельмож, которым они раньше поручили управление своими войсками, и таким образом утратили всю свою независимость». В более близкое к нам время и в более близких областях мы также можем найти подтверждение этому факту. У нас, в Англии, пример Кромвеля доказал, что военачальник, пользующийся успехом, всегда стремится к автократии. В Нидерландах мы видим то же самое как на примере ван Артевельдов, отца и сына, так и Морица Нассауского, кстати уж, хотя это и без того известно, мы можем указать еще и на Наполеона. Следует прибавить, что не только одно командование над вооруженными силами доставляет возможность главнокомандующему захватить высшую власть в свои руки, но что в этом деле имеет важное значение и приобретенная им популярность, которая во всякой воинственной нации ставит его в такое положение, при котором этот захват власти делается для него сравнительно очень доступным. Французов не мог остановить от недавнего назначения маршала Мак-Магона исполнительным главою*** не только их собственный опыт, но даже и опыт других наций за все время исторического прошлого; и даже американцы тем фактом, что они несколько раз подряд выбирали генерала Гранта президентом, доказали, что и в таком по преимуществу промышленном обществе, как их Штаты, военная деятельность порождает стремления изменить его, направляя к военному типу, существенной чертой которого является соединение гражданского главенства с военным.

От влияний, стремящихся к сужению сложных политических главенств или стремящихся привести их к единовла-

стию, мы перейдем теперь к таким, которые стремятся к расширению их. Прежде всего нам придется рассмотреть пример, доставляемый нам Афинами. Для того, чтобы вполне понять его, мы должны напомнить, что до Солона в Греции не существовало демократического правления. Единственными известными формами правления были олигархическая и деспотическая; и в этот ранний период, предшествующий появлению политических умозрений, естественно, не могла признаваться в теории такая социальная форма, которая была совершенно неизвестна на практике. Мы должны, следовательно, отбросить мнение, что народное управление в Афинах возникло на основании какой бы то ни было заранее обдуманной идеи. Сюда мы должны прибавить факт, приводящий к такому же выводу, а именно, что законы Солона, явившись в то время, когда Афины находились под олигархическим управлением, помогли только квалификации и расширению олигархии и пресечению вопиющих несправедливостей. Рассматривая те условия, которые существовали во время Солона и которые дали возможность осуществиться задуманным им преобразованиям, мы найдем, что они все имели прямое или косвенное отношение к промышленности. Грот дает объяснения по поводу «той заботливости, с которой как Солон, так и Дракон стремились привить своим согражданам привычки к труду и самостоятельности — факт этот можно считать доказательством того, что даже до Солона в Аттике не сильно или даже вовсе не осуждали «издельной промышленности, которая в других частях Греции считалась относительно позорным трудом». Солон сам в молодости занимался торговлей, и его законодательство «дало промышленникам и ремесленникам возможность стекаться в Афины, как в свой родной дом, чем и положено было начало тому скоплению многочисленного городского населения, которое мы находим действительно в следующем столетии как в Афинах, так и в Пирее». Тех эмигрантов, которые стекались в Афины вследствие безопасности, которую они здесь находили, Солон стремился направить более на мануфактурную промышленность, чем на обрабатывание земли, которая в естественном состоянии давала очень мало; результатом этого было, во-первых, «отклонение от первобытного аттического характера, отличавшегося склонностью к провинциальной

жизни и земледельческим занятиям», а во-вторых, увеличение народонаселения стало вне подразделений на фратрии и генты — подразделений, всегда являвшихся спутниками патриархального типа и единоличной власти. Далее, те изменения, которые были произведены Солоном в политическом устройстве, касались главным образом промышленной организации. Введение имущественного ценза вместо ценза, доставляемого происхождением, уменьшило косность политических форм, так как приобретение богатства путем промышленности или другим каким-нибудь образом открывало доступ в олигархию или в другой какой-либо привилегированный класс. Запрещение обращать в рабство должника и освобождение тех, которые были обращены в рабство таким путем, помогло образоваться классу, отличающемуся от класса рабов. С другой стороны, эта перемена, не коснувшись справедливых обязательств, послужила к предотвращению тех несправедливых сделок, в которых человек, давая в залог самого себя, давал, конечно, неравноценный по стоимости эквивалент занимаемой им суммы. С уменьшением же числа случаев, в которых люди стояли между собой в отношениях господина и раба, началось одновременное увеличение числа таких случаев, в которых ценности обменивались по соглашению. После того, как исчезли те злоупотребления, которыми сопровождалось отдавание денег взаймы под проценты, кончавшееся обращением в рабство должника, займы на законном основании сделались всеобщими и совершались беспрепятственно; величина процента устанавливалась по соглашению, и накопленный капитал мог производить большее число оборотов. Затем как кооперирующая причина и как постоянно возрастающее следствие явилось увеличение народонаселения, которое в сильной степени содействует деятельности общества. Городское население, приходя каждый день в столкновение между собой, может обмениваться своими мыслями и вследствие этой быстро распространяющейся способности взаимного понимания может скорее соединиться и лучше кооперировать, чем то население, которое рассеяно по земледельческим округам. Ко всем этим прямым и косвенным результатам промышленного развития следует присоединить окончательный результат последнего, выражающийся в изменении характера, производимом путем ежедневного заключе-

ния договоров и приведения их в исполнение, — что все вместе составляет нравственную дисциплину, которая, требуя от каждого человека признания прав других людей, требует от него в то же время поддержания его собственных прав. Пример такого положения, в котором соединяется признание личных прав с уважением к правам других людей, мы видим в самом Солоне; так в период своего наибольшего влияния он отказался быть деспотом, хотя общество и настаивало на этом, в последние же свои дни он под страхом быть лишенным жизни сопротивлялся установлению деспотизма. Таким образом, увеличивающаяся промышленная деятельность стремилась различными путями к расширению первобытной олигархической формы и к производству такой, которая бы в большей степени отличалась народным характером. И хотя эти результаты индустриализма, соединенные с другими последовательно накапливающимися следствиями их, в продолжение некоторого времени были задержаны узурпировавшими Писистратидами, но несмотря на это они с полной силой сказались в то время, когда после изгнания этих тиранов наступила Клейстенианская революция, и они же послужили без всякого сомнения основанием для образования народной формы управления. Хотя и не в такой сильной степени, те же самые причины действовали во время распространения и расширения римской олигархии. Рим «был обязан возникновением своего значения начавшейся международной торговле»; и, по указанию Моммзена, «различие между Римом и остальной массой других латинских городов, должно быть, конечно, отнесено к его положению в промышленной сфере и к тому типу характера, который мог выработаться в силу такого положения... Рим представлял собой склад промышленности всех латинских округов», кроме всего этого, подобно тому, как и в Афинах, хотя, без сомнения, в гораздо меньших размерах, промышленность повлекла за собой усиление наплыва иностранцев, которым давались права гражданства и которые, соединившись с освобожденными рабами и с клиентами, менее скрепленными со своими патронами, образовали промышленное сословие. Включение этого последнего в состав корпорации граждан и вызвало то расширение государственного устройства, которое было произведено Сервием Туллием.

Итальянские республики последних дней также показывают нам в бесчисленных примерах ту связь, которая существовала между промышленной деятельностью и более свободными формами управления. Итальянские города были промышленными центрами. «Купцы Генуи, Пизы, Флоренции и Венеции снабжали Европу произведениями берегов Средиземного моря и Востока; банкиры Ломбардии посвящали весь остальной мир в тайны финансов и заграничной торговли; итальянские ремесленники поучали рабочих других стран высшему искусству в выделке изделий из стали, железа, бронзы, шелка, стекла, фарфора и драгоценных камней. Итальянские магазины своими блестящими, выставленными напоказ предметами роскоши возбуждали восхищение и зависть в иностранцах, приехавших из других, менее развитых в этом отношении стран». Заглянув в историю этих городов, мы находим, что промышленные цехи служили основанием их политической организации, что высшие промышленные классы сделали там правителями, совершенно устранив в некоторых случаях аристократию, и что в то время, как внешние войны и внутренние раздоры стремились постоянно к тому, чтобы воссоздать более узкие, личные формы правления, возмущения граждан-промышленников, происходившие от времени до времени, стремились к восставлению народного правления.

Если мы присоединим сюда точно такую же общую связь между промышленным развитием и народным управлением, проявившуюся как в Нидерландах, так и в ганзейских городах; если мы вспомним, что расширение наших собственных политических учреждений шло рядом с развитием промышленности; если мы обратим внимание на тот факт, что город скорее, чем провинция, а большие промышленные центры более, чем менее промышленные, способны давать толчки к таким переменам, то для нас станет бесспорным то положение, что с увеличением военных действий сложные политические главенства становятся замкнутее, и обратно: они расширяются соответственно преобладанию промышленной деятельности.

§ 489. Как те выводы, к которым мы пришли в предшествующих главах, так и выводы из этой главы указывают нам, что типы политической организации не составляют предметов свободного

выбора. Часто случается слышать, как, говоря о каком-нибудь обществе, указывают на то, что оно как будто когда-то раз навсегда установило такую форму правления, которую впоследствии действительно приходилось наблюдать в нем. Даже Грот в своем сравнении учреждений Древней Греции с учреждениями средневековой Европы (т. III, стр. 10—12) молчаливо подразумевает, что убеждение в выгоде или невыгоде того или другого учреждения служило поводом к его возникновению или поддержанию. Но собранные вместе факты в предыдущих частях моего труда указывают на то, что подобно тому, как при генезисе простого политического главенства, так и при генезисе сложного политического главенства определяющим элементом являются условия, а не намерения. Признавая тот факт, что независимость характера является фактором, но, приписывая эту независимость характера продолжительному пребыванию расы в такой обстановке, которая облегчает уклонение от контроля, мы видели, что при таких физических условиях кооперация во время войны служит причиной соединения групп на равных правах, причем главы этих групп, соединяясь вместе, образуют распорядительный совет. И соответственно тому, будут ли составляющие группы иметь более или менее автократическое управление, этот распорядительный совет будет в такой же степени приближаться к олигархии или удаляться от нее. Мы уже видели, что в местностях, настолько отличающихся между собой, как гористые области, болота или наносные острова и лесистые страны, люди, принадлежащие к различным расам, развили это сложное политическое главенство. Замечая, что местности эти, несходные во всех отношениях, представляют то общее сходство, что все они состоят из частей, доступ к которым очень труден, мы, конечно, не станем оспаривать того, что этим обстоятельством обуславливается главным образом та форма управления, которая оказывается одинаковой у различных обитателей этих местностей.

Кроме тех сложных политических главенств, которые возникают в таких благоприятных для них местностях, существуют еще другие сложные главенства, которые являются на почве распада других, предшествовавших им политических организаций. В особенности способны они возникать там, где народ, не рассеянный по обширной стране, но сконцентриро-

ванный в городе, может собираться в полном своем составе. При уничтожении всякого рода контроля случается, что агрегат в таком случае будет пользоваться полной свободой и установит такую народную форму правления, которая является при начале образования всех управлений; затем правильно ли или неправильно, но происходит выделение немногих, выдающихся своими достоинствами из среды всех остальных, а из этой первенствующей кучки людей с течением времени посредственно или непосредственно выделяется один, стоящий выше всех прочих. Сложные политические главенства с течением времени или становились замкнутыми, или расширяли свои пределы. Они суживаются при преобладании военного начала, стремящегося сконцентрировать распорядительную власть в немногих руках; если такое военное начало существует в течение долгого времени, то оно почти всегда изменяет сложное главенство в простое. Наоборот, расширение сложных главенств происходит путем индустриализма. Последний — соединяя вместе всех уклонившихся от стеснений, налагаемых патриархальной, феодальной или другой какой-либо организацией, и увеличивая число тех, которые обладают силой, сравнительно с числом тех, которые подчиняются силе, путем помещения этого большого числа в условия, благоприятствующие соединенной деятельности, и заменяя ежедневно вынуждаемое повиновение ежедневным добровольным исполнением обязательств и ежедневным поддержанием требований, — стремится всегда к уравновешению прав граждан.

VIII | СОВЕЩАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

§ 490. Две части первичной тройственной политической структуры были нами взяты отдельно в двух предыдущих главах; говоря точнее, первую мы рассматривали как не зависящую от второй, а вторую как не зависящую от первой, отмечая при случае лишь их отношения к третьей части. Теперь мы исследуем две первые в их взаимном сочетании. Мы займемся не тем, как из главы, немного возвысившегося над другими, образовался абсолютный правитель, всецело подчинивший и большинство, и немногих избранных; мы обойдем и то, при каких условиях немногие избранные стали олигархией, не терпящей единоличного возвышения и подчинившей большинство, — мы рассмотрим теперь лишь такие случаи, в которых установилось сотрудничество (кооперация) между первым и вторым началом.

После того, как главенство установилось, глава продолжает иметь различные основания действовать в согласии со своими вождями. Необходимо заискивать в них, необходимо добиваться их добровольной и гласной поддержки; а в важных делах полезно разделять с ними ответственность. Отсюда — влияние совещательного собрания. В Самоа «глава деревни и главы родов образовывали и образуют еще теперь законодательную организацию данного места». У фулахов* «перед объявлением войны или какого-нибудь важного решения король обязан собрать совет малламов и важных людей». О государстве Мандинго** мы читаем, что «во всех важных делах король собирает ассамблею из главных людей или благородных, советами которых он руководится». Такие примеры можно умножить до бесконечности.

Чтобы вполне понять сущность этих учреждений и видеть, почему по мере своего развития они приняли тот отличительный характер, какой у них имеется, мы должны сперва вернуться к началу.

§ 491. Очевидные факты, происходившие во все времена и у всех народов, показывают, что совещательные организации

вначале суть не что иное, как военные советы. В собраниях вооруженных людей под открытым небом мы видим первоначальное совершение той совещательной функции относительно военных мероприятий, которая впоследствии распространяется и на другие меры. Следы их происхождения переживают значительно долгое время, когда такие совещания делаются гораздо более общими по своим предметам.

В Риме, где король был сверх всего прочего еще и военачальник и где сенаторы, как главы племен (*clans*), были сперва военными главами, к гражданам, когда они собирались вместе, обращались, как к «копьеносцам»: тут мы видим сохранение названия, которое естественно давалось тем, которые присутствовали в качестве слушателей на военных советах. Так было позднее в Италии, когда развились маленькие республики. Описав собрание «граждан, созванных звоном большого колокола для обсуждения средств защиты», Сисмонди говорит: «Это сборище всех людей государства, способных носить оружие, называлось парламентом». Относительно собраний поляков в древние времена мы читаем: «Такие сборища до учреждения сената и в то время, как власть короля была ограничена, случались часто... и составлялись из всех лиц, носящих оружие»; в позднейшие же времена *comitia paludata*, собиравшиеся в течение междоусобицы, состояли из всего сословия дворян, которые сходились на открытом месте, вооруженные и одетые так, как для битвы». В Венгрии точно так же в начале XVI века «господа, на лошадях и вооруженные с ног до головы, как будто отправлявшиеся на войну, собирались на скаковом поле Ракоса, близ Пешта*, и обсуждали тут на открытом воздухе общественные дела». Точно так же Стеббс говорит о первобытных германцах, что их «верховный политический совет есть вооруженная нация; и хотя в период Меровингов народная власть упала, однако при Клодвиге и его ближайших наследниках народ, собравшийся во всеоружии, имел действительное участие в решениях короля». Даже до сих пор сохранился обычай ходить вооруженными там, где сохранились первобытные политические формы. «До настоящего времени, — пишет Лавелз, — обитатели Ауссер-Родена, в кантоне Аппенцель, собираются на общие сходки, один год в Хундвилле, а другой — в Трогене, неся каждый в руках свой старый меч или древнюю средневековую папиру».

Фриман был свидетелем подобного же ежегодного собрания в Ури, где жители собираются с оружием для избрания своего главного судьи и для совещаний.

Конечно, можно предположить, что в древние беспокойные времена ношение оружия каждым свободным человеком требовалось для личной самозащиты, особенно если место собрания было очень далеко от его дома. Но очевидно, что хотя это могло быть в числе причин вооруженных собраний, но само по себе не составляло достаточной причины. Между тем как мы читаем о древних скандинавах, что «все свободные люди, способные носить оружие, были приняты» в народное собрание и что после избрания государя из числа «отпрысков священного ствола», «новый государь подымался среди стука оружия и криков массы», мы читаем также, что «никому, ни даже самому королю и его сподвижникам, не дозволялось войти в заседание суда вооруженным».

Но даже помимо такой очевидности есть достаточное основание заключать, что именно военный совет породил совещательную организацию и дал ее структуре внешние черты. Защита против врагов была повсюду той нуждой, которая первоначально потребовала совокупного обсуждения. Для иных целей было достаточно и личного действия или действия небольшой партией; но для обеспечения общей безопасности было необходимо соединенное действие целой среды; и вот обеспечение такой общности действия должно было служить первым мотивом политических собраний. Кроме того, некоторые черты устройства древних собраний у цивилизованных народов указывают, что военные советы были их началом. Если мы спросим, что должно происходить, когда в племени преобладающее меньшинство обсуждает военные мероприятия в присутствии толпы, то придется ответить, что при отсутствии развитой политической организации нужно добиться согласия толпы, прежде чем может быть приведено в исполнение какое-либо решение; то же самое должно происходить и тогда, когда многие трибы соединяются вместе. Гиббон говорит о собраниях татар, образуемых из глав племен и их военных сподвижников: «Монарх, видевший мощь вооруженного народа, должен был согласоваться с его наклонностями». Если бы даже, при таких условиях, преобладающее меньшинство могло

свою волю поставить выше воли большинства, вооруженного подобно ему, это было бы вовсе не политично, если бы военному успеху могло угрожать несогласие. Отсюда мог возникнуть обычай предлагать окружающим массам вопрос, присоединяются ли они к тому движению, которое решено советом предводителей. Здесь должна была возникнуть та форма, которая потом установилась для правительственных дел, в широком смысле этого слова, у древних римлян, король или предводитель которых спрашивал собравшихся граждан, или «копьеносцев», одобряют ли они предположенное дело; подобное же явление описывает Тацит у древних германцев, которые то ворчаньем, то стуком копий отвергали или принимали предложения своих вождей. Кроме того, здесь естественно должно было возникнуть то ограниченное выражение народного мнения, о котором мы говорили. Римским гражданам было дозволено отвечать только «да» или «нет» на предложенный вопрос, это был тот чрезвычайно простой ответ, который требовался главами или военными предводителями от остальных воинов, когда война или мир должны были быть решены ими. Подобные же ограничения существовали и у спартанцев. В дополнение к сенату и равноправным королям существовала «экклезия, или публичное собрание граждан, сходящихся с целью одобрения или отвержения предложений, сообщенных им, без свободы их обсуждения или с незначительной свободой, — обычай легко объяснимый, если мы вспомним, что в гомеровской агоре, которой наследовала спартанская конституция, собравшиеся главы искали согласия у окружающих, прежде чем решалось какое-нибудь важное действие.

Заключая отсюда, что война породила политические обсуждения и что выборное собрание, которое теперь специально ведет эти обсуждения, первоначально имело место лишь в случаях, когда дело шло об общественной безопасности, мы будем подготовлены к лучшему пониманию тех черт, которые характеризуют совещательные организации в позднейших стадиях их развития.

§ 492. Мы уже видели, что вначале военный класс был в то же время необходимо и классом земледельческим. У дикого племени не было собственников на занимаемую область, исключая

воинов, которые пользовались ею сообща для охоты. В течение пастушеской жизни, области, удобные для скотоводства, защищались соединенным оружием против посторонних вторжений. А когда была достигнута земледельческая стадия, общее владение, семейное владение и личное владение время от времени требовали защиты мечом. Отсюда, как было показано, произошел тот факт, что в древние времена ношение оружия и владение землей обыкновенно шли совместно.

Так как у охотничьих народов земля продолжала находиться в общем владении, то контраст, который мог возникнуть между меньшинством и большинством, не должен был иметь иных причин, кроме разве каких-нибудь действительных или предполагаемых *личных* преимуществ того или иного рода. Это правда, что, как указано и ранее, разница в богатстве, в обладании движимостью, лодками, рабами и т.д. производит некоторое разделение на классы, и таким образом даже до возникновения частного землевладения величина имущества помогает разделению управляющих от управляемых. Когда возникло пастушеское состояние и установился патриархальный тип, такая собственность сосредоточивается у старшего сына самого старейшего; или, как говорит Генри Мэн, если он считается хранителем группы, то тем более такое попечительство должно связываться с военным главенством, дающим ему верховную власть. В более поздней стадии, когда земли начинают заниматься оседлыми семьями и общинами и землевладение приобретает определенность, соединение этих черт в каждой главе становится более ясным; и, как уже было сказано, когда говорилось о дифференцировании дворян от свободных людей, различные влияния содействуют тому, что старшему сыну старшего дается преимущество в размере земельного владения точно так же, как и в степени власти. Эти основные отношения не изменяются, когда аристократизм заслуг замещается аристократизмом рождения и когда, как это следует и теперь, сподвижники завоевателя наделяются частями завоеванной земли под условием продолжения военной службы. Во все это время продолжается та же тенденция, ибо класс военных глав тождествен с классом крупных земельных собственников.

Отсюда следует, что дело начинается с общих собраний вооруженных свободных людей, из которых каждый лично или

в составе группы владеет землей; здесь совет вождей, распадающихся в присутствии остальных, отличался только тем, что состоял из самых способных воинов; затем это состояние путем частных войн и постепенного уплотнения произвело дальнейшее состояние, в котором совет вождей стал все более и более отличаться от остальных обширными владениями и, следовательно, большим могуществом своих членов. Становясь в большую и большую противоположность с общей массой вооруженных свободных людей, совещательная организация стремится постепенно подчинить эту массу и, выделившись окончательно сама, становится независимой.

Мы видим в различных частях света примеры развития этого временного военного совета, в котором король, действующий как военачальник, собирает вождей для того, чтобы советоваться о своих военных силах, — и переходы этого совета в постоянный совещательный орган, в котором король в качестве правителя первенствует при обсуждении общественных дел в широком смысле. Совещательный орган всюду составлен из младших предводителей, или глав кланов, или феодальных лордов, в которых военная и гражданская власть над местными группами соединяется обыкновенно с обширными владениями; мы часто видим примеры такого соединения и в большом и в малом размере, местном и общем. Грубая и древняя форма этого органа представляется Африкой. У кафров «каждый глава избирает из среды своих богатых подданных пять или шесть, которые служат ему советниками... Великий совет короля состоит из глав отдельных краалей». Племя бечуанов «в общем состоит из нескольких городов или деревень, имеющих своего особого главу с известным числом подчиненных ему глав», которые «все признают верховность одного главного. Его власть, хотя очень большая и в некоторых случаях деспотическая, тем не менее контролируется младшими главами, которые в своих *ничо*, или *питчо*, т.е. в их парламентах или публичных митингах, выражают в самых искренних речах, что они считают вредным или слабым в его управлении». О ваньямвези* Бертон говорит, что султан «окружен советом, изменяющимся в числе от двух до двадцати глав, или старейшин... Его авторитет ограничен этим грубым уравновешением власти; окружающие его вожди могут, вероятно,

предводительствовать на войне, как и он». Подобное же мы находим у ашантиев: «кабоциры и атаманы... требуют, чтобы им было известно обо всех вопросах, относящихся к войне и иностранной политике. Такие предметы рассматриваются в общем собрании, и король находит иногда благоразумным уступать воззрениям и настоятельным представлениям большинства». Примеры могут быть почерпнуты также из древних американских государств. В Мексике «общие собрания бывали каждый восемнадцать дней под председательством короля. Но эти собрания сходились из всех частей страны»; и мы читаем далее, что высший класс дворянства, *тевктли*, «первенствовал перед всеми другими в сенате в порядке сидения и голосования». Откуда видно, каков был состав сената. Так же было и у центральных американцев Верапац*: «Хотя верховная власть принадлежала королю, но были низшие властители, как его сотрудники, которые по большей части назывались *господами (lords)* и *вассалами*; они образовывали королевский совет... и собирались в палатах короля так часто, как он призывал их».

В Европе прежде всего следует упомянуть о древней Польше. Она первоначально состояла из независимых племен (*tribes*), «управлявшихся каждое своим *князем (kniiaz)* или верховным судьей, возраст которого или известная мудрость привели к этому достоинству»; на войне каждое племя предводительствовалось временным *воеводой* или *атаманом*; такие роды в течение того усложнения и переусложнения, какое производит война, дифференцировались в классы *благородных* и *крепостных*, над которыми возвышался избранный король. Об организации, которая существовала, прежде чем король потерял свою власть, нам рассказывают следующее. Хотя каждый из этих *палатинов*¹, *епископов* и *баронов*, мог таким образом являться советником своему государю, образование правильного сената замедлялось и завершилось только тогда, когда опыт доказал его пользу. Сперва только предметы, относящиеся к войне, обсуждались монархом с его *баронами*; то, что он вначале позволял им из вежливости, или недоверия к самому себе, или в виду того,

¹ Палатины в древней Польше были губернаторами воеводств и в то же время сенаторами, жалуетыми в это звание государем. — *Прим. ред.*

чтобы разделить с ними ответственность в случае неуспеха, они обыкновенно требовали как права.

Точно так же в течение внутренних войн и войн против Рима первобытные германские племена, первоначально полукочевые и слабоорганизованные, прошли через стадию, в которой вооруженные вожди и свободные люди собирались периодически для обсуждения вопросов о войне и других предметах, стадию, влекущую родственное строение. Во время Карла Великого, на большом ежегодном собрании герцоги, графы, епископы, скабины¹, центенарии, т.е. все соприкасавшиеся с правительством или администрацией, присутствовали официально; большие и малые собственники, бароны и дворянство присутствовали также, благодаря своим поместьям, свободные люди — в силу их воинственного характера, хотя, несомненно, было мало свободных людей, обязанных носить оружие и не обладающих каким-либо куском земельной собственности.

О позднейшем периоде Галлам пишет, что во всех германских княжествах преобладает форма ограниченной монархии, отражающая в уменьшенном масштабе общую конституцию империи. Как императоры разделяют свое законодательное господство с сеймом, так точно все принцы, принадлежащие к этому собранию, имеют свои собственные советы (states), состоящие из их феодальных вассалов и находящихся между ними городов с их территорией.

Масса земледельческого населения перестала, таким образом, обладать властью. Подобное же мы видим в течение позднейшего феодального периода во Франции. «Повеление 1228 г. относительно еретиков Лангедока дано с совета наших высоких и мудрых людей»; о повелении же «1246 года, относительно набора и выкупа в Анжу и Мэне*», говорится, что «собравши вокруг себя в Орлеане баронов и господ вышеупомянутой страны, держали с ними заботливый совет» и т.д.

Чтобы предупредить возможное замечание, что не было упомянуто о духовенстве, обыкновенно включавшемся в совещательные организации, необходимо указать, что надлежащее

¹ Это название носили в древнегерманском судопроизводстве низшие судьи, которые произносили приговор под управлением судьи. — *Прим. ред.*

исследование об этом не вносит никакой существенной разницы в положения, данные выше: хотя современные обычаи приучили нас смотреть на духовный класс как на отличающийся от класса воинов, однако вначале этого различия не было. К тому факту, что обыкновенно в военных обществах король был одновременно и военачальником и первосвященником и руководился в этих обоих званиях внушениями божества, мы можем добавить тот факт, что подчиненное ему духовенство обыкновенно прямо или косвенно благоприятствует войнам, которые предполагаются одобренными божеством. Как иллюстрацию к этой истине мы можем привести факт, что, прежде чем начать войну, Радама, король Мадагаскара, столько же жрец, как и полководец, приносил в жертву петуха и телушку и совершал молебствие у могилы Андрия-Мазина, своего самого последнего предшественника. А для подтверждения второй истины может быть приведен факт, что у евреев, священники которых сопровождали войска в битве, мы читаем о Самуиле, бывшем с детского возраста священником, что он сообщил Саулу повеление Бога «истребить Амалека» и сам изрубил в куски Агога. Более или менее деятельное участие священников в войне мы находим то там, то сям у дикарей и полудивилизованных обществ; так у дакозов, мундрукусов, абипонов, кхонгов, священники которых определяют время войны или дают знак атаке; так, у таитян священники «носят оружие и идут с воинами в битву»; так, у мексиканцев священники, обыкновенно возбуждавшие войну, сопровождали своих идолов во главе армии и в то же время «приносили в жертву первого захваченного пленника»; точно так же видим у древних египтян, о которых читаем, что «служитель бога был у них часто военным и флотским командиром». Естественное происхождение такого союза войны и религии в диких и древних обществах доказывается его сохранением в позднейших обществах, несмотря на совершенно обратную и враждебную этому религию. После того, как христианство перешло из своей ранней стадии, чуждой политики, в стадию, в которой оно стало государственной религией, духовенство в течение оживленных военных периодов вновь приняло воинственный характер. «В середине VIII столетия (во Франции) регулярная военная служба со стороны духовенства была уже вполне развита». В ранний феодальный период епископы,

аббаты, священники становились феодальными владельцами со всем могуществом и ответственностью, принадлежащей этому положению: они имели корпуса войск на жалованье, строили замки и укрепления, вели осады и предводительствовали армиями или посылали их в помощь королям. Ордерик описывает в 1094 г. священников, ведущих в битву своих прихожан, а аббатов — своих вассалов. Хотя в новейшее время сановники церкви не принимают деятельного участия в войне, однако их совещательная функция относительно войны — чаще одобряющая, чем сдерживающая, — еще не прекратилась и теперь, что доказывается и у нас самих в голосовании епископов, которые, за исключением одного, одобрили вторжение в Афганистан.

Отсюда ясно, что обыкновенное участие духовенства в совещательных организациях не противоречит положению, по которому эти организации, начавшись советами, развились в постоянные ассамблеи меньших военных предводителей.

§ 493. Здесь под разными формами отчасти повторяется то, что мы уже видели, говоря об олигархии: разница только в том, что здесь включается и король, как деятель кооперации; тем не менее то, что было сказано ранее относительно влияния войны на сужение олигархии, применяется и к тому сужению первичных совещательных собраний, благодаря которым из них происходит организация землевладельческого военного дворянства. Однако образование больших обществ из малых, обусловленное войной, приносит и другие влияния, способствующие возникновению этого результата.

В ранних собраниях людей, одинаково вооруженных, должно произойти то, что хотя низшее большинство и станет признавать власть высшего меньшинства в силу его военного предводительствования и племенного главенства или предполагаемого божественного происхождения, однако высшее меньшинство, сознавая невозможность сравниться с низшим большинством в физической силе, будет вынуждено относиться к его мнениям с некоторым почтением и не будет способно вполне монополизировать власть. Но едва разделение на классы, описанное выше, начинает прогрессировать, едва высшее меньшинство приобретает лучшее оружие, чем низшее меньшинство, или, как у воинов древних народов, добудет военные

колесницы, или, как в средневековой Европе, прикроется латами и кованым щитом и усядется на лошадей, — тогда оно, чувствуя свои преимущества, станет относиться уже с меньшим почтением к мнениям большинства. За привычкой же игнорировать мнения этого последнего следует привычка смотреть на выражение этих мнений как на дерзость.

Этот постепенный захват ускоряется возрастаянием тех групп вооруженных подвластных людей, наемников и проч., которыми окружало себя высшее меньшинство и которые, не будучи связаны со свободными людьми простого народа, скреплялись верноподданством со своими нанимателями. Они точно так же, будучи лучше вооружены и безопаснее одеты, чем масса, располагались к презрительному ее третированию и к действию ее подчинению.

Не только в случае общих сборищ, но ежедневно в принадлежащих им местностях возраставшая власть глав, происшедшая таким образом, стремилась более и более перевести свободных людей в класс зависимых и в особенности там, где военная служба таких дворян своему королю облегчала злоупотребления, как это было в Дании около XIII столетия.

Свободное крестьянство, которое сперва было классом независимых собственников земли и обладало равным голосом с высшим дворянством страны, было таким образом вынуждено добиваться покровительства этих могущественных господ и дойти до вассальных отношений к какому-нибудь соседнему геррманду*, епископу или монастырю. Провинциальные собрания, или ландстинги, заменялись постепенно общими национальными парламентами Даннегофа, Адель-Тинга или Геррдага; последний был составлен исключительно из принцев, прелатов и других высоких особ королевства... Так как влияние крестьянства пало, а в то же время города не играли еще никакой роли в политической власти, конституция, несмотря на свою раздробленность и расшатанность, скоро приблизилась к форме, которую и приняла окончательно, а именно к форме феодальной и церковной олигархии.

Дальнейшее влияние, приведшее к потере власти вооруженными свободными людьми и к приобретению власти вооруженными главами, образовавшими совещательный орган, последовало за тем расширением занятой местности, которое

идет совместно с осложнением и переосложнением обществ. Как замечает Рихтер о периоде Меровингов: «При Хлодвиге и его непосредственных преемниках народ, собиравшийся в оружии, имел действительное участие в решениях короля. Но с увеличением объема государства собрания всего народа сделались невозможными». Только те, которые жили вблизи вышеуказанных мест, могли являться. Два факта, из которых один уже упоминался в другой главе, могут быть упомянуты здесь для иллюстрирования этих последствий: «Высший национальный совет на Мадагаскаре есть собрание населения столицы и глав провинций, областей, городов, деревень» и т.д.; а говоря об английском Уитнагемоте*, Фриман рассказывает: «Иногда мы находим прямое упоминание о присутствии обширных народных классов населения, как граждан Лондона и Винчестера». Из этих обоих случаев следует заключение, что все свободные люди имели право присутствовать на нем, но только местные жители могли без затруднения воспользоваться своим правом. Эта ограничивающая причина, объясненная Фриманом, действовала различными путями. Современная стоимость поездки к месту, где назначено собрание, когда государство сделалось обширно, очень высока для того, чтобы ее мог нести человек, владеющий лишь несколькими арами земли. Далее, тут есть и другая плата, состоящая в потере времени, стоящего недешево для того, кто живет личным трудом или надзирает за работами. Кроме того, к этому прибавляются опасности, которые в те беспокойные времена были значительны для всякого, кроме тех, кто отправлялся с толпой хорошо вооруженных проводников. И, очевидно, эти препятствующие причины должны были сказаться там, где по вышеупомянутым причинам побуждение присутствовать в собрании сделалось слабым.

Присоединялись, однако, и другие причины. Когда занятая местность обширна и потому число жителей ее велико, то собрания всех ее вооруженных свободных людей, если бы они и сохранились, были бы неудобны для принятия участия в их занятиях и по своим размерам, и по недостатку организации. Большинство, состоящее из тех, которые явились из разбросанных пунктов обширной страны, по большей части неизвестных друг другу, неудобных для поддержания предварительных сообщений и поэтому не имеющих ни общего плана,

ни предводителей, не может бороться с относительно малой, но хорошо организованной группой тех, которые имеют общую идею и действуют в согласии.

Не следует упускать при этом из виду тот факт, что когда вышеупомянутые причины повлияли на уменьшение вооруженных людей, живших в отдалении, и когда развился обычай призыва наиболее влиятельных из их среды, то произошло естественно, что с течением времени получение приглашения стало патентом на присутствие, а отсутствие приглашения равнялось отсутствию права участвовать в собрании.

Таким образом, из войны прямо или косвенно возникли многообразные влияния, которые соединились для отделения (дифференцирования) совещательной группы от массы вооруженных людей, из которых она возникла.

§ 494. Раз существует государь и существует совещательная группа, возникшая таким образом, является вопрос: какие причины производили перемену в их относительной власти? Всюду между этими двумя властями должна быть борьба, благодаря стремлению каждой из них подчинить другую. В таком случае какие условия способствовали возникновению преобладания короля над совещательным органом и при каких условиях совещательные органы приобретали преобладание над королем?

Неоспоримо, что вера в сверхчеловеческую природу короля давала ему безмерное преимущество в борьбе за преобладание. Если он потомок бога, то открытая оппозиция его воле со стороны советников была вне вопроса; члены его совета, в отдельности или сообща, осмеливались только предлагать ему почтительные советы, особенно если порядок наследования установился так, что редко или никогда не было поводов для того, чтобы король избирался знатными людьми, вследствие чего они не имели случая выбирать такого короля, который бы сообразовался с их желаниями; далее они лишались возможности сохранить какой бы то ни было авторитет. Поэтому-то обыкновенно мы не встречаем совещательных органов, имеющих независимый *status*, в странах, управляемых деспотически на Востоке, как в древних, так и в новых. Хотя о египетском государе мы читаем, что «он является на войне, сопутствуемый советом тридцати, состоящим, по-видимому, из особых советников,

книжников и высших государственных чиновников», но здесь подразумевается, что члены такого совета были только чиновники, обладающие лишь той властью, какую доверял им государь. Подобное же мы находим в Вавилоне и Ассирии: свита и те, которые исполняли обязанности министров и советников правителя, имевшего божественное происхождение, не составляли прочного собрания с совещательными целями.

В древней Персии точно так же были подобные условия. Наследственный государь — священный в высшей степени и носящий чрезвычайные титулы, хотя и подчиняющийся какому-нибудь шаху из принцев или дворян царской крови, которые были предводителями армии и советом которых он дорожил, — не был ограничен организацией, установленной из них. Сквозь всю историю Японии до наших дней проходит подобное же состояние. Даймиосы требовались для присутствия в столице в течение предписанных промежутков времени из предосторожности против неповиновения; но их никогда не созывали вместе для какого-нибудь участия в правлении.

Наследственная божественная монархическая власть, имеющая такие последствия в Японии, имела подобные же последствия и в Китае. Мы читаем, что в Китае также номинально нет совещательного или обсуждающего органа, или чего-нибудь похожего на конгрессы, парламенты или *tiers-états*, только необходимость вынуждает императора советоваться и совещаться с некоторыми из его чиновников. Европа также дает нам подобные примеры. Я говорю не только о России, но гораздо более о Франции в то время, когда монархия приняла в ней наиболее абсолютную форму. В эпоху, когда богословы, подобно Боссюэ, учат, что «король один безотчетен... все государство в нем, и воля целого народа содержится в его воле», — в эпоху, когда король (Людовик XIV) «проникнутый идеей о своем всемогуществе и божественной миссии», «обожался своими подданными», он «затмевал и поглощал даже малейший след, идею и воспоминание о всякой другой власти, кроме той, которая истекала из него самого». Вместе с установлением наследственной преемственности и приобретением божественного обаяния та власть других учреждений, которая существовала в ранние времена, исчезла.

Наоборот, существуют факты, доказывающие, что там, где король никогда не имел или не сохранил обаяния своего

предполагаемого происхождения от бога и где он продолжает быть избираемым, власть совещательного органа способна приобретать преобладание над королевской, а иногда и отменять ее. В этом случае на первом месте должно указать на Рим. Вначале государь созывал сенат, когда хотел, и предлагал ему свои вопросы; ни один сенатор не мог высказать своего мнения, не будучи спрошен; еще менее мог сенат собраться, не будучи созван». Но тут, где король, хотя и считающийся обладателем божественного одобрения, не считался происходящим от богов, и хотя обыкновенно он указывался своим предшественником, но на практике иногда избирался сенатом и всегда подчинялся форме народного одобрения (апробации), — здесь совещательный орган сделался действительно высшим. «Сенат с течением времени обратился из совещательной корпорации *магистратов*, т.е. высших государственных лиц, в собрание, распоряжающееся магистратами и самоуправляющееся». Позднее право назначать и увольнять сенаторов, принадлежащее первоначально магистратам, было у них отнято; и наконец окончательно утвердился «несменяемый характер и пожизненность членов правящего класса, обладавших местом и голосом»; олигархическая конституция была объявлена. История Польши представляет другой пример. После соединения несложно управлявшихся племен произошли маленькие государства и зародилось высшее сословие, а после объединения этих маленьких государств возникла королевская власть. Королевская власть, будучи здесь вначале, как и везде, избирательной, такой тут и осталась и никогда не делалась наследственной. Благодаря каждому избранию вне королевского рода был благоприятный случай избрать в короли того, чей характер беспокойная аристократия считала удобным для своих целей, а отсюда произошло, что власть короля упала.

В конце концов из трех элементов, на которые было разделено государство, король, хотя его власть была в древности деспотической, имел наименьшее значение. Его достоинство не сопровождалось властью; он был только президентом сената и главным судьей республики.

Скандинавия представляет пример, уже упомянутый в другом отношении. Датские, норвежские и шведские короли были первоначально избираемы; и хотя по различным случаям наследственная преемственность сделалась со временем

обычаем, здесь повторилось упразднение избирательной формы с тем следствием, что преобладание было достигнуто феодальными вождями и прелатами, образовавшими совещательный орган.

§ 495. Второй элемент в тройственной политической структуре, подобно первому, развился, таким образом, благодаря войне. Благодаря ей предводитель в конце концов отделился от всего, что было ниже его; благодаря ей высшее меньшинство соединилось в обсуждающий орган, отдельный от низшего большинства.

Что военный совет, образуемый из предводителей воинов, рассуждавших в присутствии своих соратников, был зародышем, из которого возник совещательный орган, — это ясно видно в сохранении обычаев, доказывающих, что политическое собрание было первоначально военным собранием вооруженных людей. В гармонии с этим доказательством стоят такие факты, как тот, что после установления сравнительно оседлого состояния власть народных собраний ограничилась принятием или отвержением сделанных предложений и что члены совещательных органов, приглашавшиеся правителем, который был также и полководцем, подавали свое мнение лишь тогда, когда он их приглашал это сделать.

Мы не имеем недостатка в данных для суждения о процессе, которым первобытные военные советы развились, окрепли и выделились. Вместе с военным классом, который в то же время есть класс землевладельческий, война произвела увеличение неравенства богатств, точно так же, как усиление разницы в *положении*; так что вместе с осложнением и переосложнением групп, которое вызвала война, военные предводители стали отличаться как крупные землевладельцы и местные правители. Отсюда члены совещательного органа стали противопоставляться свободным людям в широком смысле не только тем, чем военные предводители противопоставляются своим соратникам, но и еще более тем, что они были людьми богатства и власти.

Это увеличение противоположности между вторым и третьим элементом тройственной политической организации кончается их разъединением. Вооруженные свободные люди, рассеявшись по обширной местности, были устранены

от периодических собраний дороговизной проезда, ценностью времени, опасностью, а также тем опытом, что множество людей, неприготовленных и неорганизованных, беспомощно в присутствии организованного меньшинства, лучше вооруженного, конного и сопровождаемого толпой проводников. Так что, пройдя через эпоху, в течение которой на собраниях присутствовали только вооруженные люди, живущие близко от места заседаний, мы приходим к эпохе, когда те, которых не пригласили, считались не имеющими права участвовать; и таким образом совещательный орган становится вполне дифференцировавшимся.

Перемены в относительной власти правителя и совещательного органа определялись очевидными причинами. Если король сохранил или приобрел репутацию сверхъестественного происхождения или властности и закон о наследственной преемственности установился настолько, что исключил избрание, тогда те, которые прежде могли образовывать совещательный орган, имеющий равную власть, стали простыми назначаемыми советниками. Но если король не имел обаяния предполагаемого священного происхождения или назначения и продолжал оставаться избирательным, в таком случае совещательный орган сохранял власть и склонялся к образованию олигархии.

Между прочим, этим не утверждается, что все совещательные органы возникли описанным путем или что они все были подобным образом установлены (*constituted*). Общества, изломанные войнами или разложенные революциями, могли сохранить столь немногое от их первоначальной организации, что там не оставалось классов того рода, из которого возникают такие совещательные органы, как вышеописанные. Или, как мы видим в наших колониях, общества могут образовываться таким путем, который не благоприятствует происхождению класса землевладельческих военных глав, а потому не имеют элемента, из которого первоначально состоит совещательный орган. При условиях этого рода собрания, более или менее соответствующие ему по положению и функции, образуются под влиянием традиции или примера; а за отсутствием людей, составлявших собрания первоначального типа, они образуются из других — вообще, однако, из таких, которые положением, властью или предварительной служебной опытностью более

известны, чем те, которые образуют народные собрания. Предыдущее описание приложимо только к таким совещательным органам, которые могут быть названы нормальными, которые развились в течение усложнения и переусложнения малых обществ в большие под влиянием войны; и сенаты или верхние палаты, которые возникают при позднейших и более сложных условиях, могут быть рассматриваемы как однородные с ними в функциях и составе лишь настолько, насколько позволяют новые условия.

IX | ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

§ 496. Несмотря на разнообразие и сложность политических организаций, оказалось не невозможным проследить пути, которыми развились как простые, так и сложные политические главенства, а также и те определенные условия, при которых оба эти элемента начали объединяться в виде правителя и совещательной организации. Но указать путь, каким возникли представительные организации, оказывается гораздо труднее, потому что и процесс их образования, и его результаты гораздо более изменчивы; нам придется довольствоваться менее значительными результатами.

Как и до сих пор, мы должны теперь вернуться к началу, чтобы найти здесь ключ. В самой первобытной стадии дикой орды, в которой не существует никакого преобладания, исключая того, которое дается человеку силой, храбростью или хитростью, первая ступень применения выборного начала есть сознательное избрание предводителя для войны. Относительно производства выборов у диких племен путешественники хранят молчание. Но мы имеем сведения о том, как совершались избрания европейцами в древние времена.

В древней Скандинавии главу провинции, избранного народным собранием, тотчас после того поднимали среди рукоплесканий и ликования толпы; а у древних германцев его носили на щите. Припоминая, как в новейшее время происходит церемония ношения на стуле вновь избранного члена парламента, и размыслив, что первоначально среди нас избрание производилось поднятием рук, мы заключим, что избрание представителя было когда-то тождественно с избранием главы. Наша палата общин имела свои корни в местных собраниях, подобных тем, в каких нецивилизованные племена избирали своих военных предводителей.

Но, кроме сознательного избрания, встречается у грубых племен избрание по жребию. Например, самоанцы производят избрание верчением кокосового ореха, который

останавливается острым концом против какого-либо из окружающих и этим указывает его. Древние исторические племена дают немало подтверждений этому, как, например, у древних евреев в истории Саула и Ионафана*, а у гомеровских греков — в истории Гектора. В обоих этих случаях присутствует вера в сверхъестественное вмешательство: предполагается, что жребий определен божеством. И, по всей вероятности, в других местах выбор по жребию с политическими целями, например у афинян, и с военными целями у римлян, так же как и в позднейшее время выбор депутатов в некоторых итальянских республиках и в Испании (например, в Леоне в XII столетии), был под влиянием подобных верований; хотя, несомненно, желание дать одинаковые шансы быть избранным и богатым, и бедному или просто определить без спора назначение, бывшее почетным или опасным, входило в мотивы или даже было преобладающим. Однако тут необходимо отметить факт, что этот способ выбора, который играл роль в избрании представительства, может также быть прослежен далеко ниже, т.е. в обычаях примитивных народов.

Значит, мы находим также следы предзнаменования процесса делегации. Группы людей, открывавших переговоры или плативших дань, обыкновенно назначали известных членов из своей среды для действия в их пользу. В этих случаях этот прием обуславливался действительно необходимостью, так как все племя не могло исполнить такого действия в полном своем составе. Отсюда также явствует, что назначение представителей в первой стадии порождено теми же причинами, которые породили его вновь в позднейшей стадии. Потому что совершенно так же, как желание племени, без всякого затруднения сообщавшееся в собраниях его собственных членов, не могло быть таким же образом сообщено другим племенам, но должно было, относительно межплеменных дел, сообщаться через депутатов, так же точно и в обширных нациях народ каждой местности, способный к местному самоуправлению, но неспособный соединять народы отдаленных местностей для обсуждения вопросов, касавшихся всех их, посылал одно или несколько лиц для выражения своего желания. Расстояние в обоих случаях изменяет прямое выражение голоса народа в косвенное выражение.

Прежде чем приступить к обозрению условий, при которых это избрание тем или иным способом лиц, исполняющих вышеуказанные обязанности, стало делаться употребительным в образовании представительной организации, мы должны исключить целые классы случаев, не относящихся к нашему теперешнему исследованию. Хотя представительства, как их понимают обыкновенно, а также и те, с которыми мы будем иметь дело здесь, ассоциируются с народной формой правления, однако связь между ними не есть нечто необходимое. В некоторых местах и в известные эпохи представительство существовало наряду с полным исключением масс из участия в управлении. В Польше как во время предшествующее, так и сопровождавшее так называемую республиканскую форму, центральный сейм в дополнение к сенаторам, назначавшимся королем, состоял из дворян, избираемых провинциальными дворянскими собраниями: народ в своем целом был безвластен и состоял по большей части из крепостных. В Венгрии точно так же в новейшее время привилегированный класс, который даже после того, как был значительно расширен, достигал только «одной двадцатой части взрослого мужского населения», составлял единственный контингент представительства. «Венгрия перед реформами 1848 г. могла быть названа *прямой* аристократической республикой», так как все члены дворянского сословия имели право собирать местные ассамблеи, избирая голосованием представителей дворянства в общий совет, тогда как низшие классы не имели участия в управлении.

Некоторые представительные организации иного рода, но также исключительно аристократические, должны быть упомянуты здесь, чтобы их не смешать с предметом этой главы. Как заметил Дюрюю: «Древним далеко не так мало была известна представительная система, как то предполагают обыкновенно... Каждая римская провинция имела свои общие ассамблеи... Так, ликияне обладали настоящим законодательным собранием, образуемым из депутатов от двадцати трех городов... Это собрание имело также и исполнительную функцию». Павия, Галлия, Испания, все восточные провинции и Греция имели подобные же собрания. Но как ни мало известно о них, а все-таки можно не опасаясь сделать заключение, что они имели лишь отдаленную связь по происхождению и положению

с теми организациями, которые мы в настоящее время считаем представительными. До нас не относятся теперь Управляющие сенаты и советы, избираемые различными классами городского населения, вроде тех, которые образовались с различными видоизменениями в итальянских республиках, — организации, служившие просто исполнителями (agents), действия которых были подчинены прямо выражаемому одобрению или неодобрению собрания граждан. Здесь мы должны ограничиться лишь теми родами представительства, которые возникают в обществах, занимающих столь обширную площадь, что их члены вынуждены проявлять через депутатов ту власть, которой они обладают; и, кроме того, мы имеем дело исключительно со случаями, в которых собрания депутатов не замещают прежде существовавшие политические учреждения, но кооперируют с ними.

Из наблюдений более точных, чем те, которые мы до сих пор делали, выяснится, из какой составной части примитивной политической структуры произошли те представительные организации, о которых мы говорим здесь¹.

§ 497. В общих чертах на это мы находим молчаливый ответ в содержании предыдущей главы. В самом деле, если по случаю публичного обсуждения примитивные орды сами собой разделялись на низшее большинство и высшее меньшинство, из которого кто-нибудь один пользовался наибольшим влиянием; и если в течение вызванного извне войной усложнения и переусложнения групп признанный военный вождь развился в короля, тогда как высшее меньшинство сделалось совещательной организацией младших военных вождей, то из этого следует, что какова бы ни была политическая сила третьей части, она должна была быть или самой массой низших классов, или некоторым агентом этой массы, действующим в ее пользу. Хотя это может быть названо трюизмом, но мы здесь должны его выяснить, потому что прежде отыскания того, при каких условиях развитие представительной системы следовало за развитием народной власти, мы должны узнать отношение между ними.

¹ Напомним, что эти три элемента первичной политической структуры суть: 1) народ, 2) выдающееся меньшинство и 3) вождь. — *Прим. ред.*

Безразличная масса, сохраняющая скрытую (латентную) верховную власть в простых обществах, еще политически не организованных, хотя она и вынуждена подчиниться, коль скоро война установила подчинение и завоевания установили разделение классов, но стремится, однако, когда позволяют обстоятельства, вновь восстановить свое значение. Чувствования и верования, которые, организуясь и распространяясь в течение известных стадий общественной эволюции, привели большинство к подчинению меньшинству, начинают при некоторых условиях конфликтовать с новыми чувствами и верованиями. Об этом уже было говорено мною мимоходом в некоторых местах, теперь мы должны рассмотреть то же *по сериям* и более пространно.

Один фактор в развитии патриархальной группы в течение пастушеской жизни, как было показано, состоял в усилении подчинения главе группы вследствие войны; отсюда постепенно, во взаимной борьбе выживали те группы, в которых подчинение было наибольшим. Но если так, то, наоборот, прекращение войны должно порождать склонность к уменьшению подчинения. Члены сложной семьи, первоначально живущие вместе и вместе же защищающиеся, делаются менее прочно связаны, пропорционально тому, как они все реже и реже кооперируют для соединенной защиты под властью своего вождя. Отсюда-то чем миролюбивее государство, тем независимее становятся умножающиеся подразделения, образующие роды, фратрии, трибы. С прогрессом промышленной жизни возникает большая свобода деятельности.

Точно так же должно быть в обществе с феодальным управлением. Пока постоянные споры с соседями влекут местные войны; пока группы вооруженных людей держатся наготове и вассалы от времени до времени призываются сражаться; пока, как спутник военной службы, требуется ряд действий, выражающих покорность, — до тех пор поддерживается военная подчиненность, распространяющаяся по всей группе. Но, как скоро взаимные нападения стали реже, предводительствование войсками делается менее необходимым, является меньше случаев для периодического выражения покорности, происходит пропорциональное усиление насущных деятельностей, совершаемых не по приказанию власти и укрепляющих возрастающую индивидуальность характера.

Эти перемены были усилены ослаблением суеверных понятий относительно природы глав, как местных, так и общих. Как показано ранее, вера в сверхъестественное происхождение или сверхъестественное могущество короля значительно усиливала его господство, и когда главы составляющих Групп обладали священным значением, происходящим от родства по крови с полубожественным предком, обоготворяемым всеми, или были членами завоевательной, происходящей от бога расы, их авторитет над подданными чрезвычайно усиливался этим. Отсюда естественно предположить, что всякое ослабление обожания предков и сопровождающей это обожание системы верований благоприятствует развитию народной власти.

Эти причины имели сравнительно малое влияние там, где народ был рассеян. В земледельческих странах авторитет политических владык ослабляется с сравнительно меньшей успешностью. Даже после того, как мир становится явлением обычным и местные главы теряют свой полусвященный характер, относительно них держатся внушаемые благоговением традиции; они не состоят из обыкновенного мяса и крови. Богатство, которое в течение долгих периодов отличает исключительно дворянина, дает ему сразу и действительную силу, и силу, возникающую из внушительной обстановки. Прикрепленные к месту буквально или просто практически, так как передвижение дорого, различные слои его подданных долгое время сохраняют на него взгляд как на единственный образец великого человека: другие известны только по слухам; он известен по опыту. Надзор над подданными ему легко поддерживать; а непочтительный или возмущающийся, если его нельзя наказать открыто, может быть удален со своего места или другим способом так ограничен в своей жизненной обстановке, что должен будет или подчиниться, или эмигрировать. Вплоть до наших дней поведение крестьян и фермеров относительно их землевладельцев обусловлено теми тяжкими узами, которые держали земледельческое население в полурабском состоянии после того, как влияния примитивного контроля давно исчезли.

Обратный результат может быть ожидаем при обратных условиях, а именно когда значительные массы становятся тесно сплоченными. Даже если такие обширные массы образованы из групп с различным подчинением главам

кланов или феодальным владельцам, все равно разнообразные влияния соединяются для уменьшения подчинения. Когда в одном и том же месте присутствуют многие владельцы, которым повинуются принадлежащие каждому из них подданные, эти владельцы имеют склонность унижать друг друга. Ни один из них в отдельности уже не внушает такого благоговения к своей власти, когда в том же месте видят других, обладающих подобной же обстановкой. Затем, когда группы подданных смешаны, верховный надзор за ними не может так хорошо поддерживаться их главами. А все то, что ограничивает действие управления, облегчает комбинации между теми, которыми управляют; заговоры становятся легче, а противодействие им труднее. Кроме того, соревнуя друг перед другом, как это бывает при подобных условиях между главами соединенных групп, они расположены различными путями усиливать себя самих, и с этой целью, соревнуя о популярности, чувствуют великий соблазн распускать бразды над своими подданными и давать защиту подданным, обиженным другими главами. Их власть еще более уменьшается, когда общество начинает включать в себя многих иноземцев. Как предполагалось ранее, это во всех случаях благоприятствует развитию народовластия. Пропорционально тому, как пришлецы, отделившиеся от родовых или феодальных подразделений, которым они в отдельности принадлежали, делаются многочисленными, они ослабляют строение тех подразделений, среди которых поселяются. Такая организация, в которую попали чужестранцы, конечно, должна быть свободнее; и их влияние становится разлагающим деятелем окружающих организаций.

Здесь мы возвращаемся назад к истине, на которую следует обратить особое внимание, — что развитие народовластия всевозможными путями связано с промышленными (trading) деятельностями, ибо только таковые деятельности могут привести многие народы к жизни в тесном соприкосновении. Физическая необходимость поддерживает широкое рассеяние земледельческого населения, между тем как та же физическая необходимость требует концентрации в одном месте тех, кто занимается индустрией. Очевидные факты разных стран и эпох доказывают, что периодические собрания для религиозных целей служат благоприятными случаями для покупки

и продажи, которыми обыкновенно пользуются; и эта связь между собранием многих людей и обменом продуктов, которая является первоначально сама собою в известные промежутки времени, становится постоянной связью, когда многие племена становятся постоянно собранными вместе, например, там, где вырос город в соседстве с храмом, или вокруг крепости, или на месте, где локальные условия благоприятствуют какой-нибудь мануфактуре.

Далее, промышленное развитие благоприятствует эмансипации народа зарождением класса людей, сила которых, происходя из богатства, конкурирует, а в некоторых случаях начинает и превышать силу тех, которые прежде были одни богаты, т.е. знатных людей. Как только эта новая сила начинает борьбу, уменьшающую господствовавшее прежде влияние патриархальных и феодальных глав, так она начинает в то же время смягчать и формы подчинения. Так как древний торговец выходил обыкновенно из непривилегированных классов, то отношения между ним и теми, кто стоял ниже его, исключали всякую идею о личном подчинении. Пропорционально тому, как промышленные деятельности становились преобладающими, они устанавливали более фамильярные связи между нанимаемым и нанимателем, которые уж значительно отличались от отношений между господином и рабом или лордом и вассалом, так как не включали подданства. При древних условиях не существовало идеи о независимой индивидуальной жизни — жизни, которая не иначе получала защиту от глав кланов или феодальных владельцев, как только при условиях повиновения им. Но в городском населении, состоявшем в значительной части из беглецов, которые или сделались мелкими промышленниками, или служили по найму у больших, опыт сравнительно независимой жизни становился обычным и общим, и понятие о нем — ясным.

И самая форма кооперации, отличающая промышленное состояние, возникшее таким путем, укрепляет чувства и мысли, свойственные народной власти. Здесь в ежедневном обиходе является уже стремление к уравниванию взаимных требований; понятие равенства делается яснее с каждым поколением. Отношения между нанимателем и нанимаемым и между продавцом и покупателем могут быть поддерживаемы только под условием, что каждая сторона исполняет свои обязательства.

Там, где они не исполнены, отношения прекращаются и продолжаются лишь там, где взаимные обязательства исполняются. Коммерческий успех и развитие имеют, таким образом, своими неоспоримыми спутниками поддержание относящихся к ним прав теми, кого они касаются, и усиление их сознательности.

Говоря кратко, прогрессирующий индустриализм, разлагая различным образом старое отношение — *statusà* и подставляя новое отношение — контракта (употребляя антитезис Генри Мэна), сводит вместе массу народа, который способен по своим условиям и побуждается характером своей дисциплины изменять политическую организацию, которая унаследована от воинственного периода.

§ 498. Обыкновенно говорят о свободных формах правительства, что они начались вследствие счастливых случайностей. Антагонизм между различными властями (*powers*) в государстве или различными партиями возвышает цену народной поддержке и это ведет к тому, что народная власть возрастает: соревнование короля с аристократией приводит его к стремлению искать симпатий в народе — иногда в крепостных, но всего чаще в горожанах — и в силу этого покровительствовать им; или иногда народ усиливается союзом с аристократией для сопротивления тирании и притеснениям королевской власти. Без сомнения, факты допускают такое представление. Борьбу непременно сопровождает желание найти союзников; а в средневековой Европе, когда борьба баронов с монархами была хронической, поддержка городов имела значение. Германия, Франция, Ирландия, Венгрия дают немало примеров в подтверждение этого положения.

Но считать случаи этого рода причинами народовластия есть заблуждение. Их нужно рассматривать скорее как условия, при которых причины проявляли свое действие. Эти случайные ослабления прежде существовавших учреждений должны были только служить благоприятными случаями для действия вышеописанной силы, которая была уже готова совершить политические перемены. Можно различить три фактора в этой силе: относительную массу тех, которые составляют промышленные общины, в отличие от тех, которые сгруппированы в старые формы организации; постоянные чувства

и идеи, произведенные в них их способом жизни; и, наконец, временные чувства, возбужденные специальными притеснительными действиями или нуждой. Мы рассмотрим соединенное действие этих сил.

Афинская демократия дает нам два примера, случившиеся ранее других в хронологическом порядке. Условие, предшествовавшее законодательству Солона, заключалось, во-первых, в свирепейшем раздоре между политическими партиями; было также и «общее возбуждение бедных классов населения против богатых, происшедшее от бедности, соединенной с притеснениями». Более демократическое распространение власти, произведенное революцией Клисфена, произошло при подобных же условиях¹.

Сравнительно независимое население эмигрантов-купцов так сильно увеличилось между временем Солона и Клисфена, что четыре первоначальные колена, которые образовывало население Аттики, должны были замениться десятью. И, таким образом, эта увеличившаяся масса, в значительном числе составленная из людей, стоявших вне дисциплины кланов, а потому гораздо труднее подчинявшаяся правящим классам, усилилась с течением времени до того, что стала преобладающей, когда правящие классы разделились взаимным антагонизмом. Хотя известно, что Клисфен, «будучи побежден в некоторых частных стычках со своими противниками, вступил в союз с народом», хотя перемены, введенные им, представляются принадлежащими его личной инициативе, однако при отсутствии широкого народного желанья, которое долго развивалось, его политическая организация не могла бы быть совершенна или если бы и была сделана, то не могла бы удержаться. Если замечание, которое Грот заимствует у Аристотеля, что «возмущения порождаются великими причинами, но выходят наружу от ничтожных случайностей», слегка изменить, написав вместо слова «возмущения» слова «политические перевороты», то оно

¹ Клисфен стоял во главе Алкмеонидов (в Афинах) и в 510 г. до Р. Х., когда тиран Гипсий был поражен, он стал во главе демократической партии, учредил остракизм, ввел новые деления афинян на 10 фил, или поколенных округов, вместо прежних четырех колен, или фил, т.е. племенных союзов, из которых избирались 400 членов совета, с явным предпочтением землевладельческой аристократии. — *Прим. ред.*

вполне приложимо к данному случаю. Ибо ясно, что, раз будучи способна с успехом проявить себя, народная сила не могла быть немедленно устранена. Клисфен не мог бы при таких условиях навязать столь обширной массе людей порядки, не согласные с ее желаниями. Таким образом, отсюда следует, что в действительности демократическая организация была произведена и затем сохранилась благодаря развитию промышленной силы. Обращаясь к Италии, мы прежде всего замечаем, что утверждение малых республик, о котором говорилось в предшествующей главе как об одновременном с падением императорской власти, может быть теперь рассматриваемо более специально, как имеющее одновременность со столкновением властей, что и породило упадок. Сисмонди говорит: «борьба за инвеституру¹ окрылила всеобщий дух свободы и патриотизма во всех городах Ломбардии, Пьемонта, Венеции, Романьи и Тосканы». Другими словами, в то время, как борьба между императором и папой поглощала силы обоих, для народа стало возможным усилиться. Позднее Флоренция служит примером, совершенно похожим по существу, хотя и различным по форме.

В тот момент, когда «Флоренция изгнала Медичи, республика представляла соперничество трех различных партий. Савонарола воспользовался этим положением дел, требуя, чтобы народ сохранил себе свою власть и проявлял ее путем совета. Его предложение было утверждено, и этот совет был объявлен верховным властелином 1 июля 1495 г.».

В Испании точно так же народная власть возростала в течение волнений, сопровождавших малолетство Фердинанда IV; относительно периодических собраний, образовавшихся вследствие этого из депутатов от некоторых городов (которые сходились, не имея правительственного значения), мы читаем, что желание правительства разрушить честолюбивые планы

¹ Инвеститурой первоначально называлось торжественное введение во владение недвижимым имуществом; затем, впоследствии, вообще пожалование, и в частности пожалование епископам жезла и кольца. В 1075 г. папа Григорий VII запретил светским особам жаловать церковное имущество духовным лицам. Из-за этого и возгорелась борьба за инвеституру. Генрих IV объявил Григория низложенным, но сам был отлучен. Дело тянулось почти до 1125 г. Это была борьба светской власти с духовной за свои права. — *Прим. ред.*

Инфанта де ла Серда и его многочисленных сторонников сделало необходимым удержание этих собраний. Споры во время малолетства Альфонса XI более чем обыкновенно благоприятствовали стремлениям третьего сословия. Каждый из кандидатов на регентство платился усердным ухаживанием за муниципальными властями в надежде достигнуть необходимого числа голосов.

А то, что все это было следствием промышленного развития, явствует из того факта, что многие, если не все из этих ассоциированных городов возникли в течение предыдущей эпохи вследствие расколонизирования областей, опустошенных продолжительными войнами мавров и христиан*; эти *poblaciones*, или общины колонистов, — которые, будучи разбросаны на обширных пространствах, развились в цветущие города, — образовались из крепостных или ремесленников, которым королевской хартией были даны различные привилегии, и в том числе самоуправление. К таким разнообразным примерам может быть присоединен и пример, известный всякому. В самом деле, именно в течение борьбы между королем и баронами, когда партии почти уравновешивались и когда городские поселения настолько увеличились благодаря торговле, что их помощь была важна, они стали играть значительную роль, сперва как союзники в войне, а потом как участвующие в правительстве. Не может быть сомнения, что, приглашая в парламент 1265 г. не только представителей графств, но также депутатов от городов и больших местечек, Симон де Монфорт был побуждаем желанием укрепиться против королевской партии, поддерживаемой папой. И думал ли он увеличить этим путем своих сторонников или получить более обширные денежные средства — и в том и в другом случае вывод один и тот же, что городские поселения стали относительно важной частью нации. Это заключение гармонирует и с последующими событиями. Ибо хотя впоследствии представительство городов отменили, однако оно скоро вновь ожило и в 1295 г. стало установленным. Как замечает Юм, такие учреждения не могли бы иметь «такого прочного развития и не процветали бы среди таких бурь и конвульсий, если бы они не были одними из тех, к которым общее положение дел уже подготовило нацию»; истина, заключающаяся в этих словах, должна быть дополнена тем, что это «общее положение дел»

состояло в увеличении массы, а следовательно, и влияния свободных промышленных общин.

Подтверждение этому мы находим в тех случаях, которые доказывают, что власть — достигнутая народом в течение того времени, когда правительственная власть и власть аристократическая уменьшились вследствие раздоров, — теряется вновь, если в это время старая организация вновь приобретает устойчивость и жизнедеятельность, а между тем промышленное развитие не совершает пропорционального прогресса. Испания, или, говоря точнее, Кастилия, служит примером. То участие в правлении, какое было приобретено промышленными общинами, развившимися в течение колонизации опустошенных земель, делается в течение немногих царствований, отличавшихся войнами и сплачиваниями, почти более чем номинальным.

§ 499. Поучительно обратить внимание на то, как та первоначальная побудительная причина к кооперации, которой началось социальное объединение в широком смысле, продолжает впоследствии служить началом частного (специального) объединения в пределах общего единения.

Ибо совершенно так же, как внешнее военное состояние влечет за собой организацию целого, так внутренние раздоры влекут за собой организацию частей, даже когда эти части, будучи промышленными по своей деятельности, решительно не воинственны. Вглядываясь в их историю, мы находим, что увеличивающееся скопление народа, который, образуя города, ведет жизнь, существенно отличающуюся постоянным обменом услуг по договору, развивает свои правительственные структуры в течение хронического антагонизма окружающих военных групп.

Мы видим первоначально, что эти поселения промышленников, значительно разросшиеся и получившие королевские хартии, вследствие этого же очутились в почти военном положении, так как, сделавшись различными путями содержателями королевских поместий, они получили и соединенные с этим повинности. Обыкновенно они платили различного рода налоги, эквивалентные по общему своему характеру тем, которые платятся феодальными ленниками; и подобно им, они были обязаны военной службой. В привилегированных испанских

городах «военную службу должен был нести абсолютно каждый житель»; и «каждый мужчина, имеющий известную ответственность, был обязан служить в коннице или платить определенную сумму». Во Франции «в хартиях об инкорпорации, которые получались городами, число требующихся войск было обыкновенно определяемо». А в привилегированных королевских бургах Шотландии «каждый гражданин был прямым вассалом короны».

Затем наблюдается, что промышленные города, обыкновенно образующиеся из соединения прежних земледельческих делений и сделавшиеся населенными по причине местных условий, благоприятствовавших какой-нибудь форме промышленности, став теперь местами убежища беглецов и защитой освободившихся рабов, начали принимать относительно окружающих малых групп с феодальным управлением то самое положение, какое эти последние имели относительно друг друга: т.е. они боролись с ними за присоединения и часто укреплялись.

Кроме того, известно, что эти города и местечки, которые или благодаря королевской хартии, или иным путем приобрели право управлять своими собственными делами, обыкновенно образовывали друг с другом союзы для охранительных целей. В Англии, Испании, Франции, Германии — иногда с согласия короля, иногда несмотря на его антипатию, как в Англии, иногда вопреки его приказанию, как в древней Голландии, возникали цехи (*guilds*), которые, имея свой корень в почти религиозных союзах между родственными лицами, произвели затем промышленные и торговые цехи; образовали основание той муниципальной организации, которая привела к общей защите против гнета дворян.

Таким-то образом мы видим дальнейший факт, что в странах, где антагонизм между этими промышленными общинами и окружающими военными общинами был силен и хроничен, там промышленные общества соединялись для собственной защиты. В Испании *robblaciones*, будучи разграбляемы вторжениями феодальных господ, когда они разрослись в цветущие и обширные города, образовали лиги для взаимной защиты. Затем, по позднейшим данным, тут возникли в силу подобной же необходимости более обширные конфедерации городов, которые под условием строгой ответственности за неисполнение

обязательств связали себя союзом для взаимной помощи против угнетения как короля, так и дворянства. В Германии мы также видим постоянные союзы, в которые входят шестьдесят городов на Рейне, в 1255 г., когда в течение волнений, следовавших за низложением Фридриха II, тирания дворян сделалась невыносимой. Такие же союзы мы видим образующимися и в Голландии при подобных же побудительных причинах. Так что и прямо и косвенно промышленные группы, развивающиеся там и сям внутри нации, принуждены были благодаря местному антагонизму принять во многих случаях и деятельность, и устройства, отчасти подобные тем, какие вынуждена была принять нация в своем антагонизме с окружающими нациями.

Вывод, относящийся в этом случае к нашему исследованию, состоит в том, что когда индустриализм таким образом задерживается возвращением воинственности, то и развитие народовластия останавливается. В особенности там, где, как это было в итальянских республиках, войны из оборонительных переходили в наступательные и развивалось стремление к победам над другими территориями и городами — в таком случае свободные формы правления, свойственные промышленной жизни, извращались стеснительными формами, сопровождающими военную жизнь, если не возвращались к ним снова. Или, как было в Испании, где борьба между городами и дворянами продолжалась в течение долгих периодов, возникновение свободных учреждений останавливалось, так как при таких условиях здесь не могло быть ни той коммерческой собственности, которая порождает обширные городские населения, ни должного воспитания интеллектуального характера.

Отсюда может быть выведено заключение, что развитие народной власти, сопровождающее промышленное развитие в Англии, было в широком смысле связано сравнительно малой суммой воинственных действий между промышленными группами и окружающими феодальными группами. Влияния промышленной жизни встречали меньше препятствий, а местные управляющие центры, городские и земледельческие, не были удерживаемы от объединений, ограничивающих главный центр.

§ 500. Теперь мы рассмотрим подробнее, как возникло правительственное влияние народа. При помощи истории организмов

всякого рода мы показали, что цель, которой первоначально служит какое-нибудь приспособление, не всегда есть та цель, которой это приспособление служит в конце концов. Так и в теперешнем случае относительно обществ: скорее принятие обязанности, чем цель добиться своего права, лежало обыкновенно в начале развития народной власти. Даже преобразования, произведенные революцией Клизфена в Афинах, образовали новое распределение колен и народа для целей обложения и военной службы. Так же и в Риме, то расширение олигархии, которое совершилось при Сервии Буллии, имело своим основным мотивом наложение на плебеев обязательств, которые до того времени исключительно лежали на патрициях. Но мы должны лучше понять это примитивное отношение между обязанностью и властью, из которых обязанность есть первое начало, а власть есть производное от него, но для этого вернемся несколько назад, к началу.

Когда мы припомним, что примитивные народные собрания суть в сущности военные советы, образованные из вождей, которые дебатировали в присутствии вооруженных сподвижников; если мы вспомним далее, что в древние времена всякий свободный взрослый человек, будучи воином, призывался присоединиться к защитительным или оборонительным действиям, — мы увидим, что первоначально присутствие вооруженных свободных людей являлось следствием их военных обязанностей и что та власть, которой они пользовались, когда собирались таким образом, была подобным обстоятельством. Позднейшие стадии служат ясными доказательствами того, что это есть нормальный порядок; ибо он снова возвращается, когда после политического разложения политическая организация начинается сызнова. Примером могут служить итальянские города, в которых, как мы видели, первоначальные «парламенты», собираемые для защиты звоном набата, включали всех людей, способных носить оружие: обязанности шли здесь впереди, а право голоса стояло на втором месте. И, естественно, эта обязанность присутствия сохраняется до того времени, когда первоначальные собрания начинают исполнять другие функции, не военного характера, как показывает вышеупомянутый факт, что между скандинавами считалось позорным не присутствовать в годичном собрании, а также дальнейший

факт, что во Франции обязанность присутствовать в совете ста при Меровингах лежала на каждом вполне свободном человеке; при Каролингах «не присутствовавший наказывался пеней и штрафом»; в Англии низшие свободные люди, так же как и другие, были обязаны присутствовать в собраниях сотни» под угрозой «тяжелой пени за небрежное отношение к своей обязанности»; точно так же в XIII столетии в Голландии, когда бюргеры собирались ради общественных целей, как судебных, так и других, «кто-нибудь из них по общему согласию звонил в городской колокол, и каждый не явившийся на этот звон подлежал штрафу».

Узнав это примитивное отношение между народной обязанностью и народной властью, мы яснее поймем то отношение, которое появляется снова, когда народная власть рождается вновь с развитием индустриализма. Ибо здесь опять факты показывают нам, что обязанность идет впереди, а власть на втором месте. По большей части депутаты от городов начали участвовать в публичных делах с целью помощи правителю, преимущественно для военных целей. Здесь является вновь в более сложной форме то же самое, что мы видим в древнейшей стадии в более простой форме. Остановимся на минуту для обозрения этого перехода.

Как было уже давно доказано, когда мы говорили об «обрядовых учреждениях», доходы правителей происходят первоначально вполне, а затем отчасти от подарков¹. Принесение подарков, бывшее первоначально нерегулярным и добровольным, развилось в периодическое и принудительное действие. Случаи, когда собрания были созываемы ради обсуждения общественных дел (по большей части военных операций, для которых были нужны средства), естественно стали случаями, при которых ожидаемые дары были подносимы и получаемы. Когда благодаря усиленной войне воинственный король соединял малые общества в одно большое; когда возникало увеличение королевской власти в смысле интенсивности пропорционально увеличению королевства в смысле экстенсивности» (пользуясь блестящим выражением профессора Стаббса) и когда, вследствие этого, почти добровольные дары сделались более

¹ См. в этой книжке «Происхождение обрядов и обычаев».

и более вынужденными, хотя еще и утверждалось такое название как *donum* и *auxillium*, — случилось вообще, что эти требования, переходя за пределы терпения, вызывали сопротивление: первоначально пассивное, а в крайних случаях и активное. Если, вследствие смут королевская власть очень ослаблена, то восстановление порядка, если оно только было, по всей вероятности, предполагает — конечно, с некоторыми нужными изменениями — возвращение и первобытной системы добровольных даров. Таким образом, когда в Ирландии, за смертью Санчо I, последовали политические раздоры, депутаты от тридцати двух мест, собиравшиеся в Вальядолиде, решили, чтобы на требования королем, превышающие обычные повинности, ответом служила смерть посланных; а необходимость поддерживать преданность городов во время столкновения с претендентом повела к явному допущению таких постановлений. Подобно этому и в следующем столетии, во время споров за регентство, пока Альфонс XI был несовершеннолетним, кортесы Бургоса требовали, чтобы «города не платили ничего свыше того, что назначено» в их хартиях. Подобные же причины произвели подобные же результаты во Франции, когда инсurreкционной лигой Людовик X Сварливый был обязан дать хартию дворянам и горожанам Пикардии и Нормандии, отменяющие право предъявлять неустановленные требования; а также когда при подобных же условиях собирались Генеральные Штаты под предлогом совещания с нацией о налогах, требующихся для ведения войны. Англия дает подобные же примеры.

Таким образом, что же следует заключить о тех учреждениях, которые с изменениями, вызванными местными условиями, появлялись при подобных же обстоятельствах в различных странах?.. Очевидно, когда король, остановленный от насильственного предъявления незаконных требований, достигал получения денежных средств, обращаясь с просьбой к своим подданным или к более влиятельным из них, его мотивы для их созыва состояли первоначально в получении этих средств. Преобладание этого мотива для созывания национальных собраний может подтверждаться и преобладанием этого же мотива, обнаруживающимся предварительно в созывании местных собраний; например, это ясно из повеления Генриха I относительно собраний графств, когда, объявляя о восстановлении

древнего обычая, он говорит: «Я желаю созывать эти собрания, когда это будет нужно для моих собственных государевых потребностей, по моей воле». Таким образом, первоначальной целью собрания высших классов и представителей было голосование вопроса о деньгах.

§ 501. Из обычая предписывать условия, на которых вотируется вопрос о деньгах, вырос обычай, а в конце концов и право собраний участвовать в законодательстве. Эта связь смутно обозначается в древнейших стадиях общественной эволюции. Совершение приношений и достижение удовлетворения идут вместе с самого начала. Как я уж сказал о Гулабе Синге: «Даже в толпе можно было привлечь его внимание, подняв кверху рупию (монету) и крича: «Магараджа, прошение!» Он как ястреб бросался тогда на деньги и терпеливо выслушивал просителя»¹. Там же я дал и другие примеры отношения между содержанием правительственного механизма посредством приношений и требованием от него защиты; эти примеры могут быть подкреплены еще другими, взятыми из нашей собственной прежней истории; например, «суд самого короля, хотя он был высшим судилищем в государстве, не был доступен никому, кто не приносил королю подарков, или, как показывают летописи казны, каждое взыскание убытков или защита от притеснений оплачивались подкупом; на континенте, как замечает Ните, было параллельное состояние вещей.

Ввиду такой первоначальной связи между содержанием политического главы и защитой с его стороны объяснение деятельности парламентских организаций, когда они возникли, становится ясным. Совершенно так, как в грубых, сохранивших в значительной мере первобытную форму собраниях короля, военных глав и свободных воинов, например во Франции, в период Меровингов, принесение подарков шло рядом с занятием общественными делами, как юридическими, так и военными, или точно так же, как в наших собственных древних собраниях графств, когда местное управление, с включением

¹ Гулаб Синг, покойный правитель Юмму. О нем говорится: «Без предложения рупии в виде *nazar* (подарка) нет возможности заставить его выслушать просьбу» («Обрядовые учреждения», с. 140. Пер. под ред. проф. Лучицкого). — *Прим. ред.*

администрации и юстиции, сопровождалось снаряжением кораблей и платой «всякой всячины для *foerm-fultum*, или содержания короля», — точно так же, когда с успехом противодействия крайностям королевской власти начались собрания дворян и представителей, созванные королем, то вновь появились открыто эти одновременные требования, с одной стороны, денег, а с другой стороны — правосудия. Мы можем принять как известное, что в среднем выводе, в человечестве, сталкивающиеся эгоизмы заинтересованных сторон были главными факторами и что целью каждой стороны было дать как можно меньше и извлечь как можно больше, насколько позволяют обстоятельства. Франция, Испания, Англия дают примеры, совокупность которых служит подтверждением этого.

Когда французский король Карл V в 1357 г., распустив Генеральные Штаты под предлогом захвата ими его прав, достал денег крайней порчей монеты подмесьями и вызвал возмущение в Париже, грозившее опасностью его жизни, пришлось три месяца спустя прибегнуть к новому созыву собрания, в котором были приняты петиции предшествующего собрания, между тем как субсидия для военных целей была решена. О собрании Генеральных Штатов 1366 г. Галам пишет: «Необходимость восстановления монеты была энергично выставлена как важное условие, под которым они согласились на налог с народа, который уже давно был обманываем низкой монетой Филиппа Красивого и его преемников». Точно так же в Испании соединившиеся в общества города, обязанные своими хартиями давать только известные платежи и услуги, постоянно противились неустановленным требованиям, между тем как короли, постоянно обещающие не требовать более того, что полагалось законом и обычаем, постоянно нарушали свои обещания. В 1323 г. Альфонс XI обязался не брать лишних поборов со своего народа, не вводить никаких налогов, как местных, так и общих, не установленных прежде бывшим законом, без предварительного согласия всех депутатов собрания кортесов». А как мало смотрели на эти речительства, доказывает тем фактом, что в 1393 г. кортесы, сделавшие уступку Генриху III, прибавили условие, что «он должен присягнуть перед одним из епископов, что не будет требовать никаких уплат, услуг, или займа, или чего-нибудь подобного

ни от городов и местечек, ни от лиц, принадлежащих к ним, ни под каким предлогом нужды, пока три сословия королевства предварительно не будут надлежащим образом созваны и собраны в кортесы, согласно древнему обычаю».

Подобным же образом дело шло в Англии, в течение времени, когда устанавливалась власть парламентов. В то время как с оплотнением нации королевская власть приближалась к абсолютности, тут же, в силу реакции, возникало то сопротивление, которое, будучи результатом хартии, имело следствием зарождение продолжительной борьбы между королем, силящимся сломить ее ограничения, и его подданными, силившимися поддержать и усилить их. Несмотря на двенадцать пунктов хартии, обещающей, что никаких податей или займов, исключая уже установленных, не будет налагаться без согласия национального совета, постоянно повторялись — и перед и после расширения парламента — усилия со стороны короля получить содержание без удовлетворения жалоб и усилия со стороны парламента утвердить содержание только под условием исполнения обещаний удовлетворить жалобам.

От исхода этой борьбы зависело установление народной власти, как нам показывает сравнение истории французского и испанского парламентов с историей английского парламента. Ссылки, сделанные выше, доказывают, что кортесы устанавливали первоначально и впоследствии поддерживали право исполнять или отвергать денежные требования короля и полагать ему условия; но им обыкновенно не удавалось достигнуть исполнения их условий.

При тех условиях борьбы, в которых стояла испанская свобода при Карле I, корона стала небрежна в ответах на петиции кортесов или употребляла общие места и выражения. Это дало повод ко многим резким замечаниям. Депутаты настаивали, в 1523 г., на получении ответа прежде чем утвердят денежные требования. Они повторили те же самые условия в 1525 г. и получили общий закон, внесенный в рекопиляцию, постановлявший, что король должен отвечать на все их запросы прежде роспуска им собрания. Однако и на это обращено было столь же внимания, как и на все прежнее.

А после этого парламентская власть стала быстро клониться к упадку. Хотя в иной форме, но тождественна по существу

была перемена, совершившаяся во Франции. Генеральные Штаты, поставившие, как было показано ранее, условием утверждения денежных требований охранение справедливости, были приведены к необходимости отступить от своей ограничивающей власти.

Карл VII добился от депутатов королевских владений, которых созвал в 1439 году, что они (т.е. налоги) должны быть объявлены *постоянными*, и с 1444 г. он собирал их как таковые, т.е. непрерывно и без предварительного вотирования... Постоянство налогов распространялось на провинции, присоединенные к короне, но эти последние сохранили право вотирования их на своих провинциальных собраниях. В руках Карла VII и Людовика XI королевский налог стремился освободиться от всякого контроля... Его сумма увеличивалась больше и больше¹.

Отсюда, по словам Дареста, произошло то, что когда налоги и пособия сделались постоянными, их голосование Генеральными

¹ Вот что говорит Шлоссер об этой реформе: «Пока не было постоянного войска, не было и постоянных налогов; главным источником содержания наемных войск были грабежи и добыча; поэтому налоги устанавливались на определенное время и для определенной цели. Постоянное войско должно было содержаться на постоянное жалованье, следовательно, необходимо было получить согласие депутатов на введение постоянного налога. Новое учреждение совершенно разрушило могущество знати и рыцарства, составившего до тех пор военную силу, потому что постоянное войско давало королю возможность прекратить произвол аристократии даже в ее собственных владениях. Конечно, оно грозило Франции угнетением и увеличением налогов. Но в то время этого не подозревали, и народ с удовольствием согласился платить постоянную подать, так как до этого его собственность не была обеспечена и при каждой войне земледелие и промышленная деятельность совершенно приостанавливались. Сверх того, с уплатой постоянной определенной подати королю прекращались всякие феодальные повинности, платимые народом дворянству в защиту государства», «Однако, если бы депутаты, собранные в Анжере, предвидели все последствия этого нововведения, они, конечно, ни за что не согласились бы». Дело в том, что «теперь король уже не нуждался в сеймах», ибо мог сам «немного возвысить налог». «На полученные таким образом суммы он мог нанимать швейцарцев...» «Жандармы и вольные стрелки скоро сделались страшным бременем для народа». Многие общины, платившие при Карле VII от 30 до 40 ливров, при Людовике XI платили уже до 1000 ливров и пр. — *Прим. ред.*

Штатами перестало быть необходимым. Эти штаты стали почти собраниями напоказ. Однако у нас в Англии в течение столетия, следовавшего за окончательным установлением парламента, постоянная борьба, вызываемая уклончивостью и нарушениями обещаний со стороны короля, привела к усилению права задерживать денежную помощь ему, пока петиции не будут выслушаны.

Допуская, что этому исходу помогла борьба политических партий, которая уменьшила принудительную власть короля, мы должны, однако, не забывать той истины, что развитие свободного промышленного народа было основной причиной. Созывы представителей графств, составляющих депутатов от класса мелких землевладельцев, в некоторых случаях предшествовали собранию депутатов от городов, а это показывает возрастающее значение их в смысле класса, от которого зависели денежные средства; когда депутаты от городов были созываемы в парламент 1295 г., форма вызова показывает, что мотивом служило получение денежной помощи от той части населения, которая сделалась сравнительно богаче и значительнее. Король уж не один раз посылал специальных агентов в графства и города, чтобы получить от них пособие для войн. Уже не раз он собирал провинциальные советы представителей от городов, местечек (*borough*) и базарных городов (*market-towns*), чтобы иметь возможность получить от них согласие на денежную помощь. И когда был созван большой парламент, основание, выставленное в его повелении, состояло в том, что война с Уэльсом, Шотландией и Францией грозила государству; следовательно, необходимость получения средств привела к признанию прав городов точно так же, как и провинций (графств).

Точно так же было и в Шотландии. Первый известный случай, когда представители местечек (*burghs*) вступили в политическую деятельность, заключался в настоятельной нужде добыть денежные средства из каких-либо источников, а именно «в Камбьюскеннэт (*Cambuskenneth*) 15 июля 1326 г. (?), когда Брюс просил у своего народа денежной помощи для ведения своей славной войны и на государственные нужды, — эта помощь королю была утверждена графами, баронами, горожанами и свободными арендаторами в полном собрании парламента».

Из этих примеров, которыми мы снова подтвердили, что обязанности шли впереди, а право было производным от них, мы также можем видеть, что именно увеличивающаяся масса людей, вводящих в жизнь добровольную кооперацию вместо кооперации принудительной (т.е. отчасти класса земледельческого, мелких свободных землевладельцев (*freeholder*), а еще более городского класса промышленников), была началом народного представительства.

§ 502. Здесь возникает еще один вопрос: каким образом представительные организации выделились от совещательных? Сохраняя первоначальный характер военных советов, национальные собрания были сперва смешанными. Различные «оружия», как и сословия, которые созывались в Испании, образовывали одно тело. Представители графств (провинции), собиравшиеся первоначально, действуя в пользу бесчисленных мелких держателей земли — ленников (*tennants*) короля, обязанных военной службой, сидели и подавали голос вместе с купленными ленниками. Города стояли первоначально в значительной степени в положении ленных поместий (*fiefs*), потому те, которые представляли их, не были отдельны (по законному *status*) от феодальных властителей, и, собираясь сперва вместе с ними, они в некоторых случаях шли с ними заодно, как явствует из весьма обычных случаев во Франции и Испании. В силу каких же, значит, условий совещательные организации дифференцировались от представительных? Вопрос этот принадлежит к числу таких, на которые здесь едва ли можно дать вполне удовлетворительный ответ.

С древнейших времен мы видим намечающееся стремление отделяться, определяемое несходством функций (отправлений). В каролингский период во Франции было два годичных собрания: большое, на котором имели право присутствовать все военные люди, и малое, образуемое из высших особ, — обсуждавшее более специальные дела.

Если позволяла погода, все это происходило на открытом воздухе; если нет — то в особом здании... Когда светские и духовные особы были отделены от массы, уже от их выбора зависело, сидеть ли вместе или порознь соответственно тем делам, о которых предстояло совещаться.

И это же несходство функций есть причина разделения, находящаяся нами в разные времена и в различных местах. Описывая военное собрание венгерцев, смешанное первоначально, Леви пишет: «La dernière réunion de ce gerne eût lieu quelque temps avant la bataille de Mohacs; mais bientôt après, la diète se divisa en deux chambres: la table des magnats et la table des députes»¹. В Шотландии также в 1367—1368 гг. три собравшихся сословия, желая ради экономии и удобства освободиться от своей обязанности, коль скоро это возможно, «избрали некоторых лиц в парламент, которые разделились на две группы: одну для общих дел короля и королевства, а другую, составлявшую меньший отдел, для производства суда по жалобам». В Англии, хотя мы и не видим различия между магнатами и депутатами в послании Симона де Монфора, созывающем их, однако, когда поколение спустя парламент установился, в повелениях о созыве делается различие: в приглашении к магнатам благообразно употребляется выражение «совещание» (counsel), а в приглашении к представителям — «содействие и согласие» (action and consent). Действительно, ясно, что в то время как более древние организации магнатов были обыкновенно собираемы для совещательных целей, в особенности военных, собрания представителей, образовавшиеся впоследствии в дополнение к ним, приглашались с денежными целями, а отсюда и явилась причина разделения. Различные влияния ускоряли это разделение. Разница в языке, еще значительно стеснявшая и замедлявшая дебаты, служила основанием. Кроме того, оно было влиянием кастовых чувств, на что мы имеем определенные доказательства. Хотя и в том же самом собрании, но депутаты от городов «сидели в стороне от баронов и кавалеров (knight), считавших недостойным смешиваться с такими низкими особами», и, вероятно, сами эти депутаты слегка тревожились в присутствии важных особ и предпочитали сидеть отдельно. Кроме того, было обычно для различных сословий предлагать налоги в различных пропорциях, а это заставляло обсуждать их между членами каждой отдельной группы. Наконец, мы читаем,

¹ Последнее объединение этого рода было перед Могакским* сражением, но вскоре затем собрание разделилось на две палаты: стол магнатов и стол депутатов.

что «после того, как они (*депутаты*) давали согласие на налог, требовавшийся от них, их дела считались оконченными, они уходили, хотя парламент еще продолжал заседать и заниматься национальными делами». В последнем факте мы видим ясно, что хотя и многие другие причины участвовали в этом разделении, однако несходство обязанностей (*duties*) было существенной причиной, которая произвела в течение долгого времени постоянное разделение между представительной организацией и совещательной.

Таким образом, представительная организация, имеющая сперва незначительные размеры и развивающаяся в своем могуществе только в силу того, что свободная часть общества, занимавшаяся производством и распределением, выросла в массе и значении, так что к ее требованиям (петициям) стали обращаться с большим почтением и чаще удовлетворять их, — эта организация сделалась той частью правительственного механизма, которая все более и более выражает чувства и идеи индустриализма. В то время как монарх и верхняя палата суть продукты того древнего режима, когда господствовала принудительная кооперация, дух которой они еще проявляют, хотя и в уменьшенной степени, — нижняя палата есть продукт того нового режима свободной кооперации, который заместил первый режим; и эта нижняя палата в возрастающей степени выражает желания народа, привыкающего в обыденной жизни управляться договором вместо *status*.

§ 503. Чтобы предупредить недоразумения, необходимо заметить, еще не приступая к суммированию всего сказанного, что мы не собирались здесь рассказывать обо всех представительных учреждениях, которые возникали в новейшее время. Колониальные законодательные органы, сознательно устроенные согласно с традициями, вынесенными из страны-матери, иллюстрируют генезис сенаториальных и представительных организаций лишь в ограниченном смысле; они показывают, как строения обществ-матерей воспроизводятся сами собой в производных обществах, насколько это позволено условиями и материалом; но они не показывают, как произошли эти структуры. Еще менее нужно было нам отмечать те случаи, в которых после революций народы, жившие под деспотической властью,

были приводимы внезапно, путем подражания, к представительной организации. Здесь мы имели дело только с постепенной эволюцией таких организаций.

Первоначально высший, хотя и пассивный третий элемент тройственной политической структуры, подчиняемый больше и больше, по мере того как воинственные деятельности развивали свойственную им организацию, начал вновь приобретать права, когда война перестала быть хронической. Подчинение ослаблялось по мере того, как оно делалось менее обязательным. Благоговение перед вождями общинами и местными и сопровождающие его проявления раболепия ослабели, и особенно там, где потерялся *престиж* сверхъестественного происхождения. Где жизнь была земледельческой, там старые отношения сохранялись долго в измененной форме; но кланы или феодальные группы, сплотивавшиеся вместе в города, смешиваясь с множеством независимых эмигрантов, стали различными путями все меньше и меньше способны к опеке; между тем их члены своими привычками воспитывали в себе увеличивающуюся способность к независимости. Малые промышленные группы, развившиеся таким образом среди наций, уплотнившихся и организованных воинственностью, могли, однако, лишь постепенно расходиться с ними в своем характере (*in nature*), потому что долгое время они оставались отчасти воинственными в своих структурах и в своих отношениях к другим частям общества. Сперва привилегированные города стояли, в сущности, в положении ленов, платя феодальные дани и будучи обязаны военной службой. Они образовали среди себя союзы, более или менее принудительного характера, для взаимной защиты. Часто они вели войны с соседним дворянством и пр. Не было редкостью и образование лиг для соединенной защиты. И когда эта полувоинственность городов сохранялась, промышленное развитие и сопровождающее его увеличение народной власти останавливалось.

Но там, где обстоятельства благоприятствовали производительной и торговой деятельности и развитию населения, посвященного ему, там, как это случалось с большими сложными обществами, эти влияния падали. Первичная обязанность доставлять денежные средства и услуги главе государства, часто неохотно исполняемая, встречает препятствие, когда

требование велико, а сопротивление производит примирительные меры. Отсюда является чаще спрашивание о согласии, чем действие принуждением. Если отсутствие сильного местного антагонизма позволяет и в случае когда политический глава, возбудивший гнев несправедливостью, обессилен также и отпадением от него, то начинается кооперация с другими классами угнетенных подданных. Люди, первоначально созывавшиеся просто потому, что они могли утвердить налагаемую подать, становились способны, когда сила, стоявшая за ними, увеличивалась, настаивать более и более открыто на условиях, а увеличивающиеся случаи удовлетворения их петиций как средство получить их помощь становятся началом тех случаев, которые приводят их к участию в законодательстве.

Наконец, вследствие общего закона организации, по которому дифференциация функций влечет дифференциацию частей, совершающих эти функции, тут также происходит разделение. Члены-представители, созываемые первоначально в национальные собрания для целей, отчасти сходных, отчасти не сходных с целями других членов, проявляют тенденцию к отделению, которая там, где промышленная часть общества продолжает достигать власти, кончается образованием *представительной* организации, отличной от первоначальной, *совещательной* организации.

XVII | ВОИНСТВЕННЫЙ ТИП ОБЩЕСТВА

§ 547. Предшествующие главы подготовили нас к установлению понятий о двух существенно различных типах политической организации, о типе, свойственном воинственной жизни, и о типе, свойственном промышленной жизни. Здесь будет весьма полезно привести в связный порядок те черты воинственного типа, которые уже были случайно намечены, а в ближайшей главе сделать то же самое и по отношению к чертам промышленного типа.

В течение социального развития оба эти типа бывают обыкновенно смешаны. Но мы увидим, что и теоретически и фактически можно проследить с должной ясностью те противоположные характеристические особенности, которые различают их в соответственном полном развитии. В частности, сущность организации, сопровождающей состояние постоянных войн, может быть выведена априори и доказана апостериори, так как она весьма часто встречается; между тем как сущность организации, сопровождающей чистый индустриализм, о котором в настоящее время мы имеем еще мало опытного материала, должна быть выяснена путем противоположения воинственному типу, причем явится возможность открыть и наличные существующие факты ее прогресса.

Должно предостеречь против двух источников заблуждения, которые могут вкрасться при выводе заключений. Во-первых, нам приходится иметь дело с обществами различной сложности, и, во-вторых, организации обществ, с которыми нам приходится иметь дело, выработаны в большей или меньшей степени сообразно различию в степени их культуры. Следовательно, мы впадем в ошибку, если при наших сравнениях не примем в расчет различий в росте и в цивилизации. Ясно, что те характеристические особенности воинственного типа, которые могли развиться в обширной нации, не могут выработаться ордой диких, хотя эта последняя также воинственна. Сверх того формы учреждений требуют долгого времени для своего

окончательного развития, а потому невозможно ожидать, чтобы все воинственные общества представили нам структуру, свойственную их полному развитию. Скорее можно ожидать, что в большинстве случаев она будет не вполне развита.

Ввиду этих трудностей всего удобнее будет определить, во-первых, какие черты должны быть необходимым результатом воинственности, и затем проследить, насколько в прошедшем и настоящем эти черты в самом деле являются связанными с теми нациями, которые мы обозначаем именем воинственных. Рассмотревши идеальное общество, организованное для войны, мы подготовимся к распознаванию и в реальных обществах тех отличительных свойств, которые вносятся войной.

§ 548. Для сохранения корпоративной жизни общество вынуждено предпринимать корпоративные действия; чем полнее эти корпоративные действия, тем и сохранение корпоративной жизни общества становится вероятнее. Силы отдельных личностей должны соединяться для защиты или нападения, и вероятность успеха является наибольшей там, где всякий индивидуум вкладывает в общее дело свою долю силы. Понятно, что из двух племен или из двух больших общин, одинаковых по численности, характеру и условиям, победа будет на стороне той, в которой все способные члены соединяются в общем действии, а не на стороне той, в которой этого нет. Отсюда должно быть естественным выживание обществ, в которых военная кооперация является всеобщей.

Это предложение почти тавтология. Но предварительно необходимо здесь ясно сознать ту истину, что в социальной структуре, развившейся под влиянием хронической воинственности, все люди приспособляются к согласному военному действию против других обществ. Все другие производимые ими действия они могут совершать в одиночку, но это действие они должны приводить в исполнение сообща.

§ 549. Величина способности самосохранения в обществе будет пропорциональна той косвенной помощи, которую, помимо прямой помощи всех способных к войне, доставляют все не могущие воевать. Если предположим одинаковыми все другие условия, то выживут те общества, в которых усилия воюющих

в наибольшей степени поддерживаются усилиями не воюющих. Следовательно, в чисто воинственной общине члены, не способные носить оружие, посвящают жизнь свою попечению о тех, которые сражаются. Правило это остается в своей силе, как в тех случаях, когда на самой первобытной ступени не воюющая часть общества состоит исключительно из женщин, так и позже, когда в этот класс включаются и порабощенные пленники, и еще позднее, когда в него включаются и рабы. В самом деле, если из двух общин, равных в других отношениях, первая всецело подчиняет своих производителей военной цели, тогда как работники второй свободно могут удерживать для самих себя продукты своего труда или такое их количество, которое больше, чем нужно для поддержания их жизни, то во второй из них воины, не получающие содержания из какого-нибудь другого источника или получающие его в меньшей мере, чем они могли бы получать, должны будут отчасти сами озаботиться о содержании себя и в силу этого окажутся менее полезными для военных целей. Отсюда следует, что в борьбе за существование между этими двумя общинами при обыкновенном ходе событий первая победит вторую. Тип общества, произведенный выживанием способнейших, будет таким, в котором воюющая часть включает в себя всех способных носить оружие и охраняющих оружием, в то время как остальная часть служит только как бы постоянным комиссариатом.

Отсюда следует очевидный вывод, значение которого выяснится далее, что увеличение не воюющей части, занятой содержанием воюющей части, не может быть выгодно для самосохраняющей способности общества, если это увеличение превышает пределы, нужные для этой цели, т.е. для содержания воюющей части. В самом деле, если бы было иначе, то те, которые могли бы быть воинами, являются излишними работниками, и воюющая сила государства оказывается меньшей, чем она могла бы быть. Отсюда в обществе военного типа должно быть стремление к тому, чтобы часть его, состоящая из воинов, относилась к части производителей в наивозможно большей пропорции.

§ 550. Если даны два общества, все члены которых являются или воинами, или служащими нуждам воинов, то, при равенстве всех прочих условий, победа выпадет на долю того,

в котором усилия всех комбинируются наиболее целесообразным образом. В открытой войне соединенное действие одерживает верх над индивидуальным действием. Военная история есть история человеческих успехов, проистекающих из соглашения в движениях и битвах.

В воюющей части должно быть не только такое соединение, которое концентрировало бы все отдельные силы составляющих ее единиц, но и комбинация с этой частью ее служебной части. Если обе части настолько разделены одна от другой, что могут действовать независимо, то нужды воюющей части не будут получать соответственного удовлетворения. Если опасно быть отрезанным от временного базиса операций, то тем опаснее быть отрезанным от постоянного базиса операций, и именно от того базиса, который состоит из не воюющей части. Она так связана с воюющей частью, что ее услуги могут быть чрезвычайно важны. Очевидно, следовательно, что развитие воинственного типа предполагает тесную связь общества. Как разъединенная группа диких легко подчиняется тесно сплоченной группе, так и общество, части которого скреплены лишь слабой взаимной связью, должно подчиниться тому обществу, в котором части связаны крепкими узами.

§ 551. Но пропорционально необходимости, принуждающей людей кооперировать, деятельность личного самосохранения затрудняется. По мере того как единица поглощается массой, она все более и более теряет свою индивидуальность как единица. Это приводит нас к исследованию различных путей, которыми развитие (эволюция) воинственного типа закрепляет подчинение гражданина.

Его жизнь не принадлежит ему, она находится в распоряжении его общины. Пока он остается способным носить оружие, ему не представляется иного выбора, кроме участия в войне, когда это участие потребуется; и там, где воинственность достигла высшей степени, он под страхом смерти не может вернуться побежденным.

Без сомнения, при этом человек пользуется только той свободой, которую оставляют ему его воинские обязанности. Он свободен преследовать свои личные цели только тогда, когда общество не нуждается в нем; но если общество нуждается

в нем, его действия ежечасно должны сообразовываться не с его собственной волей, а с волей общества.

Так же точно и по отношению к его собственности. Он обязан в конце концов отдать из нее все, что потребуется для общественных целей, на каком бы праве он ни владел этой собственностью: на основании ли позволения, как это часто бывает, или же на основании уже признаваемого права частной собственности.

Короче говоря, в воинственном типе индивид является собственностью государства. В то время как сохранение общества является главной целью, сохранение каждого члена — целью второстепенной и притом целью, главным образом потому только требующей забот, что сохранение индивидуума служит главной цели.

§ 552. Осуществление всех этих целей, а именно того, чтобы корпоративное действие было полным — чтобы с этой целью не воюющая часть была занята снабжением всем необходимым воюющей части, чтобы весь агрегат был сплочен вместе крепкой связью, чтобы жизнь, свобода и собственность составляющих его единиц находились в подчинении ему, — все это предполагает существование принудительных механизмов. Подобное единство корпоративного действия никоим образом не может быть достигнуто без сильного правительственного посредства. Припоминая роковые результаты, бывавшие следствием разделения мнений на военных советах во время войны или вследствие несогласия в действиях в виду неприятеля, мы видим, что состояние постоянных войн тяготеет к развитию деспотизма; отсюда следует, что при одинаковости других условий при обыкновенном ходе вещей выживут те общества, в которых с помощью деспотизма корпоративное действие проявляется с большей полнотой.

Это же предполагает систему централизации. Отличительная черта, столь нам знакомая в армии, где под начальством главного военачальника состоят начальники второго ранга, командующие большими массами; а в распоряжении этих последних — третьестепенные командиры меньших масс и т.д., до последних пределов деления, может характеризовать социальную организацию военного общества вообще. Воинственное

общество должно иметь регулятивную структуру подобного рода, потому что иначе его корпоративное действие не может достигнуть наибольшей целесообразности. Но и в не воюющей части точно так же, как и в воюющей, все силы общества не могут быть пущены в дело без такой же постепенности правящих центров. Если над работниками нет контроля, подобно тому, под которым состоят войны, то не будет никакого обеспечения в том, что их косвенная помощь будет оказываться ими в полной мере и с должной быстротой.

Это и есть форма общества, характеризующегося *рангом (status)*, — общество, члены которого стоят одни над другими в порядке постепенного подчинения. Начиная от деспота и кончая рабом, все являются господами стоящих ниже их и подчиненными тем, которые стоят выше. Отношение ребенка к отцу, отца к кому-нибудь из высших его и т.д., вплоть до абсолютно-го главы, является отношением, в котором индивидуум низшего положения (*status*) зависит от произвола кого-либо принадлежащего к высшему положению (*status*).

§ 553. Или, говоря другими словами, процесс воинственной организации есть прогресс воинской администрации (режиментации), которая, существуя первоначально в армии, затем действует в целом обществе.

Первое проявление этого мы находим в наблюдаемом повсюду факте превращения военного главы в гражданского властителя или навсегда, как это бывает в большинстве случаев, или по крайней мере, как это бывает в исключительных случаях, на время продолжения войны. Начавши предводительством на войне, он становится правителем в мирное время, и та система управления, которую он проводит в одной сфере, проводится им, насколько это позволяют условия, и в другой. Так как не воюющая часть является постоянным комиссариатом, то принцип иерархического подчинения по ступеням распространяется и на нее. Членами ее управляют по способу, сходному с тем, которым управляются войны. Это подобие не следует понимать буквально, потому что разбросанность одних и концентрация других мешает полному параллелизму между ними; подобие здесь существует в принципе. Труд подвергается придирчивому контролю, и надзор распространяется повсюду.

Предположить, что деспотический военный глава, проводящий ежедневно унаследованные традиции военного (режиментарного) контроля как единственную известную ему форму правления, не захотел бы подчинить и производящие классы подобному же контролю, значило бы предположить в нем чувства и идеи, всецело чуждые условиям и обстоятельствам, среди которых он существует.

§ 554. Чтобы еще более разъяснить военную форму правления, заметим, что она регламентирует в одно и то же время и в положительном, и в отрицательном смысле. Она не только сдерживает — она также и понуждает. Кроме того, что она говорит индивидууму, чего он не должен делать, она говорит ему также и то, что он должен делать.

Что управление воюющей части имеет подобный характер, едва ли нужно доказывать. В действительности приказания положительного характера, отдаваемые солдатам, более важны, чем приказания отрицательные: первым подчиняются военные действия, вторые поддерживают порядок. Но нам здесь главным образом нужно показать то, что не только контроль военной жизни, но и контроль жизни гражданской в военном типе управления отличается одними и теми же признаками. Есть два способа, которыми правящая власть может действовать на отдельного индивидуума.

Она может просто отделить те его действия, которые он может выполнить без всякого принуждения, прямого или непрямого, от всех других — в этом случае действия ее отрицательно регулятивны. Или же, помимо этого, она может предписывать даже и относительно его обыденных действий: как, где и когда он должен действовать; может принуждать его к различным действиям, которых самопроизвольно он не совершил бы; может направлять с большей или меньшей подробностью его образ жизни; в этом случае ее действия положительно регулятивны. В воинственном типе эта положительная регулятивная деятельность заходит далеко и не допускает возражений. Гражданин стоит в условиях, до такой степени близко подходящих к тем, в которые поставлен солдат, насколько это допускает разность их занятий.

Здесь мы, лишь иными словами, выразили ту истину, что основной принцип воинственного типа есть принудительная

кооперация. Хотя, очевидно, это есть принцип, который действует в воюющей части целого, однако несомненно, что тот же принцип господствует и над не воюющей частью, чтобы военная сила всего общества была велика; потому что иначе помощь, которую обязаны доставлять не воюющие, не могла бы быть обеспеченной.

§ 555. Та крепкая связь, которая вырабатывает из единиц воинственного общества сильную военную структуру, стремится и к тому, чтобы укрепить положение каждого члена в смысле ранга, занятия и места.

В иерархической (постепенной) правительственной организации замечается сопротивление к переходу из низшей ступени в высшую. Переход этот затрудняется недостатком имущества, необходимого для выполнения высшего положения; он труден и вследствие сопротивления тех, которые уже занимают его и могут удерживать низших на низшей ступени. Предупреждая вторжения снизу, они передают свои собственные места и ранги своим наследникам, а как только установился принцип наследственности, социальная структура становится законченной. Только там, где «уравнивающий деспотизм» (*egalitarian despotism*) низводит всех подданных к одному и тому же политическому рангу (*status*) — что чаще служит условием упадка, чем развития, — возникает обратное состояние вещей.

Принцип наследственности, возникший в отношении общественных классов, имеющих свое начало в военной организации, определяет от поколения к поколению в главных чертах функции членов этих классов, а затем стремится окончательно определить даже и их специальные функции. Люди класса рабов или ремесленников не только наследуют свое относительное положение, но и свои специальные занятия в пределах этого положения. Это обстоятельство, т.е. что труд также охватывается тенденцией к воинственной администрации (региментации), приписывается первоначально тому факту, что для глав, получающих от каждого сорта работников производимые ими специальные продукты, выгодно заменять их после их смерти способными преемниками; в то же время работник, руководимый потребностью иметь помощника в исполнении заданной ему работы, считает выгодным привлечь к ней своего сына: воля

сына оказывается бессильной против этих взаимно сходящихся интересов. Следовательно, при системе принудительной кооперации принцип наследственности, распространяясь на организацию производящих классов, служит также и к ее относительному упорочению.

Подобный же результат мы видим и в усиливающихся стеснениях передвижения единиц с места на место. Пропорционально тому, как жизнь, свобода и собственность индивидуума подчиняются обществу, является необходимость в том, чтобы его местопребывание было постоянно известным. Ясно, что отношения солдата к своему офицеру и этого офицера к своему начальнику таковы, что каждый должен быть всегда под рукой, а в силу этого там, где воинственный тип достиг полного развития, подобные же отношения распространяются и на все общество. Раб не может оставить указанного ему места; крепостной привязан к своему наделу; господин, не имея отпуска, не может покинуть своей страны.

Итак, корпоративное действие, комбинация сил и их связь, воинское соподчинение (региментация), которые необходимы для воинственного состояния, подразумевают структуру, сильно противодействующую перемене.

§ 556. Следующий признак воинственного типа, естественно связанный с предыдущим, состоит в том, что все организации, не составляющие частей общей государственной организации, всецело или отчасти подавляются. Сочетание сил, имеющее общественное назначение, поглощая все общество, исключает частные комбинации.

Для осуществления полного корпоративного действия должна быть, как мы видели, централизованная администрация не только среди воюющей части, но и среди не воюющей; существование же союзов граждан, действующих независимо, уменьшает область этой централизованной администрации. Все структуры, не составляющие частей структуры государственной, служат в большей или меньшей степени к ограничению ее и стоят на пути ее требований неограниченного подчинения. Существование частных комбинаций может быть допущено только под условием их подчинения официальному контролю, сильно стесняющему независимую деятельность, и так как частные комбинации,

находящиеся под таким официальным контролем, неминуемо удерживаются от действий, выходящих из ряда установившейся рутины, и чрез это лишены возможности улучшений, то, конечно, они не могут преуспевать и развиваться.

Очевидно, в самом деле, что подобные комбинации, основанные на принципе свободной кооперации, не подходят к социальному типу, основанному на принципе кооперации принудительной. Отсюда следует, что воинственный тип характеризуется отсутствием или относительной редкостью союзов граждан с коммерческими целями, с целью пропаганды частных религиозных мнений, с целями филантропическими и т.д.

Однако есть один род частных комбинаций, который связан с воинственным типом, — это комбинации, имеющие целью оборону и наступательные действия меньших групп. Пример их можно видеть в союзах заговорщиков, очень обычных воинственным обществам; в союзах, подобных первоначальным гильдиям, служащих для взаимной самопомощи; в союзах, скрывающихся в тайных обществах. О подобных союзах может быть замечено, что они в меньшем масштабе преследуют те же цели, какие преследуются в широком размере целым обществом: цели самосохранения, или нападения, или же обе эти цели вместе. Кроме того, можно заметить, что эти маленькие общества, входящие в состав большого, организованы по тому же самому принципу, который лежит в основании того обширного общества, в котором они образуются, т.е. на принципе принудительной кооперации. Их управление имеет принудительный характер и в некоторых случаях доходит даже до умерщвления тех из их членов, которые окажут неповиновение.

§ 557. Необходимо заметить — как факт постоянно повторяющийся, — что воинственный тип стремится к развитию самостоятельной организации, т.е. производящей все для своих нужд собственными средствами. Вместе с ее политической автономией идет здесь то, что мы можем назвать экономической автономией. Очевидно, что вследствие часто возникающих неприязненных столкновений с соседними обществами коммерческие сношения с ними должны прекращаться или затрудняться: обмен произведениями может лишь в малых размерах совершаться между теми, которые постоянно воюют друг

с другом. Следовательно, воинственное общество должно своими внутренними средствами доставлять продукты всех родов, необходимые для жизни его членов, конечно, в пределах практически возможного. Такое экономическое состояние, какое было в течение раннего феодального периода — когда, как во Франции, «замки производили почти все продукты, потреблявшиеся в них», очевидно, образовалось в больших или малых группах, находившихся в постоянном антагонизме с окружающими группами. И если внутри какой-нибудь группы, поставленной в подобные условия, еще не существует производителей какого-нибудь необходимого продукта, то невозможность получить его извне должна повлечь за собой установление органа для его внутреннего производства.

Отсюда следует, что желание «не быть в зависимости от чужестранцев» есть одно из желаний, свойственных воинственному типу общества. Пока есть опасность, что продовольствие нужными продуктами, идущими из чужих стран, может быть пресечено вследствие начавшихся военных действий, до тех пор будет существовать побудительная причина поддерживать приготовление этих продуктов дома и с этой целью заботиться о необходимых для этого органах. Отсюда становится очевидным прямое соотношение между воинскими действиями и протекционной политикой.

§ 558. Теперь, отметивши признаки, которые, как следует ожидать, должны установиться сами собою вследствие выживания наиболее приспособленных в период борьбы за существование между обществами, мы рассмотрим, как эти признаки представляются в действительно существующих обществах, имеющих общим свойством воинственность, хотя и различающихся в других отношениях. Конечно, в маленьких примитивных группах, как бы воинственны они ни были, мы должны ожидать разве только смутных начальных признаков структуры, свойственной воинственному типу. При слабой взаимной связи определенность устройства их частей может быть достигнута лишь в очень малой степени. Но с этой оговоркой мы находим очевидные данные, подтверждающие наши положения. Что все взрослое население обыкновенно в то же время составляет и воинственную часть населения — этот факт столь известен,

что не требует доказательств; так же точно известен и другой факт, что женщины занимают рабское положение, употребляются на грубые работы, на переноску тяжестей; к этим фактам может быть прибавлен еще и тот, что нередко во время войны они несут припасы, например в Азии среди билов (Bhils) и хондов (Khonds), в Полинезии — среди новокаледонцев и жителей Сандвичевых островов, в Америке — среди команчей, мундуруку и патагонцев. Таким образом, здесь ясно выражена их функция в качестве постоянного комиссариата. Мы видим далее, что когда возникает обращение в рабство пленных, эти последние также работают для содержания и в помощь классу воинов, действуя во время мира как производители, а во время войны присоединяясь к женщинам для служения армии, например, среди новозеландцев; а у малагазцев они служат исключительно носильщиками провизии и т.п. На этих первых ступенях, точно так же, как и в последующих фазисах развития, мы видим, что в воинственном типе личные цели исчезают перед целями общественными. Жизнь каждого человека состоит в подчинении потребностям группы, а в силу этого и свобода личных действий находится в подобном же подчинении. Точно так же и его имущество: например, замечено, что у бразильских индейцев право частной собственности, признаваемое лишь в ограниченных размерах в мирное время, почти совершенно не признается во время войны, или, как мы видим из рассказа Гирна (Hearne) относительно некоторых гиперборейских племен Северной Америки, где при наступлении войны «всякая собственность, которая может послужить на общую пользу, перестает быть частной». Ко всему этому можно еще прибавить одну основную истину, которую полезно повторить не раз: там, где еще не существует политического подчинения, война порождает его. Временный вождь, признаваемый молча или явно, овладевает постоянной властью, если война продолжительна. От этого первоначального вида воинственного типа, который нам представляют маленькие группы, мы перейдем к его развитым формам, являющимся в больших группах.

Прекрасный пример доставляет нам, говоря словами Бертона, «армия или то, что составляет почти ее синоним — нация дагомеев». Чрезвычайная воинственность дагомейцев выражается тем фактом, что спальня их короля вымощена черепами

неприятелей. Король здесь имеет абсолютную власть, он рассматривается как существо высшей природы, он есть «дух» и, конечно, он глава религии, он посвящает жрецов. В нем исчерпаны все власти и все права: «По смыслу закона дагомеев все люди рабы перед королем». Он «наследник всех своих подданных», а от живых подданных он берет все, что ему угодно. Когда мы прибавим к этому тот факт, что в Дагомее часто умерщвляют несчастные жертвы для того только, чтобы послать их вестниками в другой мир, или же приносят в жертву множество людей для того, чтобы составить свиту умершим королям, то мы увидим, что жизнь, свобода и собственность находятся здесь во всецелом распоряжении государства, представляемого главой его. Как в гражданской, так и в военной организациях мы находим множество главных и второстепенных центров. «Имена, обыкновенно даваемые королем и заменяющие прозвища, изменяются с каждым рангом их носителя». Регламентация до того распространилась, «что чины кажутся неисчислимыми». Здесь существует множество законов против роскоши и, по словам Вайца, никто не может носить иной одежды или оружия, кроме тех, которые ему даны или разрешены королем. Под страхом рабства или смерти «ни один человек не смеет изменить устройство своего дома, сидеть на стуле, употреблять гамак или пить из стакана» без соизволения короля.

Далее может быть приведена в пример древняя перувианская империя, постепенно основанная победоносными инками. Здесь священный и абсолютный правитель, потомок богов, был центром системы, контролировавшей всю жизнь. Он был сразу и военным, и политическим, и церковным, и юридическим главой; нация состояла из солдат, работников и чиновников, которые в этих званиях были рабами его и его обоготворяемых предков. Военная служба считалась обязательной для всех податных и способных к ней индейцев; те из них, которые прослужили указанные сроки, отчислялись в запас и должны были работать под надзором государства. В армии были начальники над десятками, пятью десятками, сотнями, пятью сотнями, тысячами, десятью тысячами, и, кроме того, был еще высший командир, связанный кровным родством с инками. Параллельной регламентации было подчинено и государство вообще: все жители, расписанные по группам, были подчинены управлению

чиновников над десятками, полсотнями, сотнями и т.д. По этим последовательным ступеням правящих центров дела восходили до губернаторов Инки, управлявших большими областями, переходя от них до Инки, тогда как его приказания спускались от чина к чину до тех пор, пока они не достигали до самых низших. Церковная организация была здесь устроена подобным же образом и имела, например, пять классов прорицателей; шпионы, наблюдавшие за действиями других служащих и докладывавшие о них, имели также свою организацию. Все было подчинено государственному надзору. В деревнях были чиновники, наблюдавшие за вспахиванием, сеяньем, жатвой. Когда был недостаток в дожде, государство снабжало размеренным (measured) количеством воды. Путешествующий без разрешения наказывался, как бродяга; но зато для тех, кто путешествовал по общественным надобностям, существовало особое учреждение, снабжавшее квартирой и всем необходимым. «На обязанности десятников лежало наблюдение над одеждой народа», над тем, чтобы различные чины носили те роды платья, те украшения, те знаки отличия и т.п., которые им были предписаны. Сверх этого контроля внешней жизни существовал еще контроль и жизни домашней. Требовалось, чтобы народ «обедал и ужинал при открытых дверях, так, чтобы судьи могли входить свободно», а судьи эти надзирали за тем, чтобы дом, одежда, домашняя утварь содержались в чистоте и порядке, чтобы за детьми был надлежащий надзор: тех, которые дурно содержали свои дома, секли. Под этим контролем народ трудился над поддержанием столь сложной и выработанной государственной организации. Все чины гражданского, религиозного и военного классов были свободны от налогов, но зато землевладельческий класс, за исключением находящихся на службе в армии, должен был отдавать весь свой продукт, оставляя себе лишь то, что требовалось для скудного пропитания. Третья часть земель всей империи шла на поддержание государственного строя, третья на содержание жрецов, умиловлявших души умерших предков, а остальная треть на содержание работников. Сверх натуральной повинности, состоявшей в обработке земель, принадлежавших Солнцу и королю, работники должны были обрабатывать земли солдат, находившихся на службе, а также и земли неспособных к работе. Кроме того, они должны были платить подать

одеждой, обувью, оружием. Части земли, предназначенной на нужды народа, распределялись между отдельными людьми соответственно с их семейным положением. Точно так же и относительно продуктов от стад: в каждом округе та часть их, которая оставалась от удовлетворения общественных нужд, периодически подвергалась стрижке, причем шерсть делилась чиновниками. Это устройство было последствием принципа, что «частная собственность каждого человека держится милостью Инки и что по их законам она не имела другого основания». Таким образом личность, собственность и труд народа принадлежали всецело государству; народ переселялся из одной местности в другую по указанию Инки; люди, не служившие в армии, но жившие под такой же строгой дисциплиной, какая была в армии, были просто единицами централизующей военной машины и направлялись в продолжение всей своей жизни к наивозможно большему выполнению воли Инки и к наименьшему осуществлению своей собственной воли. И естественно, что вместе с военной организацией, доведенной таким образом до ее идеальных границ, замечалось почти полное отсутствие какой-либо другой организации. Перуанцы не имели монеты; они не продавали ни одежд, ни домов, ни имений, и их торговля была немногим шире простого обмена съестными припасами.

Древний Египет, насколько нам известно из рассказов о нем, представляет если не в частности, то в общих чертах явления, родственные вышеизложенным. Огромное количество рабов, трудившихся над постройками пирамид, в достаточной мере доказывает воинственный характер, преобладавший у них в отдаленнейшее, не занесенное в летописи время; а доказательства их последующей непрерывной воинственности мы находим и в хвастливых летописях об их царях, и в изображениях их триумфов на стенах храмов. Наряду с этим родом деятельности мы находим, как и в прежнем примере, правителя, потомка богов, ограниченного в своей власти лишь обычаями, завещанными его божественными предками; этот правитель соединял в себе одновременно и политического главу, и верховного жреца, и главного военачальника, и высшего судью. Под властью его состояла централизованная организация, гражданская часть которой состояла из точно таких же классов и подклассов, как и военная ее часть. Из четырех больших общественных

делений: жрецов, воинов, горожан или купцов и простого народа, в который входили рабы, — первое заключало в себе более двадцати различных классов; второе — около полудюжины, помимо тех, которые устанавливались военными степенями, третье — около дюжины, а четвертое — еще большее число. Хотя в правящих классах касты не были разграничены с такой точностью, чтобы не оставалось для нисходящего поколения возможности переменить род деятельности, однако Геродот и Диодор утверждают, что промышленные занятия переходили от отца к сыну; всякая частная промышленность и производство имели своих собственных специальных мастеров и никто не переменял одного рода промышленности на другой. До какой утонченности доходил воинский характер управления работами, можно судить из подробных известий о целом штате из должностных лиц и работников, назначавшихся на какую-нибудь из обширных каменоломен; число, род чиновников соответствовали здесь числу и роду их в армии. Для поддержания этой высокой, развитой регулятивной организации, гражданской, военной и церковной, исключительно владевшей землей, работали низшие классы. Надсмотрщики стояли над несчастным (*wretched*) народом и побуждали его к тяжелому труду угрозами, а еще более палочными ударами. Явный и тайный надзор, допускаявший и посещение жилищ, стремился в последней степени к тому, чтобы ни одна семья не ускользнула от его взгляда. «Каждый человек под страхом смерти был обязан давать отчет чиновнику о том, чем он живет».

Возьмем теперь другое древнее общество, представляющее во многих отношениях контраст с предыдущим, но в то же время имеющее вследствие присущей ему воинственности множество и таких характеристических черт устройства, которые по своему основному характеру родственны с рассмотренными выше. Я разумею Спарту. Что войны не развили у них единоличной деспотической власти, спартанцы обязаны отчасти тем причинам, которые, как показано ранее, благоприятствуют развитию сложных политических глав; а еще более случаю раздвоения их королевской власти; присутствие двух правителей божественного происхождения помешало концентрации власти. Но хотя вследствие этой причины здесь установилось недостаточно централизованное правительство, однако отношения

этого правительства к членам общества были в главных своих чертах те же, как и вообще в воинственных государствах, несмотря на крепостное состояние, а в городах — и рабство илотов, несмотря на политическую зависимость перизков, все они вместе с настоящими спартанцами подлежали обязанностям воинской службы, причем рабочая функция первых и промышленная функция вторых, насколько они существовали вообще, были подчинены военной функции, которая исключительно принадлежала третьим. Указанное здесь гражданское разделение повторяется и в военных подразделениях. «В битве при Платее* каждого спартанского гоплита (тяжело вооруженного пешего воина) сопровождали семь илотов, а каждого гоплита из перизков — один илот». Чтобы показать всю силу ограничений, налагаемых военным типом, как в этом частном случае, так и всюду, достаточно напомнить, что вследствие распространения в обществе той обыденной воинской дисциплины, которая предписывала даже общий стол и взносы съестными припасами, личная жизнь спартанцев была подчинена общественным требованиям начиная с семи лет. Ограничения доходили до того, что был установлен возраст вступления в брак; домашняя жизнь стеснялась; промышленность и всякие другие занятия, соединенные с денежной наживой, воспрещались; к этому можно прибавить запрещение отъезда в чужие края без дозволения и надзор, тяготевший над гражданами день и ночь. В Спарте вполне проявилась греческая теория общества: «Человек не принадлежит ни себе, ни своему семейству, — он принадлежит государству (city)». Таким образом, хотя в этом исключительном случае хронической воинственности встретилось препятствие развитию верховного властителя, владеющего и личностью и имуществом каждого гражданина, однако здесь развилось тождественное в главных чертах отношение между общиной как целым и составляющими ее единицами. Община, властвующая при посредстве сложного главенства, заменяющего единичного главу, вполне поработила личность. В то время как жизнь и труд илотов шли исключительно на содержание лиц, образующих военную организацию, в это время жизнь и труд этих последних шли исключительно на службу государству — и те и другие были рабами, хотя и различного рода.

Мы взяли нарочно государства не только разных исторических эпох, но и совершенно различных народностей по крови, как древние греки, египтяне, негры, дагомеи, чтобы показать, что не племенные или расовые особенности были причиной развития у них некоторых общих форм устройства, а именно воинственные условия их жизни и их воинственный тип. Одним словом, существующее здесь сходство общественных структур не может быть приписано унаследованию этими общественными единицами одного общего характера. Огромные контрасты в количестве народонаселения этих государств, изменяющегося начиная от миллионов и кончая тысячами, не допускают предположения о том, чтобы эти общие черты структуры стояли в зависимости от объема. Не может быть также предположено, что сходство условий, состоящих в климате, виде страны, почве, флоре, фауне, или сходство в обычаях, происходящее от этих условий, могло иметь какое-либо участие в образовании сходства организаций этих обществ, так как местности, занимаемые ими, представляют бесчисленные несходства. Таким образом, те черты, которые являются общими каждому из всех их и которые не могут быть приписаны никаким другим причинам, должны быть отнесены к обычной воинственности, характеризующей всех их. Индукция имеет результатом дальнейшее подтверждение этой зависимости; и этот результат совершенно соответствует тем результатам, которые сейчас были даны путем дедукции.

§ 559. Если еще остается какое-либо сомнение, то оно должно исчезнуть при наблюдении того, как постоянная воинственность сопровождается развитием военной организации. Трех примеров будет достаточно.

Во время римских побед проявлявшееся не раз стремление генералов-победителей сделаться деспотами наконец осуществилось, и титул императора, имевший первоначально военное значение, сделался титулом гражданского правителя; это ясно показывает нам, что, как вначале, так и на высших ступенях развития, политическое главенство зарождается из военного; затем, как обыкновенно случается, политическим правителям постепенно стали приписывать божественные качества, что проявилось в принятии императором священного

имени — Август, а также и в действительном развитии обоготворения его народом; одновременно с этим тут с большой ясностью выступают те дальнейшие черты, которые характеризуют воинственный тип в его развитой форме.

Если не де-юре, то де-факто в императоре поглощались другие роды власти. По словам Дюрюи, он имел

«право предложения, т.е. издания законов; право принятия и решения апелляций, т.е. высшую юрисдикцию; право останавливать трибунским вето всякую меру, всякий приговор, т.е. противопоставлять свою волю законам и судам; право созывать сенат или народ и председательствовать над ними, т.е. направлять избирательные собрания согласно со своей волей. Прерогативы эти он имеет не на один год, а на всю жизнь, не только в Риме, а в целой империи; не разделяя их с десятком других лиц, а действуя собственнлично; не давая, наконец, никакого отчета, так как он никогда не слагает с себя своей должности».

Вместе с этими переменами шло и увеличение числа и точности социальных подразделений. Император «поставил между собою и массаи множество лиц, правильно распределенных по категориям, причем одни стояли над другими таким образом, что вся эта иерархия, давая всею своею тяжестью на стоящие внизу массы, делала народ и мятежные личности вполне бессильными. Остатки древнего сословия патрициев заняли первое место, а за ним сословие капиталистов или сословие всадников — три стоящих одна над другой аристократии. Сыновья сенаторов образовывали класс, непосредственно стоявший между сословиями сенаторов и всадников... Во II столетии семейства сенаторов образовали наследственное привилегированное дворянское сословие».

В то же время административная организация сделалась шире и сложнее.

«Август создал большое число новых должностей, например верховный надзор за общественными работами, за дорогами, водопроводами, руслем Тибра, раздачей хлеба народу. Он создал также многочисленные должности

уполномоченных для финансовой администрации империи; в Риме было тысяча шестьдесят муниципальных должностных лиц».

Характер устройства, свойственный армии, распространился двумя путями: военные чины получали гражданские обязанности, а гражданские чиновники становились отчасти и военными. Сановники, назначенные императором, стремясь заместить собою сановников, выбранных народом, присоединили к своей гражданской власти и власть военную, и хотя при Августе префекты преторианцев были лишь военными начальниками, однако они постепенно захватили в свои руки и всю гражданскую власть, так что в конце концов сделались первыми лицами в империи после императора. Кроме того, правительственный организм возрастает присоединением к нему целых организаций должностных лиц, бывших доселе независимыми.

«В своем рвении организовать все он стремился регламентировать даже самый закон, а свободные профессии обращал в общественные должности». Для усиления власти этой широкой администрации войско было сделано постоянным и подчинено строгой дисциплине. По мере роста регулятивной и принудительной организации увеличивались и повинности производителей и, как было показано мимоходом в предыдущей главе относительного римского режима в Египте и Галлии, рабочая часть государства все более и более низводилась до формы постоянного комиссариата. Италия, наконец, дошла до такого положения, в котором огромные области «вверялись вольноотпущенникам, единственные соображения которых состояли в том, как бы обработать землю с возможно меньшими издержками и как бы извлечь от работников наибольшее количество труда при наименьшем количестве пищи».

Затем может быть приведен пример, подлежащий нашему непосредственному наблюдению, — пример германской империи. Черты воинственного типа, обнаруживавшиеся в Германии и раньше, со времени последней войны стали гораздо яснее. Армия, активная и пассивная, включая сюда чиновный

и служебный персонал, увеличилась почти на сто тысяч человек; а реформы 1875 и 1880 годов, поднявшие значение резервов, на практике послужили к дальнейшему увеличению этого числа. Кроме того, когда мелкие германские государства по большей части отказались от управления своими частями (войска), германская армия теснее сплотилась воедино; даже армии Саксонии, Вюртемберга и Баварии, подчинившись верховному контролю империи, с этих пор перестали быть независимыми. Вместо ежегодного утверждения военного бюджета, как это практиковалось в Пруссии до образования Северогерманского союза*, имперский парламент был в 1871 г. принужден вотировать требуемую годичную сумму на три года вперед; в 1874 г. он сделал то же самое на следующие семь лет, а затем, в 1880 г., в значительной мере увеличенная сумма для содержания увеличившейся армии была утверждена еще на семь лет; таким образом очевидно, как мало-помалу народный контроль устраняется императорской властью. Одновременно гражданское управление заменяется, двумя путями, управлением военным: обер-офицеры за долгую службу награждаются назначениями на гражданские места, причем местные общества вынуждены оказывать им предпочтение перед гражданскими чиновниками; во-вторых, немалое число лиц из высшего гражданского чиновничества, а также из университетов и учителей государственных школ, прослуживших один год волонтерами, считаются офицерами ландвера. В течение так называемой Kulturkampf** церковная организация была поставлена в большее подчинение государственной организации. Священники, отрешенные от должности епископами, оставались на своих местах; для духовных лиц стало считаться преступным открытое участие в оппозиции правительству; оппозиционным епископам прекращалась выдача содержания; curriculum церковнослужителей были предписаны государством, и требовался государственный экзамен, а в то же время было установлено право государства на удаление из страны оппозиционных духовных лиц. Переходя к промышленности, мы замечаем, во-первых, что начиная с 1873 г. совершается постепенный переход железных дорог в руки государства; так что частью путем стройки их вновь (главным образом для военных целей), частью путем купли три четверти всех железных дорог Пруссии сделались собственностью

государства; такой же точно процент доставляют и другие германские государства, конечная цель при этом — сделать все дороги правительственными. Вмешательство в торговлю усилилось различными способами: то протекционными тарифами, то возобновлением законов о росте, то ограничением воскресного труда. При посредстве своих почтовых порядков государство присвоило себе и промышленную функцию — оно принимает к платежу и получает деньги по переводным и простым векселям, и даже пока не было остановлено протестами торговцев, оно брало на комиссию книги от издателей. Затем идут прямые и косвенные меры для распространения контроля над жизнью народа. С одной стороны, изданы законы, по которым до середины последнего года было закрыто 224 социалистических общества, остановлено 180 периодических изданий, запрещено 317 и т.п. и в силу которых различные местности были объявлены в малом осадном положении. С другой стороны, можно упомянуть о проекте князя Бисмарка восстановить цехи (т.е. корпорации с принудительными уставами для их членов), а также о его проекте государственного страхования, при помощи которого работники оказались бы значительно связанными. Хотя меры эти не были осуществлены в тех формах, в которых они предлагались, однако уже самое предложение их достаточно указывает на общее направление. Во всех этих нововведениях мы видим стремление к развитию более сплоченной структуры, к увеличению военной части сравнительно с промышленной, к замене гражданской организации военной, к усилению личных ограничений и регулированию индивидуальной жизни в большем числе частных случаев¹.

Остается упомянуть наше собственное общество со времени возрождения в нем воинственности, которое в последнее время так заметно, что наши иллюстрированные журналы почти ничем другим не наполняются, кроме военных сцен. Уже в книге «Основания социологии» я указал различные пути, которыми система принудительной кооперации,

¹ Эта глава первоначально была опубликована в «Contemporary Review» в сентябре 1881 г. С тех пор движение немецкого общества в том же общем направлении было подтверждено решительным абсолютизмом имперского рескрипта от января 1882 г., проводящего в жизнь проект государственного социализма князя Бисмарка.

характеризующая воинственный тип, подкапывалась под систему свободной кооперации, характеризующей промышленный тип; с того времени (июль 1876 г.) появились и другие перемены в этом же самом направлении. В самой военной организации мы можем указать на возрастающее стремление для приобретения большего внешнего значения обратить волонтеров в регулярную армию, так чтобы вместо оборонительной деятельности, бывшей их первоначальной целью, иметь возможность действовать и наступательно. К этому мы можем прибавить, что стремление, проявлявшееся в прошедшее поколение — ослабить, насколько возможно, военный характер армии ношением статского платья, — в настоящее время остановлено приказом, обязывающим офицеров городских гарнизонов носить форму и вне службы, как это водится в более воинственных странах. Пойдет ли дальше захват военным сословием гражданских функций (дошедший в 1873—1874 гг. до того, что в разное время девяносто семь полковников, майоров, капитанов и лейтенантов исполняли обязанности инспекторов в научных и художественных школах), я сказать не могу; но уже ясно можно видеть столь значительное усиление военного духа и дисциплины среди полиции, что чины ее, надевши шлемообразные шляпы, начавши носить револьверы и смотря на самих себя как на полусолдат, стали говорить о народе как о «гражданах» и в некоторых случаях практиковать по отношению к «гражданам» военного рода надзор, примером чего может служить глава Бирмингамской полиции, подчиненные которого разводят по домам совершенно покойных, но подгулявших граждан, а на следующее утро возбуждают против них судебное преследование; а также полицейские команды, направляющие движение экипажей на лондонских улицах. Исполнительная власть все более и более берет верх над всеми другими правительственными функциями. Так, в делах Кипра* и в индийском вице-королевстве она действует по секретным инструкциям из метрополии. Различными второстепенными путями проявляются старания освободить чиновничество от народного контроля, как это видно, например, в желании, выраженном палатой лордов, чтобы вешание преступников в тюрьме, доверенное исключительно властям, не имело бы никаких других свидетелей; и в совете, данном последним министерством внутренних

дел (11 мая 1878 г.) городскому совету в Дерби, чтобы он не вмешивался в распоряжения начальника полиции (военного) относительно его подчиненных, — случай, который показывает стремление к централизации местной полицейской власти в руках министерства внутренних дел. Одновременно мы видим различное, действительное или предполагаемое, расширение государственной деятельности, заменяющей или ограничивающей частную деятельность. Здесь может быть упомянута награда за «розыск» («*endowment of research*»), которая отчасти уже вытеснена правительственным фондом и которую многие желают устранить совершенно; сюда же подходит и предложенный закон об установлении реестров учителей, одобренных властью; билль, предполагающий устроить центральную инспекцию над местными публичными книжными магазинами; проект принудительного страхования — проект, назидательным образом показывающий нам, какими путями регулятивная политика расширяет свою область: так, ввиду того что принудительная благотворительность порождает в бедняках непредусмотрительность, этого думают избежать введением обязательного страхования. Стремление к учреждениям воинственного типа видно также и в увеличившемся спросе на некоторые виды покровительственной системы и также в жалобах некоторых великосветских газет на то, что дуэли вышли из употребления. Даже и в такой партии, которая по своему положению и функции стоит в антагонизме с воинственностью, мы видим распространение военной дисциплины; например, система частных митингов для переговоров перед выборами, введенная для лучшей организации либеральной партии, является одной из таких систем, которые неизбежно более или менее централизуют власть и контроль над личной деятельностью.

Таким образом, характеристические признаки военного типа, найденные нами *a priori*, существуют постоянно не только в обществах с непрерывной высшей степенью воинственности, но, как мы видели, также и в таких обществах, где простое увеличение военной деятельности влечет за собой развитие тех же признаков.

§ 560. В некоторых местах я высказал, а в других подразумевал, что между устройством общества и характером его граждан

существует необходимое соотношение. Теперь следует рассмотреть более подробно характер, свойственный членам типического воинственного общества и обыкновенно проявляющийся в них.

При равенстве других обстоятельств общество будет иметь успех на войне пропорционально тому, в какой мере его члены одарены телесной силой и мужеством. И в среднем выводе между борющимися обществами переживание и расширение выпадает на долю тех, в которых физические и духовные свойства, вызванные войной, не только сильнее выражены, но и пользовались наибольшим уважением.

Египетские и ассирийские скульптурные памятники и надписи показывают, что храбрость более всех других свойств считалась достойной уважения. О словах «хороший», «честный» и т.п., как они употреблялись древними греками, Грот замечает, что они «означают человека знатного происхождения, богато-того, влиятельного и смелого, оружие которого было сильно для кары и для защиты, каков бы ни был склад его моральных чувствований; в то время как противоположный эпитет — «дурной» обозначает человека бедного, низкого и слабого, который по своим наклонностям, как бы они ни были добродетельны, не возбуждает в обществе ни больших надежд, ни опасений. «Тем же самым следует объяснять отождествление у римлян храбрости и добродетели. В ранние смутные времена по всей Европе рыцарский характер, характер, пользовавшийся уважением, прежде всего требовал бесстрашия: без этого все другие хорошие качества не принимались в расчет, но при нем прощались всевозможные недостатки.

Если среди борющихся групп первобытных людей одни из них легче переносили убийство своих сочленов лицами других групп и не мстили за это, тогда как другие уж мстили, то группы, не знавшие мести, должны были подвергаться постоянным безнаказанным нападениям, а в силу этого были осуждены или постепенно исчезнуть, или искать убежища в неудобных для жительства местностях. Следовательно, среди таких условий выживают непрощающие. Затем *lex talionis* (закон возмездия), возникающий первоначально между борющимися группами, становится законом и внутри самой группы; хроническая вражда между сложными семействами и кланами

воплощает общий принцип — жизнь за жизнь. Под военным режимом месть становится добродетелью, а уклонение от нее — пороком. Между фиджийцами, воспитывающими своих детей в злобных чувствах, не редкость, что человек скорей покончит с собой самоубийством, чем переживет оскорбление и оставит неотмщенной обиду; иногда умирающий фиджанин завещает своим детям как долг совершить отмщение... Такого рода чувства и зависящий от них образ жизни мы замечаем у всех народов, охваченных воинственностью или переживших прежде это состояние, хотя бы во всех других отношениях эти народы совершенно не походили друг на друга. Из племен отдаленного Востока мы можем привести в пример японцев. Им внушается, что нельзя жить под одним небом с убийцей отца, что для убийцы брата человек всегда должен иметь при себе и наготове свое оружие, что с убийцей друга человек не может жить в одном государстве». Из западных стран может быть приведена в пример Франция феодального периода, когда родственники убитого или обиженного были по установившемуся обычаю обязаны отомстить родственникам обидчика, и даже тем из них, которые жили далеко и ничего не знали о случившемся. Даже в сравнительно ближайший период, например во времена аббата Брантома, дух времени был таков, что этот служитель церкви, завещая своим племянникам долг мести за все неотмщенные несправедливости, сделанные ему в старости, говорит про себя: «Я могу похвалиться, и за это благодарю Господа, что я не перенес ни одной обиды, не отомстив обидчику». Черногорцы, народ, ведущий в продолжение столетий войну с Турцией, ясно показывают нам, что оживленная воинственность делает чем-то вроде обязанности частную и общественную месть. «Dans le Montenegro» говорит о Буэ: «On dira d'un homme d'une natrie (клана), ayant tuij un undividu d'une autre: cette natrie nous doit une tkte, et il faut que cette dette soit aquittie, car qui ne se venge pas ne se sancitie (*sanctifie?*) pas»¹.

Разрушительная деятельность против врагов, если она является хронической, делает разрушение источником удовольствия;

¹ «В Черногории говорят о члене натрии (клана), убившем лицо из другой натрии: эта натрия должна нам голову, и необходимо получить этот долг, потому что тот, кто не мстит, тот не очистит свою душу».

а там, где успешное подчинение своих единоплеменников считается высочайшим достоинством, там возникает наслаждение от насильственного пользования властью, и люди, гордясь грабежом побежденных, перестают уважать права собственности вообще. Как невероятно, чтобы люди были храбры с врагами и в то же время трусливы с друзьями, так же точно невероятно, чтобы и другие чувства, вскормленные постоянными внешними столкновениями, не проявились бы и у себя дома. И действительно, как мы видели, вместе с воспитанием мести во внешних отношениях общества идет и развитие мстительных чувств и внутри общества. Все другие привычки и стремления и деятельности, неизбежно создаваемые постоянной войной, должны действовать таким же образом и на социальную жизнь вообще. Различные местности и времена дают нам факты, доказывающие, что в воинственных государствах права жизни, свободы и собственности пользуются небольшим уважением. Кровавость дагомейцев, которые воинственны до такой степени, что у них участвуют в войне оба пола, и которые совершают ежегодные вторжения ради ловли невольников «для снабжения средствами королевского казначейства», доказываются ежегодным «обычаем», на котором для народного удовольствия убивают множество человеческих жертв. Точно так же и фиджийцы, народ в высшей степени воинственный и по своей деятельности, и по типу организации, народ, который доказывает свое равнодушие к жизни не только убийствами своих собственных сочленов для каннибальских пиршеств, но и умерщвлением громадного числа своих собственных детей и принесением человеческих жертв при самых обыкновенных случаях вроде, например, спуска нового челнока, так уважает жестокость, что совершение убийства почитается здесь подвигом. Ранние летописи азиатских и европейских народов показывают нам то же самое соотношение. Все, что нам известно о первобытных монголах, которые после своего объединения избивали целые массы восточных народов, представляет нам хроническое господство жестокости как вне, так и внутри их племен; внутренние убийства, которые, начиная с самого раннего времени, характеризовали воинственных турок, служат и теперь их отличительным признаком. То же было у греков и египтян, в доказательство чего достаточно привести убийство двух тысяч илотов спартанцами,

у которых жестокость была обычным явлением, многочисленные избиения граждан подозрительными римскими императорами и их кровавые зрелища, обнаруживающие как в них, так и в их подданных развитую кровожадность. Там, где жизнь мало ценится, неизбежно должна мало цениться и свобода: если человек не задумывается покончить убийством жизнь и деятельность другого, то он, конечно, еще менее затруднится стеснить его деятельность или держать его в оковах. У воинственных диких народов, обращающих в рабство, если не съедающих своих пленников, мы находим обычным отсутствие уважения к свободе даже своих собственных сограждан, которое характеризует воинственные общества вообще. Как незначительны были при господстве воинственного режима, более или менее ясно развитого во всех древних исторических обществах, какие бы то ни было чувства, отвращающие от лишения людей свободы, достаточно доказывается тем фактом, что даже в учении первоначального христианства не было прямо выраженного осуждения рабству. Естественно, то же самое происходит и по отношению к праву собственности. Там, где уважается господство, основанное на силе, там права слабейших на их собственность мало уважаются сильнейшими. На Фиджи захват имущества подданного считается совместным с властью главы, а кража считается добродетелью, если ее не откроют. В Дагомее король «прижимает» всякого, кто приобретает собственность. У спартанцев искусному, удачно укравшему воришке аплодировали за его кражу. В средневековой Европе наряду с постоянными кражами одним обществом у другого шли постоянные кражи и внутри каждого общества. При Меровингах «убийства и преступления, о которых она (церковная история франков*) рассказывает, почти все имели целью захват сокровищ убитых людей»; а при Карле Великом хищения, совершаемые чиновниками, были хроническими: так сказать, за спиной короля «его сановники присваивали себе фонды, назначенные на доставление пищи и одежды работникам».

Там, где войны составляют обычное занятие, где требуемые ими качества необходимы и в силу этого почитаются, там смотрят с презрением на всякого, кто не проявляет их в своей жизни, а занятия такого человека считаются бесчестными. На ранних ступенях развития земледелие является делом

женщин и рабов — людей покоренных или их потомков; промышленность всякого рода, производимая подвластными классами, еще долго отождествляется с низшим происхождением и природой. В Дагомее «земледелие презирают, потому что для занятия им употребляются рабы». «Даже второстепенные японские дворяне и чиновники питают высочайшее презрение к торговле». О древних египтянах Уилькинсон говорит: «Предубеждение против механических занятий в среде лиц, считавшихся воинами, было столь же сильно, как и в суровой Спарте». «К промышленности и торговле (древние) персы питали высочайшее презрение», — пишет Раулинсон. Развитие сословной дифференциации, сопровождавшее завоевательные войны римлян, было ускорено установившимся правилом, по которому почиталось позорным зарабатывать деньги трудом, а этому помог и закон, запрещавший сенаторам и сенаторским сыновьям заниматься спекуляциями. Нужно ли доказывать, как велико презрение военных классов к торговым по всей Европе вплоть до настоящего времени?

Чтобы люди рисковали своей жизнью ради общественного блага, должно быть сильно развито чувство, называемое патриотизмом. Хотя убеждение в том, что славно умереть за свою страну, не может считаться главным и существенным условием военного успеха, потому что наемные войска сражаются и без этого, однако очевидно, что подобное убеждение должно значительно помогать на войне; полное отсутствие такого убеждения должно так неблагоприятно влиять на успех наступательных и оборонительных действий, что при равенстве других условий легко может повести к упадку и порабощению народа. Из этого следует, что чувство патриотизма будет укрепляться выживанием тех обществ, в которых оно наиболее развито.

К этому необходимо прибавить инстинкт повиновения. Возможность той совместной деятельности, которая при равенстве других условий дает военный успех, зависит от готовности индивидуумов подчинить свою волю воле командира или правителя. Верноподданство тут необходимо. На ранних ступенях развития проявление его бывает лишь временным, как, например, среди арауканцев, которые выражают «отвращение к какому бы то ни было подчинению, но в это время (т.е. когда война неизбежна) готовы повиноваться и подчиняться воле

своих военных предводителей». С развитием воинственного типа этот инстинкт, или чувство подчинения, становится постоянным. Эрскин говорит, например, что фиджийцы представляют высокую степень верноподданства: люди, заживо погребаемые при закладке королевского жилища, считают почетным сделаться такой жертвой; а жители невольничьего круга говорили, что «служить пищей и жертвой для своих вождей есть их долг». В Дагомее король возбуждает к себе чувство, «представляющее смесь любви и страха, почти равное обожанию». Точно так же и в Древнем Египте, где «слепое повиновение было той смазкой, которая способствует гармоническому действию механизма» социальной жизни; повсеместные памятники показывают с утомительным однообразием каждодневные акты повиновения: рабов и других людей — палачу, пленников — королю, короля — богам. Хотя вследствие вышеуказанных причин хроническая война не создала в Спарте высшего политического единодержавия, которому могло оказываться слепое повиновение, однако и той политической организации, которая развилась там, оказывалось глубочайшее подчинение: воля индивидуума во всем подчинялась общественной воле, выразителями которой были установленные власти. В первобытном Риме также при отсутствии царя с божественным происхождением, которому бы можно было оказывать покорность, подчинялись назначаемому царю, ограничиваясь выражением мнения в частных случаях; принцип абсолютного повиновения, слегка смягченный в отношениях целого общества к правительственному механизму, являлся во всей своей силе по отношению к группам, из которых состояло это целое. В европейской истории на высших, как и на низших ступенях мы видим чувство верноподданничества преобладающим всюду, где сложился воинственный тип, — это такая истина, с которой согласятся и без доказательств.

От этих очевидных отличительных признаков мы обратимся к вытекающим из них чертам, менее бросающимся в глаза и сопровождаемым менее очевидными результатами. Вместе с верноподданством идет и доверие — они едва ли разделимы. Готовность повиноваться командующему на войне предполагает веру в его воинские способности; а готовность повиноваться ему и во время мира предполагает веру в то, что способности его простираются и на гражданские дела. Действуя на вообра-

жение людей, каждое новое завоевание усиливает его авторитет. Затем следуют более частные и очевидные проявления его деятельности, регулирующей жизнь людей, и они обобщаются в идею о том, что власть его беспредельна. Воспитывается безграничная вера в правительственный механизм — поколения, возникшие при системе, контролирующей все действия, частные и общественные, принимают без возражения, что управления делами только таким образом и могут совершаться. Отсутствие в опыте какого-либо другого режима делает людей неспособными и вообразить себе какой бы то ни было другой режим. В государствах, подобных, например, древнему Перу, где, как мы видели, по всей стране господствовало управление, подобное военному (регентация), не было никаких материалов для возникновения мысли о жизни промышленной, которая идет сама собой и сама собой регулируется.

Понятно, что отсюда следует стеснение индивидуальной инициативы, а следовательно, и недостаток частной предприимчивости. По мере того, как армия получает организацию, она приходит к такому состоянию, в котором независимые действия ее членов запрещаются. И по мере того, как регламентация распространяется среди общества вообще, ни один член его, направляемый или останавливаемый на каждом шагу, не имеет никакой возможности или весьма малую возможность вести свои дела иначе, как по установившейся рутине. Рабы могут делать лишь то, что им приказали их хозяева, а хозяева не могут приказывать ничего непривычного без официального разрешения, но никакое разрешение не может быть получено от местной власти без согласия верховной власти, спрошенной через восходящую градацию степеней. Умственное состояние, возникающее здесь, есть состояние пассивного согласия и ожидания. Там, где воинственный тип получил полное развитие, все должно быть сделано при посредстве правительственного механизма, и не только по той причине, что этот механизм занимает все сферы, но и потому также, что даже в сферах еще не занятых не может возникнуть никаких других организаций в силу совершенного угасания творческих идей и чувств.

К этому можно прибавить и сопутствующее влияние интеллектуальной природы, которая действует вместе с моральным влиянием, только что упомянутым. Признается только одна

личная причинность, и затрудняется развитие понятия *безличной причинности*. Прimitивный человек не имеет идеи причины в современном смысле слова. Единственные силы, играющие роль в его теории вещей, суть силы живых людей или души умерших. Как необыкновенные, так и обыкновенные явления, способные изменяться, он приписывает сверхъестественным существам. Эта система понимания сохраняется с ранних стадий цивилизации, как мы видим, например, в гомеровской Греции, где раны, смерть или спасение в битве приписывались вражде или помощи богов и где добрые и злые дела людей объяснялись действием богов. Продолжительность и развитие воинственных форм и деятельностей поддерживают этот способ мышления. Они, во-первых, косвенно мешают открытию отношений причинности. Науки возникают из искусств — начиная с обобщения тех истин, которые выясняются практикой искусства. По мере того, как процессы творчества становятся разнообразнее и сложнее, возникает признание большего количества однообразия отношений; зарождаются и развиваются идеи необходимой зависимости и физической причины. Следовательно, устраняя индустриальный прогресс, воинственность затрудняет замещение идей, *олицетворяющих* силы природы, идеями о *безличных* силах. Во-вторых, воинственность оказывает подобное же действие и прямым подавлением умственной культуры. Естественно, что на жизнь, посвященную приобретению знаний, совершенно так же, как и на жизнь, посвященную промышленным занятиям, люди, отдавшие войне, смотрят с презрением. В древние времена ясный пример подобного отношения мы можем видеть у спартанцев; затем, позднее, в феодальной Европе, когда на науку смотрели, как на принадлежность духовенства и детей среднего сословия. Очевидно, что если воинственные занятия враждебны развитию науки, они еще дальше отодвигают освобождение от примитивных идей, которое завершается признанием однообразия явлений природы. В-третьих и главным образом, результат, о котором идет речь, порождается наглядным и постоянным опытом личного средоточия силы, существующего при воинственном режиме. В армии каждое движение, начиная от движений главного командира и до мельчайших движений рекрута, направляется одним главою; точно так же в обществе, по мере того, как

вырабатывается региментация, люди видят ежечасно, что все совершается так или иначе сообразно с регулирующей волей правителя и его подчиненных агентов. Отсюда при объяснении социальных явлений признается только одна личная причинность. История становится собранием деяний замечательных людей, и молчаливо подразумевается, что общество сформировано ими. Понятно, что если нет еще и признаков того состояния мысли, при котором мысль о безличной причинности является общепринятой, то и движение социального развития не может быть замечено. Естественный генезис социальных структур и их функций есть понятие, свойственное совершенно другому состоянию мысли, и всякая ссылка на него кажется абсурдом. Понятие о саморегулирующем социальном процессе непонятно. Таким образом, воинственность отливает в форму, приспособленную к ней, не только моральную, но и интеллектуальную сторону людей — в форму, при которой невозможно мышление вне установившейся системы.

§ 561. Итак, мы тремя способами показали характер воинственного типа политической организации. Теперь рассмотрим соотношения, открывающиеся из сравнения этих результатов.

Некоторые условия, очевидные а priori, осуществляютя обществами, приспособляющимися к самосохранению в присутствии враждебных обществ. Для того, чтобы корпоративная деятельность, необходимая для сохранения корпоративной жизни, получила свое высшее осуществление, в ней должны участвовать все. При равенстве других обязательств военное могущество будет большим в том случае, когда те, которые не могут воевать, работают исключительно для того, чтобы поддержать и содержать тех, которые воюют: отсюда очевиден вывод, что работающая часть не должна превышать того, что требуется указанной целью. Силы всех прямо или косвенно утилизируются для войны; чем лучше они комбинированы, тем они действуют целесообразнее; кроме взаимной связи в среде сражающихся, должна существовать такая же связь между воюющей и не воюющей частями общества для того, чтобы последняя могла помогать первой с наивозможной полнотой и пользой. Для удовлетворения этих требований жизнь, действия и имущество каждого индивидуума должны быть подчинены

общественному служению. Это всеобщее служение, эта комбинация и это поглощение личных целей предполагают деспотический управляющий механизм. Для того чтобы воля военного начальника могла действовать в обширном агрегате, должны быть подчиненные центры, в свою очередь подчиняющие низшие и т.д. в нисходящей постепенности; через эти ступени передаются и приводятся в исполнение приказания как в сражающейся части, так и в не сражающейся. Как командир указывает солдату и то, что он должен делать, и то, чего он не должен делать, так и в воинственном обществе закон имеет значение и отрицательно регулятивное, и положительно регулятивное: он не только запрещает, он и направляет: на граждан, как на солдат, распространяется система принудительной кооперации. За развитием воинственного типа следует усиление негибкости (*rigidity*), так как сцепление, комбинация, подчинение и управление, которым подчиняются единицы в обществе, неизбежно уменьшают их способность изменять свое социальное положение, свои занятия и место жительства. Наблюдая различные общества, существовавшие и существующие, большие и малые, характеризующиеся или отличавшиеся прежде высокой степенью воинственности, мы видим *a posteriori* что, несмотря на разнообразие, обусловливаемое расой, обстоятельствами и степенью развития, в них существует основное родовое сходство, раньше выведенное *a priori*. Современное королевство Дагомея точно так же, как и древние Перу, Египет и Спарта, подтверждают примерами то порабощение индивидуума государством в жизни, свободе и собственности, которое свойственно социальной системе, приспособленной для войны. А тот факт, что с развивающимся приспособлением общества к воинственной деятельности в нем распространяются официализм, предписание и надзор, подобные тем, при которых живут воины, мы ясно видели на примерах из германской истории, а также на Англии, со времени охватившей ее в последние годы наступательной деятельности.

Наконец, обнаруживаются и последствия, состоящие в приспособлении характера людей, составляющих воинственные общества. Считая военный характер высочайшей славой, они приходят к тому, что начинают отождествлять добродетель с храбростью и силой. Мечь становится у них священной

обязанностью: действуя и у себя дома в духе закона о возмездии, который они применяют вне, они и дома и вне его одинаково не затрудняются приносить других себе в жертву: их симпатии, беспрестанно ослабляемые войной, не могут быть деятельными и во время мира. У них должен быть патриотизм такого рода, в силу которого они считают военное торжество своего общества высшей целью деятельности; они должны отличаться правоверностью, обуславливающей и повиновение авторитету; и для той же цели они должны иметь прочную веру в авторитет. За этой верой во властителя и за проистекающей из нее готовностью повиноваться естественно следует относительная слабость самостоятельного почина. Привычка видеть все под официальным контролем воспитывает веру в повсеместную необходимость такого контроля: ход жизни, делающий привычкой олицетворенную причинность и отрицающий причинность безличную, влечет за собой неспособность понять, чтобы какие-либо социальные процессы могли происходить при самоуправляющем устройстве. Те же черты индивидуальной природы, необходимо сопутствующие, как мы видели, воинственному типу, мы находим в членах ныне существующих воинственных обществ.

XVIII | ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТИП ОБЩЕСТВА

§ 562. Общества, защищаясь почти всегда от внешних врагов, в то же время внутри себя выполняют процесс питания и, как было замечено в предыдущей главе, представляют нам смесь структур, приспособленных к этим различным целям. Разделить эту смесь нелегко. По мере преобладания какой-либо из структур она пропитывает и другую: вспомните тот пример, что в сильно развитом военном типе общества работники, обыкновенно рабы, представляют столь же несвободных деятелей, как и солдаты; наоборот, когда значительно развит промышленный тип, солдаты, или говоря точнее, волонтеры, в силу этого приобретают характер свободных работников. В одном случае система статуса, свойственная воюющей части, распространяется и на производительную часть; во втором же случае система договора, свойственная производительной части, влияет на военную часть. В частности, особенно затемняет организацию, приспособленную к промышленности, организация, приспособленная к войне. Между тем как военный тип, построенный теоретически, настолько проявляется во многих обществах, что не оставляет сомнения в своих существенных чертах, черты промышленного типа еще настолько перепутаны с чертами господствующего военного типа, что идеальная форма его до сих пор может быть только построена лишь в незначительных частностях. Мы говорим это вперед с целью устранить такие ожидания, которые не могут быть выполнены; кроме того, мы желали вперед устранить и могущие возникнуть недоразумения.

Во-первых, «индустриализм» не следует смешивать с «производительностью». Хотя члены промышленно организованного общества обыкновенно производительны и должны быть таковы, если общество развито, однако это не следует понимать в том смысле, что промышленно организованное общество есть такое, в котором необходимо должно быть много производства. Где общество мало, а его географическое положение так хорошо, что жизнь может течь комфортно с незначительной

тратой энергии, там общественные отношения, характеризующие промышленный тип, могут сосуществовать одновременно с весьма умеренной производительной деятельностью. Дело тут не в производительности членов, составляющих какое-нибудь общество промышленного типа в смысле, употребляемом нами, а в той форме сотрудничества или кооперации, при которой они производят, — не принимая во внимание большую или малую сумму их труда. Необходимо хорошенько понять это различие, так как весьма часто, наоборот, может случаться, что обширная промышленность наблюдается в обществе, принадлежащем к военному типу. В Древнем Египте было бесчисленное трудящееся население, которым производились многообразные предметы погребения в огромном количестве. Древнее Перу представляет еще более поразительный образчик обширного военного общества, члены которого работали и производили беспрестанно. Таким образом, мы имеем здесь в виду не количество труда, но устройство, при котором он совершается. Полк солдат может заниматься земляными работами; другой — рубкой дров; третий — тасканием воды; но отсюда не следует, что в это время они становятся промышленным обществом. Соединенные индивидуумы, совершающие эти работы под командой и не имеющие своих частных целей в их производстве, хотя и занимаются производительным делом (индустриальным), однако организованы не промышленно (индустриально). И то же самое относится ко всему военному типу, в его целом, пропорционально тому, как военное устройство (региментация) приближается в нем к наибольшей полноте.

Промышленный тип общества, в истинном смысле этого слова, должен также отличаться от очень сходного с ним и постоянно смешиваемого типа, а именно того типа, в котором составляющие его индивидуумы, обязанные исключительно производить и распределять, находятся под таким управлением, какое проповедают некоторые социалисты и коммунисты. В этом случае точно так же скрывается, хотя и в другой форме, принцип принудительной кооперации. Прямо или косвенно, но личность стеснена здесь в некоторых независимых занятиях лично для себя и по своему вкусу; ей возбранено конкурировать с другими, приобретая имущество за деньги; возбранено наниматься на тех условиях, на каких она желает.

Нет такой искусственной организации труда, которая не стала бы и не интерферировала с естественной системой. Поскольку человек встречает препятствие к совершению какого-нибудь нравящегося ему занятия, постольку он является работающим по приказанию. Дело не в том, каким путем установлен управляющий им механизм, а в том дело, что он стоит относительно этого механизма в том же отношении, как и в отношении к управляющему механизму в военном обществе. А насколько верно этим характеризуется *режим*, который установили бы теоретики, идущие против свободного соревнования, мы видим из двух фактов: во-первых, из того, что основные коммунистические формы организации существовали в наиболее воинственных древнейших обществах, а во-вторых, в том, что в настоящее время коммунистические проекты зарождаются главным образом и всего более нравятся в наиболее воинственных обществах.

Необходимо сделать еще одно предварительное объяснение. Устройство, свойственное промышленному типу общества, не должно ожидать встретить в отчетливой форме в то время, когда оно только что является. Напротив, мы должны ожидать, что оно является в смутной, не установившейся форме. Так как оно возникает путем видоизменений прежде существовавших структур, то оно долго не теряет следов этих последних. Например, переход от государства, в котором работники, составляющие, подобно животным, собственность, сохраняют еще то состояние, в котором они могут работать исключительно на хозяина, — к такому состоянию, в котором они вполне отделены от хозяина, почвы и местности и свободны работать где угодно и на кого угодно, является постепенно. Кроме того, переход от устройства, свойственного воинственности, при которой подчиненные лица получают в дополнение к содержанию случайные подарки, — к такому устройству, при котором вместо и того и другого они получают определенную заработную плату или жалование, наступает медленно и не вдруг. Иногда можно наблюдать, что процесс обмена, первоначально неопределенный, становится определенным лишь тогда, когда индустриализм значительно развит. Обмен начинается не с отчетливой склонности давать одну вещь за другую эквивалентной стоимости, но с дарения и получения подарков обратно; и даже

теперь на Востоке продолжают следы этого примитивно-го перехода. В Каире покупке каких-нибудь вещей у лавочника предшествует предложение им кофе или сигарет; а во время торговли, которая кончается обязательностью, драгоман приносит подарки и ждет получить обратные. Прибавим, что при этих условиях не существует той определенной эквивалентности, которая отличает обмен в нашей среде: цены не установлены и значительно изменяются с каждым новым обменом. Таким образом, в течение дальнейшего изложения мы должны иметь в виду ту истину, что структуры и функции, свойственные промышленному типу, начинают отличаться лишь постепенно от тех, которые свойственны военному типу.

Приготовив таким образом путь, мы попытаемся отыскать, сперва априори, какие черты должны характеризовать организацию, совершенно не озабоченную защитой от внешних врагов, а исключительно занятую поддержанием жизни общества путем служения жизни составляющих его единиц.

§ 563. Так как корпоративное действие есть первейшая потребность общества, которая охраняет его от враждебных обществ, то, наоборот, при отсутствии враждебных обществ корпоративное действие не составляет более первейшей необходимости.

Непрерывное существование общества предполагает, во-первых, что оно не будет повреждено в целом чужеземными врагами и что оно не пострадает в частях от неспособности граждан содержать себя и множиться. Если опасность разрушения от первой причины кончилась, то остается только опасность разрушения от второй причины. Поддержание общества достигается теперь самоподдержанием и умножением единиц. Если их личное благополучие и благополучие их детей вполне достигается каждым, то достигается и благополучие общества. Теперь требуется очень немного корпоративных действий. Каждый может содержать себя трудом, может обменивать свой продукт на продукт другого, может оказывать помощь и получать плату, может вступать в тот или другой союз для достижения известного предприятия, малого или большого, без направления его деятельности целым обществом. Остающаяся цель общественного действия состоит в том, чтобы удерживать частные действия в должных границах; и сумма общественных

действий, необходимых для этого, становится все меньше, пропорционально тому, как частные действия становятся в надлежащей степени самоограничивающимися.

Таким образом, в военном типе общества потребность в корпоративном действии является существенной, тогда как в промышленном типе, хотя она и продолжается, но является по преимуществу внешней, она вызывается теми агрессивными чертами человеческой природы, которые укрепились хронической войной и которые могут постепенно уменьшиться под влиянием постоянной мирной жизни.

§ 564. В обществе, организованном для военного действия, индивидуальность каждого члена настолько подчинена в образе жизни, свободе и собственности, что он является в обширной степени, или даже вполне *собственностью* государства; в обществе же с промышленной организацией такая субординация индивидуума ничем не вызывается. Здесь не бывает случаев, при которых он должен рисковать своей жизнью, уничтожая чужую жизнь; его не заставляют покидать свои занятия и подчиняться командиру; здесь прекращается необходимость в уступке для общественных надобностей всякой собственности, какую бы от него ни потребовали.

При промышленном режиме личность гражданина, вместо того чтобы приноситься в жертву обществу, охраняется обществом: защита индивидуума становится существенной обязанностью общества. Можно немедленно доказать, что после того, как внешняя защита перестает требоваться, является требование внутреннего покровительства, которое становится самой главной, кардинальной функцией государства, и успешное выполнение этой функции должно быть преобладающим отличительным признаком промышленного типа.

В самом деле, очевидно, что при равенстве прочих условий в обществе, в котором жизнь, свобода и собственность обеспечены и все интересы принимаются во внимание, должно быть больше благоденствия, чем там, где этого нет. Следовательно, в борьбе между собою промышленных обществ должно быть постепенное замещение тех обществ, в которых личные права поддерживаются несовершенно, теми обществами, в которых эти права охраняются в совершенстве. Так что выживание

наиболее приспособленных должно произвести общественный тип, в котором личные потребности считаются священными и перекрещиваются с общественными никак не далее какого-нибудь требования уплаты налога на поддержание их же или, скорее, на третейское решение спорных вопросов между ними. В самом деле, если замрут хищнические инстинкты, укрепленные воинственностью, то корпоративная функция станет лишь решающей между теми сталкивающимися требованиями, равномерное удовлетворение которых не очевидно для лиц, которых это касается.

§ 565. При отсутствии нужд в тех корпоративных действиях, которыми могут быть утилизированы усилия всего общества для военных целей, здесь должна отсутствовать и потребность в деспотическом, контролирующем органе.

Не только этот орган в таком обществе не необходим, но он и не может с ним сосуществовать. В самом деле, как мы видели, существенным требованием промышленного типа является то, что индивидуальность каждого должна иметь полнейший расцвет, совместный с подобным же расцветом каждой другой человеческой индивидуальности; между тем деспотический контроль, долженствующий проявляться в ограничении человеческой индивидуальности, необходимо исключается таким порядком. Действительно, одним своим присутствием автократическая власть, необходимая в военном типе, является принудительной для граждан; действительным или потенциальным выполнением власти, не врученной ему, автократ сдерживает их волю дальше тех пределов, чем они хотели бы ее сдерживать только взаимным ограничением.

§ 566. Тот контроль, который требуется промышленным типом, может выполняться только уполномоченным органом, наиболее способным его выполнить.

В развитом обществе, с его выработанным разделением труда, деятельности всех не могут быть однородны, а потому возникает необходимость согласования различных интересов; а в видах обеспечения равномерного удовлетворения каждый интерес должен быть способен выразить себя должным образом. Действительно, можно бы предположить, что такой

избранный орган должен состоять из одного индивидуума. Но такой единый индивидуум не мог бы быть справедливым судьей между бесчисленными классами с различными занятиями и бесчисленными группами, живущими в разнообразных местностях, не выслушавши очевидцев; и каждая такая местность и группа нуждается, следовательно, в представителе своих потребностей. Отсюда выбор должен падать на одну из двух систем, из которых в одной представители частным и отдельным образом отстаивают свои случайные нужды перед решителем, от одиночного суда которого зависит решение; в другой же эти представители отстаивают свои дела в присутствии других, причем решение открыто определяется общим *соглашением*. Не настаивая на том факте, что уравнивание интересов разных классов, по-видимому, достигает более удовлетворительных результатов при последней форме их представительства, чем при первой, достаточно заметить, что эта последняя форма более уживается с природой промышленного типа, потому что здесь человеческие индивидуальности в наименьшей степени ограничиваются. Большинство индивидуальных волей среди граждан, выбравших единого правителя на определенное время, может быть охвачено его волей; в течение данного времени и граждане поступают в этом случае своей индивидуальностью больше, чем те, которые от своих местных групп избирают известное число уполномоченных, так как эти последние, обсуждая дела и действуя под надзором общества и сдерживая друг друга, обыкновенно выражают волю большинства.

§ 567. Когда корпоративная жизнь общества не находится более в опасности, а остающиеся дела управления заключаются в поддержании условий, требующихся для высшей индивидуальной жизни, то возникает вопрос: каковы эти условия?

Они уж предполагаются и заключаются в организации справедливости; но значение этой фразы так смутно понимается вообще, что необходимо выяснить самые специфические положения. Справедливость, как мы ее понимаем здесь, обозначает предохранение и нормальную связь между действиями и их результатом — иными словами, достижение каждым наибольшей выгоды, эквивалентной с его усилиями, — ни больше, ни меньше. Чтобы люди жили и трудились в пределах тех ограничений, какие

налагаются присутствием других, справедливость требует, чтобы индивидуумы несли последствия своего поведения, без преувеличения и уменьшения. Существа высшие должны пользоваться благом, обусловленным этим свойством, а существа низшие несут страдания, обусловливаемые их низостью. Следовательно, над всяким общественным действием, которое отнимает у кого-либо часть выгод, которые они заслужили, и дает другим выгоды, которых они не заслужили, лежит veto.

Легко доказать, что развитая форма промышленного общества исключает все формы коммунистического распределения, основной признак которого есть стремление уравнивать жизни в добре и зле, в труде и отдыхе. В самом деле, когда борьба за существование в форме войны прекратилась между обществами, остается лишь промышленная борьба за существование, и окончательное выживание и развитие должно стоять на стороне тех обществ, которые производят наибольшее число наиболее совершенных индивидуумов, т.е. индивидуумов, наиболее приспособленных для жизни в промышленном состоянии. Предположим два общества, равные во всех других отношениях, но из которых в одном наиболее совершенные организации удерживают в свою пользу и в пользу своего потомства все плоды своего труда, а в другом высшие организации отдают часть из своих трудов низшим и их детям. Очевидно, высшие будут сохраняться и размножаться в первом обществе больше, чем во втором. Наибольшее число лучших детей будет воспитываться в первом обществе, а следовательно, оно перерастет второе¹

§ 568. Иными словами, эта система, при которой усилия каждого естественно возвращаются к нему вновь, ни больше, ни меньше есть система договора.

¹ Не следует выводить отсюда, что отрицается частная и добровольная помощь низшим; тут говорится об общественной и насильственной помощи. Результаты симпатии лучших людей к людям худшим не должны стесняться и в целом ведут к благу. В самом деле, в среднем выводе лучшие обыкновенно не доводят своих филантропических усилий до того, чтобы ими ограничить свое собственное размножение; они будут считать свою филантропию достаточной, если она облегчит тяжелую судьбу людей худших, не способствуя их увеличению.

Мы видели, что режим статуса повсюду свойствен военному типу. Он сопровождается тем иерархическим подчинением, которым достигаются комбинированные действия борющихся агрегатов и которым достигается обеспечение борющегося общества вообще в корпоративности его действий. При этом режиме в отношении между трудом и продуктом вторгается власть. Как и в армии, пища, одежда и т.д., получаемые каждым солдатом, не представляют прямого возвращения его труда, но произвольно определяются ему с назначением в то же время порции обязанностей, определяемых также произвольно, точно так и во всем военном обществе — высший определяет труд и назначает долю в вознаграждение его, какая ему нравится. Но с падением милитаризма и развитием индустриализма власть и область авторитета уменьшаются, а действия, подлежащие контролю власти, увеличиваются, договорные отношения становятся главными, а в развитом типе они становятся всеобщими.

При таком всеобщем договорном отношении, когда оказывается помощь, уравнивающая вознаграждение, возникает то соответствие благ и усилий, которое содержат учреждения промышленного общества. Если каждый, в качестве производителя, распределителя, управляющего, советника, учителя или иного труженика, помогающего производству, обеспечен в получении по требованию от своего согражданина такой платы за свои услуги, какой они стоят, то это влечет за собой то правильное распределение, вознаграждающее заслуги, которое обеспечивает благосостояние лучших.

§ 569. Изменяя точку зрения, мы видим опять, что в то время как в воинственном типе общества общественный контроль сразу и положительно и отрицательно регулятивен, в промышленном обществе он регулирует только отрицательно. Рабу, воину или иному члену общества, организованного для войны, власть говорит: «Ты обязан сделать вот это; ты должен не делать вот этого». Члену промышленного общества власть дает лишь одно из этих приказаний: «Ты должен не делать вот этого».

Народ, который, достигая своих частных предприятий добровольной кооперацией, также добровольно кооперирует для образования и поддержания правительственной функции, есть,

следовательно, народ, который уполномочивает эту функцию налагать на внутреннюю взаимную деятельность граждан лишь те ограничения, в поддержании которых все они заинтересованы, т.е. ограничения, обуздывающие насилия. Не касаясь преступников (которые при таких условиях должны если не совсем исчезнуть, то остаться лишь в небольшом количестве), каждый гражданин, не желая вторгаться в чужую сферу действия, будет желать предохранить от вторжения свою собственную сферу и сохранить те выгоды, которые достигаются в ее пределах. Важный мотив, принуждающий всех объединяться для поддержания общественной защиты своих личностей, будет принуждать их также объединяться для противодействия всяким ограничениям их личностей за пределами того, что требуется этой целью.

Отсюда следует, что в то время как в военном типе региментация в армии идет параллельно с централизованной администрацией в самом обществе, в промышленном типе администрация начинает децентрализоваться, и в то же время сужается ее область. Около этого же времени все официальные организации, исключая тех, которые охраняют справедливость, неизбежно уничтожаются; это происходит потому, что по общему своему характеру они или давят на граждан, предписывая их действия, или требуют от гражданина на свое содержание больше того, что требуется для его защиты; или того и другого вместе. Граждане, которые принуждены отправлять детей в ту, а не другую школу, — те, которые прямо или косвенно должны поддерживать государственное духовенство, те, от которых требуется такой налог, назначением которого приходский чиновник может предписывать общественную благотворительность, те, которые обложены налогом для доставления бесплатного чтения народу, который не хочет сберечь монету для подписи в читальне, те, чьи занятия происходят под управлением надзирателя, те, которые платят налог на государственную науку и обучение искусствам, на государственную помощь эмиграции и т.д., все они испытывают ограничение личности или принуждением их делать то, чего они не делали бы добровольно, или принуждением их давать деньги, которые без этого они употребили бы на свои частные цели. Принудительные учреждения этого рода существуют с военным типом, но не уживаются с промышленным типом.

§ 570. Относительное сужение области публичных организаций сопровождается в промышленном типе сравнительно широким объемом частных организаций; сферы, оставляемые свободными одними, наполняются другими.

Эту черту стремятся произвести различные влияния. Мотивы, которые при отсутствии подчинения, вызванного войной, заставляют объединяться граждан для обеспечения их индивидуальностей, подчиняясь лишь взаимным ограничениям, суть те же мотивы, которые заставляют их объединяться для противодействия всякому ограничению их свободы, образовывать для этого частные комбинации и не допускать посягательств на них. Кроме того, начинаясь с обмена имуществом и услугами по соглашению между индивидуумами, принцип добровольной кооперации вступает на более широкий путь договора между двумя организациями для соединенного достижения тех или других деловых целей или функций. Но и здесь существует полная связность между представительными учреждениями каждой частной комбинации и представительными общими учреждениями, которые, как мы видели, свойственны промышленному типу: тот же закон организации охватывает общество в его целом и в его деталях. Таким образом, неоспоримая черта промышленного типа состоит во множестве и разнородности ассоциаций, религиозных, коммерческих, профессиональных, филантропических и социальных всяких объемов.

§ 571. К этому следует прибавить два косвенных результата промышленного типа. Первый результат есть сравнительная пластичность.

Пока корпоративное действие обусловлено необходимостью для национального самосохранения; пока для соединенной защиты и нападения поддерживается то иерархическое подчинение, которое связывает каждого низшего с высшим, как солдат связан со своим офицером; пока поддерживаются отношения *status'a*, стремящиеся прикрепить людей к положению, в котором они родились, до тех пор обеспечена сравнительная косность политической организации. Но с прекращением тех нужд, которые вызвали и сохраняют военный тип устройства, и с установлением отношений, при которых

частные усилия сочетаются взаимной выгодой, общественная организация теряет свою косность. Места и занятия определяются теперь не примером наследственности, а принципом способности; и когда люди, не привязанные к предписанной функции, приобретают такие функции, к которым они проявили свои способности, в результате являются изменения в структуре. Легко изменяясь в своих учреждениях, промышленный тип общества является поэтому одним из наиболее способных приспособляться к новым обстоятельствам.

§ 572. Второй косвенный результат состоит в стремлении к уничтожению экономической автономии (самостоятельности).

Пока продолжают враждебные отношения между сражающимися обществами, каждое из них должно удовлетворить себя само своей производительностью; но с установлением мирных отношений эта потребность самоудовлетворения прекращается. Так, местные подразделения, составляющие любую из наших великих наций, пока они были во вражде, должны были производить каждая для себя почти все, что им требовалось, но теперь, при постоянном взаимном мире, они стали настолько взаимно зависимы, что ни одна из них не может удовлетворить своим нуждам без помощи остальных, так что великие нации, сами вынужденные до сих пор поддерживать в обширных размерах свою экономическую автономию, начинают испытывать меньшую надобность в этом по мере ослабления войны и постепенно станут необходимы одна другой. С одной стороны, легкость производства в каждой из них особого рода продуктов будет делать обмен взаимно выгодным, а с другой стороны, граждане каждой не будут при промышленном режиме терпеть тех ограничений их индивидуальности, которые заключались в запрещениях, тяготевших над обменом.

С развитием промышленного типа является, следовательно, тенденция к разрушению делений между национальностями и к распространению между ними общей организации, если не под одним правительством, то под видом союза правительств.

§ 573. Таково устройство промышленного типа общества, выводимое из его условий, и теперь мы должны исследовать, какие

наглядные факты даются нам действительными обществами в доказательство приближения их к такому устройству, сопровождающему прогресс индустриализма.

Так как в период населения земли борьба за существование между обществами, от малых орд до больших наций, происходила почти везде, то, как мы и предупреждали, не следует ожидать, что мы немедленно найдем образцы общественных типов, свойственных исключительно промышленной жизни. Древние известия, в связи с современными ежедневными газетными, показывают, что до сих пор нецивилизованные и полунцивилизованные нации впадали в условия, делающие бесполезными все социальные структуры, препятствующие посягательствам, и путешественники приносят из всех областей очевидные известия, что почти повсюду у нецивилизованных народов вражда между племенами является хронической. Встречается еще весьма мало примеров, которые показывали бы с достаточной ясностью абрис промышленного типа в его зародышевой форме, т.е. в форме, которая являлась в то время, когда культура совершила еще незначительный прогресс. Прежде всего мы рассмотрим эти случаи, а затем постараемся разобраться в отличительных чертах промышленного типа, как они являются в больших нациях, сделавшихся преимущественно промышленными по своей деятельности.

Среди горных индейцев существует много племен, принадлежащих различным расам, но весьма схожих по своим отчасти кочевым обычаям. Их общие занятия, по большей части земледельческие, состоят в возделывании почвы, пока она дает средний урожай, а когда она истощается, они перекочевывают куда-нибудь и повторяют тот же процесс. Они убежали от завоевательных рас, отыскивая то там, то тут места, которые были приспособлены к продолжению их мирных занятий без помехи; отсутствию такой помехи они иногда обязаны своей привычке жить в лихорадочной атмосфере, убийственной для арийской расы. В других главах я уж говорил о совершенной невоинственности бодо и дималов, имеющих лишь номинального главу, не имеющих рабов и социальных классов и помогающих друг другу в своих тяжелых предприятиях; я сообщал также о тодасах, которые, ведя спокойную жизнь, «не имеют никаких из тех объединяющих связей, к которым человек приводит-

ся вообще чувством опасности»; споры между ними решаются или третейски, или совещанием пятерых; читатели помнят также и невоинственных мишмисов, имеющих лишь номинальных глав и решающих правовые вопросы собраниями; к этому я прибавил один народ, отдаленный и по месту, и по расе, а именно древних пуэблов Северной Америки, которые, живя в своих лесных деревнях и сражаясь лишь тогда, когда к ним кто-нибудь вторгался, точно так же соединяли со своей промышленной жизнью свободную форму управления: «Управитель и его совет ежегодно избирался народом». Здесь же я могу прибавить и другие подобные примеры. По описанию отчета индийского управления за 1869/70 г. «белые карены мирны и кротки... их главы считаются патриархами и имеют почти номинальную власть», или, как говорит лейтенант Макмаган, «они не имеют ни законов, ни господствующей власти». Другой пример представляют «очаровательные» лепхасы — не промысловые, но, однако, промышленные в том смысле, что их общественные отношения не принадлежат к военному типу. Хотя я не мог найти ничего особенного относительно системы, господствующей в их временных деревнях, однако приводимые факты заставляют с достаточной достоверностью предположить непринудительный характер этой системы. Они не имеют каст; «семейные и политические раздоры у них кажутся неслыханными; они чувствуют отвращение к военной службе»; они предпочитают скрываться в лесных чащах и жить дикой пищей, «лишь бы не подвергаться несправедливостям иди жестокому обхождению», — все это черты, которые обыкновенно исключают политический контроль. Скажем также о «мирных, безобидных» санталах*, которые хотя и сражаются с неутомимой храбростью, если это необходимо для сопротивления посягательству на них, но по существу своему не способны к нападению. Этот народ состоит из «промышленных земледельцев и не разделяется на касты». Хотя, сделавшись данниками, они имеют теперь в каждой деревне старшину, назначаемого индийским правительством, отвечающего за уплату подати и т.д., однако основной характер их местного управления остается достаточно неповрежденным: при существовании у них почтаемого патриарха, однако, редко мешающегося в дела, «каждая деревня имеет место совещаний, где собирается комитет

и обсуждает дела деревни и ее обитателей. Все маловажные споры, как гражданского, так и уголовного характера, производятся тут». Хотя о племенах, живущих в Шерваройских горах, рассказывают весьма мало, однако, насколько известно, здесь имеется тот же результат. Говоря о них вообще, Шорт рассказывает, что они «чрезвычайно робкий и добрый народ, привязанный главным образом к пастушеским и земледельческим занятиям»; а описывая более специально одно из их подразделений, он говорит: «Между собой они ведут мирную жизнь, и всякий спор, какой только может возникнуть между ними, обсуждается третейски». Затем, чтобы показать, что эти черты свойственны не одной какой-либо исключительной разновидности людей, но зависят от условий, мы можем напомнить примеры, приводимые нами прежде о папуанских арафусарах, которые без всяких делений на классы или наследственного главенства ведут согласную жизнь, управляемую только решениями стариков на сходках. Во всех этих случаях мы можем различать главные признаки, указанные выше, т.е. свойственные обществам, не вынужденным войной к корпоративным действиям. Если не требовалось сильной централизованной власти, то всегда управление, какое есть, исполняется советом, признаваемым без всяких формальностей, — это есть зародышевое представительное управление; различия классов не существует или оно едва обозначается — отношение *статуса*¹ отсутствует. Все дела, какие происходят между индивидуумами, совершаются по договорам, а функция, исполняемая властью, ограничивается покровительством частной жизни путем разрешения возникающих споров и назначения мягкого наказания за небольшие проступки.

Когда мы обратимся к цивилизованным обществам, перед нами возникает трудность отыскать у них черты индустриального типа. Организованные и уплотнившиеся благодаря войнам (как это обыкновенно было у всех больших обществ) — войнам, деятельно веденным в древние периоды их существо-

¹ Слово «статус» (status) Спенсер употребляет курсивом, то есть как термин, выражающий особый смысл, условно ему приданный автором. Отношения статуса он противопоставляет договорным отношениям: отношения статуса суть отношения принудительные, вытекающие из установленных положений. — *Прим. ред.*

вания и по большей части продолжающимся до сравнительно нового времени, эти общества в то же время развивали у себя организации для производства и распределения продуктов; а эта организация мало-помалу становилась противоречащей с организациями, свойственными военным деятельностям; таким образом, всегда представляется такое смешение этих двух элементов, что практически почти неисполнимо отделение первого элемента от второго, как уже и сказано ранее. Однако организующий принцип военного типа, как принцип принудительной кооперации, радикально противоположен организующему принципу промышленного типа, т.е. добровольной кооперации, а потому, следовательно, мы можем, наблюдая падение учреждений, выражающих первый принцип, узнать развитие учреждений, воплощающих второй принцип. Отсюда, если, переходя от первоначальных состояний цивилизованных наций, в которых война является делом всей жизни, к состояниям, в которых военные столкновения лишь случайны, мы в то же время переходим к стадии, в которой общественные права на принадлежащие к нему индивидуумы уже не столь устойчивы и насильственны и в которой подчинение одного слоя другому смягчено — политическая власть не представляет более автократизма, а управление жизнью граждан уменьшилось и в суровости, и в степени, между тем как покровительство им увеличилось, одним словом, перед нами, следовательно, выясняются тут признаки развития промышленного типа. Сравнение разных родов дает результаты, объединение которых подтверждает справедливость этого.

Возьмем сперва контраст между древними условиями большинства европейских наций и их позднейшими условиями. Начав с разложения Римской империи, мы наблюдаем, что в течение многих веков, в продолжение которых войны образовывали бесконечно разнообразные соединения, разложения и вторичные соединения, та энергия, которая не употреблялась прямо на войну, уходила почти вся на поддержание организации, которая воевала: рабочая часть каждой общины существовала не для себя, а для нужд воюющей части. При высокой степени воинственности и не развившемся индустриализме господство наибольшей силы, постоянно устанавливавшееся между обществами в их взаимных отношениях, практико-

валось также и в пределах каждого общества. От раба и крепостного, переходя к вассалам различных степеней, и до герцогов и королей господствовало вынужденное подчинение, которым индивидуальность каждого чрезвычайно ограничивалась. В то же время, так как для совершения внешнего нападения или защиты правящая власть в каждой группе жертвовала частными правами своих членов, то функция защиты членов своей группы друг от друга исполнялась ею лишь в слабой мере: им было предоставлено защищаться своими собственными средствами. Если с этими характеристическими чертами европейских государств средневековой эпохи мы сравним черты, характеризующие их в новейшее время, то увидим следующие коренные различия. Во-первых, с образованием наций, занимающих обширные территории, прекратились постоянные войны внутри таких территорий, и хотя возникающие от времени до времени войны ведутся теперь в больших размерах, однако они случаются реже и не составляют уже занятия всех свободных людей. Во-вторых, в каждой местности развилось относительно большое количество людей, производящая и распределяющая деятельность которых направлена к собственной выгоде, так что в то время как в старину работающая часть существовала для пользы воюющей части, теперь воюющая часть существует главным образом для удобства не воюющей — существует, очевидно, для того, чтобы обеспечить ей мирное достижение целей. В-третьих, система *status'a*, в некоторых ее видах исчезнувшая вовсе, в других в значительной мере смягчившаяся, была почти повсюду заменена системой договора. Только у тех, которые добровольно или в силу конскрипции вошли в военную организацию, система *status'a* держится во всей своей первоначальной силе до тех пор, пока они остаются в этой организации. В-четвертых, с упадком принудительной кооперации и с возрастанием кооперации добровольной ослабели или вовсе исчезли многие второстепенные стеснения частных действий. Люди менее привязаны к местности, чем были ранее; им не навязывается исповедание известных религиозных мнений; они менее стеснены в выражении своих политических взглядов; им уже более не предписывают вида одежды и образа жизни; они встречают сравнительно меньшие затруднения к образованию частных комбинаций

или созыванию митингов для тех или других целей — политических, религиозных, социальных. В-пятых, по мере того, как общественная власть оказывает меньшие посягательства на личность граждан, она больше охраняет ее от посягательств. Место режима, при котором индивидуумы возмещали свои частные обиды как могли — собственными силами или же подкупом заставляя правителя, общего или местного, действовать в их интересах, — заступил режим, при котором требуется гораздо меньше самозащиты, так как главная функция правящей власти состоит в отправлении правосудия. Таким образом, всеми способами доказано нам, что вместе с этим относительным упадком воинственности и относительным развитием индустриализма произошла замена социального строя, при котором индивидуумы существовали для пользы государства, социальным строем, в котором государство существует для пользы индивидуумов.

Подобные же результаты получатся, если вместо сравнения древних европейских обществ с новыми мы противопоставим те из них, в которых промышленное развитие менее затруднялось воинственностью, тем, в которых воинственность более затрудняла его. Для примера могут быть приведены постепенно образовавшиеся различия между нашим собственным государством и государствами континента, как, например, Францией. Когда завоеватели-норманны заняли Англию, в ней было установлено более строгое, чем прежде, подчинение местных правителей общему для всей страны, ближайшим результатом чего было уменьшение количества внутренних раздоров. Галлам (Hallam), говоря об этом периоде, замечает: «Мы читаем о чрезвычайно малом числе частных войн в Англии». Хотя время от времени здесь и происходили возмущения, даже и серьезные, как возмущение при Стефане; хотя дворяне, случалось, и бились друг с другом, однако через какие-нибудь 150 лет, ко времени короля Иоанна, установившееся подчинение обеспечило относительный порядок. Далее можно заметить, что случавшиеся общие войны велись в большинстве случаев вне страны; нападения на наши берега были редки и незначительны и стычки с Уэльсом, Шотландией и Ирландией оставили лишь незначительные следы на английской почве. Следствием этого было то, что промышленная жизнь не встречала

здесь больших препятствий, и потому мало-помалу развились здесь свойственные ей формы. Между тем Франция стояла далеко не в таких условиях. В этот период времени и долгое время спустя, кроме войн с Англией (ведшихся в большинстве случаев на французской почве) и с другими странами, здесь шли повсеместные локальные войны. В промежуток времени между X и XIV столетиями велись постоянные войны сюзеренов с их вассалами и вассалов между собой. Король получает преобладание над дворянством не ранее половины XIV столетия, и только с XV столетия высший правитель становится достаточно сильным для того, чтобы не допускать стычек между местными правителями. О том, как велико было вытекавшее отсюда стеснение промышленного развития, можно заключить из преувеличенных выражений одного старого писателя, который говорит о периоде времени окончания борьбы монархии с феодализмом: «Земледелие, торговля и все механические производства исчезли». Установивши, таким образом, различие между теми незначительными препятствиями, которые война ставила развитию промышленной жизни в Англии, и теми большими затруднениями, которые вытекали для него из войн во Франции, спросим: какие политические различия произошли отсюда? Относительно Англии прежде всего должно отметить факт смягчения крепостной зависимости, случившийся в середине XIII столетия вследствие ограничения обязательной работы и замены ее оброком, а затем факт перехода в XIV в. большинства крепостных в состояние свободных людей; в то время как во Франции, а равно и в других континентальных странах прежние условия продолжали жить и изменяться к худшему. Фриман говорит об этом периоде: «В Англии крепостничество в целом было близко к исчезновению, в то время как в большинстве других стран оно приобретало все большую и большую прочность». Рядом с распространявшимся замещением *statusa* договором, первоначально имевшим место в промышленных центрах, городах, а затем проникшим и в сельские округа, шло подобное же освобождение дворянства: обязательная военная служба вассалов все более и более заменялась взносом денег (*scutage*), так что уже во времени короля Иоанна большинство людей высших классов отделялись от обязательной военной службы точно так же, как низшие классы

отделялись от обязательной работы на господина. Вслед за уменьшением стеснения личности шло уменьшение случаев захвата собственности королевским указом: произвольные налоги на города и не вытекающие из войны источники королевских доходов подверглись контролю; и по мере того, как агрессивная деятельность государства подобным образом ослабевала, его охраняющая деятельность усиливалась: предпринимались меры к тому, чтобы правосудие не было продажным, чтобы оно не замедлялось и чтобы никому не было в нем отказано. Все эти изменения вели к тому социальному устройству, которое, как мы видели, характеризует промышленный тип. Вскоре затем, как следствие этого, возникает представительное правительство, которое, как было показано в предыдущей главе, является в одно и то же время и продуктом промышленного развития, и формой, свойственной промышленному типу. Во Франции же ни одно из подобных изменений не имело места. Крепостничество во всей своей силе существовало до сравнительно позднего времени. Замена обязательной службы вассалов сюзерену денежным взносом была не столь общей; и возникавшие здесь попытки к установлению собрания, которое бы служило выражением народной воли, оказались неудачными. Более обстоятельное сравнение последующих периодов и совершившихся в них перемен отняло бы у нас слишком много времени: достаточно будет указать на главные факты. Начиная с периода времени, в который, вследствие только что указанных влияний, парламентарное государственное устройство окончательно утвердилось в Англии, мы находим, что в течение полутора столетий вплоть до войн Алой и Белой розы* внутренних возмущений было меньше и они были менее значительными, сравнительно с теми, которые имели место во Франции в то же самое время (припомним, что войны между Англией и Францией, обыкновенно происходившие на французской почве, сильнее отзывались на состоянии Франции, чем на состоянии Англии). Франция, как мы замечаем, сверх борьбы с Бургундией, ведет серьезные войны с Фландрией, Кастильей, Наваррой. Результат получается тот, что в Англии власть народа, представляемая палатой общин, упрочивается и возрастает, в то время как во Франции власть эта теряет и ту силу, которую она имела в Генеральных Штатах.

Не упуская из виду того, что войны роз, продолжавшиеся более тридцати лет, положили начало возврату к абсолютизму, рассмотрим последовательно возникшие контрасты. В течение полутораста лет, следовавших за окончанием этих гражданских войн, в Англии были лишь немногие и незначительные случаи нарушения внутреннего мира, в то время как редкие войны с чуждыми войсками происходили обыкновенно вне ее пределов: в этот период времени ретроградное движение, начавшееся с войны роз, остановилось, и народная власть возросла в значительной мере; так что, говоря словами м-ра Бэдждота (Bagehot), «раблепный парламент Генриха VIII развился в ропщущий парламент королевы Елизаветы, мятежный парламент Якова I и бунтующий парламент Карла I». Франция же в первую треть этого периода была посвящена почти непрерывным внешним войнам с Италией, Испанией и Австрией, а остальные две трети — почти непрерывным внутренним войнам, религиозным и политическим. Соответствующим результатом этого было то, что, несмотря на временные сопротивления, монархия делается усиленно деспотической. Чтобы сделать вполне ясным различие социальных типов, развившихся при этих различных условиях, нам нужно сравнить не только соответственные политические учреждения, но и соответственные системы общественного контроля. Рассмотрим те из них, которые существовали в период начала реакции, завершившейся французской революцией. Согласно с теорией военного типа, по которой жизнь, свобода и собственность индивидуума принадлежат государству, монарх являлся собственником всего. Не давая ничего взамен, он брал те дома, те земли, которые ему нравились; налоги, которыми он обременял землевладельцев, были столь тяжкими, что некоторые из них предпочитали оставлять свои земли, чтобы только не платить их. Кроме того, что государство владело собственностью, оно владело и трудом индивидуумов. Четвертая часть рабочих дней в году шла на барщину (*corvées*) в пользу короля и феодальных владельцев. Раз дарованные вольности должны были снова и снова оплачиваться; муниципальные привилегии городов семь раз в 28 лет отнимались от них и снова им возвращались. Военная служба дворянства и народа была обязательной, в каких бы размерах ни требовалась она королем, рекруты обучались под

ударами плети. И в то время как подчинение личности государству дошло до таких крайностей в требованиях податей и службы, что обедневший народ снимал с полей несозревший хлеб, питаясь травой, умирая миллионами от голода, государство не много делало для охранения личности и имущества подданных. Современные писатели распространяются о многочисленных грабежах по дорогам, кражах со взломом, убийствах и, наконец, о тех пытках, которым подвергался народ, с целью открыть спрятанные им запасы. Толпы беглых, собирая черную дань (black-mail), бродили повсюду, а когда, как лекарство от зла, были постановляемы наказания, невинные попадали в тюрьму по одному лишь не проверенному следствием доносу, обвинявшему их в бродяжничестве. Личность не была обеспечена ни против управителей, ни против сильных врагов: в Париже существовало около тридцати тюрем, в которые можно было заключить человека без суда и следствия; и этот «разбой суда» («brigandage of justice») стоил челобитчикам ежегодно от 40 до 69 млн франков. Государство, доводя граждан до подобных крайностей, отказывая им в своей защите, в то же время деятельно регулировало частную жизнь и занятия. Религиозные мнения навязывались до того, что протестантов заключали в тюрьмы, ссылали на галеры, подвергали телесному наказанию, а руководителей их вешали. Было даже предписано количество соли (обложенной высоким налогом), которое могло быть потреблено каждой отдельной личностью. Точно так же были предписаны и способы ее потребления. Промышленность всякого рода была подвергнута контролю. Некоторые хлебные растения запрещалось возделывать, и виноградники, разведенные на почве, считавшейся неподходящей, были уничтожаемы. Количество пшеницы, которое могло быть продано на рынке, было ограничено двумя бушелями; продажа производилась в присутствии драгунов. Фабрикантам были предписываемы как процессы производства, так и продукты его, до того что неодобренные приспособления, равно как и продукты, выработанные не по указанному законом способу, подвергались уничтожению; изобретатели же их наказывались. Узаконения следовали одно за другим с такой быстротой, что среди их множества правительственные агенты встречались с затруднениями в их применении, и наряду с возрастанием числа

официальных приказов шло возрастание числа чиновников. Обратимся теперь к Англии того же самого периода, и мы увидим, что вместе с успехами развития промышленного типа политической структуры, достигшими того, что палата общин получила преобладающее значение, здесь шло развитие и соответственной социальной системы. Хотя сравнительно с настоящим временем личность была в значительно большей мере подчинена государству, однако подчинение это было далеко не таким, как во Франции. Частные права личности не попирались с такой недобросовестностью, и она не имела повода опасаться *lettre de cachet**. Хотя суд еще не был совершенным, однако он не доходил до таких безобразий; личная безопасность была достаточно обеспечена, и посягательства на собственность не переходили известных границ. Протестанты-диссентеры получили некоторые права столетием раньше, католики — немного позднее. Была приобретена значительная свобода прессы, обнаружившаяся как в обсуждении политических вопросов, так и в отчетах о дебатах парламента; около этого же времени была допущена свобода речи на публичных митингах. Таким образом, в то время как государство менее теснило личность и более охраняло ее, оно в меньшей степени вмешивалось в каждодневные занятия частных лиц. Хотя и здесь торговля и промышленность были регулируемы, однако не в такой степени, как во Франции, где земледельцы, фабриканты и торговцы были подчинены целой армии чиновников, предписывавших им все подробности их действий. Одним словом, контраст между нашим государством и государством Франции был велик до такой степени, что возбуждал удивление и восхищение различных французских писателей того времени, из которых Бокль приводит многие отрывки, доказывающие это.

Но особенно замечательны перемены, сперва регрессивные, потом прогрессивные, случившиеся в самой Англии в период войн от 1775 до 1815 г. и в последовавший затем мирный период.

В конце прошедшего столетия происходило медленное возвращение владычества общества над личностью. «Для государственных людей государство как целое было всем во всем, и трудно найти пример, чтобы сколько-нибудь думали о народе, за исключением вопроса о его повиновении». «Правительство редко смотрело на народ иначе, как на массу,

платящую налоги и доставляющую солдат». По мере усиленного развития воинственной части общества промышленная часть его все более и более становилась в условия постоянного комиссариата. Принесение в жертву жизни и свободы граждан, какое требуется войной, значительно расширилось путем конскрипции и рекрутирования матросов; правам собственности угрожали непомерные налоги, под тяжестью давления которых средние классы должны были понизить уровень потребностей жизни, в то время как народ в массе обнищал до того, что «сотни его питались крапивою и другими сорными травами». «Рядом с этим более важным посягательством государства на права личности шли многочисленнее менее важные посягательства. Безответные агенты исполнительной власти могли разгонять общественные митинги и схватывать их руководителей; смерть была наказанием для тех, которые, вопреки приказанию, не расходились. Книжные магазины и библиотеки для чтения могли быть открыты не иначе как с разрешения, без чего снабжение книгами было уголовным преступлением. Были сделаны смелые попытки заставить молчать прессу: книгопродавцы не смели публиковать труды неприятных авторов. «Шпионам платили, свидетелей подставляли, присяжных подтасовывали; постоянно нарушая акт *habeas corpus*, корона пользовалась правом заключать в тюрьму без расследования и без каких бы то ни было ограничений. «В то время как налоги и стеснения свободы граждан государством доходили до подобных размеров, защита, которую имел гражданин в государстве, была незначительной. Уголовный кодекс был расширен и сделан более строгим: определение измены было расширено, и многие проступки, прежде не считавшиеся важными, стали считаться таковыми; так что «разнообразие преступлений, за которые статьи закона приговаривали к смерти мужчин и женщин, было громадным до абсурда, и «человеческая жизнь стала дьявольски дешева». Но наряду с этим шло не увеличение, а скорее уменьшение личной безопасности. «Сделалось очевидным, — говорит Пик в своей «Истории преступления» («*History of crime*»), — что чем большее напряжение получали кары, тем больше становилась опасность от противодействия общества насилию и беззаконию». Обратимся теперь к противоположной картине. Когда прошло то изнеможение, которое

оставили после себя продолжительные войны, когда окончились те социальные смуты, причиною которых было обеднение народа, тогда начали оживать черты, свойственные промышленному типу. Различными путями шло освобождение граждан из-под гнета государства. Добровольное поступление в рекруты заменило принудительную военную службу, исчезли и другие, меньшие стеснения личной свободы; так, например, был отменен закон, стеснявший свободные переходы ремесленников и запрещающий рабочие союзы (Trade-unions). К этим проявлениям большого уважения к свободе личности могут быть прибавлены и улучшения уголовного кодекса: раньше всего было отменено публичное телесное наказание женщин, затем длинный список преступлений, наказываемых смертью, сократился до того, что в конце концов в нем осталось лишь одно преступление; затем окончательно были отменены наказание у позорного столба и заключение в тюрьму за долги. Исчезли и оставшиеся наказания за религиозную независимость: первоначально те, которые были направлены против протестантских диссентеров, затем те, которые тяготели над католиками, наконец, и специально назначенные против квакеров и евреев. Парламентский и муниципальный билли о реформах переместили большое число людей из подчиненных классов в правящие классы. Вмешательство в деловые предприятия граждан было ослаблено дозволением свободного обращения золота в слитках, разрешением открывать акционерные банки, отменю многих ограничений привоза продуктов, из которых в конце концов только немногие остались обложенными пошлиною. И по мере того, как этими и подобными им реформами — каковы, например, отмена стеснительных ограничений печати — устранялись препятствия на пути к свободе действий граждан, возросла и охранительная деятельность государства. Значительно улучшенная полицейская система, местные суды и т.п. более обеспечили личную безопасность и права собственности. Не будем разбирать пример Соединенных Штатов, в которых с небольшими изменениями повторилась та же зависимость явлений, — сравнение указывает нам с достаточной ясностью, что те черты, которые мы вывели априори как присущие промышленному типу, явно обнаруживаются в действительно существующих обществах

по мере того, как преобладающим характером социальных отношений делается добровольный обмен услуг.

§ 574. В предыдущей главе мы отметили черты характера членов общества, ведущего постоянные войны; теперь нам следует отметить черты характера членов общества, исключительно преследующего мирные цели. Отмечая зачатки промышленного типа социальной структуры, проявляющиеся в некоторых маленьких мирных группах людей, мы уже дали некоторые указания на соответствующие личные качества их членов; но здесь было бы уместным снова вернуться к ним и пополнить их, прежде чем приступить к определению личных качеств, свойственных более развитым промышленным обществам¹.

Отсутствие принудительного централизованного правительства, предполагающее слабое давление общества на составляющие его единицы, сопровождается сильным чувством личной свободы и решимостью отстаивать ее. Кроткие бодо и дималы «с мрачным упорством противились приказаниям, навязываемым им вопреки здравому смыслу»². Мирные лепхасы «скорее готовы были перенести большие лишения, чем подчиниться насилию или несправедливости»³. У «простодушного сантала сильно развито естественное чувство справедливости, и всякая попытка насилия заставляет его покидать страну»⁴. Члены не упоминавшегося доселе племени якунсов* на юге полуострова Малакка (Iakuns of the south Malayan Peninsula), о которых пишут как о «совершенно безобидных, лично храбрых, но мирных, не знающих иной власти над собою, кроме власти всенародно избранных старшин, разрешающих их споры, в то же время, как говорят, они «крайне горды», и эта так называемая гордость подтверждается рассказом о том, что

¹ Хотя я ранее заявил, что указание на авторов отложено до окончательного издания этих глав, однако факты, приводимые в нижеследующих параграфах, таковы, что могут показаться неожиданными и возбудить сомнения, а потому я считаю полезным дать сразу средство их проверить.

² Hodgson в *Journal Asiatic Society*, Бенгал, XVIII, 746.

³ Campbell в *Journal Ethnological Society*, за июль 1869.

⁴ Hunter's *Annals of Rural Bengal*, I, 209; Sherville в *Journal Asiatic Society*, XX, 554.

их замечательно добрый характер «внушил некоторым лицам мысль приручить их к домашним услугам, но попытки эти обыкновенно оканчивались исчезновением якунса при малейшем насилии»¹.

Рядом с ясным сознанием их собственных прав эти мирные люди оказывают необыкновенное уважение к правам других. Прежде всего это видно из редких случаев личных оскорблений в среде их. Ходжсон говорит, что бодо и дималы «не знают жестокостей, как во взаимных отношениях, так и в сношениях с соседями»². О мирных племенах нейльгеррийских горцев полковник Ouchterlony пишет: «Пьянство и насилие неизвестны среди них»³. О лепхасах Кэмпбелл замечает: «Они редко ссорятся друг с другом»⁴. Среди якунсов тоже «ссоры чрезвычайно редки»; те несогласия, которые возникают у них, решаются их выборными старшинами без злобы или драки»⁵. Точно так же арафурасы «живут в мире и братски любят друг друга»⁶. Далее: в рассказах об этих народах нет никаких упоминаний о *lex talionis* (законе возмездия). При отсутствии враждебных отношений между соседственными группами, внутри каждой отдельной группы не существует этой «священной обязанности» кровавой мести, повсеместно обнаруживающейся среди воинственных племен и наций. Еще замечательнее то, что мы находим даже примеры противоположных правил и поступков. Кэмпбелл говорит о лепхасах: «Они замечательно склонны прощать обиды, взаимно уступать и благотворить друг другу»⁷.

Естественно, что рядом с подобным уважением к личности другого идет и уважение прав ее собственности. Уже во вступительной главе я приводил доказательства честности бодо и дималов, лепхасов, санталов, тодасов и других народов, родственных им по форме общественной жизни; здесь можно прибавить к ним еще и следующие. О лепхасах Гукер говорит: «Во всех моих сношениях с этим народом он оказывается честным

¹ Rev. P. Favre в Journal of Indian Archipelago, II, 266, 267.

² Hodson в Journal Asiatic. Society, XVII, 746.

³ Colonel Ouchterlony, Memoir of Survey of the N. H., с. 69.

⁴ Campbell в Journal Ethnological Society за июль 1869.

⁵ Rev. P. Favre в Journal of Indian Archipelago, II, 266.

⁶ Earl's translation of Kolff's Voyages of the Domga, с. 161.

⁷ Campbell в Journal Ethnological Society за июль 1869.

до мелочности»¹. «Среди санталов собственно, — пишет Хантер, — преступления и уголовные чиновники неизвестны»²; между тем как о госах (Hos)*, принадлежащих к той же группе, что и санталы, Дальтон говорит: «Можно довести человека до самоубийства, сомневаясь в его честности и правдивости»³. Равным образом Short свидетельствует, что тодасы никогда не бывали обличаемы в гнусных преступлениях какого бы то ни было рода⁴; относительно других мирных племен шерваройских горцев он утверждает, что «серьезные преступления неизвестны в их среде»⁵. О якусах мы читаем еще: «Им незнакомо воровство даже самых незначительных мелочей»⁶. Точно так же о некоторых туземцах Малакки «от природы коммерческого склада» Джюкс пишет: «Нет ни одной местности в свете, где бы совершалось менее преступлений, чем в округе Малакки: немногие случаи маловажных обид или споров из-за собственности — вот все, что можно отметить»⁷.

Таким образом, эти народы, свободные от принудительного правительства, необходимого при военной деятельности, и чуждые тех чувств, которые порождаются необходимостью наивозможно большего подчинения, крепко стоящие за свои собственные права и уважающие права других, чуждые чувства мести, порождаемого нападениями внутренних и внешних врагов, вместо кровожадности, жестокости, эгоистичного притеснения низших, характеризующих воинственные племена и общества, обнаруживают в необыкновенно сильной степени гуманные чувства. Настаивая на их симпатичных качествах, Ходжсон, описывая бодо и дималов, говорит, что «у них почти совершенно нет качеств, которые были бы несимпатичными»⁸. Замечая, что при всей доброте, при всем радушии санталы тверды и чужды раболепия, Хантер говорит нам, что, по мнению сантала, «немилосердный человек» будет страдать после

¹ Hooker's Himalayan Journal, I, 175, 176.

² Hunter's Annals of Rural Bengal, I, 217.

³ Dalton's Des. Ethnology, с. 206.

⁴ «Shortes of S. S. India» часть I, 9.

⁵ Ditto, часть II, 7, 8.

⁶ Фавр (Rev. P. Favre) в Journal of Indian Archipelago, II, 266

⁷ Jukes «Voyage of Her Majesty's Ship. Fly», I, 219, 220.

⁸ Hodson в Journal Asiatic. Society, XVIII, 745.

смерти¹. Говоря о том, что лепхасы являлись всегда проводниками в лесах и к вершинам гор и постоянно готовыми помочь, перенести что-нибудь, разбить лагерь, собирать коллекции, стряпать, Гукер прибавляет: «Они радовали путешественника своим бескорыстным желанием послужить ему»; к этому он прибавляет, что подарок делился поровну между многими без звука недовольства, без завистливого взгляда или слова². Также и о якунсах Фавр рассказывает, что «они вообще ласковы, приветливы, склонны к делам милосердия и благотворения, они не просят милостей, а сами готовы оказать их»³. А затем о мирных арафурасах мы узнаем от Kolff, что «у них есть очень простительное честолюбие — прослыть богатыми людьми с помощью уплаты долгов своих беднейших соседей. Офицер (Бик), на которого я ссылаюсь ранее, сообщил мне удивительный пример этого. В Аффоре присутствовал он на выборе старшины селения. Два лица добивались места оранг-туа. Народ выбрал старейшего из двух, что очень опечалило другого. Однако вскоре затем он показался мне вполне довольным совершившимся выбором народа, причем он сказал Бику, посланному туда с каким-то поручением: «Что мне печалиться? Буду ли я оранг-туа или нет, я все-таки имею возможность помогать моим односельчанам!» Некоторые старики согласились с этим, по-видимому, чтобы утешить его. Таким образом, единственное употребление, которое они делают из своего богатства, состоит в том, чтобы восполнить недостатки других»⁴.

Эти разнообразные примеры могут быть подкреплены еще другими, взятыми из сочинений о Японии, вышедших в свет после того, как было начато это сочинение. Упомянув мимоходом о свидетельстве капитана Сент-Джона касательно «доброты и приветливости» населения пустынной части Японии, «никогда не выдавшего европейцев», — населения, о котором он говорит: «Чем дальше я уходил от открытых гаваней, тем лучшим во всех отношениях казался мне народ»⁵, затем я перехожу к словам мисс Бёрд об айнах*. Это, как кажется, раса аборигенов, уда-

¹ Hunter, *Annals of Rural Bengal*, I, 209, 210.

² Hooker's *Himalayan Journal*, 175, 176; 129, 130.

³ Favre в *Journal of Indian Archipelago*, II, 266.

⁴ Earl's Kolff. 164.

⁵ Captain St. John's *The Wild Coasts of Nipon*, 142.

лившаяся, подобно горным племенам Индии, от расы завоевательной. По свидетельству путешественницы, «у них нет преданий о каких бы то ни было междоусобных войнах, и искусство воевать, кажется, давно позабыто ими». Они «правдивы, кротки, почтительны». «Когда сгорит чей-нибудь дом, они все вместе строят его вновь. Они пунктуально честны в своих поступках; всегда с удовольствием готовы дарить; когда же их убедят продать что-нибудь, они берут только половину предлагаемой суммы». Описывая в общих чертах их природные качества, она говорит: «Надеюсь, никогда не забуду я музыкальности их тихого, приятного голоса, мягкого взгляда их кротких темных глаз и чудной, нежной их улыбки»¹.

Рядом с этим превосходством общественных отношений идет у постоянно мирных племен и превосходство их домашних отношений. Как я отметил выше (§ 327), в то время как в воинственных племенах и в более развитых воинственных обществах status женщин обыкновенно очень низок, как это уже было мною указано ранее, он очень высок в этих первобытных мирных обществах. Бодо и дималы, кокчи (Kocch)*, санталы, лепхасы, равно как и пуэблы, — моногамисты, и наряду с моногамией идет у них и высокая нравственность в отношениях полов. О лепхасах Гукер говорит: «Женщины их вообще целомудренны, и раз заключенный брак соблюдается строго»². Между санталами нецеломудрие почти неизвестно, расторжения браков весьма редки³. В среде бодо и дималов «полигамия, конкубинат и прелюбодеяние нетерпимы»; «целомудрие уважается в мужчине и в женщине, в браке и вне брака»⁴. Далее должно заметить, что все эти народы в высшей степени хорошо относятся к женщине. «Санталы относятся с уважением к женским членам семейства»⁵. «Бодо и дималы относятся к своим женам и дочерям с доверием и любовью: они свободны от какой бы то ни было работы вне дома»⁶. И даже в среде тодасов, как ни низки у них формы отношений между полами, «мужья относятся к своим женам с заме-

¹ Miss Bird's Unbeaten Tracks in Japan, II, 103. 74.

² Hooker's Himalayan Journal, I, 134.

³ Hunter's Annals of Rural Bengal, I, 208.

⁴ Hodson Journal Asiatic Society, XVIII, 708.

⁵ Hunter's Annals of Rural Bengal, I, 217.

⁶ Hodson Essays, I, 150.

чательным уважением и вниманием»¹. Кроме того, относительно многих из этих мирных народов нам известно, что и статус детей среди них также высок; здесь нет совершенно того различия в обращении с мальчиками и девочками, которое составляет характерную черту воинственных триб².

Без сомнения, когда мы обратимся к цивилизованным народам, чтобы отметить черты индивидуального характера, свойственные промышленному строю общества, мы встретимся с большими трудностями: индивидуальные черты характера, свойственного индустриализму, точно так же, как и социальные черты, смешиваются с чертами, свойственными воинственному состоянию общества. Это ясно видно и у нас самих. Нация, которая, кроме случающихся по временам серьезных войн, ведет постоянные мелкие войны с нецивилизованными племенами; нация, в которой направляющее влияние в парламенте и в прессе принадлежит людям, которых школьная наука учила шесть дней в неделе считать их героем Ахиллеса, а в седьмой почитать Христа, нация, у которой на общественных обедах сначала провозглашаются тосты за армию и флот, а затем уже за ее законодательные учреждения, не настолько далеко

¹ Journal Ethnological Society, VII, 241.

² К этому месту Герберт Спенсер делает огромное подстрочное примечание в несколько страниц, касающееся, впрочем, преимущественно Англии, но имеющее общий интерес по своей основной мысли, почему мы и приводим только эту основную его мысль. В майской книжке английского журнала «Nineteenth Century» была напечатана статья «Simposium», в которой обсуждался вопрос о влиянии упадка религиозных верований на нравственность. Спенсер, указывая на мирный, честный, правдивый и высоконравственный характер дикарей, упомянутых в тексте, сопоставляет их с безнравственным, продажным, полным явного разврата, воинственным европейским обществом. Картины разврата и падения нравственности в политике, в частной жизни и в общественных предприятиях (банки, железные дороги и пр.) представляют Спенсеру поразительный материал для доказательства его мысли, что *номинальные* религиозные верования не имеют влияния на нравственность, ибо перечисленные им дикари нравственны, не имея религии, а европейцы — наоборот. Спенсер доказывает далее, что нравственность создается условиями жизни, что нации религиозные, если условия их жизни суть войны или внутренняя борьба, становятся зверски безнравственными вследствие *привычки*, и наоборот. — *Прим. ред.*

ушла от состояния воинственности, чтобы мы могли надеяться ясно отметить учреждения и черты личного характера, свойственные индустриализму. В независимости, честности, правдивости, гуманности ее граждане точно так же не могут выдерживать сравнения с только что описанными нецивилизованными, но мирными народами. Мы можем ожидать заранее только приближение к тем нравственным чертам, свойственным государству, которое не было потрясено международной враждой; это мы и находим.

Вместе с успехами договорного режима на первом плане шло развитие независимости. Каждодневный полюбовный обмен услуг, предполагающий в одно и то же время и утверждение своих собственных прав, и уважение прав других, воспитал нормальную правовую самозащиту и происходящее отсюда сопротивление незаконной власти. На связь развития независимости с развитием индустриализма указывает тот факт, что слова «независимость» в его современном значении не было у нас до середины прошлого столетия, а также и то, что на континенте независимость развилась в заметно меньшей степени. Черты этой независимости проявляются и в разнообразии религиозных сект, и в делениях на политические партии, и даже отчасти в отсутствии тех «школ» в искусстве, философии и т.п., которые на материке формируются с помощью подчинения учеников авторитетному учителю. Полагаю, никто не будет спорить против того, что в Англии больше, чем где-либо, обнаруживается недоверие к установленным правилам и склонность действовать так, как сам признаешь лучшим.

Меньшее подчинение авторитету, которое представляет другую сторону этой независимости, само собою влечет упадок раболепства (*loyalty*). Раболепие перед правительственными лицами, никогда не доходившее у нас до такой силы, которую имело оно во Франции в начале прошлого столетия или в некоторых других странах континента, заменилось уважением, в значительной степени обусловливаемым свойствами и характером этих лиц. В наше время уже нельзя встретить тех раболепных выражений, какие, например, встречаются в посвящении церковниками Библии королю Иакову, или такой преувеличенной лестии, как та, с которой обращалась палата лордов к королю Георгу III. Доктрина божественного права давно уже

не существует; вера в целительную сверхъестественную силу правителя (на которую указывают прикосновения к нему для исцеления от разных болезней и т.п.) считается теперь анахронизмом; а монархические учреждения теперь защищаются не этими древними понятиями, а их пользой и удобством. Так велико было ослабление того чувства, которое при военном режиме привязывает подданных к правителю, что в наши дни выражаемое всеми убеждение состоит в том, что будь у нас теперь на троне Карл II или Георг IV, в результате, вероятно, получилась бы республика. Это изменение чувства обнаруживается и в отношениях к правительству в его целом. Многие не только оспаривают право государственного вмешательства во многие области частной жизни, не говоря уже о религиозных верованиях, но и сопротивляются пассивно тому, что считают незаконным притязанием государства, и готовы скорее заплатить штраф или попасть в тюрьму, чем подчиниться такому требованию.

Этот последний факт показывает, что вместе с ослаблением чувства раболепия (*loyalty*) идет упадок религиозного воззрения не только на главу государства, но и на управление вообще. Запад не знал ничего подобного той вере во всемогущество монарха, какая существовала, например, в Древнем Египте, где предполагалось, что власть монарха имеет силу и над загробным миром, как это и до настоящего времени предполагается в Китае. Однако и среди европейских народов прошлого времени доверие к королю-воину, преимущественно в воинственном типе, проявлялось, между прочим, в преувеличенном понятии о его могуществе в причинении зла и болезней, расточении благодетения или устроении всего, что он пожелает. Если мы сравним мнение, распространенное среди нас в настоящее время, с тем, которое существовало в ранний период нашей истории, мы найдем упадок этих суеверных упований. Хотя во время последнего ретроградного движения к состоянию воинственности во многих случаях взывали к государственному вмешательству и вера в него возросла; однако в то же время в самом начале этой реакции произошла значительная перемена в другом направлении. За падением веры, служившей поддержкой государственному вмешательству, вообще последовало и отрицание государственного вмешательства в определении религиозных истин; а затем усилилось движение в пользу освобождения

государства от функции религиозного наставника и привело к сознанию ее бесполезности и несправедливости. Давно перестали думать, что, регулируя пищу, одежду и домашний быт народа, государство приносит этим пользу. Мы уже не верим в благодетельность законодательных предписаний, тяготеющих над множеством процессов производства и распределения, занимающих большую часть нашей общественной деятельности. Сверх того каждая газета своей критикой действий министров и поведения палаты общин свидетельствует об упадке веры граждан в их правителей. Эти характеристические черты более развитого промышленного государства уясняются нам не только из контраста нашего прошлого с настоящим, но также и из контраста между нашими мнениями об этом и мнениями иностранцев. Умозрения социальных реформаторов Франции и Германии доказывают нам, что надежды на благодеяния, имеющие осуществиться при помощи государственной власти, гораздо более высоки у них, чем у нас.

Вместе с этим упадком раболепства (*loyalty*) и сопровождающим его упадком веры в могущество государства шел упадок и патриотизма, — мы говорим о патриотизме в его первобытной форме. Честолюбие биться «за короля и отечество» в наши дни занимает лишь небольшое место в душе людей; и хотя среди нас чувства большинства и выражаются в восклицании: «Мы всегда за отечество, будь оно право или не право!», однако есть среди нас большое количество людей, у которых желание блага человечества вообще до такой степени превосходит желание национального престижа, что они отказываются жертвовать первым для последнего. Дух критического отношения к себе, заставляющий нас делать различные неблагоприятные сравнения между нами и континентальными нациями, заставляет нас порицать себя более, чем мы этого заслуживаем, за несправедливое поведение наше относительно других народов. Раздающиеся у нас со всех сторон порицания наших действий с афганцами, зулусами, боэрами доказывают существование у нас большой суммы чувств, которые класс «джинго»* считает непатриотическими.

То приспособление индивидуального характера к социальным нуждам, которое в воинственном государстве заставляет людей искать славы в войне и презирать мирные занятия,

завершилось среди нас обратным приспособлением чувств. Занятия солдата считаются уж не столь почетными, как прежде; занятия гражданина стали уважаться более. В течение сорокалетнего периода мира общественное мнение настолько изменилось, что о «солдатчине» стали отзываться с презрением и на записавшихся в солдаты, обыкновенно людей ленивых и распутных, стали смотреть как на людей, завершивших свое падение. Подобным образом в Америке до последней гражданской войны производившиеся время от времени небольшие военные маневры и упражнения возбуждали всеобщий смех. В то же время мы видим, что труд, как физический, так и умственный, для себя или для других, стал считаться не только почетным, но и в значительной мере обязательным. В Америке тот, кто ничего не делает, вызывает враждебные замечания, которые почти вынуждают его заняться каким-нибудь делом, и среди нас самих уважение к промышленной жизни достигло такой степени, что люди высокого положения пристраивают своих сыновей к какому-нибудь производительному занятию.

В то время как принудительная кооперация, свойственная воинственности, запрещает или значительно затрудняет индивидуальную инициативу, свободная кооперация, отличающая индустриализм, дает индивидуальной инициативе полную свободу и развивает ее, предоставляя предприятию приносить его естественные выгоды. Люди, имевшие успех благодаря своей оригинальной идее или делу, благоденствуя и размножаясь в большей степени, чем другие, производят с течением времени общий тип характера, склонного к быстрому осуществлению всякого нового предприятия. Спекулятивные стремления английских и американских капиталистов и обширность предприятий как у себя, так и вне отечества, в достаточной мере указывают на эту черту характера. Хотя под сильным влиянием индустриализма на воинственность частная предприимчивость и на континенте получила большую силу, однако такие факты, как снабжение водой и газом многих французских и германских городов, отданное в руки английских компаний, и небольшое количество английских городов, в которых подобные предприятия отданы в руки иностранцев, доказывают нам, что у англичан, более сформировавшихся по промышленному типу, более выражена и личная предприимчивость.

Очевидно, что упадок международной враждебности, идущий вслед за упадком враждебности во взаимных отношениях семейств и индивидуумов, сопровождается ослаблением мстительных чувств. Это доказывается тем фактом, что в нашем собственном отечестве наиболее серьезные из этих частных войн давно уже прекратились, оставив после себя лишь наименее серьезный свой вид в форме дуэли, которая тоже в конце концов вышла из употребления, — факт, к которому может быть прибавлен тот, что в более воинственных государствах Франции и Германии они еще существуют. Сила закона возмездия (*lex talionis*) упала настолько, что человек, в действиях которого видят желание отомстить кому-нибудь оскорбившему его, подвергается скорее порицанию, чем одобрению.

С упадком враждебности, обнаруживавшейся в насилиях и вызываемом ими возмездии, шло уменьшение и преступлений вообще. Никто из изучающих историю преступления в Англии не усомнится в том, что эта перемена сопровождала переход от воинственного состояния к состоянию более промышленному. В своем сочинении по этому предмету Пик говорит: «Ход истории неоднократно указывал на тесную связь между духом воинственности и теми действиями, которые теперь определяются законом как преступления». Если мы сравним прошедшее время, в которое мирные роды деятельности оказывали меньшее влияние на воинственные роды деятельности, чем они оказывают в наше время, мы найдем заметный контраст в числе и роде преступлений против личности и собственности. В Англии более нет уже никаких пиратов; о кораблекрушителях (*wreckers*) ничего не слышно, и путешественники не готовятся встретить разбойников на большой дороге. Исчезла и та гнусность самих правительственных агентов, которая обнаруживалась в продажности министров и членов парламента и подкупе судебной администрации. С уменьшением суммы преступлений шло увеличение отвращения к ним. Биографии предводителей пиратов, проникнутые удивлением к их мужеству, уже не находят более места в нашей литературе, и раблепная нежность к «джентльменам большой дороги» в наши дни обнаруживается в редких случаях. Как ни велико число нарушений закона, о которых сообщают нам наши газеты, однако оно значительно уменьшилось, и хотя при торговых

делках бывает много случаев плутовства (главным образом в сортах товара), однако стоит только прочесть «Английского купца» Дефо*, чтобы увидеть, какое замечательное улучшение произошло с того времени. Мы не должны забывать, что изменение в характере, уменьшившее вредные действия, увеличило действия благодетельные, как это видно в пожертвованиях на освобождение рабов, заботах о раненых солдатах наших сражающихся соседей и в бесчисленных филантропических действиях всякого рода.

§ 575. Таким образом, как в воинственном типе, так и в промышленном три ясные черты сходятся вместе, чтобы показать нам их существенный характер. Мы изложим коротко несколько выводов, чтобы иметь возможность заметить соответствие между ними.

Размышляя о том, каковы должны быть характеристические черты общества, организованного исключительно ради внутренней деятельности, чтобы как можно действительнее сохранить жизнь своих граждан, мы находим, что черты эти следующие: тут не нужно более корпоративного действия, подчиняющего индивидуальные действия путем объединения их в одно общее усилие. Наоборот, то корпоративное действие, которое остается, имеет целью охрану индивидуальных действий от всякого вмешательства, не вызываемого необходимостью взаимных ограничений: тот тип общества, в котором эта функция лучше выполнялась, должен выжить, потому что члены его будут наиболее благоденствовать. Так как потребности промышленного типа исключают деспотическую контролирующую власть, то само собою подразумевается, что для выполнения той корпоративной деятельности, которая им необходима, может служить только власть, образованная из представителей, служащих выражением воли агрегата. Функция этой контролирующей власти, определяемая вообще как функция отправления правосудия, более специально определяется как функция наблюдения за тем, чтобы каждый гражданин пользовался выгодами не большими и не меньшими тех, которые нормально приносит его деятельность; таким образом здесь исключается всякое общественное действие, предполагающее какое бы то ни было искусственное распределение выгод. С исчезновением

режима status'a, свойственного воинственному типу, он заменяется договорным режимом, который должен укрепляться во всем. А этот режим отрицает самовластное вмешательство власти в отношении усилий к их результатам. Говоря иначе, промышленный тип отличается от воинственного тем, что он не бывает сразу и положительно и отрицательно регулятивным, — он только отрицательно регулятивен. Вместе с ограничением сферы корпоративного действия идет расширение сферы действия индивидуального; из добровольной кооперации, которая представляет основной принцип этого типа, возникает множество частных комбинаций, однородных по своему строению с комбинацией общества, в которое они входят. Отсюда косвенно следует, что общество промышленного типа отличается пластичностью¹, а также стремлением к утрате своей экономической автономии и слиянию с соседними обществами. Мы только что рассмотрели вопрос: оправдываются ли индуктивным путем эти характеристические черты промышленного типа, выведенные нами дедуктивно, и нашли, что в действительных обществах они обозначаются более или менее соответственно с большим или меньшим развитием индустриализма. Бросивши взгляд на маленькие группы некультивированных народов, у которых, вследствие полного отсутствия воинственности, промышленный тип является в своей примитивной форме, мы перешли к сравнению структуры европейских наций вообще в раннюю пору хронической воинственности со структурой их в новейшее время, характеризуемое развитием индустриализма, и открыли различия, однородные с предположенными. Мы только что сделали сравнение двух из этих обществ — Франции и Англии, которые были одно время в одинаковом положении, но впоследствии в одном из этих обществ его воинственная жизнь стала теснить промышленную его жизнь больше, чем в другом; и нам стало очевидным, что контрасты, года за годами возрастающие между их учреждениями, соответствуют нашей гипотезе. Наконец, ограничившись одной Англией и отметив в ней сначала отступление от характеристических черт

¹ Пластичностью, как обществ, так и организмов, Спенсер называет ту подвижность органических элементов, которая позволяет целому агрегату легко приспосабливаться к окружающим условиям соответственно со своими потребностями. — *Прим. ред.*

промышленного типа, которое обнаружилось в течение длинного военного периода, мы наблюдали, как в продолжение следовавшего за тем долгого периода мира, начавшегося с 1815 г., явились здесь многочисленные и законченные приближения к той социальной структуре, которая, по нашему заключению, должна сопровождать развившийся индустриализм.

Затем мы исследовали, какой тип индивидуального характера складывается при промышленном типе общества. Это мы сделали для того, чтобы узнать, получим ли мы подтверждение, выведенное из характера личности, как мы его получили из характера агрегата. Доказано, что некоторые некультурные народы, жизнь которых проходит в мирных занятиях, отличаются независимостью, сопротивлением насилию, честностью, правдивостью, прощением обид, добротой. Противопоставляя характер наших предков, живших в более воинственные периоды времени, нашему собственному характеру, мы видим, что увеличение пропорции индустриализма к воинственности сопровождалось возникновением независимости, менее заметным раболепием, меньшей верой в правительство и более осмысленным патриотизмом, а с предприимчивостью, с уменьшением веры в авторитет, с сопротивлением безответственной власти обнаружилось усиленное самоутверждение личности, возросло и уважение к личности других, как это видно из уменьшения гнета над ними и из увеличения усилий к их благу.

Для предупреждения недоразумения необходимо объяснить, что эти черты должно считать не столько прямыми последствиями индустриализма, как отдаленными последствиями невоинственности. Не столько общественная жизнь, проходящая в мирных занятиях, созидает положительную нравственность, сколько общественная жизнь, поглощенная войной, является положительно деморализующей. Пожертвование другими для себя в одной из них представляет случайное явление, тогда как в другой оно является необходимостью. Наступательный эгоизм, сопровождающий промышленную жизнь, является посторонним элементом, тогда как враждебный эгоизм воинственной жизни есть существенный элемент, хотя в общем обмен услуг по соглашению не основывается на симпатии, однако, основываясь уже и теперь значительно, если не вполне, на должном внимании к чужим правам, он может

постоянно сопровождаться чувством принесенной и полученной пользы; между тем убийство противников, сожжение их жилищ, отнятие у них земель не может сопровождаться ничем иным, кроме яркого сознания о сделанном вреде, а следовательно, зверским отпечатком в чувстве. Этот отпечаток обнаруживается не только в войнах, но и в тех, кто ими пользуется или с удовольствием размышляет об их избиении. Итак, эта последняя форма общественной жизни неминуемо заглушает симпатии и производит такое состояние духа, которое побуждает к преступлениям, направленным против чужой собственности, тогда как первая форма, предоставляющая симпатиям полный простор, если не прямо вызывающая их, благоприятствует развитию альтруистических чувствований и вытекающих из них добродетелей.

КОММЕНТАРИИ

с. 8*

Здесь и ниже на этой странице упоминаются народности Индии: *санталы* — народность австроазиатской языковой группы, в 2001 г. насчитывала 6 млн чел., проживают в Индии (в основном в Джаркханде, Бихаре, Ориссе, в смежных округах штата Западная Бенгалия), в Бангладеш и Непале; *сур, сура* также *тодасы (тода)* — племена юга Индии; *типпера* — племя Бенгалии, ныне проживает преимущественно на территории Бангладеш; *кхонды*, а также *конды* либо *гонды*, — крупнейшее племя центральной Индии численностью более 4 млн чел.

с. 9*

Лепхи, дималы, чакмасы — народности Гималаев.

с. 15*

безжалостный порядок природы, этого чудовища «с красными от крови когтями и зубами»... — здесь Спенсер отсылает читателя к поэме Альфреда Теннисона «In Memoriam A. H. N.», Песнь 56 (1850):

Who trusted God was love indeed
And love Creation's final law
Tho' Nature, red in tooth and claw
With ravine, shriek'd against his creed.

с. 23*

Униоро — область Уганды к северу от оз. Виктория, между Нилом и оз. Альберт.

с. 23**

совет амфиктионов, амфиктиония — древнейшая форма союза греческих племен, живших по соседству, объединившихся для защиты святилища общего высшего божества и общего жертвоприношения.

с. 24*

Каролинги — династия франкских королей и императоров, пришедшая к власти в 751 г. после того, как Пипин Короткий сверг последнего короля династии Меровингов Хильдерика III. После распада Франкской империи Каролинги до X в. правили в Италии, в Восточно-Франкском королевстве (Германии) и Западно-Франкском королевстве (Франции).

с. 25*

управление Египта при римлянах... — в 31 г. до н.э. Египет попал под власть Рима и стал провинцией Римской империи. «Золотой век Римского Египта» длился до 139 г. н.э., когда в связи с повышением налогов вспыхнуло восстание. Оно было жестоко подавлено,

но стало причиной упадка провинции. Такое же восстание (и по той же причине) произошло в 193 г. Император Каракалла (211—217 гг.) даровал жителям провинции римское гражданство, но налоги постоянно росли и в III в. произошло несколько восстаний.

с. 26*

Низам (Хайдарабад) и Гвалиор — территории в центральной Индии.

с. 28*

Будет ли это борьбой церкви против законодательства, вмешивающегося в ее устройство... — речь идет о следующих радикальных реформах, предпринятых в Великобритании. В 1868 г. диссентеры (противники англиканской церкви) были освобождены от налога в пользу англиканской церкви, а в 1871 г. для диссентеров были открыты университеты и отменен порядок, по которому они, поступая в университет или на государственную службу, были обязаны подписывать принятые еще при Елизавете I «39 статей», которые до сих пор остаются догматической основой англиканского вероучения.

...будет ли это оппозицией армии против отмены системы покупки чинов — в 1871 г. была отменена продажа патентов на армейские чины.

...будет ли это то нерасположение, с каким законодательная профессия смотрит на реформу закона — акты о судопроизводстве (Judicature Acts) 1873 и 1875 г. создали единую структуру вместо хаоса судов права (courts of law) и судов справедливости (courts of equity). Акт о судопроизводстве в Верховном Суде (Supreme Court of Judicature) 1873 г. свел воедино существовавшие тогда суды общего права, суды справедливости и специализированные суды, создав Высокий Суд (High Court) и Апелляционный суд (Court of Appeal). Эта базовая структура продолжает существовать и поныне.

с. 29*

В наше время мы имеем перед собой подобный пример в торговых гильдиях Лондона, которые перестали выполнять свои первоначальные функции, но тем не менее ревниво охраняют себя без всякой иной цели, кроме вознаграждения своих членов — торговые гильдии Лондона обеспечивали своим членам монопольные или привилегированные условия в торговле и правовую защиту. Но к XIX в. они выродились, утратили профессиональное единство, но продолжали оставаться организациями, которые поддерживали олигархическую элиту.

с. 29**

«Белая книга» — официальный отчет парламентской комиссии.

с. 35*

Контраст между простой административной системой, которая была достаточна для Англии прежних времен, с ее миллионным населением и сложной административной системой настоящего

времени, необходимой для многих миллионов... — Из древних королевств (таких, как Сассекс и Эссекс), герцогств (как Йоркшир, Корнуолл и Ланкашир) или просто земельных наделов, которыми награждали дворян (Беркшир), возникли графства. До 1867 г. они были разделены на более мелкие образования, называвшиеся сотнями. Самоуправление в пределах графства после политического объединения практически отсутствовало, поэтому границы графств не были точно определены. После Промышленной революции в результате возникновения крупных индустриальных центров образовались метрополитенские графства, центрами которых стали крупнейшие города. Всего в Британии 72 графства.

с. 39*

семинолы — племя американских индейцев, первоначально жили на территории нынешних штатов Джорджия и Алабама; *снейки* («змеиные индейцы») — индейцы северо-запада США (Орегон).

с. 40*

Один встречается на Полинезийских островах, на Таити, Гавай, Тонга, Самоа... — Полинезийские о-ва (в т.ч. Таити, Тонга и Самоа) — группа островов Океании в центральной части Тихого океана. Таити — главный о-в архипелага Общества (Французская Полинезия). Гавайские о-ва (Сандвичевы о-ва) — архипелаг из островов и атоллов в северной части Тихого океана.

с. 40**

...холодными и бездорожными пуньями (pinas) — пустынные местности в предгорьях Анд.

с. 41*

бесплодность, наблюдаемая вообще у диких рас, охваченных цивилизованными обычаями... — во времена Спенсера это мнение было весьма распространенным. Ср. со следующим замечанием Чарльза Дарвина («Происхождение человека и половой отбор», гл. VII): «Чрезвычайно любопытен факт, замеченный м-ром Бейджотом, что дикари не исчезали при столкновении с народами классической древности, как они исчезают теперь перед современными цивилизованными народами. В противном случае древние моралисты, конечно, обратили бы внимание на это явление; между тем ни у одного из писателей этого времени не встречается сожаления о гибнущих варварах. Самой могущественной причиной вымирания является, по видимому, во многих случаях уменьшение плодovitости, а также болезни, особенно среди детей, возникающие вследствие измененных условий жизни, хотя бы эти новые условия сами по себе и не были вредными» (Дарвин Ч. Сочинения / Пер. С. Л. Соболя под ред. акад. Е. Н. Павловского. Изд. АН СССР, М., 1953. Т. 5).

с. 42*

куки, мисми — племена северо-востока Индии.

с. 42**

бакхассины (бечуаны) — народ в Ботсване и пограничных районах Зимбабве и ЮАР.

с. 46

фратрия — форма социальной организации (промежуточная между родом и филлой) в государствах доклассической Греции.

с. 47*

курия (лат. *curia*) — древнейшая форма деления римского населения. Согласно традиционным представлениям, Ромул разделил римлян на три трибы (Тиции, Рамны и Луцеры), а каждую из триб на 10 курий, которые были, в свою очередь, образованы родами (*gentes*).

с. 49*

Нынешний упадок турецкой империи... — распад Турецкой (Османской) империи начался еще в XVIII в. Ряд реформ и взвешенная политика позволили султанам некоторое время удерживать в составе империи Египет и другие ее части, но с начала 20-х годов XIX в. начались восстания на Балканах, в ходе которых добилась независимости Греция, значительной автономии — Сербия. Дальнейшие реформы позволили Турции выжить как государству, но не как империи.

с. 50*

Между новокаледонцами в Танне... — Новая Каледония — крупный остров на юго-западе Тихого океана (в Меланезии), ныне заморская территория Франции; *Танна* — остров архипелага Новые Гебриды в Тихом океане.

с. 51*

...покорение инками Перу — покорение Перу и присоединение к империи инков состоялось в середине XV в. При покорении соседних племен инки использовали свою сильную и многочисленную армию и привлекали к себе на службу элиту покоряемых регионов.

с. 52*

В древнеанглийский период из маленьких княжеств составлялись гептархии... — то есть в начале VI в., когда в результате нашествия англов, саксов и ютов на территории нынешней Англии сформировалось семь государств — Уэссекс (западное саксонское королевство), Восточная Англия, Мерсия, Кент, Нортумбрия, Сассекс (южное саксонское королевство) и Эссекс (восточное саксонское королевство). В X в. эти королевства объединились по инициативе Уэссекса в целостное королевство Англию.

с. 59*

Примером может служить также империя Каролингов, которая, распавшись сначала на свои главные составные части, оказалась с течением времени распавшейся и на подразделения их — формальный распад империи произошел в 843 г. с подписанием трема

сыновьями императора Людовика I Верденского договора, по которому Лотарь I получил Италию, Прованс, Бургундию, Фризию. Это государство получило название Лотарингия. Людовик II получил Баварию, Швабию, Франконию, Саксонию и Тюрингию. Эти земли стали ядром Германии. Карл II, кроме Аквитании, получил Септимию, Испанскую марку, часть Бургундии на запад от Соны, Нейстрию, франкские области на севере Галлии, Бретань, т.е. земли будущей Франции.

- с. 60*
между чиппеваими (Chippewas), а тем более между клатсопами и чинуксами... — племена североамериканских индейцев (современные названия чиппева, клатсопы, чинуки).
- с. 61*
...на Кузбе (Сиева) — регион и название индейского племени на востоке Панамы.
- с. 61**
нуэбло — группа коренных народов на юго-западе США (штаты Аризона, Нью-Мексико).
- с. 61***
бодо — народность штата Ассам (Индия).
- с. 62*
арафуры (альфуры) — новогвинейское племя.
- с. 62**
нуткасы (нутка, нутль) — индейское племя тихоокеанского побережья Канады и о-ва Ванкувер.
- с. 63*
даяки — общее название племен о-ва Борнео.
- с. 64*
сандвичевы острова — второе название Гавайских островов.
- с. 65*
на острове Крите, после покорения его дорийцами... — то есть после X в. до н.э. Заняв Крит, дорийцы стали господствующим народом и пользовались полными гражданскими правами, а коренные жители острова попали в зависимость.
- с. 65**
греческих колониях, основанных позже, как, например, в Сиракузах... — одна из первых греческих колоний на восточном берегу о-ва Сицилия, основанная около 735 г. до н. э., самый большой и богатый город острова.
- с. 66*
Грендж, Бенти-Грейндж (Benty Grange) — курган VII в., названный по имени фермы Бенти-Грейндж в Дербишире (Англия), раскопанный в 1848 г. На основе сделанных там археологических

находок предполагается, что обитателями Грейнджа могли быть *керлы* (seogl) — слой простых свободных земледельцев-крестьян в англосаксонский период истории Британии и социальная основа англосаксонского общества; *бонды* (bond) — свободные незнатные крестьяне-землевладельцы, *серфы* (serf) — лично зависимые крестьяне, и *вилланы* (villan) — крестьяне лично свободные, но зависимые от держателя земли.

с. 66**

Данфермлин — город в Шотландии на берегу залива Ферт-оф-Форт, на северо-западе от Эдинбурга. До 1437 г. был столицей Шотландии.

с. 70

фулахи — пастушеские и скотоводческие народности Западной Африки.

с. 75*

...*древние английские таны* — военно-служилая знать в поздний англосаксонский период истории Британии (VIII — середина XI в.). За службу король предоставлял танам земельные владения.

с. 75**

...*в королевстве Меровингов* — позднеантичное королевство на территории Галлии, конец V — середина VIII в., которым правила династия франкских королей Меровингов. Так называемый «меровингский период» начинается с внука Меровея короля Хлодвига. Королевство постоянно дробилось, а желание собрать под своей властью как можно большую территорию приводило к братоубийственным заговорам и войнам. Со временем королевская власть ослабла и все больше власти получали майордомы. Период фактического правления майордомов принято называть периодом «ленивых королей». Падение Меровингов и воцарение Каролингов считается переходом к раннему Средневековью.

с. 78

бечуаны (баххассины) — народ в Ботсване и пограничных районах Зимбабве и ЮАР.

с. 84

оттава — индейское племя, расселявшееся вокруг оз. Гурон до устья р. Оттава; *чипевасы* и *поттаватамисы* (совр. *чипева* и *поттаватоми*) — индейские племена, селившиеся в районе Великих Озер.

с. 85*

малгази, совр. малагасийцы — основное население Республики Мадагаскар. Малагасийцы живут также на Реюньоне (5 тыс. чел.) и на Сейшельских островах (1 тыс. чел.).

с. 86*

...*а что роль народа не была всегда пассивной, показывает нам история Ферсита* — Ферсит (Терсит), согласно Гомеру, был самым уродливым, злоречивым и дерзким греком из всех, бывших под Троей.

Одиссей при всеобщем одобрении побил Ферсита жезлом за оскорбление, нанесенное на словах Агамемнону.

с. 87*

О короле Эдуарде говорится, что он был выбран в короли «всем народом», граф Годвин «говорил свою речь пред королем и пред всем народом страны» — здесь имеется в виду английский король Эдуард Исповедник (см. Указатель имен).

с. 87**

дравидианскими трибами горной Индии... — племена дравидов, т.е. племена, говорящие на языках дравидийской группы; предположительно остатки древнего, доарийского населения Индии. Некоторые исследователи выделяют дравидов в отдельную расу.

с. 92*

бэи (bais), или начальники киргизов... — Бей — традиционный титул знатного, могущественного человека у тюркских народов. Тюрколог В. В. Радлов пишет о бейх: «...они судят народ, хотя никто собственно не давал им на это права... Так как кочевой народ совсем не имеет понятия о выборе главарей голосованием, то власть бей есть в сущности всегда власть, захваченная силой известной семьей или ее представителем, которую другие признают, лишь понуждаемые к тому обстоятельствами. Бей выступает преимущественно в качестве третейского судьи, решению которого обе стороны добровольно подчиняются. Для приведения в исполнение своих решений он нуждается всегда в помощи наиболее уважаемых лиц общины, поэтому он старается быть с ними в возможно близких отношениях и, будучи в сущности вождем, действовать всегда как бы по их поручению».

с. 93*

Остяки — устаревшее название хантов.

с. 93**

нага, наги — племена нага, говорящие на языках сино-тибетской семьи. Проживают в индийских штатах Нагаленд и Ассам.

с. 93***

коранна-готтентоты, корана — группа капских готтентотов; образовались в результате контактов с голландцами и вызванных ими значительных перемещений и переустройств местных готтентотских племен в конце XVII — начале XVIII вв. Жили по р. Оранжевая от границы с Намибией до окрестностей Кимберли.

с. 94*

туписы, тупи-гуарани — группа индейских племен в Южной Америке. До появления европейцев народы тупи жили в низовьях Амазонки и ее притоков, на берегах Атлантического океана от устья Амазонки до Ла-Платы. В ходе миграций некоторые племена зашли далеко на запад, к предгорьям Боливийских Анд.

с. 96*

суматра — остров в западной части Малайского архипелага, в группе Больших Зондских островов, с прилегающими малыми островами.

с. 99*

Так, в Египте, где Аменхотеп IV, несмотря на возмущение, успел установить новую религию, она была уничтожена в последующее царствование... — царствование Аменхотепа IV, взявшего имя Эхнатона, отмечено религиозной реформой, потрясшей древнеегипетское общество. Эхнатон закрыл храмы богов, вместо культов которых было установлено государственное почитание бога Атона, и довел до крайности культ своих собственных статуй, которые считались проявлениями его божественной сущности. Фараон желал ограничить всевластие жрецов Амона-Ра и искал опору в новой, служилой знати, обязанной возвышением ему лично. Религиозная реформа Эхнатона не получила широкого распространения в египетском обществе и, наоборот, была воспринята враждебно. Когда Эхнатон скончался, уступив престол царю Сменхкара, тот отказался от ереси своего предшественника, а имя Эхнатона было проклято и изъято из официальной документации, в которой отныне его упоминали только как врага и отступника.

с. 104*

никобарийцы, никобарцы — коренные жители Никобарских островов (группа островов в Бенгальском заливе, относящаяся к индийской союзной территории Андаманские и Никобарские острова).

с. 104*

флатхеды (плоскоголовые) — племя салиши, жившее в Западной Монтане.

с. 106*

А предания о бохиках среди чипчасов, об амаливака среди таманакос и о кветзалкотль у мексиканцев... — *чипчасы*, совр. *чибча* — одна из высоко развитых цивилизаций Южной Америки в XII—XVI вв. Среди культур древней Америки чибча стоят в одном ряду с майя, ацтеками, сапотеками и инками. Среди других богов чибча почитали радугу, под именем *Бочика*; *таманаки* — индейское племя, селившееся в районе экватора, почитали *Амаливаку*, отца таманакос, создателя всех людей; *кветзалькоатль*, совр. *Кецалькоатль* — пернатый змей. Один из главных богов ацтекского пантеона Центральной Америки, а также имя исторической личности.

с. 106**

фугианы — огнеземельцы, жители архипелага Огненная Земля; племена, живущие преимущественно на побережье архипелага Огненная Земля на южной оконечности Южной Америки, ныне провинция Чилийская Антарктика. Этнически потомки самых древних аборигенов Америки, еще до заселения ее азиатами через Берингию.

с. 106***

карибы (караибы) — группа индейских народов в Южной Америке. Расселились главным образом между реками Ориноко, Рио-Негру и Амазонкой, и Атлантическим океаном.

с. 106****

тасманийцы — самоназвание *палава* — аборигенное население о. Тасмания, Австралия. Ко времени написания Спенсером «Политических институтов» чистокровные тасманийцы вымерли. Современные тасманийцы происходят от смешанных браков с тасманийскими аборигенами, но сохраняют традиционную культуру палава.

с. 107*

тапайосы, тапайо — племя южноамериканских индейцев в восточной части Амазонки.

с. 107**

Пелей — в «Илиаде» и «Одиссее» отец Ахилла. После смерти Ахилла под Троей враги перестали бояться Пелея и изгнали его; *Лазрт* — отец Одиссея, царь Итаки, изображенный у Гомера глубоким стариком, которому силы возвращает Афина.

с. 107***

змеиные индейцы (снейки) — индейцы северо-запада США (Орегон). Другие народности, упоминаемые ниже на этой странице: *криксы, крики* (маскоги) — индейский народ, проживающий ныне на юго-востоке США; *команчи* — одно из шоноязычных индейских племен, населявших юго-запад степных районов Северной Америки; *короадосы, короадо* — индейцы, проживающие в долине реки Ивай в бразильском штате Парана; *остяки* — устаревшее название хантов; *такулли* — индейское племя, населявшее верховье р. Фрейзер в Британской Колумбии (Канада); *толеуасы* — индейцы, населявшие территорию графства Дель Норте (на северо-западе штата Калифорния, США); *навайосы*, совр. *навахо, навахи* (самоназвание — *дене*) — индейский народ, проживающий, главным образом, на территории США. Навахо сохранили независимость от испанских колонизаторов и (позднее) мексиканских властей. Утратили независимость после захвата США в 1848 г. юго-западной части Северной Америки; в 1860-х годах поселены в резервациях.

с. 112*

тлинкиты (Thlinkets) — индейцы, проживающие в Канаде и США, в районе Аляски и острове Ванкувер. Другие народности, упоминаемые на этой странице: *хайдаки, хайда* — «люди с островов», индейцы с островов архипелага Королевы Шарлотты в Британской Колумбии (Канада); *амазулу, зулу, зулусы* — народ в ЮАР (в основном в провинции Квазулу-Наталь). Живут также в Лесото, Мозамбике и Свазиленде.

с. 112**

Лангалибалель — вождь племени амахлуби (Квазулу-Наталь), ум. в 1889 г. В 1873 г. отказался выполнять распоряжение о регистрации ружей членов племени, которые были получены в уплату за труд на алмазном руднике Кимберли, после чего произошло столкновение племени с войсками лорда Дарнфорда.

с. 113*

Гуитцилопохтли, Уицилопочтли или Вицилиуцли — у ацтеков бог солнца, бог войны и национальный бог, покровитель города Теночтитлан.

с. 113**

Геймс-крингла-сага, Heimskringla saga — «Круг земной», история норвежских королей от персонажей Саги об Инглингах до раннего Средневековья. Сагу «Круг земной» написал исландский скальд, прозаик, историограф и политик Снорри Стурлусон (1178—1241).

с. 115*

короадос, короадо — индейское племя в бразильском штате Парана.

с. 121*

тиммани и булломы, булем (самоназвание) — народы в Сьерра-Леоне, основным промыслом которых одно время была работоторговля.

с. 121**

кафры — так белые называли южноафриканских негров.

с. 125*

чибхасы, чипчасы, совр. чибча — одна из высокоразвитых цивилизаций Южной Америки в XII—XVI вв. Среди культур древней Америки чибча стоят в одном ряду с майя, ацтеками, сапотеками и инками.

с. 126*

карены — группа народов на юге и юго-востоке Бирмы.

с. 128*

ярибы, йоруба — группа родственных негроидных народов, населяющих Западную Африку (от устья р. Нигер до Гвинейского залива): государства Нигерия, Того, Бенин.

с. 128**

Телемак, Телемах — в греческой мифологии сын царя Итаки Одиссея и Пенелопы. Упомянут в «Илиаде», один из главных персонажей «Одиссеи».

с. 128***

Интеррекс, интеррекс — временная магистратура в Древнем Риме. Интеррекс избирался жребием из десяти старших сенаторов на пять дней. Он должен был в этот срок созвать комиции для выбора нового царя. Этот институт сохранялся и во времена республики. Интеррекса выбирали, если не было консулов. Иногда, впрочем, вместо интеррекса с целью избрания новых консулов назначали диктатора.

с. 130*

Лоанго — африканское государство (до 1883 г.) на территории нынешнего Конго.

с. 131*

Уанг, совр. *ван* — титул правителей государств и княжеств в Китае и Корее в древности и Средние века.

с. 133*

Гондар, *Гондэр* — город в Эфиопии в 30 км к северу от озера Тана, в регионе Амхара. Центр исторической провинции Бэгемдыр.

с. 134*

Даймиосы, совр. *даймё* — крупнейшие военные феодалы средневековой Японии, элита самураев.

с. 135*

сёгун — верховный военачальник. Сёгуны, а не императоры, были настоящими правителями Японии с 1192 по 1868 г.

с. 136*

Аккадийская цивилизация — цивилизация государства Аккад, возникшего в начале III тыс. до н. э. территории Междуречья.

с. 136**

сиам — название Таиланда до 1939 г.

с. 143*

нагасы (нага, наги) — племена нага, говорящие на языках сино-тибетской семьи. Проживают в индийских штатах Нагаленд и Ассам.

с. 146*

различия между монголами, семитами и арианами... — современный термин «арии» обозначает группу древнеиндоевропейских племен, которая, согласно ныне широко распространенной среди ученых теории, обитала в бронзовом веке в восточно-европейских степях, а во III—II тыс. до н.э. переселилась в Иран и Индию. Во времена Спенсера (и до середины XX в.) арийцами (ариями) называли праиндоевропейцев, а также современные индоевропейские народы.

с. 147*

Тайгет — небольшой горный хребет протяженностью 75 км на юге полуострова Пелопоннес в Греции.

с. 152*

Лациум, *Лаций* (*Latium*) — территория между Тирренским морем, совр. Кампаньей и Тосканой, в древности населенная племенем латинов, прародина современных романских народов. Территория Лациума ныне входит в состав Лацио, административно-территориального образования современной Италии.

с. 157*

Фризы (*Friezen*) — народ, проживающий на территории нидерландских провинций Фрисландия и Гронинген и на северо-западе

Германии, на берегах Северного моря. В древности для защиты от набегов с моря в союзе с внутренними племенами вошел в Саксонскую лигу, которая распалась с упадком Римской империи.

с. 157**

Немецкое море — Северное море, мелководное шельфовое море, ограничено с востока побережьями Норвегии и Дании, с запада побережьем Британских островов и с юга побережьями Германии, Нидерландов, Бельгии и Франции.

с. 158*

народ, обитавший в древней Менании... — то есть на острове Мэн.

с. 165*

Эфоры — выборные должности в Древней Спарте, судебная власть. Со временем эфоры сконцентрировали в своих руках контроль почти над всеми областями жизни спартанского общества и вели надзор за обоими спартанскими царями

с. 167*

Этим и объясняется, каким образом Марий и Сулла могли настолько развратить свое войско, чтобы заставить его идти сражаться против своей родной страны, а также и то, каким образом Юлий Цезарь мог сделаться неограниченным властелином в Риме... — В 89 до н.э. царь Понта Митридат VI Евпатор изгнал римлян из Малой Азии и вторгся в римскую провинцию Ахея. Во главе армии, отправлявшейся на помощь греческим союзникам, сенат поставил Суллу, но народное собрание назначило на пост командующего Мария. Сулла отказался признать решение народного собрания законным и отправился к войску. Он убедил солдат не подчиняться решению народного собрания и признать его своим полководцем. В подчинении Суллы оказались шесть легионов, которые он и направил на Рим. Это было невероятное событие, совершенно непредвиденное Марием. Так римское войско впервые вступило в вечный город.

с. 167**

Ломбардия — историческая область в северной Италии между Альпами и долиной реки По.

с. 167***

Французов не мог остановить от недавнего назначения маршала Мак-Магона исполнительным главою... — речь идет о назначении Мак-Магона временным президентом Франции в мае 1873 г.; в ноябре того же года его полномочия были продлены на 6 лет.

с. 174*

Фулахи — народность Судана.

с. 174**

О государстве Мандинго... — мандинго (малинке, мандинка, манинка) — большая этническая группа в Гвинее, Гвинее-Бисау, Сенегале,

Мали, Кот-Дивуар, Гамбии и Сьерра-Леоне, которую прежде объединяло единое государство Мали.

с. 175*

Пешт (Pest) — восточная, равнинная часть Будапешта (в отличие от холмистой западной), занимающая около $\frac{2}{3}$ территории города.

с. 179*

Ваньямвези, ньямвези — один из крупных народов Танзании, распространенный между озерами Виктория и Руква.

с. 180*

Так же было и у центральных американцев Вера-пац... — область Вера-Пас находится на территории современной Гватемалы. Ее населяли потомки майя.

с. 181*

Лангедок, Анжу, Мэн — исторические области Франции.

с. 184*

Геррманд, херреманд — так называемые «королевские люди», вассалы или военные, в Дании. Эта группа выделилась к концу XII — началу XIII в.

с. 185*

Витнагемот, Витенагемот (witenagemot) — предшественник английского парламента, национальное собрание в англосаксонский период истории Англии. Витенагемот представлял интересы англосаксонской знати и духовенства и имел совещательные функции при короле. Институт витнагемота возник в VII в. и следующие четыреста лет все важнейшие вопросы государственной политики король решал при одобрении совета. Обычно король созывал витнагемот раз в год, иногда чаще. После вторжения в 1066 г. Вильгельма Завоевателя витнагемот трансформировался в Большой королевский совет.

с. 193*

у древних евреев в истории Саула и Ионафана... — Речь идет об эпизоде, когда Саул запретил вкушать хлеб, пока враг не будет избит, но Ионафан вкусил меду (1 Цар 14):

38 Тогда сказал Саул: пусть подойдут сюда все начальники народа и разведают и узнают, на ком грех ныне?

39 Ибо, — жив Господь, спасший Израиля, — если окажется и на Ионафане, сыне моем, то и он умрет непременно. Но никто не отвечал ему из всего народа.

40 И сказал Саул всем Израильтянам: станьте вы по одну сторону, а я и сын мой Ионафан станем по другую сторону. И отвечал народ Саулу: делай, что хорошо в глазах твоих.

41 И сказал Саул: Господи, Боже Израилев! дай знамение. И уличены были Ионафан и Саул, а народ вышел правым.

42 Тогда сказал Саул: бросьте жребий между мною и между Ионафаном, сыном моим. и пал жребий на Ионафана.

43 И сказал Саул Ионафану: расскажи мне, что сделал ты? И рассказал ему Ионафан и сказал: я отведал концом палки, которая в руке моей, немного меда; и вот, я должен умереть.

44 И сказал Саул: пусть то и то сделает мне Бог, и еще больше сделает; ты, Ионафан, должен сегодня умереть!

45 Но народ сказал Саулу: Ионафану ли умереть, который доставил столь великое спасение Израилю? Да не будет этого! Жив Господь, и волос не упадет с головы его на землю, ибо с Богом он действовал ныне. И освободил народ Ионафана, и не умер он.

с. 203*

опустошенных продолжительными войнами мавров и христиан... — войны между маврами и испанцами-христианами (Реконкиста) начались в 711 г. и длились до 1492 г., когда с Иберийского полуострова был изгнан последний мавританский правитель.

с. 216*

Могакским сражением ... — здесь имеется в виду одна из битв при венгерском городе Мохач: 1) в 1526 г., после которой большая часть Венгрии попала под власть Османской империи; 2) в 1687 г., во время австро-турецкой войны (войны «Священной лиги») 1683—1699 гг., когда османская армия потерпела поражение.

с. 231*

Мундуржу — народ Амазонии, проживающий главным образом в бразильском штате Пара.

с. 236*

В битве при Платее... — одно из крупнейших сражений греко-персидских войн (479 г. до н.э.). Общим командующим был спартанский регент Павсаний. Как сообщает Геродот, войско греков насчитывало около 70 тыс. чел., из них половина тяжеловооруженные (гоплиты). Численность персов оценивается в 14 000 пехоты и 6 000 конницы.

с. 240*

северогерманский союз (Norddeutscher Bund) — конфедеративное образование, созданное в 1867 г., предшественник Германского рейха. В Северогерманский союз вошли все немецкие земли севернее реки Майн. Просуществовал до 1871 г.

с. 240**

Kulturkampf («культурная борьба») — борьба Бисмарка и его сторонников против католической партии Центра (*Deutsche Zentrumspartei*) и против притязаний католической Церкви при Пии IX. Борьба началась с изгнания в 1872 г. из Германии ордена иезуитов, затем в 1873 г. последовали знаменитые «майские законы», которыми устанавливался контроль государства над школами, назначениями на церковные должности, отношениями между духовенством и паствой. Римский папа энцикликой от 5 февраля 1875 г. объявил

законы не имеющими силы, а преследуемым епископам он выразил свое благоволение. Прусское правительство отвечало прекращением финансирования католической церкви из средств государственного казначейства и новыми законами об управлении церковными имуществами и диоцезами (1875—1876 гг.).

с. 242*

в делах Кипра ... — в 1878 г. Кипр из-под власти Османской империи перешел под контроль Британской Империи в обмен на защиту Турции от Российской Империи. В 1925 г. Великобритания аннексировала Кипр и официально включила его в состав своих заморских доминионов за то, что Турция выступила на стороне Германии в Первой мировой войне. В 1960 г. остров получил независимость.

с. 247*

церковная история франков... — «История франков» («Historia Francorum») епископа Григория Турского.

с. 268*

санталы — народность Индии, живут в основном в штатах Джаркханд, Бихар, Орисса, в смежных округах штата Западная Бенгалия, а также в Бангладеш и Непале.

с. 274*

Войны Алой и Белой розы — продолжительный вооруженный конфликт группировок английской знати в 1455—1487 гг. в борьбе за власть между сторонниками двух ветвей династии Плантагенетов, Ланкастеров и Йорков. В этой войне, а также на эшафотах и в тюрьмах погибли и прямые потомки Плантагенетов, и значительная часть английских лордов и рыцарства. С окончанием войны Алой и Белой розы закончилось и английское средневековье, и с воцарением в 1485 г. Тюдоров в Англии наступило Новое время.

с. 277*

Lettre de cachet — приказ французского короля о заточении в тюрьму или об изгнании (без суда).

с. 280*

Члены не упоминавшегося доселе племени якунсов на юге полуострова Малакка... — Малакка — крупный полуостров в Юго-Восточной Азии; якунсы, якуны — коренное население Малакки.

с. 281*

тем как о госах (Нос), принадлежащих к той же группе... — индийская народность хо, проживает в основном в штате Джаркханд.

с. 283*

Айны, айну — народ, проживающий в настоящее время на острове Хоккайдо (Япония). После советско-японской войны 1945 г. айнов Сахалина и Курил выселили вместе с японцами в Японию. В Японии айны издавна считались «варварами», «дикарями» и социальными маргиналами, что ускорило их ассимиляцию.

с. 284*

Кокчи (Kocch) — народность Юго-Западной Индии.

с. 288*

Класс «джинго», джингоисты — насмешливая кличка английских крайних шовинистов, происходит от собственного имени Джинго (Jingo) из популярной в XIX в. патриотической английской песни.

с. 290*

прочсть «Английского купца» Дефо... — памфлет Даниеля Дефо «The Complete English Tradesman».

ГЛОССАРИЙ ИМЕН

- Август Октавиан, Гай Юлий* (Gaius Iulius Caesar Octavianus, при рождении — Гай Октавий Фурин, Gaius Octavius Thurinus, 63 до н.э. — 14 н.э.) — римский политический деятель, основатель принципата (с именем Imperator Caesar Augustus с 27 г. до н.э.). Победой в 31 г. до н.э. при Акции над римским полководцем Марком Антонием и египетской царицей Клеопатрой завершил гражданские войны (43—31 гг. до н.э.), начавшиеся после смерти Цезаря; сосредоточил в своих руках власть, сохранив традиционные республиканские учреждения; этот режим получил название принципат. Позднее термин «Август» приобрел значение титула императора.
- Адамс, Френсис Оттуэлл* (Adams, Francis Ottiwell, 1825—1889) — секретарь американской миссии в Эдо, историк и востоковед.
- Адриан, Публий Элий Траян* — римский император 117—139 гг. Избиение иудеев, упоминаемое Спенсером, произошло при жестоким подавлении восстания Бар-Кохбы и разрушения Иерусалима до основания.
- Аллен, Уильям*, капитан (Allen, William) — один из авторов цитируемой Спенсером книги «Narrative of Expedition to River Niger in 1841».
- Альфонс XI Кастильский* (Alfonso XI de Castilla, 1311—1350) — король Кастилии и Леона в 1312—1350 гг.
- Аменхотеп IV Уазра Неферхеперура, Эхнатон* (1364—1347 до н.э. или 1351—1334 до н.э.) — фараон из XVIII династии, выдающийся политик и религиозный реформатор. Пытался сломить могущество старой знати и жречества, связанных с культом фиванского бога Амона-Ра. Эхнатон запретил культ Амона, конфисковал фиванские храмовые владения, провозгласил новый государственный культ бога Атона и впервые сформулировал принципы монотеистической религии.
- Аристотель* (384 до н.э. — 322 до н.э.) — древнегреческий философ и ученый. Ученик Платона, воспитатель Александра Македонского, основоположник формальной логики.
- Артевельде, Яков, ван* — гентский пивовар, вместе с сыном Филиппом возглавил восстание горожан Гента, Брюгге и Ипра против французского короля и заключил торговый договор с Англией. Убит в 1345 г.
- Астлей, Томас* (Astley, Thomas) — английский путешественник и торговец XVIII в. Свои путешествия описал в цитируемой здесь книге «Collection of Voyages and Travels» (1747).
- Аттила* (ок. 406—453) — вождь гуннов с 434 по 453 г. В 434—441 гг. создал могущественный племенной союз, контролировавший огромную территорию от Рейна до границ Китая. Аттила обложил данью Западную и Восточную Римские империи. После «битвы

- народов» на Каталаунских полях (451) в 452 г. предпринял новый набег и разрушил ряд городов Италии. Папа Лев I от имени императора купил у Атиллы мир за крупную сумму денег. Средневековая христианская традиция приписывает спасение Рима вмешательству апостолов Петра и Павла. Аттила стал персонажем германского и скандинавского героического эпоса: в «Песни о Нибелунгах» он зовется Этцель, в «Старшей Эдде» — Атли.
- Банкрофт, Хьюберт Хоуи** (Bancroft, Hubert Howe, 1832—1918), американский писатель, книготорговец, библиофил и историк-любитель, автор многочисленных книг по истории и географии Северной Америки.
- Бартс, Генрих** (Barth, Heinrich) — один из первых и, вероятно, величайший исследователь Сахары. Свое путешествие 1849—1855 гг. он описывает в пятитомной книге «Travels and Discoveries in North and Central Africa».
- Бастиян, Адольф** (Bastian, Adolf, 1826—1905) — немецкий этнограф и антрополог.
- Берд, Изабелла Люси** (Bird, Isabella Lucy, 1831—1904) — английская путешественница, писательница и натуралист.
- Бертон Ричард Френсис**, капитан, (Burton Richard Francis, 1821—1890) — английский путешественник, писатель, этнограф и лингвист.
- Берчел, Виллиам Джон** (Burchell William John, 1781—1863) — английский путешественник, натуралист, писатель и художник.
- Бокль, Генри Томас** (Buckle Henry Thomas, 1821—1862) — английский историк, автор двухтомной «History of Civilization» (1858).
- Боссюэ, Жак Бенинь**, (Bossuet, Jacques Bénigne, 1627—1704) — французский проповедник и богослов XVII в., писатель, епископ Мо.
- Брантом, Пьер де Бурдей**, аббат (Brantome, Pierre de Bourdeille, 1540—1614) — французский писатель-мемуарист.
- Брюс, Джеймс** (Bruce, James, 1730—1794) — шотландский исследователь Африки. По итогам своих путешествий в 1768—1774 гг. написал книгу «Travels to Discover the Source of the Nile» (1790).
- Брюс, Роберт I** (1274—1329) — шотландский король; начал войну с Англией и, победив в битве при Баннокберне, восстановил независимость Шотландии.
- Буркхард, Джон Льюис** (Burckhart John Lewis, 1784—1817) — английский этнограф и путешественник. Изучал Северную Африку и Аравию.
- Бутлер, Джон**, майор (Butler John) — английский офицер, прикомандированный к гражданскому представителю короны в Индии, описал свои путешествия и впечатления в книге «Travels and Adventures in Assam» (1855).
- Буэ, Ами** (Ami Boué, 1794—1881) — австрийский геолог. Был одним из первых ученых геологов. Основатель французского Геологического общества.

- Бэдждот, Уолтер* (Bagehot Walter, 1826—1877) — британский промышленник и журналист, автор классической книги «English Constitution» (1867), в которой исследовал политическое устройство Британии, и, в частности, парламента и института монархии, в сопоставлении с США.
- Бэкер, Сэмюэл Уайт* (Baker, Samuel White, 1821—1893) — британский исследователь Африки, натуралист, инженер и писатель.
- Бэтс, Генри Уолтер* (Bates, Henry Walter, 1825—1892) — британский натуралист и путешественник, впервые описавший мимикрию животных. Прославился своей экспедицией на Амазонку, о которой написал книгу «Naturalist on River Amazon» (1863).
- Вайц, Теодор* (Waitz, Theodor, 1821—1864) — немецкий философ и антрополог, профессор Марбургского университета.
- Варнкениг, Леопольд Август* (Warnkönig, Leopold August, 1794—1866) — немецкий юрист и историк.
- Вильгельм I Завоеватель* (англ. William I the Conqueror, фр. Guillaume le Conquérant, 1027/1028—1087) — герцог Нормандии и король Англии (с 1066 г.), организатор нормандского завоевания Англии. В 1066 г. высадился в Англии и с битве при Гастингсе разбил английское войско под водительством короля Гарольда. Величайшим достижением Вильгельма Завоевателя считается всеобщая перепись земельных владений в Англии 1086 г., результаты которой представлены в двухтомной «Книге Страшного суда». Это ценнейший источник по состоянию англо-нормандского общества конца XI в., не имеющий аналогов в средневековой Европе.
- Галлам, Генри* (Hallam, Henry, 1777—1859) — английский историк и общественный деятель. Спенсер несколько раз цитирует популярную книгу Галлама «Europe in the Middle Ages» (1818), которая выдержала более двадцати изданий.
- Галлиен, Публий Лициний Эгнаций* (Publius Licinius Egnatius Gallienus) — римский император с 260 по 268 н.э.
- Гальтон, Френсис* (Galton, Francis, 1822—1911) — английский исследователь, географ, антрополог и психолог; основатель дифференциальной психологии и психометрики. В многочисленных экспедициях Гальтон изучал народы с первобытной материальной культурой. За успех исследований в Юго-Западной Африке (1850—1852) был награжден золотой медалью Королевского географического общества. Его вклад в науку включает метеорологию (антициклон и первые общедоступные погодные карты), статистику (регресс и корреляция), психологию (синестезия), биологию (природа и механизмы наследственности) и криминологию (дактилоскопия и создание фотороботов). Высоко ценил и широко применял на практике математические методы. Он также ввел термин «евгеника».
- Гаркнесс Генри*, капитан (Harkness, Henry) — Спенсер ссылается на книгу Харкнесса «The Neilgherry Hills» (1832).

- Генрих I* по прозвищу Боклерк (Henry I Beaulerc, 1068—1135) — младший сын Вильгельма Завоевателя, король Англии (1100—1135) и герцог Нормандии (1106—1135). Осуществил ряд административных и финансовых реформ, которые легли в основу государственной системы Англии эпохи высокого Средневековья. В частности, была создана Палата шахматной доски, возникла традиция утверждения английскими монархами хартий вольностей, упорядочены местная администрация и судебная система.
- Генрих VIII Тюдор*, король Англии (1491—1547). Знаменит уничтожением политических противников, в том числе своего друга Томаса Мора, церковной реформой, в ходе которой появилась англиканская церковь и Рим утратил владычество над Англией, а также своими шестью браками.
- Генрих (Энрике) III* — король Испании (1390—1406).
- Георг III* (1738—1820) — король Британии и курфюрст Ганновера, из ганноверской династии. Царствовал с 1760 г., враждовал с вигами, безуспешно воевал с провозгласившими независимость бунтовщиками из американских колоний. В 1811 г. впал в помешательство, после чего королевская власть была передана принцу-регенту.
- Георг IV* (1762—1830) — король Британии из Ганноверской династии. С 1811 г. принц-регент, взошел на трон в 1820 г. Из-за душевной болезни отца, короля Георга III, фактически возглавил страну на рубеже XVIII—XIX вв.
- Геродот Галикарнасский* (ок. 484—425 до н.э.) — древнегреческий писатель и историк. «История» Геродота содержит исторические, географические, этнографические и литературные сведения. Цицерон назвал Геродота «отцом истории».
- Гиббон, Эдуард* (Gibbon, Edward, 1737—1794) — английский историк. Спенсер использует сведения и отрывки из классического трактата Гиббона «History of the decline and fall of the Roman empire», написанного в 1767—1787 гг. (Рус. пер.: «История упадка и разрушения Римской империи»).
- Гизо, Франсуа Пьер Гийом* (Guizot, François Pierre Guillaume, 1787—1874) — французский историк, критик и государственный деятель. Спенсер часто обращается к английскому переводу объемного трактата Гизо «The History of Civilization» (1871).
- Гирн, Сэмюэл* (Hearne, Samuel, 1745—1792) — исследователь северных земель североамериканского континента и побережья Северного Ледовитого океана. Интересовался жизнью индейцев.
- Гладстон Уильям Юарт* (Gladstone, William Ewart, 1809—1898) — британский государственный деятель и литератор. Четырежды был премьер-министром Великобритании; начинавший как тори, Гладстон затем сошелся с передовыми либералами. Параллельно политической деятельности он занимался литературным трудом. Любимым предметом Гладстона был Гомер и его век.

- Годвин* (Godwin, 1001—1053) — граф Уэссекса, поддержал вступление на престол короля Эдуарда Исповедника, был первым в системе государственной власти, выдал за короля свою дочь и добился изгнания из страны нормандцев.
- Ходжсон, Брайан Хьютон* (Hodgson, Brian Houghton (1800—1894) — британский натуралист и этнолог. Состоял на государственной службе. В 1819 г. качестве служащего Ост-Индской компании был послан в Катманду (Непал). Совершил путешествие по региону Кумаон (1819—1820), а с 1833 г. занимал должность британского резидента. Изучал жизнь непальцев, их языки, литературу. Возражая Маколею, отстаивал образование жителей Индии на языках Индии, а не на английском.
- Гомара, Франсиско Лопес де* (Gomara, Francisco Lopez de, ок. 1511 — ок. 1566) — испанский историк из Севильи, известен своими работами, описывающими экспедицию Эрнана Кортеса и завоевание испанцами Нового Света. Гомара не бывал в Америках, но непосредственно встречался с возвратившимся конкистадорами и использовал их рассказы в качестве источника. Однако современники Гомара критиковали его труды за массу неточностей и за преувеличение роли Кортеса.
- Грант, Улисс Симпсон* (Grant, Ulysses Simpson, 1822—1885) — американский политический и военный деятель. В гражданскую войну сражался на стороне северян. В 1869—1877 был президентом США от республиканской партии.
- Грей, Джордж* (Grey, George, 1812—1898) — первопроходец и военный деятель, губернатор Южной Австралии и Новой Зеландии, губернатор Капской колонии (Южная Африка). Был также премьер-министром Новой Зеландии.
- Григорий Турский* (лат. Gregorii Turon, Gregorius Turonensis, фр. Grégoire de Tours, 538—594) — гало-римлянин, историк. По воле короля Сигиберта I был поставлен епископом Тура. Пользовался почетом и уважением франкских королей Зигберта, Гунтрама и Хильдеберта II, энергично защищал интересы церкви против Хильпериха и Фредегунды. Его главное сочинение — «История франков» («Historia Francorum») в 10 книгах — имеет непревзойденное историческое значение и по сей день служит главным источником истории Меровингов до 591 г.
- Грот, Джордж* (Grote, George, 1794—1871) — английский историк античности. Спенсер в своей книге пользуется монументальным трудом Грота «History of Greece» (1849).
- Гукер, Джозеф Далтон* (Hooker, Joseph Dalton, 1817—1911) — английский ботаник и путешественник. Принимал участие в антарктической экспедиции Джеймса Росса и организовал экспедицию в Гималаи, которая продолжалась три года. Был другом Чарльза Дарвина.
- Гумбольдт, Александр фон* (von Humboldt, Friedrich Wilhelm Heinrich Alexander Freiherr, 1769—1859) — немецкий ученый-энциклопедист,

- физик, географ, ботаник, зоолог и путешественник. Спенсер в своей книге ссылается на рассказ Гумбольдта (1852) о его путешествии в экваториальные регионы Америки.
- Гутцлафф, Карл* (Gutzlaff, Karl Friedrich August, 1803—1851) — протестантский священник и миссионер, трудившийся в Юго-Восточной Азии. Известен своими книгами о Китае.
- Дальтон, Эдвард Тьют*, полковник (Dalton, Edward Tuite, 1815—1880), военный деятель и антрополог.
- Дарест де ла Шаванн, Антуан* (Darest de la Chavanne, Antoine Elisabeth Cleophas, 1820—1882) — французский историк, автор книг «Histoire des Classes Agricoles» (1858) и «Histoire de l'Administration en France» (1848).
- Дефо, Даниель* (Defoe, Daniel, ок. 1660—1731) — предприниматель-авантюрист, влиятельный памфлетист и автор романов. Спенсер упоминает памфлет Дефо «Английский купец» («The Complete English Tradesman», 1726).
- Лобокк, Джон* (Lubbock, John, 1834—1913) — английский историк, антрополог и натуралист. Он глубоко изучил археологические находки древности, придумал хронологические термины «палеолит» и «неолит» и провел разграничение между двумя периодами каменного века. Спенсер цитирует его книгу «The Origin of Civilization and the Primitive Condition of Man» (1870).
- Джюкс, Джозеф* (Jukes, Joseph Beete, 1811—1869) — английский геолог и натуралист. Участвовал в частности в экспедиции к островам Новой Гвинеи до Большого Барьерного Рифа.
- Диодор Сицилийский* (ок. 90—30 до н.э.) — древнегреческий историк родом из Аргириума (Агридженто) на Сицилии. До нашего времени частично дошло его сочинение «Историческая библиотека». Наиболее полно в сочинениях Диодора отражена эпоха диадохов, а также история Древней Греции после персидских войн до Пелопонесской войны.
- Добрицгоффер, Мартин* (Dobrizhoffer, Martin, 1717—1791) — австрийский католический священник и миссионер, иезуит. Провел 18 лет в Парагвае среди гуарани и абипонов. Спенсер приводит множество примеров из блестящей книги Добрицгоффера «Account of the Abipones» (1822).
- Дракон* — один из древнейших законодателей Греции. В 621 г. до н.э. составил законы Афинской республики, впоследствии частично отмененные Солоном. Часть законов Дракона оставалась в силе еще в IV в. до н.э. Ко времени Дракона наступил переход натурального хозяйства к денежному, образовался класс зажиточных граждан, но зажиточных, отвоевавших у родовой знати активное участие в управлении, и неудивительно, что законы Дракона прежде всего охраняли имущество правящего класса. Преобладающее место в наказаниях по законам Дракона занимала смертная казнь.

- Дюрюи, Виктор* (Duruy, Victor, 1811—1894) — французский историк, политический деятель и романист, член Французской Академии, ученик Жоржа Мишле. Будучи министром просвещения в 1863—1869 гг., реформировал народное образование, заложив основы современной системы.
- Елизавета I* (1533—1603) — королева Англии из династии Тюдоров. Царствовала с 1558 года. Время ее правления называют «золотым веком Англии». «Время Елизаветы» ознаменовалось значительными географическими открытиями, основанием множества заморских колоний, расцветом торговли и разгромом «Непобедимой армады», после чего Англия стала сильнейшей морской державой. Эпоху Елизаветы связывают также с расцветом литературы и театра.
- Зом, Рудольф* (Sohm, Rudolph, 1841—1917) — немецкий правовед, профессор германского, римского и канонического права во Фрейбурге, Страсбурге, Лейпциге. Зом утверждал, что любое церковное право противоречит сущности Церкви и что церковью должен править Дух, а прочие учреждения являются признаком отпадения от изначального христианства.
- Иннес, Космо* (Innes, Cosmo, 1798—1874) — историк и знаток древностей, профессор Эдинбургского университета.
- Иоанн Безземельный* (1167—1216) — король Англии с 1199 г. и герцог Аквитании, из династии Плантагенетов. В 1213 г. признал Англию вассалом римского папы. В 1215 г. под давлением восставших баронов подписал Великую хартию вольностей, чем известен более всего. Иоанна считают правителем-неудачником, в связи с чем ни один английский монарх не давал своим потомкам этого имени.
- Каллавей, Генри* (Callaway, Henry, 1817—1890) — врач и священник англиканской церкви, миссионер, затем епископ в Южной Африке. Изучал обычаи и верования зулусов, о чем написал несколько книг. Перевел на язык зулу книгу общих молитвословий и книгу псалмов.
- Кэмпбелл, Джон* (Campbell John, 1802—1878) — генерал-майор, военный деятель и этнограф, исследователь Индии.
- Камехамахеха* (1758—1819) — первый гавайский король. Основал в 1810 г. Гавайское королевство, покорив и объединив Гавайские острова. Камехамахеха установил партнерские отношения с основными колониальными империями и сохранил независимость Гавайев на весь период своего правления.
- Каракалла* — Септимий Бассиан Каракалла (Septimius Bassianus Caracalla, 186—217), римский император из династии Северов. Правил с 211 по 217 н.э. Политика давления на сенат, казни знати, избивание жителей Александрии, противившихся дополнительному набору в армию, вызывали недовольство и привели к убийству Каракаллы заговорщиками.
- Карл I Габсбург* (1500—1558) — испанский король с 1516 г., император Священной Римской империи с 1519 г. под именем Карла V. Вел

войны с Францией за господство над Италией. При возникновении турецкой угрозы возродил идею единой европейской империи на основе христианства. Захватил Тунис, освободив тысячи рабов-христиан и пытался захватить Алжир. Испания при Карле I продолжала играть ведущую роль в Великих географических открытиях (плавание Магеллана). В годы его правления происходят главные события Конкисты — завоевание Мексики Кортесом и империи инков — Писарро. С середины XVI в. поток драгоценных металлов из американских рудников стал важным инструментом имперской политики Карла I и его наследников.

Карл I Стюарт (1600—1649) — король Англии, Шотландии и Ирландии с 1625 г. Дважды распускал парламент и самовластно собирал подати. Его политика абсолютизма и церковные реформы вызвали восстания в Шотландии и Ирландии и, наконец, Английскую революцию. В ходе гражданских войн Карл I потерпел поражение, был предан суду парламента и казнен 30 января 1649 г. в Лондоне.

Карл II Стюарт (1630 — 1685) — король Англии и Шотландии с 1660 г. После казни отца (1649) в 1650 г. прибыл в Шотландию и был коронован. В 1651 г. Кромвель разгромил войска шотландских сторонников Карла, и король бежал во Францию. Вернулся в Англию после реставрации, организованной генералом Монком. При Карле II установилось разделение властей между троном и парламентом, а также сформировались политические партии тори и вигов. Важнейшее политическое событие его царствования — принятие акта Habeas Corpus (1679). В царствование Карла II Англия пережила расцвет экономики и науки, а также территориальную экспансию в колониях. Карл II известен как «веселый король», так как имел множество любовниц и внебрачных детей.

Карл V Валуа (1338—1380) — король Франции с 1364 г. Во время пребывания своего отца короля Иоанна II в английском плену был регентом Франции. Провел ряд реформ, преобразовал налоговую систему и реорганизовал армию. В 1369 г. возобновил военные действия против Англии. Его царствование признают удачным во внутртриполитическом и в военном отношениях. Карла V называют также Карлом Мудрым.

Карл V Габсбург — см. Карл I Габсбург.

Карл VII Валуа (1403—1461) — король Франции с 1422 г. по прозвищу Победоносный. Возглавил сопротивление англичанам во время Столетней войны. После перелома войны при решающем участии Жанны д'Арк Карл смог короноваться в Реймсе. В 1438 г. утвердил принятую французским духовенством «Прагматическую санкцию», которая провозгласила примат собора над папством и сформулировала основы так свободы галликанской церкви.

Карл I Великий (Carolus Magnus, 747—814) — король франков с 768 г., король лангобардов с 774 г., герцог Баварии с 788 г., римский импе-

ратор с 800 г. Старший сын Пипина Короткого. Удачными войнами расширил границы Франкского государства, улучшил государственное устройство и укрепил границы. Покровительствовал наукам и приказал составить грамматику народного языка. По его имени Карла Великого (это прозвище он получил еще при жизни) названа династия Каролингов.

Клерк, Уильям (Clarke, William, 1770—1838) — исследователь американского континента. По приказу правительства США совершил экспедицию проехал от истоков Миссури до тихоокеанского побережья и составил подробный, с рисунками и картами, отчет о населении, флоре и фауне страны, в то время плохо изученной.

Хлодвиг I, или Хлодвиг I (ок. 466—511) — с 481 г. король салических франков с 481 по 511 г. Хлодвиг вступил на трон после смерти своего отца Хильдерика I в возрасте 15 лет. Активно завоевывал соседние территории, значительно расширив королевство. В 498 г. первым из франкских королей перешел в католическую веру, что стало началом христианизации Галлии. Считается первым официальным королем французской монархии. При Хлодвиге была составлена «Салическая правда», одна из первых варварских правд.

Колензо, Джон Уильям (Colenso, John William, 1814—1883) — первый англиканский епископ провинции Наталь в Южной Африке. Математик, теолог, библеист и общественный деятель.

Кольбен (Кольб, Кольбе) *Петер* (Kolben, Kolb, Kolbe, Peter, 1675—1726) — секретарь Немецкой Ост-Индской Компании, астроном, математик и метеоролог. Составил карты и описание мыса Доброй Надежды.

Конт, Огюст (Auguste Comte, 1798—1857) — французский философ и социолог, основатель позитивизма и социологии как самостоятельной науки. Научное знание, по мнению Конта, является высшей ступенью развития знания, а самым ценным видом знания является позитивное, т.е. научное, достоверное, точное, полезное.

Кранц, Давид (Crantz, David, 1723—1777) — христианский миссионер из Моравии, трудившийся в Гренландии. Заметки о жизни, обычаях и религии гренландцев, а также описания китобойного промысла вошли в книгу «History of Greenland», которую он выпустил в 1767 г.

Кромвель, Оливер (Cromwell, Oliver, 1599—1658) — лидер Английской революции, военачальник и государственный деятель. Как деятель парламента, положил конец притязаниям монарха на абсолютную власть. Установил свою диктатуру и восстановил порядок в стране. Жестоко подавил восстания в Ирландии и Шотландии, заключил мир с Данией, Швецией, Голландией, Францией, Португалией и продолжил войну с давним врагом Англии — Испанией. В эпоху реставрации его тело извлекли из могилы и подвергли казни за измену в Англии.

Ксеркс I (486—465 до н.э.) — персидский царь из династии Ахменидов. Спенсер упоминает Ксеркса в связи с его греческими походами, против которых был создан общезелинский союз. Нудача греко-персидских войн, а также мятеж сатрапов ускорили распад державы Ахеменидов. Укрепляя централизацию государства, Ксеркс провел религиозную реформу, которая запретила почитать местных родоплеменных богов и усилила культ Ахурамазды. В августе 465 г. Ксеркса убили в его спальне вместе с его старшим сыном Дарием.

Кук, Джеймс (Cook, James, 1729—1779) — английский военный моряк, исследователь, картограф и первооткрыватель. Возглавлял три экспедиции по исследованию мирового океана, в ходе которых совершил ряд географических открытий и составил очень точные карты. Научившись бороться с бичом мореплавателей, цингой, свел смертность от нее к нулю. В плаваниях Кука приняло участие множество знаменитых мореплавателей и исследователей. Кук был убит в Гавайях в ходе мятежа туземцев.

Лавелз, Эмиль Луи Виктор де (de Laveleye, Émile Louis Victor, 1822—1892) — бельгийский экономист, один из основателей Института международного права. В 1864 г. был избран профессором Льежского университета. Сферой его научных интересов был биметаллизм и право собственности у первобытных народов. Лавелз питал особый интерес к возрождению и сохранению малых народов.

Ликург — полубогатый законодатель Спарты, якобы живший в IX в. до н.э. В Спарте его почитали наравне с богами. О Ликурге упоминают Геродот и Плутарх. Ликург ввел в общественную жизнь спартиатов военную организацию, обязательное участие в дружествах, являвшихся подразделениями войска, обед за общим столом, суровую дисциплину в воспитании юношества и меры против роскоши.

Лихтенштейн, Мартин Генрих Карл (Lichtenstein, Martin Heinrich Carl, 1780—1857) — немецкий врач, зоолог и путешественник. В 1802—1806 гг. путешествовал по Южной Африке, будучи личным врачом губернатора мыса Доброй Надежды и в 1810 г. издал описание этого путешествия. С 1811 г. трудился на кафедре зоологии в Берлинском университете, а в 1813 г. его назначили директором Берлинского Зоологического музея. Основал Берлинский зоопарк. Погиб на дуэли.

Льюис, Мерриуэзер, капитан (Lewis, Meriwether, 1774—1809) — исследователь американского континента. По приказу правительства США совершил экспедицию, проехав от истоков Миссури до тихоокеанского побережья и совместно с капитаном Клерком (см. выше) составил подробный, с рисунками и картами, отчет о населении, флоре и фауне страны, в то время плохо изученной.

Людвиг XI Валуа, по прозвищу Осторожный (1423—1483) — король Франции с 1461 г. Поставил целью объединение раздробленной

Франции и ликвидацию самостоятельности крупных феодалов, чего добился в основном путем хитрости, интриг и насилия. На руинах феодализма основал абсолютную монархию и расширил территорию Франции. Людовика XI считали одним из самых образованных людей своего времени. Он покровительствовал наукам и искусствам, основал типографию в Сорбонне и поощрял распространение книгопечатания, поощрял торговлю и промышленность, понимал значение земледелия и горного дела, восстановил почву.

Людовик XIV Бурбон (1638—1715) — король Франции и Наварры с 1643 г. Пережив в отрочестве войны Фронды, он вырос убежденным сторонником принципа абсолютной монархии. Укрепляя свою власть, Людовик XIV окончательно подавил могущество феодальной знати. В его царствование произошла существенная консолидация Франции, выросли ее военная мощь и политический престиж, а ключевые политические должности заняли выходцы из третьего сословия. Отменив Нантский эдикт о веротерпимости, он принудил гугенотов к массовой эмиграции. Постоянные войны этого царствования разорили страну высокими налогами. Тем не менее время Людовика XIV, прозванного «король-солнце», было эпохой расцвета культуры и искусства.

Людовик X Сварливый (Louis X le Hutin, 1289—1316) — король Франции (с 1314 г.) из рода Капетингов и король Наварры в 1305—1316 гг., сын Филиппа Красивого. Людовик не был способен продолжить политику своего отца по созданию неограниченной монархии. Делами управлял его дядя, Карл Валуа, а советники Филиппа IV были удалены, некоторые преданы суду. В 1315 г. Людовик X уничтожил крепостное право в своих доменах и предложил другим сеньорам последовать его примеру.

Мазон (Мейсон), Френсис (Mason, Francis, 1799—1874) — англо-американский баптистский миссионер, полиглот и натуралист, много лет провел в Бирме и Таиланде среди племени кэренов, занимавшихся рыболовством. Обладавший даром к изучению языков, Мейсон выделил два диалекта кэренов и перевел на эти диалекты Священное Писание, издав этот перевод в 1870 г. Опубликовал в научных журналах множество статей и был избран в Королевское Общество Азии.

Макиавелли, Никколо (Niccolò Machiavelli, 1469—1527) — итальянский мыслитель, писатель, политический деятель эпохи Возрождения. Будучи сторонником умеренной республики или «смешанной формы государства», Макиавелли выступал за сильную государственную власть и считал, что для ее укрепления хороши все средства. Он называет политику «опытной наукой», которая разъясняет прошлое, руководит настоящим и может прогнозировать будущее. Макиавеллизмом по его имени называли политику, основанную на пренебрежении нормами морали.

- Мак-Куллох У.*, полковник (W. McCulloch) — политический агент в Манипуре, военный деятель, исследователь и этнограф.
- Мак-Магон, Патрис-Морис, граф де* (comte de Mac-Mahon, Patrice Maugice, 1808—1893) — французский военачальник и политический деятель, маршал Франции. В Крымской войне командовал дивизией и взял Малахов курган (1855), за что получил звание сенатора. В 1858 г. был назначен главнокомандующим всех морских и сухопутных сил в Алжире, а 1864 г. был вновь поставлен во главе управления Алжира, где и оставался до 1870 г. принял участие во франко-прусской войне 1870 г., где был ранен и взят в плен. По возвращении во Францию Мак-Магон командовал правительственными войсками во время осады Парижа, захваченного коммунарами. Убежденный монархист, Мак-Магон в мае 1873 г. был избран временным президентом республики, а в ноябре того же года его полномочия продлили на 6 лет.
- Макферсон, Сэмюэл*, майор (Macpherson, Samuel, 1806—1860) — британский политический и военный деятель. Во время службы в Индии изучал языки и обычаи местных племен.
- Марий, Гай* (Gaius Marius, ок. 157 до н.э. — 86 до н.э.) — римский полководец и политический деятель, вождь популяров. Семь раз избирался в консулы. Провел реорганизацию римской армии, включив римских граждан, не имеющих земли, в число подлежащих призыву, и предложив лишить солдат гражданских прав (и пообещав им все трофеи, которые они смогут добыть на войне). После Первой гражданской войны (88 г. до н.э.) Марий бежал в Африку. Вскоре в Риме начались столкновения между оптиматами и популярами. Марий вернулся из африканского изгнания и по дороге собрал войско. Римское войско из-за внутренних склок быстро таяло от дезертирства и город был сдан, а Цинна и Марий назначены консулами. В пятидневном терроре, инициированном Марием, было убито множество магистратов и рядовых граждан, которых сочли оптиматами. Через семь дней после вступления в город Марий умер. После этого все главные сторонники Мария были собраны якобы для задачи наград и убиты.
- Маринер, Уильям* (Mariner, William) — подростком поступил писарем на корабль «Порт-О-Пренс» и в 1806 г., когда корабль бросил якорь у острова Тонга (группа островов Лифука Гавайского архипелага), был пойман будущим гавайским вождем Финау Улукалала. Большинство команды было убито, но Финау спас Маринера и еще нескольких человек. Маринер прожил на Тонга 4 года и по возвращении в Англию продиктовал подробный отчет с описанием общества и культуры Тонга, а также грамматики и словаря языка тонга. Эта публикация и поныне остается одним из ценнейших исторических документов о дохристианской жизни на островах Тихого океана.

Медичи (итал. Medici) — семейный клан богатых флорентийских коммерсантов, представители которого с XII по XVII в. неоднократно становились правителями Флоренции. Кроме того, из семейства Медичи происходили четверо римских пап — Лев X, Пий IV, Климент VII, Лев XI — и несколько членов королевских домов Франции. Одним из родоначальников клана якобы был врач (*medico*) при дворе Карла Великого. Основателем династии считается Джованни ди Биччи (1360—1429), который в 1421 г. был избран гонфалоньером Флоренции. Сыновья Джованни, Козимо (1389—1464) и Лоренцо (1394—1440) были активными политическими деятелями Флорентийской республики.

Медичи, Козимо (Cosimo di Giovanni de Medici, 1389—1464) — основатель могущества семейства Медичи. К сорока годам стал одним из богатейших людей Флоренции, удачно расширив банковский дом, основанный его отцом. Банк Медичи с отделениями в крупнейших европейских городах давал Козимо доступ к информации относительно событий в политической жизни других стран и в частной жизни правителей. Войдя в олигархическую группу правителей Флоренции, Козимо Медичи позаботился о своей популярности, организовав масштабное строительство и раздачу продовольствия в голодные годы. Он не имел никакого титула, однако превратил Флорентийскую республику в наследственную вотчину своего семейства.

Ментенон де, Франсуаза д'Обинье, маркиза (Françoise d'Aubigné Scarron, Marquise de Maintenon, 1635—1719) — вторая жена Людовика XIV. Была дочерью гугенота и соратника Генриха IV Агриппы д'Обинье. По настоянию Анны Австрийской Франсуаза д'Обинье стала католичкой и в 1647 г. вышла замуж за знаменитого поэта Скаррона. Овдовев, мадам Скаррон за бедностью приняла приглашение мадам де Монтеспан (1669) заняться воспитанием ее детей от Людовика XIV. Она была умна, обладала весьма обширным кругозором, что отличало ее от придворных, и королю нравилось проводить с нею время в разговорах о смысле жизни, о религии, об ответственности перед богом. Двор, некогда блестящий, стал целомудренным и высоко нравственным. В 1675 г. король даровал ей титул маркизы Ментенон, а после смерти королевы Марии-Терезии король и маркиза в 1684 г. тайно сочетались браком. Влияние маркизы де Ментенон на короля в вопросах политики и религии было несомненным.

Меровех, а также Меровея, Меровеус (лат. Meroveus или Merovius, фр. Mérovée, нем. Merowech, ок. 411 — ок. 457) — полумифический вождь салических франков, якобы рожденный женой Хлодиона от морского чудовища. Его считают третьим королем из династии Меровингов, правившим примерно с 448 по 457 г. Многие историки сомневаются в его существовании, но имя династии Меровингов, правившей с конца V до середины VIII в. на территории будущей Франции и Бельгии, дал именно Меровех.

- Метц, Фридрих* (Metz, Friedrich) — швейцарский миссионер Базельского миссионерского общества. Составил словарь тамильского языка и описал племена гор Нильгири.
- Моверс, Франц Карл* (Movers, Franz Karl, 1806—1856) — католический геолог и востоковед.
- Моммзен, Теодор* (Mommsep, Theodor, 1817—1903) — немецкий историк, филолог и юрист. За монументальный труд «История Рима» («Römische Geschichte») в 1902 г. был награжден Нобелевской премией (есть рус. пер.). Автор полутора тысяч научных трудов, он основал научные центры при крупных промышленных предприятиях.
- Монфор V, Симон де* (Simon de Montfort, 1208—1265) — 6-й граф Лестер, граф Честер, возглавил сопротивление баронов королю Англии Генриху III. Пытался ограничить королевскую власть в пользу баронов. Став лордом-протектором Англии после победы над сторонниками короля, в январе 1265 г. созвал первый парламент, чем положил начало сословному представительству в Англии.
- Мориц Нассауский* (Maurice of Nassau, Maurits van Nassau, 1567—1625) — с 1584 г. штатгальтер (наместник) Голландии и Зеландии, полководец, с 1618 г. принц Оранский. Объединил разрозненные мятежи нидерландских провинций против Испании и своими военными победами над испанцами заслужил признание всей Европы как полководец и стратег. Умер во время осады Бреды.
- Мэн, Генри Джеймс Самнер* (Maine, Henry James Sumner, 1822—1888) — английский юрист и историк права. Профессор Кембриджского университета, член совета при вице-короле Индии (1863—1869). По возвращении из Индии занял профессорскую кафедру в колледже «Корпус кристи» в Оксфорде. В своих исследованиях использовал сравнительно-исторический метод и стремился создать полную историю развития права и ранних социальных институтов на основе изучения индусского, древнеримского, германского, древнеириландского и славянского права.
- Нерон, Клавдий Цезарь Август Германик* (лат. Nero Claudius Caesar Augustus Germanicus, 37—68) — с 54 г. римский император, последний из династии Юлиев—Клавдиев. Его имя стало синонимом порока. В христианстве Нерона считают первым гонителем христиан и убийцей апостолов Петра и Павла. Светоний отзывался о Нероне весьма негативно, а Тацит, бывший свидетелем многих событий правления Нерона, гораздо более сдержан. Оставленный войском и даже слугами, Нерон покончил с собой во время мятежа Гальбы.
- Осаи Квамин* (Osai Quamina, ум. 1824) — с 1800 г. король племени ашанти, которого описывают как предприимчивого и амбициозного человека. Очень интересовался миром белых и стремился поддерживать контакты с живущими в Африке миссионерами и военными.

- Ондегардо, Поло де* (Ondegardo, Juan Polo de, ок. 1500—1570) — испанский историк, военный деятель и судья в Перу. Описал обычаи и право инков.
- Ордерик Виталий* (лат. Ordericus Vitalis; 1075 — ок. 1142) — средневековый английский хронист, автор «Церковной истории» (*Historia Ecclesiastica*). Этот труд является общей летописью его времени и одним из важнейших источников информации об истории Нормандии и Англии конца XI — начала XII в.
- Пик (Пайк), Льюк Оуэн* (Pike, Luke Owen, 1835—1915) — британский барристер (адвокат высшего ранга), историк права, основатель криминологии и антрополог.
- Пиль, Роберт* (Peel, Robert, 1788—1850) — (1788—1850) — премьер-министр Великобритании в 1834—1835 и 1841—1846 гг., в 1822—1827 и 1828—1830 гг. министр внутренних дел. Провел реформу уголовного законодательства, смягчившую наказания и ускорившую судопроизводство. Пиль был основателем консервативной партии. Голод в Ирландии и неурожай во всей Англии вынудили Пила принять решение об отмене пошлин на импорт иностранного зерна. Окончательное решение об отмене хлебных законов было принято в июне 1846 г.
- Писистратиды* — потомки Писистрата, название знатного афинского рода, ведшего родословие от Писистрата, сына Нестора, царя Пилоса и участника Троянской войны, упомянутого в «Одиссее». К этому роду принадлежал афинский тиран Писистрат, правивший в 561—528 гг. до н.э., а также его сыновья Гипсий, Гиппарх, Фессал и Гегесистрат, правившие Афинами до 510 г. до н.э.
- Придгам, Чарлз* (Pridham, Charles) — писатель, член Королевского Географического общества.
- Рамзес II Мериамон* (Усермаатра Сетепенра), или Рамсес II Великий (ок. 1327—1251 до н.э.) — третий фараон XIX династии, жил приблизительно 80 лет, из них правил 67 лет и пережил двенадцать своих сыновей. При Рамзесе Египет достиг своих максимальных границ. Рамзес II увековечил свое имя грандиозными постройками храмовых комплексов и монументальных произведений искусства по всей территории Египта и Нубии. Всему миру известны две статуи в Асуане, изображающие сидящего Рамзеса II. Из-за продолжительных войн столица при нем была перенесена из Фив в Тунис. Был довольно популярным правителем; его обожествили при жизни.
- Ранке, Леопольд фон* (Leopold Von Ranke, 1795—1886) — немецкий историк. С 1841 г. был официальным историографом Пруссии. Ранке разработал методологию современной историографии, основанную на абсолютизации архивных источников, на стремлении к историзму. Ввел в академическую практику исторические семинары, из которых вышли многие выдающиеся историки. Один из основателей «исторической школы».

- Раулинсон, Джордж* (Rawlinson, George, 1812—1902) — священник англиканской церкви, ученый, историк и библеист. Трудился в Оксфордских колледжах Эксетер и Брейсноуз сначала лектором, затем профессором древней истории. В 1872 г. был назначен каноником в Кентербери, а с 1888 г. был настоятелем церкви Всех святых на Ломбард-стрит в Лондоне.
- Раффлз, Томас* Станфорд (Thomas Stamford Raffles, 1781—1826) — основатель Сингапура (ныне Республика Сингапур) и деятель британской колониальной экспансии. Его заслугам Британия обязана отвоеванию островов Индонезии у Голландии и Франции во времена наполеоновских войн. Именем Раффлза названы множество географических объектов, учебных заведений, улиц, аэропортов, растений и т.д.
- Рид, Уильям Винвуд* (Reade, William Winwood 1838—1875) — британский историк, исследователь и философ. В 1868 г. совершил путешествие в Западную Африку и получил разрешение посетить Конфедерацию ашанти.
- Рихтер, Густав* (Richter, Gustav, 1838—1904) — немецкий филолог и историк.
- Рот, Пауль Рудольф* (Roth, Paul Rudolph, 1820—1892) — немецкий юрист и историк права. Профессор права в университетах Марбурга (с 1850), Росток (с 1853), Киля (с 1857), Мюнхена (с 1863). В исследованиях о происхождении феодального строя в Западной Европе Р. уделял основное внимание феодальным юридическим институтам (бенефиции, иммунитету), подчеркивал активную роль государства в их становлении. Собрал богатый фактический материал, свидетельствующий о бурном росте земельной собственности при Каролингах.
- Савонарола, Джироламо* (Girolamo Savonarola, 1452—1498) — итальянский монах из Флоренции, проповедник и общественный реформатор. В проповедях призывал к отказу от греховной жизни в пороке и роскоши. Во времена очередной смуты (1494) Савонароле удалось добиться принятия республиканской конституции по венецианскому образцу и новых законов против азартных игр, содомии и убийств. Новая Флоренция мыслилась как град Божий, вместо роскошных одежд ее граждане носили рясы и доносили на тех, кто, по их мнению, согрешил. В 1497 г. произошло сожжение множества книг, картин, музыкальных инструментов и всего, что религиозное сознание связывало с пороком и роскошью. Савонарола нажил много врагов во Флоренции и в Ватикане. Папа Александр VI Борджиа своим письмом запретил ему проповедовать. Сечение событий привело к тому, что флорентийцы практически совершили самосуд над прежним кумиром и вождем.
- Санчо II* — король Кастилии (Испания), правил в 1065—1072 гг.
- Сент-Джон, Спенсер* (St. John, Spenser, 1825—1910, британский дипломат, член Королевского географического общества. В середине XIX в. Был британским консулом в Брунее. Совершил два восхожде-

ния на знаменитую гору Кинабалу, одна из вершин которой названа его именем.

Сервий Туллий (Servius Tullius) — легендарный шестой царь Древнего Рима в 578—535 г. до н.э. Ему приписывают так называемые сервиевы законы, укрепившие государственный строй. Все родовые трибы были заменены на территориальные, отчего население Рима разделилось на 4 городские и 17 сельских триб. Для равномерного распределения обязанностей между гражданами Сервий Туллий ввел плебеов в состав римской общины. При Сервии Тулии якобы было закончено строительство городской стены Рима и началась чеканка серебряной монеты.

Силей, Джон Роберт (Seeley, John Robert (1834—1895) — английский историк и эссеист. Работал Кембридже (Крайст-колледж), с 1863 г. — профессор-латинист в Университетском колледже Лондона.

Симен, Бертольд (Seeman, Berthold, 1825—1871) — немецкий путешественник, ботаник и этнограф. В 1846—1851 гг. принимал участие в трех арктических путешествиях. В 1860 г. был принят службу британских колоний королевским комиссионером, чтобы исследовать острова Фиджи на их пригодность для британской колонизации.

Сисмонди, Жан-Шарль Леонар Симонд (Sismondi, Jean-Charles Leonard Simonde, 1773—1842) — швейцарский экономист и историк, один из основоположников политической экономии. Основной вклад Сисмонди в экономическую науку — книга «Новые начала политической экономии». В ней Сисмонди заявляет, что производство не самоцель, что национальное богатство, в сущности, не богатство, так как от него подавляющему большинству населения достаются жалкие крохи, и что крупная промышленность губит человечество.

Сквайр, Эфраим Джордж (Squier, Ephraim George, 1821—1888) — американский археолог и редактор газеты. Провел первое исследование доколумбовой цивилизации строителей курганов Северной Америки, а также изыскания в Центральной Америке, Перу и Боливии в попытках найти истоки строителей курганов. В 1846—1869 гг. Сквайр служил дипломатом в странах Латинской Америки. В это же время он проводил археологические и этнологические изыскания, в частности, в Гондурасе и Перу.

Скулькрафт, Генри Роу (Schoolcraft, Henry Rowe, 1793—1864) — американский географ, геолог и этнолог. Знаменит своими исследованиями культур аборигенов Америки, а также открытием истока Миссисипи в 1832 г. Его знание языка оджибуэев, их легенд, традиций и обычаев, сформировало отчасти источник для эпоса Генри Лонгфелло «Гайавата».

Смит, Эдмон Рейел (Smith, Edmond Reuel, 1829—1911) — американский художник, участник экспедиций по Центральной и Южной Америке. Известны его литографии, живопись и рисунки со сценами экспедиции и тропическими ландшафтами.

Солон (между 640 и 635 — около 559 до н.э.), — афинский политический деятель и реформатор. В 594—593 гг. до н.э. Солон избрали архонтом. Реформы Солон отменяли поземельную задолженность и долговое рабство. Проданных за долги в рабство за границу он велел выкупить за государственный счет. Были отменены законы Дракона. Солон привлек к управлению государством богатых людей простого происхождения. Он разделил всех граждан на четыре разряда в зависимости от доходов, что влияло на службу в войске и на возможность занимать государственные должности. Суд стал доступным для всех свободных граждан. Высшей законодательной властью в Афинах стало народное собрание. Реформы Солон заложили основы афинской рабовладельческой демократии.

Стеббс (Стаббс) Вильям (Stubbs, William, 1825—1901) — английский историк, епископ Оксфордский. Работал в области истории англиканской церкви и государственного права Великобритании. Главная его работа «Конституционная история Англии» (1873). Издатель ряда ценных документов по истории английского государства и церкви в Средние века.

Стефан Блуаский (Stephen of Blois, ок. 1096—1154) — король Англии в 1135—1154 гг. Захватил англо-нормандский престол после смерти Генриха I Боклерка, что привело к гражданской войне между сторонниками Стефана и императрицы Матильды. Все время правления Стефана в Англии длилась феодальная анархия, завершившаяся в 1153 г. признанием наследником Стефана Генриха II Плантагенета, сына императрицы Матильды.

Страбон (ок. 64/63 до н.э. — ок. 23/24 н.э.) — греческий историк и географ. Автор «Истории» (не сохранилась) и сохранившейся почти полностью «Географии» в 17 книгах, которая служит лучшим источником для изучения представлений людей того времени об окружающем их мире. «География» Страбона — единственное сочинение, по которому можно понять, чем была географическая наука того времени, знакомящее с предшествующей историей науки и с различными ее направлениями.

Стурт, Чарлз Нэпир, капитан (Sturt, Charles Napier, 1795—1869) — английский исследователь Австралии. Он возглавлял несколько экспедиций во внутренние области континента, начав один раз с Сиднея, другой — с Аделаиды. Его экспедиции прошли до истоков нескольких рек, текущих на запад, и установили, что все они сливаются в реку Мюррей. В задачи экспедиции входило установить, есть ли в Австралии «внутреннее море».

Сулла, Луций Корнелий (Lucius Cornelius Sulla, ок. 138—78 до н.э.) — римский государственный деятель и военачальник, диктатор (82 до н.э. — 80 гг. до н.э.), главный соперник Марии, организатор кровавых проскрипций.

- Тамерлан* (Тимур, Амир, Тимурленг), по прозвищу «Железный хромец» (1336—1405) — один из великих мировых завоевателей, сыгравший заметную роль в истории Средней Азии и Кавказа. Царствовал тридцать пять лет (1370—1405) и, находясь в Самарканде, вел успешные войны на пространстве от Дели до Эгейского моря и от Дамаска до Памира.
- Тацит, Публий или Гай Корнелий* (Publius Cornelius Tacitus или Gaius Cornelius Tacitus, ок. 56 — ок. 117 н.э.) — древнеримский историк. Тацит был квестором, претором и в 97 стал консулом. Вероятно, в 89—93 гг. управлял небольшой провинцией Азия. Тацит считался одним из виднейших римских юристов. Два главных произведения Тацита, «История» (Historiae) и «Анналы» (Annalium ab excessu divi Augusti) дошли до наших дней лишь частично. Тацит первым сформулировал критерии, позволяющие разграничить цивилизованные и нецивилизованные страны: признаком цивилизованности, по Тациту, считается имущественное и профессиональное расслоение общества.
- Томсон, Артур Сондерс* (Thomson, Arthur Saunders, 1816—1860) — британский военный хирург, ученый, писатель и историк.
- Тотмес, Тутмос III* (1468—1436 до н.э.; по другим данным, 1479—1425 до н.э., 1503—1447 до н.э. или 1525—1471 до н.э.) — шестой фараон XVIII династии. Первый из известных мировой истории завоевателей и военных гениев, «Наполеон Древнего мира». Мировая держава Тутмоса превышала размерами все существовавшие ранее государства, а Египет превратился в могущественную мировую державу, протянувшуюся с севера на юг на 3500 км.
- Уилькинсон, Джон Гарднер* (Wilkinson, John Gardner Wilkinson 1797—1875) — известный английский путешественник, писатель и один из основателей египтологии. Его часто называют «отцом британской египтологии».
- Фавр, Пьер Этьен Лазар* (Favre, Pierre Etienne Lazare, 1812—1887) — католический священник-миссионер на Яве, в Малакке, Перу и Бразилии. Составил словари яванского и малайского языков.
- Фалкнер, Томас* (Falkner, Thomas, 1707 —1784) — английский иезуит-миссионер ирландского происхождения. До поступления в орден Иисуса служил врачом на английском корабле, перевозившем рабов из Гвинеи в Буэнос-Айрес. Ко времени прибытия в Буэнос-Айрес тяжело заболел и был оставлен на попечение иезуитов, после чего принял католичество и вступил в Орден. В 1740 г. был послан с миссией в Патагонию, хорошо изучил страну и первым нанес на карту тысячекilометровое течение реки Рио-Негро до озера Науэль-Уапи. В 1784 г. издал книгу «Описание Патагонии» («Description of Patagonia»).
- Фердинанд (Фернандо) IV Кастильский* (Fernando IV de Castilla, 1285—1312) — король Кастилии и Леона с 1295 г. из Бургундской династии,

предшественник Альфонсо XI. В условиях царящей в стране феодальной анархии Фердинанд смог удержаться у власти только благодаря гибкой политике своей матери, опекунши и регентши, а также при поддержке городов. К 1304 г. в Кастилии настал мир. В последние годы своего правления Фердинанд IV отправился в поход на мавров и в этом походе умер.

Филипп IV Красивый (Philippe IV le Bel, 1268—1314) — французский король (1285—1314) из династии Капетингов. Заботился об увеличении доходов государства путем порчи монеты и поборов с евреев; обратив внимание на богатства ордена тамплиеров, обвинил храмовников в ереси, разгромил орден и конфисковал его имущество. Во фискальных причинах повздорил с папой Бонифацием VIII, что закончилось так называемым Авиньонским пленением пап. Тяжба Филиппа Красивого с англичанами за Гиень стала причиной Столетней войны.

Фицрой, Роберт, вице-адмирал (FitzRoy, Robert, 1805—1865) — обрел известность как капитан корабля «Бигль», на котором совершил свое знаменитое путешествие Чарлз Дарвин, а также натуралист, гидрограф и первопроходец науки метеорологии, сделавший реальностью точный прогноз погоды. Позднее служил губернатором Новой Зеландии.

Форсайт Джеймс, капитан (Forsyth, James, 1838—1871) — служащий штаба Бенгальского корпуса и путешественник. Учредил военный пост в горах Махадео, в здании которого сейчас находится музей. Во время службы собрал материалы для своей книги о горных племенах центральной Индии и, в частности, о гондах.

Форстер, Иоганн Рейнгольд (Johann Reinhold Forster, 1729—1798) — немецкий орнитолог, ботаник, зоолог и путешественник английского происхождения. В 1756 г. отправился на Волгу с целью изучить быт тамошних колонистов, после чего императрица Екатерина II поручила ему вместе с другими учеными разработать свод законов для колонистов. В 1766 г. переселился в Англию и сопровождал Кука в его втором кругосветном плавании. В 1780 г. был назначен профессором в Галле. Форстер первым предложил рассматривать Австралию как самостоятельную часть света и назвать пролив, отделяющий Старый Свет от Нового, Беринговым. Форстер — автор наименований ряда ботанических таксонов; в бинарной ботанической номенклатуре эти названия дополняются сокращением «J.R.Forst».

Франклин, Джон (John Franklin, 1786—1847) — английский мореплаватель, исследователь Арктики, контр-адмирал. В 1819 г. организовал и возглавил сухопутную экспедицию в Канаду от Гудзонова залива до залива Коронейшен. В 1825—1827 гг. возглавил новую экспедицию, участники которой на парусных шлюпках спустились до устья реки Макензи. В 1845 г. Франклин возглавил экспедицию для поисков Северо-Западного прохода из Атлантического в Тихий океан

на кораблях «Террор» и «Эребус». В течение более десяти лет о судьбе участников ничего не было известно. В 1857—1859 гг. экспедиция Фрэнсиса Леопольда Мак-Клинтока обнаружила вещи участников экспедиции, откуда стало известно, что корабли попали в ледовый плен и что Франклин пережил две зимовки во льдах и скончался 11 июня 1847 г. Все участники экспедиции погибли от голода и болезней.

Фридрих II Штауфен (Friedrich von Staufen, 1194—1250) — король Германии (римский король) с 1212 г., император Священной Римской империи с 22 ноября 1220 г. и король Сицилии (под именем Федерико I). Правление Фридриха — период самого ожесточенного столкновения между папством и империей. Фридрих неоднократно бывал отлучен от Церкви, а враги называли его Антихристом. Сам же император верил в свое высшее предназначение, считая себя повелителем мира. В 1229 г. Фридрих II принял участие в VI Крестовом походе и договорился с египетским султаном о передаче под опеку христиан Вифлеема, Назарета и Иерусалима. В 1245 г. Вселенский собор низложил Фридриха с императорского трона. Он умер в 1250 г. во время очередной из своих многочисленных итальянских войн.

Фриман, Эдвард Огастес (Edward Augustus Freeman, 1823—1892) — английский историк, профессор Тринити колледжа (Оксфорд). Сильно увлекался политикой, был последователем Гладстона и его билля о гомруле (1886), но возражал против избрания в Парламент представителей Ирландии. Фриман рассматривал общественное развитие в понятиях расы и настаивал на преимуществе белых над прочими расами. Фриман развил историческую науку в двух направлениях: он настаивал на единстве истории и учил важности правильного использования первичных источников. Считал, что историю нельзя делить на древнюю и современную и нельзя разбивать ее на отдельные истории различных наций. История, по Фриману, не собрание фактов, а «наука о человеке в его политической роли».

Фудзивара — могущественное семейство регентов в Японии периода Хэйан (794—1185). Их влияние оставалось значительным и в дальнейшем.

Хантер, Уильям Уилсон (Hunter, William Wilson, 1840—1900) — британский историк и статистик, служил в гражданской администрации Индии, был избран вице-президентом Королевского общества Азии, оплота британского востоковедения.

Хильдерик III (ум. около 755 г.) — король франков (743—751). Последний из дома Меровингов, обладал лишь тенью власти. Королем его провозгласили майордомы Карломан и Пипин Короткий, причем трон к тому времени пустовал уже семь лет. Предполагается, что Хильдерик III, был сыном Хильперика II, но ни его родословная, ни даже принадлежность к роду Меровингов не подтверждены. Он не принимал участия в управлении страной, которой

вместо него правили майордомы, и в 751 г. был низложен и пострижен в монахи, так как, по словам современника, «не был полезен».

Хлодвиг — см. Клодвиг.

Цурита (правильно: Сорита), *Алонсо де* (Alonzo de Zurita) — испанский чиновник и историк, о котором известно крайне мало и который оставил замечательные труды по истории, традициям и быту Гватемалы и Мексики, которые отличаются точностью наблюдений. Известно, что он пробыл в Америке 19 лет примерно с 1540 г., исполняя административные обязанности, и затем вернулся в Испанию. Его труды были изданы во Франции.

Чингисхан (Темучин, Темуджин) (1155—1227) — один из известнейших завоевателей в истории человечества, основатель и великий хан Монгольской империи. Чингисхан объединил под своей рукой разрозненные монгольские племена. Среди завоеваний Чингисхана Восточный Туркестан, южная Монголия, Китай, царство Мохаммеда-Хорезм-Шаха от Инда до Каспийского моря, а также города Шелкового пути. Единство монгольской империи сохранилось после смерти Чингисхана 40 лет, но завоевательные походы истощили силы Монгольского государства и обусловили его политический, экономический и культурный упадок уже к концу XIII в.

Шарп, Сэмюэл (Sharpe, Samuel, 1799—1881?) — англиканский священник и ученый-египтолог. Страстью Шарпа был Египет, а его способности к языку позволили ему изучить язык иероглифов и перевести множество древнееврейских текстов. Прославился своей «Историей Египта», которая вышла в 1840 г. и выдержала пять изданий за 30 лет. В своей книге он обращает особое внимание на влияние египетских религий на христианские доктрины и символы.

Эдвардс, Брайан (Bryan Edwards, 1743—1800) — английский политик и историк. Поддерживал работорговлю и резко противостоял аболиционистам. Эдвардс юности жил на Ямайке в поместье своего дяди, и, унаследовав его состояние, вскоре стал ведущим участников колониальной ассамблеи Ямайки. Его книги об истории Ямайки и Сан-Доминго обрели популярность, их переиздавали и переводили на другие языки. В 1792 г. Эдвардс поселился в Англии. Его мечтой было стать членом парламента, что ему удалось лишь с третьей попытки.

Эдуард Исповедник (Edward the Confessor, ок. 1003—1066) — предпоследний англосаксонский король Англии (с 1042 г.) и последний представитель Уэссекской династии на английском престоле. Ко времени его воцарения в Англии сформировалось сильное общественное мнение в пользу реставрации старой англосаксонской династии. Спустя несколько дней после смерти предшественника Эдуарда короля Хардекнуда жители Лондона провозгласили Эдуарда королем Англии. Это признала вся страна, включая англо-датскую военную знать и эрлов. Правление сопровождалось ослаблением

королевской власти в стране и всевластием магнатов, а также ослаблением обороноспособности государства. Все это облегчило Вильгельму Завоевателю подчинение Англии в 1066 г. Эдуард Исповедник большое значение уделял прославлению христианских добродетелей и аскетизму, за что был позднее канонизирован и теперь почитается как святой римско-католической церкви, а также Сурожской епархией Русской православной церкви как местночтимый святой.

Эллис, Вильям (William Ellis, 1794—1872) — английский миссионер и писатель. Родился в бедной семье рабочих и стал садовником. Будучи глубоко верующим, ходатайствовал об учебе на христианского миссионера в Лондонском миссионерском обществе и был принят. В 1815 г. его посвятили в сан и послали на острова Южных морей. Эллис проповедовал на Сандвичевых островах, на Мадагаскаре и на Гавайях. Он выучил гавайский язык, транскрибировал его латинским алфавитом и стал издавать христианскую литературу на языке туземцев. Его книга об исследованиях Полинезии заслужила одобрительный отзыв Роберта Саути.

Эрскин, Джеймс Эльфинстон, капитан (Erskine, James Elphinstone, 1805—1887) — британский морской офицер и исследователь островов Тихого океана. В 1848 г. был назначен старшим офицером австралийской базы на острове Хаваннах (Havannah). Вскоре после прибытия объехал острова Самоа, Тонга, Фиджи, Новые Гебриды, Лоялти и Новую Каледонию, а в 1850 г. посетил Соломоновы острова и другие. Эрскин опубликовал журнал этого путешествия в 1853 г.

Юлий Цезарь (Gaius Iulius Caesar, 100 или 102 до н.э. — 44 до н.э.) — император Гай Юлий Цезарь, древнеримский государственный и политический деятель, полководец и писатель. Завоевав Галлию, Цезарь расширил римскую державу до берегов северной Атлантики и начал вторжение на Британские острова. Деятельность Цезаря коренным образом изменила культурный и политический облик Западной Европы. Гай Юлий Цезарь обладал блестящими способностями военного стратега и тактика, одержал победу в сражениях гражданской войны и стал единовластным повелителем *Pax Romana*. Начал реформы римского общества и государства, которые уже после его смерти привели к установлению Римской империи. Убийство Цезаря привело к возобновлению гражданских войн, закату Римской республики и зарождению Империи.

Юм, Давид (Hume, David, 1711—1776) — шотландский философ, представитель эмпиризма и агностицизма, один из крупнейших деятелей шотландского Просвещения. Спенсер ссылается на книгу Юма «History of England» (1754—1762).

Яков (Иаков) I Английский (1566—1625) — король Шотландии с 24 июля 1567 г. (под опекой регентского совета), с 12 марта 1578 — единолично; с 1603 г. первый король Англии из династии Стюартов. Король был лоялен к католикам, но иезуитам и радикальным

католикам этого было мало, и в 1605 г. они организовали Пороховой заговор для убийства короля и членов парламента. Заговор был раскрыт, его участники были казнены и начались репрессии против католиков. Противостояние парламента и короля было весьма жестким, и, распустив его в 1614 г., король созвал следующий парламент только через 7 лет. С 1612 г. огромное влияние приобрели фавориты короля, а к концу жизни король и вовсе устранился от управления страной, доверив его сыну, будущему Карлу I. На годы правления Якова I приходится начало образования английской колониальной системы. В 1607 г. была основана Виргиния — первая колония Англии на побережье Северной Америки, затем поселения на Бермудских островах (1609) и в Индии (Масулипатам, 1611). В 1620 г. пилигримы-пуритане основали Плимут, первую колонию в Новой Англии, а в 1623 г. первую колонию в Вест-Индии.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Август (император) 239
Агаг (библ.) 182
Адамс Френсис 27
Александр Македонский 86
Алкмеониды 201 сн.
Аллен Уильям 128
Альфонс XI Кастильский 203, 208, 211
Амалек (библ.) 182
Аменхотеп IV 99
Артевельде ван 167
Астлей Томас 130
Аттила 12
Ахиллес 285

Б

Банкрофт Хьюберт 84, 105
Бартс Генрих 51
Бастиан Адольф 128
Бёрд Изабелла 283
Бертон Ричард 179
Берчел Виллиам.
См. Буршелль Виллиам
Бисмарк Отто фон 241
Бойль Роберт 126
Бокль Генри 277
Боссюэ Жак 129, 187
Брантом Пьер де 245
Брюс Джеймс 121
Будда 134
Бургхард Джон 105
Буршелль Виллиам 42, 106
Бутлер Джон 93
Буэ Ами 245
Бэдждот Уолтер 275
Бэкер Сэмюэл 23
Бэтс Генри 107

В

Вайтц. См. Вайц
Вайц Теодор 129, 232

Варнкениг Леопольд 77
Вильгельм Завоеватель 69

Г

Галлам Генри 181, 211, 272
Галлиен Публий 12
Гальтон Френсис 51
Гаркнесс Френсис 8
Гектор 193
Генрих I Плантагенет 209
Генрих III Кастильский 211
Генрих VIII Тюдор 275
Генты 168
Георг III Ганноверский 286
Георг IV Ганноверский 286
Гераклиды 150
Геродот 6, 48, 235
Гиббон Эдуард 27, 176
Гизо Франсуа 65
Гипсий 201 сн.
Гирн Сэмюэл 231
Годвин, граф 87
Гомара Франсиско 120
Гомер 86
Гондар 133
Гоплит 236
Грант Улисс 167
Грантц. См. Кранц
Грот Джордж 45, 48, 148, 154, 168, 172, 201, 244
Гукер Джозеф 10, 281
Гумбольдт Александр фон 44
Гутцлафф Карл 76

Д

Дальтон Эдвард 41, 281
Дель-Норте 107
Дефо Даниель 290
Джюкс Джозеф 282
Диксон (полковник) 9
Диодор Сицилийский 235
Добрицгоффер Мартин 53, 105

Дракон 168
Дюрюи Виктор 35, 194, 238

Е

Елизавета I Тюдор 275

И

Иаков. См. Яков I Стюарт
Иннес Космо 66
Иоанн Безземельный 272

К

Каллавей Генри 114, 123
Карл I Габсбург 212
Карл I Стюарт 275
Карл II Стюарт 286
Карл V Валуа 211
Карл VII Валуа 213
Карл Великий 158, 181, 247
Каролинги 24, 59, 129
Клерк Уильям 125
Клисфен 201 сн.
Клодвиг. См. Хлодвиг
Кобден 151 сн.
Колензо Джон 112
Кольбен Петер 50
Конт Огюст, о промышленном
государстве 3
Кранц Давид 92
Ксеркс 50
Кук Джеймс 23, 72, 75
Кэмпбелл Джон 10, 281

Л

Лавелз Эмиль 175
Лаэрт 107
Лебокк, сэр Джон 95
Льюис Мерриуззер 125
Людovic XI Валуа 213
Людovic XIV Бурбон 27, 187,
Людovic Гутин. См. Людovic Свар-
ливый
Людovic X Сварливый 209
Люцеры, римский клан 153

М

Мазон (Мейсон) Френсис 50
Макиавелли Николо 166
Мак-Куллох Уильям 53
Мак-Магон Патрис-Морис де, мар-
шал 167
Макферсон Сэмюэл 117
Марий 167
Маринер Уильям 123
Медичи 166, 202,
Ментенон де, Франсуаза д'Обинье
27
Меровех (Меровей) 129
Меровинги
– народная власть и 175
– политическая дифференциация
при 75, 185
– разряды рабов и 75
– совет ста 207
– узурпация королевской власти
и 135
Метц Фридрих 8
Моммзен Франц 46, 153, 170
Монфор, Симон де 203
Мориц Нассауский 167
Мэн, сэр Генри 46, 47, 70, 178, 200

Н

Наполеон 111

О

Один 113, 124
Озаи Квамина 96—97
Ондегардо Поло де 51
Ордерик Виталий 183

П

Палей, профессор 152 сн.
Пелей 107
Пик (Пайк) Льюк 290
Пиклеринг, доктор 10
Пиль Роберт 151 сн.
Писистратиды 170
Придгам Чарлз 12
Пройарт 130

Р

Рамзес II 124
 Рамны, римский клан 153
 Ранке Леопольд фон 111
 Раулинсон Джордж 247
 Раффлер 96
 Рид Вильям 72
 Рихтер Густав 185
 Ричардс коммодор 13

С

Савонарола Джироламо 202
 Самуил 182
 Санчо I 209
 Санчо II Кастильский 209
 Саул и Ионафан 193
 Сент-Джон 63, 109, 283
 Сервий Буллий 207
 Сервий Туллий 170
 Серда де ла, инфант 202
 Силей Джон 126
 Симанн 119
 Сисмонди Жан-Шарль 162, 164,
 175, 202
 Сквайр Эфраим 40
 Скен 149 сн.
 Скулькрафт 39, 84, 107, 142
 Смит Эдмон 94
 Соломон (царь) 133
 Сорита Алонсо де 55
 Стаббс Вильям 65, 208
 Стефан Блуаский 272
 Страбон 156
 Стурт Чарлз 107
 Сулла 12, 167

Т

Тамерлан 12
 Телемак 128
 Тици, римский клан 153
 Тотмес III 113

У

Уилькинсон Джон 247

Ф

Фавр Пьер 282—283
 Фалкнер Томас 126
 Фердинанд IV Кастильский
 202
 Филипп IV Красивый 211
 Фидрой Роберт 112
 Фодли, династия 129
 Форсайт Джеймс 106
 Франклин Джон 105
 Фридрих II Штауфен 206
 Фриман Эдвард 86, 87, 185, 273

Х

Хантер 8, 9, 116, 282
 Хлодвиг 129, 175, 185,
 Ходжсон Брайан 61

Ц

Цезарь Гай Юлий 156, 167
 Цурита. См. Сорита Алонсо де

Ч

Чингисхан 12

Ш

Шарп Сэмюэл 115

Э

Эдвардс Брайан 106, 108
 Эдуард Исповедник, король Англии 87
 Эллис Вильям 64, 72, 74, 85, 123
 Эрскин Джеймс 248

Я

Яков I Английский 275, 286

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аббаты 183
Абиссиния 121, 133
Абсолютизм 124, 135, 137, 187, 212, 241
– абсолютная монархия 77
– война и 137
– и олигархия 190
– необходимость 137
– социальное развитие и 137
– и упадок парламентской власти 212, 213
Август (титул) 237
Австралия 87, 109
Австрия 275
Автаркия 229
Автократ 99, 101, 260
Автократическое управление 136, 172
Автократия, военная 166–167
Автономия экономическая 229, 266, 292
Авторитет
– вера в 253, 292
– власти 43, 197, 253
– военный 61, 249
– государя 77, 179, 186
– признанный 61, 87
– уважение и 91–93
– умения и 91
– установление 20
– чуждый 146
Агенты (органы)
– исполнительной власти 278
– неополитические 102
– политические 95, 101
– правительственные 75, 81, 290
– правителя 132–133, 138–139, 214
– правящие 98, 133, 138
Агора 86, 177
Адель-Тинг 184
Административная организация.
См. Административная система;
Администрация политическая
Административная система 26, 35, 132, 238
Административные агенты 165.
См. тж Агенты (органы)
Административные связи 59
Администрация
– воинственная (региментация) 227–228, 250–251, 256
– государства 132
– политическая 81, 181, 238
– судебная 290
– финансовая 238
– централизованная 264
– юстиция и 210
Адриатическое море 156
Азия 92
Аквилея 156
Ахадийская цивилизация 136
Акрополис 147
Алкмеониды 201 сн.
Альба (кантон) 152–153
Альпы 158
Амалек (библ.) 182
Америка 288–289
Американская республика 163
Амфиктионов совет 23
Анархия 142
«Английский купец» (Дефо) 290
Англия 52, 65, 211, 272–275, 276, 286, 292
– власть парламентов 212
– завоевание и классы 75
– закрепощение 65–66
– муниципальная организация 205
– подданные чужеземцы 71
– собрание старейшин 87
– собрания война и 137
– социальное развитие и 137
– сотни 208
– усиление военного элемента 241–243

Англо-французские войны 50–51,
111
Анжер 213 сн.
Анжу 181
Антагонизм 48, 53, 151, 204, 243
– властей 200
– внутри обществ 54
– и народная поддержка, 200, 202,
203
– и развитие городов 204, 205, 206
– местный 161, 206, 218–218
– наций 206
– обществ 5, 7, 13, 54, 230
– промышленных и военных об-
щин 205
Апеннины 159
Аппенцель (кантон) 87, 175
Апробация 188
Аренда 26, 74
Аристократическая республика
159, 165, 194
Аристократия 77, 113, 165, 178,
188
– борьба с монархами 200, 273
– венецианская 165
– власть и 203, 213
– европейская 70, 79
– землевладельческая 201 сн.
– итальянских городов 171
– польская 188
– римская 238
Армия 28, 224, 231
– германских государств
239
– диких племен 10
Ассамблея, местная 194
Ассирийские документы 110
Ассирия 187
Ассоциация 36
– добровольная 101
– кровное родство и 43–44
Атаман 180
Аттика 168, 200,
Афганистан, афганцы 183, 288
Афины 50, 168, 170, 207
– роды и фратрии 46, 47
Африка
– выборные главы 128
– захват рабов 63

– наследование и 119
– развитые народы 112
– экваториальная 40

Б

Бавария 239
Базарные города 214
Бароны 75, 180
Барщина 275
Барьеры классовые 34
Батанга 13
Безбрачие 134
Беззаконие 164, 278
Безличная причинность 250–251,
254
Безличные силы 251
Безначальные племена 104–105, 107,
115
Безопасность
– власть и 109
– личная 70–71, 276–279
– общества 21, 176–177
Бенгалия 8
Берингов пролив 62
Бесписьменные народы 10
Бесчеловечность 12
Библия 286
Билль о реформе 279
Бирма 136
Благо, общее 37
Благосостояние 21, 39,
– социальное развитие и 39
Благотворительность
– общественная 264
– принудительная 243, 262 сн.
Богатство 70, 81
– владение землей и 78
– власть и 70, 78
– главенство и 107
– защита и 70
– индустриализм и 81
– родовитость и 78, 197
Богословы 129, 187
Божества, воплощение 133–134
Божественная власть 132, 133, 134,
139
Божественное одобрение 154, 182,
188

- Божественное происхождение 113, 120, 123–125, 128–131, 133, 138, 150, 160, 186, 196, 237
 Большинство
 – народного собрания 180
 – одобрение 160, 177
 Бонд (bond) 65–66
 Борьба
 – за инвестицию 202
 – за независимость 158
 – за существование, и прогресс 14, 15, 16
 – за существование, между обществами 51, 89, 137, 222,
 – за существование, промышленная 262
 – между королем и подданными 211–215, 273
 – пением 91
 – универсальная 15
 Брак 235, 284
 – между братьями и сестрами 120
 – смешение классов и 37
 Бумажные конституции 6
 Бургос 209
 Бутан 134
 Бургеры 165, 208
- В**
- Вавилон 187
 Вале (кантон) 159
 Вальдолид, город 209
 Варварство
 – завоевания и 76
 – цивилизованных народов 10, 13
 Варвары и римляне 25, 68
 Вассалы 180–181, 183, 196
 Вассальное население 65, 69
 Вассальные князья 98
 Вассальные отношения 184
 Вексель 240
 Венгрия 175, 194, 200, 215
 Венецианская конфедерация 156
 Венеция, венецианцы 156, 165, 171, 202
 Вера-Паз 63, 180
 Вера-Пац. См. Вера-Паз
- Верноподданство 248
 Верность 99, 147
 Верования, унаследованные 94, 96
 Верхняя палата 191
 – монарх и 217
 Верховенство. См. т.ж. Патриарх
 – военное и политическое 110
 – притязания на 148–149
 – семейное 116
 Верховная власть 88, 94, 137, 142–144, 178, 180
 Вето 155, 238, 262
 Взгляды, политические 271
 Византия 27
 Виктория, озеро 84
 Виллены (villan) 66
 Виланы (villanus) 65
 Винчестер 185
 Владыка неба 124
 Власть
 – автократическая 260
 – авторитет и 43
 – административный аппарат и 132
 – аристократическая 204
 – безграничная, выгоды 5
 – богатство и 70, 78
 – божественная, 132, 133, 134, 139
 – божественное одобрение и 154, 187
 – божественное происхождение 113, 120, 123, 130–131, 133, 138, 160, 197, 218
 – верховная 88, 94, 137, 142–144, 178, 180, 196
 – военная 166, 179, 279
 – военные успехи и 89
 – война и 108–111
 – выборная 91–93, 138, 154, 158, 186
 – выживание и 89
 – высшая 88
 – гражданская 179, 239
 – деспотическая 217
 – доверие к 43
 – единоличная 160–161
 – захват военной силой 166
 – исполнительная 154, 172, 173, 194, 242, 248

- как орудие силы 91
 - концентрированная 164, 235
 - королевская 74, 119, 131, 135, 188, 200, 208, 209, 211–212, 235
 - монополизация 143, 183
 - народ и 93
 - народная 175, 195, 197
 - насильственная 245
 - наследование 121, 123, 138, 164
 - неограниченная 26, 130–131, 138, 155, 165
 - обожествление 43, 88, 113–114, 120, 123–125, 237
 - общественная 271
 - общественное мнение и 92–96
 - обычая 94–97
 - обязанность и 207–208
 - ограничение 189
 - олигархическая 164
 - отеческая 116, 125
 - парламентская 212
 - патриархальная 147, 155, 199
 - пожизненная 114–115, 128–129, 188
 - политическая. См. Политическая власть
 - политической агентуры 95, 138
 - полицейская 242
 - постоянная 150, 231
 - правителя 90, 132
 - правителя и совещательного органа 180–181, 190
 - правящее меньшинство и 89
 - представительная 291
 - принудительная 91–92, 105, 137, 160, 214
 - равновесие 179
 - развитие и 89
 - распределение 141
 - родительская 145
 - самодержца 98
 - сверхъестественное могущество и 111–114, 122–123, 128, 138
 - связь с небесным владыкой 123
 - совета десяти 165
 - сопротивление захвату 104, 109, 137, 142–144
 - страдания и 5, 6
 - узурпация 132, 134–136
 - установившийся порядок и 95–97
 - централизация 147, 269
 - центральная, ее благотворность 23
 - элементы политической деятельности и 85, 88–89
- Влияние, на членов группы 106–108, 112, 137
- магические занятия и 111–112
 - политического главы 110, 111, 137
 - физическое или нравственное
- Влиятельность, богатство и 107
- Вмешательство, государства 240, 284
- Воевода 180
- Военачальник 181, 252
- назначение 143
- Военная дисциплина 236, 243
- Военная история 223
- Военная кооперация 15, 49–51, 58, 60, 151, 153, 159–160, 172, 221
- Военная обязанность 68, 204, 218, 232
- Военная организация 20, 236, 237, 241
- Военная подчиненность 111, 137, 196, 228
- Военная служба, обязательная 273–274, 275
- Военная структура 227
- Военная форма правления 226
- Военного происхождения классы 77, 80
- Военное верховенство, политическое и 110
- Военное владычество 166–167
- Военное главенство 109–111, 130, 178
- Военное общество 224
- Военное разделение общества 20
- Военное сословие 242
- Военные агенты 166
- Военные занятия, земельная собственность и 67–69, 80
- Военные конфедерации 50
- Военные предводители 177, 192
- Военные силы 10
- Военные успехи, повинование и 89
- Военные успехи, рост политического могущества и 111

- Военный бюджет, Германской империи 239–240
- Военный глава, деспотический 226
- Военный деспотизм 143
- Военный класс 69, 80, 177, 189
- Военный совет 162, 179–181, 189, 195, 207, 224
- Военный союз 162
- Военный тип общества 31, 56, 182, 220–254
- Вожди-чужестранцы 106
- Возвышение по старшинству 106–108
- Воинственная администрация (региментация) 227–228, 250–251, 256
- Воинственная жизнь 81, 151, 220, 251, 253, 292–293
- Воинственная нация 167, 218, 221
- Воинственная община 222
- Воинственная организация 225
- Воинственная способность 109
- Воинственное общество 17, 243
- Воинственности упадок 272
- Воинственность 206, 221, 223, 237, 241, 243–245, 251–252, 257, 260, 270, 272, 285, 289, 293
- хроническая 221, 234, 236, 292
- Воинственные владетели 81
- Воинственные государства 110, 236, 242, 246, 287, 289
- Воинственные группы 62, 230
- Воинственные действия 206
- Воинственные деятельности 61, 218, 290
- Воинственные общества 221, 227, 229, 230, 235, 243, 247, 252–253, 257, 284, 285 сн.
- Воинственные племена 61, 142–143, 231, 246, 267, 281–282, 284
- Воинственный дух 5, 290
- Воинственный король 208
- Воинственный образ жизни 141
- Воинственный период 200
- Воинственный характер 181, 182, 231
- Война
- вассалов 273
 - власть и 108–111, 126, 160, 204
 - влияние на олигархию 183
 - закрепощение и 64–66
 - зародыш главенства и 109
 - кооперация и 15, 49–51, 147, 151, 153, 154, 157, 172, 223
 - лекарства употребляемые на 112
 - локальная 73, 75, 272
 - между оседлыми обществами 73
 - народное собрание и 174–180
 - наступательная 206
 - оборонительная 206
 - общественное развитие и 5, 15, 16, 75–76, 110, 126
 - объединение групп и 97
 - одобрение божества и 182
 - охота за черепами 10
 - племенная 23
 - подчинение и 109, 160, 196
 - постоянная 59, 164, 196, 220, 224, 230, 247, 248, 271, 272, 279, 285
 - принесение жертв и 5, 62,
 - развитие политических учреждений и 111
 - разделение на классы и 63, 73–76, 78, 80, 82
 - результат 126
 - религиозная 275
 - сюзеренов с вассалами 272
 - территория и 22, 66
 - усиление политического контроля и 111
 - установление общего политического главенства 126
 - участие в 223
 - фламандских городов 165
 - французская монархия и 111
 - хроническая 15, 89, 218, 245, 249, 259
 - цель 63
 - централизующее влияние 157
 - частная 24, 179, 201, 272, 289
 - черногорцев с Турцией 245
- Войны постоянные.
- См. Постоянные войны
- Волонтер 240–241, 255
- Вольноотпущенники 239
- Воля
- автократа 99
 - агрегата 87, 291

- большинства 177, 261
 - военачальника 252
 - индивидуальная.
 - См. Воля, индивидуума
 - индивидуума 248–249, 261
 - мертвого 100
 - народа 97, 274
 - общества 224
 - общественная 249
 - правителя 261
 - Вооруженные подданные 71, 80, 178, 184
 - Вооруженные свободные люди 175–177, 178, 181, 184, 189, 196, 207
 - Воспитание 3, 7, 245
 - Врачевание 111–115, 137
 - Всадники, сословие 238
 - Выборы короля 87, 186, 188
 - Выгода
 - взаимная 18–19, 261, 265–266
 - кооперации 22–24, 42
 - объединения 5, 36
 - политического устройства 22–23, 222–223
 - Выживание
 - власть и 89
 - наиболее приспособленных 14, 51, 144, 222, 232, 260, 262
 - обществ 7, 12, 145, 221, 248, 262
 - Вюртемберг 239
- Г**
- Гавайские острова 40
 - Галлия 25, 65, 194, 239
 - Ганзейские города 171
 - Гвалиор (Индия) 26
 - Гегемония 50
 - Геймс-крингла-сага 113
 - Гелоты. См. Илоты 65
 - Гельвеция. См. Швейцария
 - Генеалогии 66
 - Генеральные Штаты 209, 211–213, 274
 - Генуя 171
 - Гептархии 52
 - Гербы 69
 - Германия 200, 239, 288, 290
 - муниципальная организация 205, 206
 - политическая организация в 31
 - Германская империя 181, 239
 - армии 240
 - военный бюджет 240
 - парламент 240
 - Германские императоры 161
 - Германских государств армии 239
 - Германцы первобытные
 - верховный политический совет 175, 181
 - военная конфедерация и 50, 126
 - подчиненность политической власти и 110–111
 - Тацит о 86, 177
 - Геррдаг 184
 - Геррманд 184
 - Герцоги 181
 - Гильдии 29, 32, 54, 229
 - Гинду-Ку. См. Гиндукуш
 - Гиндукуш 146
 - Гиперборейские племена 231
 - Главенство
 - богатство и 107
 - в простой группе, временное 104–109, 126, 138
 - в сложной группе 129
 - выборное 104–110, 127–129, 138, 154, 158
 - дополитическое 192
 - замещение через наследственность 117, 138
 - и военная кооперация 153, 189
 - личное возвышение и 108–114
 - личные качества и 85, 106–108, 111, 114, 150
 - местное 148
 - на ранних стадиях развития 106, 109
 - над семейной группой 116, 117, 126, 145
 - наследственное 106, 118, 127, 164, 188, 269
 - пожизненное 114–115, 117, 128–129
 - политическое. См. Политическое главенство
 - постоянное как учреждение 108, 114, 138
 - упрочение 110

- устойчивость 126, 129, 137
 - преемственность 127–134
 - признаваемое 104–105, 108
 - признание 109, 117, 150
 - приобретение 109–114
 - сложное
 - генезис 145, 172
 - замкнутость 163
 - старейших 33, 106–108
 - упрочение, и кооперация 105
 - установление 104, 126, 141–147
 - устойчивость
 - в сложной группе 126–127, 129
 - политического, 117–119, 121, 125, 126, 129, 132, 137
 - порядок наследования и 121–122
 - санкция духовной власти и 129
 - формы 163
 - юных 34
- Годичные собрания 215
- Голландия, города 205, 206, 208
- Города
 - базарные 214
 - защита от гнета дворян 205, 206, 218
 - и опыт независимой жизни, 199
 - королевские хартии и 204, 205
 - образ жизни 204
 - первобытные 10
 - привилегии 203, 205, 218
 - роль 184
- Городское население 169, 199, 200, 206
- Господство
 - наибольшей силы 270
 - общества над личностью 277
 - сильнейших 247
- Государства
 - Африки 74
 - воинственные 110, 236, 242, 246, 287, 289
 - Европы 27, 271
 - Центральной Америки 11, 136, 180
- Государственная администрация 132
- Государственная деятельность 242, 273–274,
- Государственная земля 65
- Государственная наука 264
- Государственная организация 240
- Государственная помощь 264
- Государственная религия 182
- Государственная структура 228
- Государственное вмешательство 287
- Государственное духовенство 264
- Государственное страхование 241
- Государственное устройство 5, 87, 170, 274
- Государственные инструменты 103
- Государственные нужды 214
- Государственный социализм 241 сн.
- Государственный строй 233
- Государственный экзамен 240
- Государство 147
 - антагонизм властей 200
 - вмешательство в жизнь индивидов 276–277, 287
 - возвращение к независимости 59
 - воинственное 110, 236, 246, 251, 288–290
 - воюющая часть 222
 - глава 218
 - главная функция 259
 - деспотическое 56, 160,
 - для пользы индивидуумов 272
 - защита гражданина 278–279
 - конфедерации и 50
 - надзор 232–233
 - освобождение граждан 278
 - охрана личности 277
 - охранительная деятельность 279
 - повиновение и 277
 - порабощение индивидуума 253,
 - посягательство на права личности 277–278
 - промышленное 31, 288,
 - развитое 119
 - распад 161
 - расширение деятельности 240–243
 - свободное 155
 - слияние 50–52
 - собственность 224, 232, 234, 236, 240, 257, 259, 275
- Госы 281

- Готтентоты 50, 97, 110,
 Граждане 155, 226, 264
 – римские 177
 Гражданская война (США) 288
 Гражданские функции, захват воен-
 ным сословием 238–243
 Граубюнден (кантон) 159
 Графы 181
 Греко-персидские войны 50, 137
 Гренландцы 91
 Гретвальдство 128
 Грех, мятежа 138
 Грех, непослушания 117
 Греция гомеровская.
 См. Греция Древняя
 Греция Древняя 250
 – военная кооперация 50
 – временное главенство 113
 – концентрированная власть
 164
 – культ предков 47
 – монарх и главнокомандующий
 110
 – подчиненность политическому
 главе 127
 – средства защиты и нападения
 153
 – учреждения 172, 194
 Группа
 – воинственная 62, 230
 – патриархальная 146
 – промышленная. См. Промыш-
 ленные общины
 – простая, образование 51
 – руководящих людей 141
 – сложная
 выборный глава 128–129, 138,
 154, 158, 186
 расщепление 148
 связь в 126
 устойчивость главенства 126–
 127, 129
 – феодальная 206
 Гуитцилопохтли 113
- Д**
 Даймё 134, 187
 Даймиосы. См. Даймё
- Дамбы 157
 Дания 184
 Даннегоф 184
 Данник 77
 Дань 64, 65, 80, 105, 161, 193, 218
 – черная 276
 Дары. См. Подарки
 Дворянство 23, 25, 69, 77, 79, 162, 164,
 165, 178, 180, 181, 184, 187, 194, 197,
 213, 218
 – землевладельческое военное
 183, 197
 Дебаты 216
 Деб-райя 134
 Дедукция 237, 292
 Демократическая организация 202
 Демократическая партия 201 сн.
 Демократические кантоны 159
 Демократический принцип 143
 Демократия 89
 – афинская 201
 – в Риме 155
 Деньги, на Фиджи 10
 Деньги, восстановление монеты 211
 Депутаты 193, 195, 202, 208, 216, 216
 Деспот 161, 225, 237
 Деспотизм 5, 23, 89, 101, 112, 137,
 223–226, 252
 – военный 143
 – как фактор развития 136
 – контроль 144, 260
 – патриархальный 136
 – управление и 160, 186, 252
 – уравнивающий 227
 – учреждения (институты) 145
 – как форма правления 168
 – централизованный 136
 Детоубийство 10
 Децентрализация 264
 Деятельность
 – воинственная и производитель-
 ная 61, 88
 – группы 88
 – согласованная 36
 – управление 19
 – целесообразная 18
 – частная 102
 Джинго 288
 Дикари и белые 8–9, 13

- Дикость и цивилизованность 7, 13
 Диссентеры 277, 279
 Дисциплина, 136–137, 239
 – военная 236, 243
 – цивилизованной жизни 9
 Дифференциация
 – возрастание 74
 – временная 115
 – выспих от низших 88, 177–180
 – класса воинов 69
 – классов 80, 178, 180, 183
 – общества 69
 – по несходству рабочих функций 60, 61
 – по праву силы 61–62
 – постоянная 115
 – семейная 60, 79
 – собрания племени 83–84
 – совещательной группы 186–190
 – совещательных собраний от представительных 215–217
 – сословная 247
 – функций 218
 Добро и зло 7, 13
 Добродетель 7–9, 244, 247
 – и статус 244
 Добывание пищи 18
 Доверие, к власти 43
 Догмы, теологические 13
 Договор 169, 200, 204, 217, 265, 293
 Договорные отношения 200, 262
 Договоры, заключение 169
 Дождь 156–157
 Долг (чувство долга) 8, 9, 248
 Долг чести 102
 Должности
 – общественные 239
 – замещение на основе способностей 34, 35, 38, 266
 Домашние слуги 71
 Доход, крепостных и правителей 66
 Дурма-райя 134
 Дух
 – воинственный 5, 290,
 – критического отношения 288
 – равенства 79
 Духи предков 122–123, 138
 – умерших 111–112
 Духовенство 181–183, 240, 251, 264
 Дуэли 101, 243, 289
- ## Е
- Евреи 279
 Еврейские источники 110, 113, 182
 Европа 77, 78
 – возвратная тирания 27
 – выборные главы 128,
 – меровингского периода 129, 210, 247
 – раннефеодальная, подчиненность политическому главе 127
 – средневековая 75, 107, 184, 200, 247, 271
 – феодального периода 129, 251
 Европейские нации 270
 Европейские предания 113
 Египет древний 27, 110, 115, 123, 234, 247–248, 253, 256, 287
 – деспотическая власть 136
 – земельная собственность 68
 – интеграция 52
 – культы 46–47
 – неизменность строя 99
 – порядок наследования 120
 – римское владычество 25, 75, 239
 – храмы 6, 11
 Единство
 – воли 89
 – крови 45–46,
 – происхождения 47
 Еретик 181
- ## Ж
- Железные дороги 100, 240, 287 сн.
 Женщина, подчиненный статус 60–62, 72, 89, 115, 222, 231, 247, 284
 – и право наследования земли 68
 Жертвоприношения
 – погребальные в Индии 47
 – у римлян 47
 – человеческие 4, 5, 10, 11, 62, 182, 232, 248

Животные, прогресс 14

Жребий 193–194

Жрецы 74, 86, 98, 125

З

Завоеватели 74, 76, 147, 178,

Завоевательные общества 137

Заграничная торговля.

См. Международная торговля

Задачи общественные 20

Задержка роста 36

Заем под проценты 169

Займы, принудительные 26, 211, 212

Заключение договоров 169

Заключение мира 85, 97

Закон

– в воинственном обществе 252

– возмездия 243, 244, 281, 290

– о наследовании 135

– о приписке к месту 55

– обычай и 94–96, 152 сн., 211

Законность

– главенства 148

– права 122

Законные правители 139

Законодательная власть 181

Законодательная деятельность 77,

210

Законодательные органы, колони-

альные 217

Законодательства 28

Законы 94

– прошлого 99

– о наследовании 69, 120

– общая воля и 99

– против роскоши 10, 99, 232,

– создание 96

– чувства и 101

Закрепощение 64–67

Западный Белуджистан 23

Заработная плата 257

Защита

– богатство и 70

– военный совет и 176

– индивидуума 54–55, 199

– кооперация и 18, 20, 46, 49, 53,

83, 149

– личности 259

– личности 259, 275

– необходимость 156, 157

– подданных 66, 71, 199, 275

– прав 79

– приношения правительству и

210

– территории 178

– управляющего механизма 30

– членов группы 271

Земельная собственность,

Земельная собственность

– богатство и 78

– военные занятия и 67–69, 80, 178

– и право силы, 68

– исключение женщин из права

наследования, 68

– пожалование, награждение

68–69

– при кочевом и при оседлом

образе жизни, 80

Землевладельцы 26, 65 сн., 67–69, 183,

189, 189, 197, 201 сн., 214–215, 275

Земледелие 10, 168, 213 сн., 247, 273

Земледельческая стадия 177

Земледельческие классы 74, 80, 178,

189, 190, 197, 198, 234

Земледельческие племенные союзы

69

Змеиные индейцы. См. Снейки

Знания 14

Знахарь 112–114, 123

И

Идеи и чувствования 3, 6, 30, 33, 57,

200

– живых и мертвых 100

– индустриализма 78, 217

– праотческие 95

– творческие 250

Идолы 182

Иезуиты 41

Иерархия

– в императорском Риме 238

– и подчинение 225, 252, 263, 265

– наследственность и 32, 33, 88,

178, 266

– политическая организация и

26, 227

- Избрание**
- военачальника 192
 - и главенство 106, 127–129, 138, 154
 - и преемственность 117, 119–121
 - короля 186, 188
 - по жребию 192–193
 - представителя 193 188, 193
 - судьи 176
 - у древних европейцев 192–193
- Изгнание** 91, 145,
- тиранов 170
- Изобретательность** 34
- «Илиада» 148, 164
- Илоты** 65, 236
- Императоры**
- китайские 187
 - японские 134–135
- Инвеститура** 202
- Индивид как собственность государства** 224, 234, 257
- Индивидуализм**, Конт об 31
- Индивидуальная воля** 20, 93, 96, 97, 98, 137
- Индивидуальная жизнь** 261–262
- Индивидуальная инициатива** 250, 253, 289
- Индивидуальное благо** 37
- Индивидуальное благосостояние** 39
- Индивидуальное действие** 223, 291
- Индивидуальность** 147, 196, 223, 259–262, 265–266, 270
- Индивидуальные способности** 34
- Индивидуальные цели** 37
- Индия**
- вице-королевство 242
 - горные племена 41, 85, 91, 94, 283
 - первобытные расы 8
 - под британским правлением 26
 - правительство, колониальное 268
 - семейные культы 47
- Индукция** 237, 292
- Индустриализм** 56, 58, 78, 82, 170, 200, 206, 208, 217, 220, 257, 270, 272, 285, 289, 293
- богатство и 81
 - классы и 78, 79, 81
 - производительная деятельность и 255–256
 - развитие 263, 268, 286, 292
 - свободная кооперация и 289
- Индустрия** 198
- Индусы** 8, 47
- Инициатива, индивидуальная** 250, 253, 289
- Инки** 40, 51, 75, 120, 123, 232
- Инкорпорация** 36, 56
- Инстинкт**
- кочевой 41–42
 - любви к детям 44
 - повиновения 248
 - хищнический 260
- Интеграция**
- возрастание 74, 77
 - локальная 55, 81
 - политическая. См. Политическая интеграция
 - принудительная 49, 97
 - простых групп 49, 50, 126, 137
- Интегрированное общество** 78, 137
- Ирландия** 272
- Искусства** 14
- Исландия** 86
- Испания** 193, 194, 200, 202, 204, 209, 211, 215, 275
- города 206
 - муниципальная организация 205
- Испытание** 109
- Истина и эмоция** 3, 6
- История** 6, 110, 137, 204, 251
- Азии 136
 - Англии 128, 210, 287, 290
 - военная 223
 - Германской империи 111, 253
 - греческая 147
 - древняя 46, 145
 - Европы 24, 107, 110, 127, 135, 249
 - Египта 110
 - итальянских городов 171
 - Наполеона 111
 - новая 158, 160, 163
 - парламентов 212
 - преступления (книга Льюка Пайка) 278
 - Рима 110, 152–153

- тамплиеров 29
- толкование 151 сн.
- Ферсита 86
- франков 247
- Японии 187
- Италия 161, 202, 239, 275
- Итальянские республики 161, 164, 167, 170, 175, 193, 195, 202, 206, 207
- Иудеи 115

К

- Калифорния 62
- Калмыки 53
- Камбюскеннэт 214
- Камехамеха 74
- Каннибализм 5, 10, 11, 62, 72
- Кантоны независимые 153, 158–159
- Капитал 169
- Капиталисты 238, 289
- Каракалла 12
- Карены 126, 127, 268
- Карибы 106, 109, 115, 118
- Каролингский период 215
- Каросы (старейшины) 134
- Каста 32, 61, 235, 268
- Кастилия 204
- Кастовые чувства 216
- Католики 277, 279,
- Кафры 93, 121, 127, 130, 179, 288
- Кацик 105, 109, 125,
- Квакеры 279
- Квиринальский холм 153
- Кельтийские трибы 149 сн.
- Керл (saorl) 65–66
- Кипр 242
- Киргизы 92, 96
- Китай, 76–77, 115, 124, 136, 187
- Классовое превосходство, индустриализм и 78, 81
- Классовое равенство 77, 81,
- Классовые различия 72–74, 76, 81–82
- Классы
 - военного происхождения 77, 80
 - взаимное проникновение 34
 - военных глав 178, 190
 - воинов 182
 - воинов, дифференциация 69
- высшие и низшие
- развитие соответствующих духовных качеств 73, 81
- различие в пище 72
- различие в пище, одежде и расходе энергии 72, 81
- различие в физической ловкости 73
- физические и духовные различия 71, 81
- дворянства 180
- «джинго» 288
- духовенства 182
- зависимых 184
- землевладельцев 74, 80, 178, 189, 190, 197, 198, 233, 234
- крепостных 64–66
- крепостных, в древней Аяглии 65
- крепостных, возникновение 64–67, 80, 180
- крепостных, гелоты (илоты) Спарты 65
- крепостных, доход 66
- крупных земельных собственников 178–179
- наслоение 78, 81
- независимых собственников 184, 199
- неполитический 89
- пассивный политический 86, 89
- правящие 81, 279
- промышленников 164, 215
- рабов 62–64, 74, 80, 169
- Классы общественные 32, 267
 - автагонизм 201
 - барьеры 34, 79
 - в интегрированном обществе 78
 - взаимное проникновение 34
 - властвующие и подданные 62, 77
 - военного происхождения 77
 - возникновение 28, 62, 63, 82
 - завоевание и 196
 - запрет на смешение 76
 - идеи и чувствования 33
 - индустриализм и 78, 81,
 - наследование места в 32, 33, 35, 88
 - порабощение и 74, 80, 81

- правящие 201
- разделение на 73, 81, 177, 178, 183, 269
- титулованные 79
- цель 28
- Клатсоны, положение женщин у 60
- Клейстенианская революция. См. Клисфена революция
- Клисфена революция
- Клиенты 70, 170,
- Клисфена революция 170, 201, 207
- Князь 180
- Кодекс поведения 7
- Колдун 113
- Колониальные законодательные органы 217
- Колонизация 204
- Колонии 190
- Колонисты 203
- Колоны 75
- Колумбия 118
- Коммерческие сношения 229
- Коммерческие цели 229
- Коммунистические проекты 257
- Коммунистические формы организации 257
- Коммунистическое распределение 262
- Коммунисты 256
- Конго 98, 119, 127
- Конкубинат 284
- Конкуренция, богатства и знатности 199
- Консерватизм 28, 31, 33,
- Конскрипция 271, 277
- Консолидация обществ 58
- политическое уплотнение 76
- Конституция 101
 - бумажная 6
 - племенного союза 145
 - спартанская 177
- Контракт, отношения. См. Договорные отношения
- Контролирующее влияние 92, 112
- Контроль
 - военной жизни 226
 - гражданской жизни 226, 241-243
 - группы 20
 - народный 242
 - официальный 228-229, 241-243
 - поведения, мнение и 92-96, 101-102
 - регулятивный 263
 - среднего чувства и мнения 101
 - труда 225, 240
- Конфедерация
 - городов (в Испании) 205
 - морских провинций (фризы) 158
- Конфискации 97
- Концентрация
 - богатства 164
 - власти 144, 164, 173, 235
 - населения 172, 198, 222
- Кооперация 15, 17, 18, 23, 36, 48, 136
 - благоприятствующие условия 48
 - военная 15, 49-51, 58, 60, 104, 149-151, 153, 159-160, 172, 221
 - высшего рода 31
 - городского населения 169
 - групп 145
 - для нападения 149-150, 221
 - добровольная 32, 58, 104, 214, 263, 265, 270, 271, 290
 - задержка 42-43
 - защита и 49-50, 54, 149-150, 218, 221
 - интеллект и 42
 - начал политической структуры 174
 - общая безопасность и 176
 - общественные задачи и 20
 - организация и 37, 38
 - политическая и 20-21, 37, 46, 104
 - принудительная 42-43, 58, 105, 215, 217, 226, 228, 229, 241, 253, 256, 270, 271, 289
 - причина 18, 20, 204
 - простых групп 129, 144
 - свободная 217, 229, 241, 289
 - сознательная 19, 20,
 - социальная 83
 - стадии процесса 125-127
 - типы 19
 - упрочение главенства и 105
 - форма 256
 - эмоциональные факторы 42-43
- Копьеносцы 175, 177

- Кораблекрушители 290
 Коранна-готтентоты 93, 94
 Коринф 150, 151
 Короадосы 107, 115
 Королевская власть 74, 119, 131, 135, 188, 200, 208, 209, 211–212, 235
 Королевский доход 208, 273
 Королевский совет 180
 Корпоративная жизнь 221, 252, 261
 Корпоративное действие 221, 224, 225, 228, 252, 258, 259, 260, 263, 265, 279, 291
 Корпорации граждан 170
 Кортесы 209, 211–212
 Кочевники 41, 58, 80,
 Кочевые племена 136
 Крепостная зависимость 273
 Крепостничество 274
 Крепостное состояние 64–67, 236
 – в Европе 65
 – в Новой Зеландии 64
 – на острове Фиджи 64–65
 Крепостные 74, 75, 194, 200, 203, 228
 Крит 147, 150,
 – покорение дорийцами 65
 Кровавая месть 25, 69, 92, 245, 281
 Кровное родство 43–46, 69–70
 Кромвель Оливер 167
 Кукасы. См. Куки
 Культ предков 46–48, 137
 Культура 10, 220, 251, 267
 Культурное развитие 8
 Кури 47
 Куэба 61
 Кхонды. См. Конды
- Л**
- Лагуна 156
 Лама, великий 133
 Лангалибавель 112
 Лангедок 181
 Ландвер 240
 Ландстинг 184
 Ландшафт, политическая интеграция и 39–40, 88
 Лациум 152
 Лекарства 112
 Лен 218
- Ленники 215
 Леон 193
 Летописи 148
 Лживость 8
 Либеральная партия 243
 Ликург 151, 164
 Литакун (город в Индии)
 Литены 75
 Лихтенштейн 43
 Личная безопасность 276–278
 Личная причинность 250–251
 Личная свобода 278, 280
 Личное благополучие 258
 Личное возвышение, главенство и 108–114
 Личное преимущество 178
 Личное средоточие силы 251
 Личное управление 131, 136, 161, 171
 Личное управление принудительного характера 137
 Личность гражданина 259
 Личность, подчинение государству 276–276
 Личные воли 21
 Личные выгоды 20
 Личные действия 231
 Личные заслуги 118
 Личные качества 280
 – политическое главенство и 96, 106–108, 126, 130, 137, 138, 150
 – функции и 32–34, 38, 117
 Личные ограничения 241
 Личные потребности 19, 27, 260
 Личные права 104, 170, 259
 Личные преимущества 178
 Личные цели 21, 223, 231, 252
 Личный труд 186
 Лоанго 113, 130
 Локальные войны 272
 Ломбардия, ломбардцы 156, 167, 171, 202
 Лондон 185
 Лукка 164
 Людоедство. См. Каннибализм
- М**
- Маганги 126
 Магистраты 188

- Магическая сила, приписывание правителю 124–125, 129
 Магические практики, приобретение главенства и 111–114
 Магнаты 216
 Мадагаскар 85, 96, 120, 182, 185
 Мажордом (майордом) 135
 Малакка (полуостров) 280, 282
 Мандинго (государство) 174
 Мантрасы 115
 Мануфактура 26, 168, 199
 Массы, сплочение 197
 Мегар 151
 Международная вражда 285, 289
 Международная политика 13, 179
 Международная торговля 170, 171
 Междоусобица 175
 Мексика 11, 119, 180
 Мексиканцы 97, 106, 110
 Менапия 158
 Меньшинство
 – высшее 176–177, 183, 184, 195
 – организованное 89, 189
 – правящее 89
 Меритократия 34, 35, 38, 266
 Местечки 214
 Месть 244, 245, 282
 Месть кровная. См. Кровная месть
 Метрополия 242
 Миграция 54–56, 70, 80, 92, 154
 Микадо 124
 Милитаризм 263
 Мирная жизнь, постоянная 259, 266, 284
 Митинг 100–101, 179, 243, 271, 277, 278
 Мнение
 – высшей части общества 98
 – группы 20, 91–94
 – низшего общества 98
 – прошлых поколений 94, 99
 Моверс 86
 Модера 142
 Монарх
 – верхняя палата и 217
 – главнокомандующий 110
 Монархия
 – абсолютная 77
 – ограниченная 181
 – феодальная 143
 Монастырь 184
 Монголы 53, 146
 Моногамия 45–46, 284
 Монополизация власти 143, 183
 Мореходство 156, 157
 Муниципальное управление 164, 205, 238
 Мысль и чувство, соотношение 3
 Мэн, историческая область Франции 181
 Мятеж 138
- ## Н
- Навайосы. См. Новайо
 Нагасы. См. Наги
 Надзор 30, 197, 198, 253
 – государства 225, 232, 233, 235, 236, 253
 – за общественными работами 238
 – над жизнью и трудом 31
 – общества 261
 – полицейский 242
 Наемные войска, наемники 184, 213 сн., 248
 Налоги 25, 26, 209, 211, 213, 216, 260, 264, 273–274, 276, 277–278
 Нападение, кооперация и 150
 Народ, власть и 93
 Народное собрание 190, 207,
 – большинство 180
 – в Исландии 86
 – ограничение власти 189
 – Тира 86
 – участие 185
 – Флоренции 166
 Народные
 – власть 195, 197, 198, 200, 202, 206, 207, 218
 – воля 274
 – контроль 242
 – мнение 177
 – представительство 215
 – согласие 109, 127, 128, 176
 – управление 156, 160, 164, 168, 170, 171, 172
 – учреждения, рост 90
 – форма правления 194

- Народовластие. См. Народная власть
- Народности и племена
- абионы. См. абионы
 - абионы 53, 105, 109, 182
 - аборигены Австралии. См. австралийцы
 - аборы (племя Западной Африки) 41
 - австралийцы 87, 91, 106, 107, 115, 118
 - айны (народность севера Японии) 283
 - алеуты 127
 - арабы 108
 - арауканцы 248
 - араухи 118
 - арафурасы. См. арафуры
 - арафуры (племя папуа) 62, 141, 269, 281
 - ариане. См. арийцы
 - арийская раса. См. арийцы
 - арийцы 87, 116, 124, 146, 267
 - ахуалы 85
 - ацтеки 119
 - ашанти 96, 119, 179
 - бакхассины. См. бечуаны
 - бакхиады 150
 - балонды 53
 - бедуины 22-23, 105, 107, 143
 - белуджи (белучи) 23
 - бенины 130
 - бечуаны 42, 78, 179,
 - билы 231
 - бодо 61, 91, 141-142, 267, 280-282, 284
 - бразильские индейцы 115
 - бурмезы (бирманцы) 130
 - бутанезы 134
 - бушмены 43, 106
 - бэи (bais) 92, 96
 - вазоры 130
 - ваньямвези 179
 - варасосы 118
 - веддахи 12
 - гайдаки. См. хайдаки
 - галлиномеросы 115
 - германцы первобытные
верховный политический совет
175, 181
 - военная конфедерации и 50, 126
 - подчиненность политической
власти и 110-111
 - Тацит о 86, 177
 - горные племена 41
 - гунны, нашествие 156
 - дагомеи 10, 61, 98, 119, 130, 231,
247-248, 253
 - дакозы 182
 - дакота 92, 112
 - дамары 11, 51, 94
 - даяки 63, 94, 106, 108, 109, 126
 - диггеры, индейцы 22
 - дималы 61, 91, 141-142, 267,
280-282, 284
 - жуанги 94
 - зулусы (зулусские кафры) 130,
288
 - ибу 128
 - индейцы северной америки 87
 - ирокезский союз племен 145
 - команчи 107, 109, 115, 118, 127,
143, 231
 - комиты 71
 - конды (khonds) 8, 85, 105, 117,
182, 231
 - краснокожие 11
 - криксы 107
 - кукасы. См. куки
 - куки (горное племя индии) 41-
42, 53, 123, 128
 - кэрены 50
 - лепки, лепхасы (lepchas) 9, 61,
142, 268, 281-282, 284
 - малагази (мальгаши) 85, 94-95,
110, 119, 130, 231
 - манихи-ганаи (племя) 116
 - мапухесы 115
 - мзамбарцы 130
 - мишмисы 42, 267
 - муедруксы 231,
 - мундрукусы 182
 - наги 93, 142, 143, 147
 - намаквы 51
 - новайо (навайос, навахо) 104,
107
 - остяки 107
 - папайан 40
 - парагвайские индейцы 41

- патагонцы 53, 126,
- пуэбло 61, 268, 284
- риоты (раджпуты) 26
- рок-веддахи 106
- санталы 8–9, 116, 268, 284
- семинолы 39
- семиты 87, 116, 146
- снейки (змеиные индейцы) 39, 92, 107, 118
- суры (sourahs, sourahs) 8
- таитяне 72, 85, 123
- такуллии 107
- таманаки 106
- тапайосы 107
- тасманийцы 106, 112, 118
- татары 176
- тиммани 121
- типперы (tipperas) 8
- тодасы 8, 141, 267, 281, 284
- толеуасы 107
- тонганы 108, 133,
- туписы 94
- туранцы 116
- турки 26
- фиджийцы 10, 72, 118, 130, 244, 248
- финикияне 85
- флатхеды (плоскоголовые) 105, 109
- флинкиты 112
- франки 158, 247
- фризы 157–158
- фугианы (фугианы) 106, 112, 115
- фудзивара 135
- фулахи 174
- фульбэ (фулахи) 51
- хайдаки 112, 118
- чакмасы (chakmas) 9
- чако 22
- черногорцы 245
- чибхасы 125
- чивуки 53
- вождь 78, 92, 125, 127
- захват рабов 63
- положение женщин у 60
- чиппева, 60, 105, 118
- чипчасы 106
- шерараты (бедуинское племя), 23
- шошоны 22, 115
- эскимосы 22, 106
- якунсы 280–282
- ярибы 128
- Народы
 - бесписьменные 10
 - исторические 44, 50, 52, 85, 110
 - нецивилизованные 6
 - свирепые 10
- Население
 - городское 169, 199, 200, 206
 - излишек 56
- Насилие, политическое развитие и 12, 13, 88, 292
- Наследник 132, 178,
- Наследование
 - власти 121, 123
 - законы и 69, 120
 - земли 68–69, 178
 - накопленных изменений 41
 - по женской линии 118–122
 - по мужской линии 68–69, 80, 118–122, 151, 178
 - титулов 148
- Наследственность
 - главенства и устойчивость 117–119, 121, 129
 - занятия 32, 227,
 - и главенство 106, 118, 127, 164, 188, 269
 - и преемственность 127–128, 132, 134, 187
 - иерархия и 32, 33, 88, 227
 - принцип 117, 227–228, 266
 - функций 227
- Наследственные
 - государь 187, 188
 - классы 76, 88
 - обычаи 94–95
- Наследство, старшего в роде 70, 151, 178
- Наследуемость и устойчивость 34–35, 129
- Наука 251, 264
- Нации
 - великие 137
 - исторические 44
 - образование 271
 - передовые 7

- сплочение 50–51, 137
 - Национальные собрания 209, 215, 219
 - Национальный парламент. См. Национальные собрания
 - Национальный престиж 288
 - Нация, воинственная 167, 218, 221
 - Независимость 88, 148, 160
 - Венеции 156
 - поддержание 157
 - природная 146
 - совещательной организации 179
 - сохранение 144, 160
 - физические условия 88, 146, 156, 159–160
 - Независимые
 - деятельность 228
 - индивидуальная жизнь 199
 - кланы 149
 - общины 153, 159
 - Немецкое море 157
 - Ненависть 5
 - политического главы 130–131, 138
 - Неповиновение, кара за 229
 - Неравенство
 - имущественное 70, 80, 189
 - положения 71, 189,
 - социальное 69, 81
 - Нерон 12
 - Несогласие, выражение. См. Одобрение, выражение
 - Несправедливость, и нововведение 95
 - Несходство. См. тж. Сходство
 - образа жизни 71
 - духовных качеств 73
 - физическое 72, 73
 - Нидерланды 167, 171
 - Низам (Индия) 26
 - Никобарийцы 104
 - Нил 26
 - Ните 203
 - Новая Зеландия 23, 44, 64, 85, 128
 - Новая Каледония 50, 120, 231
 - Нововведение 34, 95
 - Новозеландцы 74, 231
 - Номинальность
 - избрания 165–166
 - подданства 158
 - правителя 135, 139, 142, 148, 188, 267
 - Нормандия 209
 - Норманны 75, 272
 - Ношение оружия 175–176, 178
 - Нравственность
 - дисциплина 169
 - первобытных народов 7–9
 - Нравственные идеи
 - метод социологии и 3–7
 - общественный тип и 13
 - поведение и 7
 - Нуткасы 63
- О**
- «Об изучении социологии», сочинение Герберта Спенсера 4
 - Оббо 113
 - Оберланд (кантон) 169
 - Обмен 34, 44, 79, 169, 199, 229, 234, 257–258, 266, 267, 279
 - кооперация и 19, 20, 156,
 - кровью 54
 - по договору 169, 204, 265, 293
 - права личности и 79, 81, 286
 - Обожествление
 - власти 43, 88, 113–114, 120, 123–125, 237
 - патриарха 117, 122
 - Оборонительная деятельность 241
 - Образ жизни, воинственный и мирный 141
 - Образование
 - наций 271
 - простых групп 51
 - сложных обществ 73
 - Оброк 273
 - Обряд, политические отличия и 82
 - Обрядовое правительство 82
 - Обрядовые учреждения 82, 124, 208
 - Общие
 - безопасность 176
 - благо, 37
 - владение землей 177
 - воля 99, 161,
 - действие 221

- защита 159, 218
- происхождение 153
- собрание 162
- чувства о 97
- Общества, воинственные 221, 227, 229, 230, 235, 243, 247, 252–253, 257, 284, 285 сн.
- Общественные
 - власть 271
 - группы, соединение 15, 97, 146
 - деятельность 30
 - должности 239
 - задачи, и кооперация 20
 - мнение 20, 91–96, 97, 99, 102,
 - обязанности 159–160
 - одобрение 102, 177,
 - организация, два типа 18–37
 - организм 15
 - приспособление и 31–32, 51–52, 253, 266
 - реорганизация и 29–31
 - усложнение 35, 56, 57, 185,
 - устойчивость 32, 34, 44
 - перемены 33, 34,
 - подчиненность 137
 - порицание 91
 - порядок б. 10
 - презрение 102
 - развитие
 - борьба за существование и 15
 - война и 5
 - первобытных рас 10, 12
 - сотрудничество. См. Кооперация
 - стол 152 сн., 235
 - структура. См. Общественное устройство
 - устройство, образ жизни и 141–146
 - формы
 - первоначальные 136, 137
 - цивилизованные б
 - цели 19, 20, 21, 37, 231
 - человек 13
 - чувство 92–93
 - эволюция 4, 15, 16, 196
- Общество. См. тж Организация общества; Оседлые общества
 - военный тип 31, 56, 182, 220–254
 - давление на членов 55, 56
 - изменение структуры 28, 35, 37
 - интегрированное 78
 - кооперация и 18, 38
 - неустойчивая однородность 69
 - переустройство, препятствия 37, 38
 - пластичность 35–36, 38, 117, 265, 292
 - промышленный тип 56, 255–256, 263, 266, 277, 280, 285, 290
 - рост и строение 36
 - сложное 73, 81
 - сплочение 223
 - территория и 17
 - типы 31
 - управляющая часть 29
 - усложнение 182, 191, 195
- Общность
 - религии 46
 - языка 48
- Объединение
 - групп 51, 97, 144, 146
 - обществ 5, 12, 15, 35, 144
 - социальное 204
- Объективность, метод социологии 3–6
- Объявление войны 85, 97
- Обычаи
 - древние 94, 96
 - политическая организация групп и 95, 99
 - происхождение 4
 - свобода и 95, 99
 - унаследованные 94–95
- Обязанности
 - вождя 131
 - право и 214
 - принятие 207
 - семейные 44
 - власть и 207–208
 - военной службы 68, 204, 218, 232
- Обязательства, исполнение 199–200
- Ограничение
 - взаимное 260, 265, 291
 - власти 53, 93, 189, 198
 - короля 139, 175, 212
 - народных собраний 177, 189
 - обычаем 96–97, 99, 136, 138, 234
 - воскресного труда 240

- деятельности 36, 236
 - индивидуальности 260–262, 266, 270
 - личное 236, 241, 264
 - личных воль 20, 21, 99, 138
 - насилия 264
 - печати 279
 - прав собственников 64
 - правоспособности 164
 - привоза продуктов. См. Протекционная политика
 - свободы передвижения 55–56, 228, 233, 235, 236, 279
 - сферы корпоративного действия 291–292
 - частной деятельности 236, 242
 - Одобрение
 - большинства 160, 177
 - выражение 84, 86, 87, 89, 100, 193, 195
 - Окружающая среда 105
 - политическое устройство и 143, 156–161
 - Олигархическое правление 160, 165, 168, 188
 - Олигархия 89, 101, 155, 169, 172, 183, 190, 207
 - неограниченная власть и 150
 - римская 170
 - спартанская 151
 - увеличение власти 164
 - феодальная и церковная 184
 - Оппозиция 28, 188, 240
 - Оракул 130
 - Организации
 - негосударственные 228
 - публичные 267
 - Организация общества 12
 - военная 20, 236, 237, 241
 - изменение 35, 38
 - кооперация и 18, 22, 38
 - наследование и 35, 38
 - обмен и 19–20
 - политическая 21
 - связь групп 52, 126
 - цели 21
 - Организация
 - бессознательная 19
 - военная 20
 - замена гражданской 241
 - воинственная 225
 - гражданская 241
 - замена ее военной 241
 - демократическая 202
 - индустриализма, прогресс 220
 - кооперация и 37
 - общественная, два вида 18–37
 - парламентская 210
 - политическая, два типа 220
 - принудительная 239
 - регулятивная 235, 239–243
 - типы 37
 - Оринокко 126
 - Орлеан 181
 - Орошение 10
 - Оружие, владение землей и ношение 178
 - Осадное положение 241
 - Освобождение
 - дворянства 273–274
 - рабов 55, 170, 290
 - Оседлость 55
 - Оседлые общества 73, 80, 148, 178
 - Оседлые простые группы 136, 178
 - Оскорбление 244
 - «Основания социологии», книга Г. Спенсера 241
 - Остракизм 201 сн.
 - Отношения
 - договорные 200
 - зависимости 71, 199
 - между полами 284
 - причинности 251
 - продавца и покупателя 199
 - Оттавы 84
 - Официализм 253
 - Охранение
 - выживание и 7, 15, 46, 48
 - справедливости 213
- П**
- Павия 194
 - Палата лордов 242
 - Палата общин 276, 287
 - Палатин, в Польше 180
 - Палатинский холм 153
 - Памятники 75, 110, 113, 244, 248–249

- Париж 211
- Парламент 175, 179, 203, 207, 214, 216–217, 240, 277, 285, 290
- английский 277
 - германский имперский 240
 - история 212
 - начало разделения палат 216–217
 - общенациональный 184
 - основная деятельность 210, 211, 213
 - при Тюдорах и Стюартах 275
- Парламентское государственное устройство 274, 276
- Парламентские организации 210
- вопрос о деньгах 210–215
- Партия 200
- политическая 200, 214, 243, 286
 - демократическая 201 сн.
 - либеральная 243
- Паспортная система 56
- Пастушество 43, 67, 80, 116, 178, 197
- патриархальные группы и 116, 145, 197
 - переход к оседлости и 47, 55, 116
 - племена 158, 178, 269
 - племенные союзы 69
- Патриарх 85, 145, 150, 268
- обожествление 116, 122,
- Патриархальность
- власть 126, 147, 155, 160, 199
 - группа 116–117, 121, 145–146, 148, 160, 196
 - деспотизм 136
 - тип общества 169, 178
- Патриархат 116
- Патриотизм 4, 202, 247, 253, 288, 293
- Патриции 150, 153, 207, 238,
- Пелопоннес 147
- Первобытная форма управления.
- См. Свободная форма управления
- Первобытное состояние, возвращение к 161
- Первобытные племена, нравственность у 7–9
- Первоначальное единство 83
- Первородство 119
- Первосвященник 181
- Переворот 101, 201
- Переговоры 193, 243
- Перестройка и разрушение 35
- Периодические издания 241
- Персия 115, 187,
- Персы 247
- Перу 40, 41, 56, 74, 120, 123, 136, 232, 249, 253, 256
- Перуанцы 110
- Перувианцы. См. Перуанцы
- Петербург, строительство 6
- Петиция 211–212, 214, 217, 219
- Пешт 175
- Пиза 171
- Пикардия 209
- Пираты, славонские 156
- Письменность, бесписьменные народы 10
- Плебеи 207
- Племена
- безначальные 104–105, 107, 115
 - воинственные 142–143, 231, 246, 267, 281–282, 284
- Племенные союзы 69
- Племя и индивид 7
- Пленные 13, 54, 62, 80, 182, 222, 231
- Победа 223
- Побежденные 74
- Поведение 3, 12
- анализ 3
 - и нравственные идеи 7
 - контроль 91–97
 - обрядовое или религиозное 97
 - политическое 97
 - эмоциональная природа и 93
- Повинности
- городов 206, 209
 - натуральные 25, 233, 239
 - феодальные 213 сн.
- Повиновение 248, 253
- абсолютное 249
 - военные успехи и 89
 - возможность политической функции и 100
- Поглощение меньших обществ 51
- Подавление умственной культуры 251
- Подарки 208, 210, 257–258
- Подати 25, 97, 142, 160, 212, 213 сн., 219, 233, 268, 275

- Поддержание общества 258
 Поддержание прав 200
 Подчинение
 – авторитету 286
 – военным агентам 166
 – война и 109, 126, 196
 – вынужденное 270
 – готовность к 248
 – группы 89, 153
 – и выживание 145
 – иерархическое 225, 252, 263, 265
 – как достоинство 245
 – личной воле 137
 – личности государству 275
 – общему и местному главам 148
 – патриарху 117, 121,
 – политическое 143, 231
 – политическое 231
 – родителям 115, 116, 145
 – служению обществу 252
 – старейшим 115, 153
 Подчиненность
 – военная 111, 126, 137
 – общему главе 127
 – общественная 137
 – политическому главе 127
 – степень 104, 197–198, 218
 Поземельное владение 78, 130
 Поземельные владельцы 85
 Позорный труд 168
 Покровительственная система 243
 Покровительство
 – высших лиц 66, 70, 184, 200
 – государства 259, 270
 Покупка чинов 28
 Полиандрия 44–45
 Полигамия 45, 284
 Полинезийские острова 40, 231
 Политическая автономия 229
 Политическая агентура 95, 101
 – чувство прошлого и настоящего 102
 Политическая администрация 81
 Политическая власть
 – источник 100
 – концентрация 144
 – переход 134
 – примитивная форма 93
 Политическая деятельность, элементы власти 83, 85, 88–89. *См. тж*
 Тройственное политическое строение
 Политическая дифференциация 60–82
 – возникновение класса рабов 62, 63, 80
 – завоевания и 74–76, 78, 80, 81, 89
 – общественное собрание и 100
 – политическая интеграция и 75
 – семейная дифференциация и 60, 79
 Политическая интеграция 39–59
 – в Англии и во Франции 50–51
 – военный фактор 50–51, 81, 97
 – задержка 40–43, 144
 – кланов и триб 57
 – климат и 39, 88
 – кочевые инстинкты и 41–42
 – ландшафт и 39–40, 57, 88
 – моральные свойства и 41
 – нравственный и умственный тип 57
 – общность политических интересов и 45
 – общность религии 46
 – объединение групп 51, 54, 97, 126, 144
 – первые стадии 49–51, 60
 – политическая дифференциация и 75
 – сглаживание различий и 58, 81, 88
 – системы табу и 48
 – сходство религий и 47
 – территория и 39–40, 57
 – узы родства и 45, 54, 57
 – факторы 39–50
 – физический тип и 40–41, 57, 81
 – флора и фауна 39
 – эллинов 48
 – этапы 51–52, 55–56
 Политическая организация 68–88, 153
 – военный союз и 51
 – городов 171
 – групп и обычаи 95
 – два типа 220

- иерархия 26
- издержки 26–27, 37
- классы и 32
- кооперация и 37
- начало 23, 49, 87
- общества 21, 23
- предписывание принуждений 37, 105
- прогресс и 136
- развитие 3, 25, 29
- распад 172, 206
- территория и 22
- Политические**
- агрегаты, их неустойчивость 49
- взгляды 271
- главы 98, 103–140
 - божественное происхождение 130–131, 133, 138, 154, 160, 183, 186, 197
 - влияние 110
 - денежное содержание и 210, 219
 - неограниченная власть 130–131, 138
- низложение 105
- контроль 92, 268
- сопротивление 105, 144
- страдания и 27
- усиление 111
- мнения, управляющего класса 30
- партия 286
- переворот 201
- поведение 97
- порядок 84
- развитие 4–7, 15, 23
- репрессии, Средневековья 12
- связь 49
- система, разрушение 161
- склонности 4
- собрания, первый мотив 176
- союзы 158, 266
- строения, общее происхождение 90
- теория, главный элемент 102
- уплотнение 76, 144
- учреждения 6, 22, 23, 103
- генезис 137–140
- раса и 6
- кооперация 195
- олигархического характера 165
- развитие 29
- расширение 171
- устройство, первичная форма 89
- устройство и окружающая среда 156–161
- формы 83–103, 162
- основное единство 90
- три элемента 84–89, 104, 141, 163
- функции 77, 100
- переход 134–136
- три элемента 89
- Политическое главенство 97, 111, 150**
- в семейной группе и 117
- военное и 110, 237
- динамика 171
- закрепление 108
- личные способности и 108, 114, 117, 132
- правителя и совещательной организации 192
- развитие 113
- результат войны 126, 237
- простое, генезис 172
- сложное 143–178
- генезис 145, 150, 172–173, 235, 236
- зарождение 143–163
- упрочение 110, 117, 122,
- установление 104, 125, 126
- устойчивость 117–119, 121, 129, 132, 137
- Политическое объединение. См. Политическая интеграция**
- Политическое устройство 84–89, 101, 104, 141, 163, 174, 189, 218**
- Полиция 10, 242, 279
- Польша 180, 188, 194
- Поляки 175
- Помощь, частная и добровольная 262 сн.
- Попечение о сражающихся 222
- Порабощение**
- военное 74, 80
- за преступление 63
- личности 236
- народа 64, 248
- подразделение на классы и 74, 80, 222
- политической организацией 26

- пришлыми расами 75
- слабого 6
- Порок 8, 10, 91, 244
- Порча монеты 26, 211,
- Порядок
 - вещей 106, 127–130, 134
 - наследования 118–122, 135, 138, 148, 186
 - поддержание 24, 226
 - политический 84
 - природы 15
 - устоявшийся 30, 31
- Посредники 133, 138
- Посредничество 19, 36
- Постоянные
 - власть 150
 - дифференциация 115
 - войско 239
 - главенство 108, 126, 129, 132
 - войны 59, 164, 196, 220, 224, 230, 247, 248, 271, 272, 279, 285
 - налоги 213
 - комиссариат 222, 225, 231, 239, 277
 - совещательный орган 179, 183
- Посягательства 101, 267–268
 - на личность 271
 - на права личности 265, 278
 - на собственность 277
- Поттаватамисы 84
- Похоронные обычаи 4
- Почетные титулы 77
- Почитание старейших 115
- Почта, и вмешательство государства в экономику 240
- Права гражданства 170
 - защита 79
 - личности 277
 - покоренных 76
- Правитель
 - божественного происхождения 113, 123–125, 127–128, 130–131, 133, 138, 160, 183, 186, 197, 237
 - воля его 251
 - духовный 134
 - его агенты и 132–133
 - законный 138
 - номинальный 135, 139, 148
 - ограничение власти обычаем 96–97, 99, 136
 - олицетворение бога 113, 123, 133, 138
 - совещательная организация и 192
 - совещательный орган и 186–188
- Правительственная организация. См. Политическая организация
- Правительственные агенты 290
- Правительственные учреждения, диких племен 10
- Правительственный контроль, фактор цивилизации 40
- Правительственный механизм. См. Управляющий механизм
- Правительственный организм 239
- Правительственный фонд 242
- Правительство 181
 - денежное содержание 210
- Права, неограниченные 154
- Право
 - избирательное 85, 207
 - как производное от обязанностей 214
 - наследования, споры 148
 - происхождения 150
 - сильного 72, 82, 116, 247
 - собственности 8, 231, 234, 245, 247, 270, 277, 279, 281
 - убежища 205
 - участия в собрании 186, 190
 - участия в совещании высших 186, 190
 - частной собственности 231
- Правовая самозащита 286
- Правоверность 253
- Правоспособность 159, 164,
- Правосудие 26, 86–87, 211, 272, 274, 291
- Превосходство
 - богатства 164
 - власти 70–71
 - интеллектуальное 107
 - классовое 78
 - личное 120, 122, 127, 137
 - общепризнанное 87, 88
 - физическое 72–73, 79, 81–82, 106–107, 137

- Предприимчивость 250, 289
 Представители
 – выборы 104, 192
 – группы 261
 – дворянства 194
 – короля 131
 – местные 203, 210–211, 215–216
 – назначение 193
 Представительные
 – система 134, 194, 195, 261, 269, 274
 – правительство 273. См. тж Представительная система
 – управление. См. Представительная система
 – организации 192–219
 аристократические 194–195
 генезис 217
 – правители 81
 – совет 157, 158
 Представительство 193–195, 261
 – народное 215–216
 – делегирование 193
 Предубеждения, и склонности 4
 Предубеждения, формы 4
 Преемственность 33, 227
 – главенства 127–134
 Президент выборный 167
 Президент сената 188
 Прелат 184
 Прелюбодеяние 284
 Прения 100
 Пресса 277–278, 285
 Престиж происхождения 218
 Преступные действия 10
 Прецеденты 96
 Привилегии, городов 203, 205, 218, 275
 Привилегированный класс
 – Венгрии 194
 – идея о личном подчинении и 199
 – промышленников 164
 – реформы Солона и 169
 – римских сенаторов 238
 Привилегия 29, 95, 135, 159
 Приказаня, положительные и отрицательные 226
 Прикрепление к земле 66–67
 Принудительные
 – благотворительность 243
 – действие 208
 – кооперация. См. Кооперация принудительная
 – механизм 224
 – организация 239
 – правительство 282
 – управление 229
 Принуждение 37, 71, 105, 155
 – к сотрудничеству 105
 – к труду 20
 Принципы
 – влияния 115
 – классового равенства 77, 81
 – личной способности 108, 114, 117, 266
 – наследственности 117, 227–228
 – принудительной кооперации 270
 – свободных учреждений 145
 Принцы 181, 184
 Приспособление 14, 17, 36, 51–52
 – общественного организма 31–32, 253, 266
 Притеснения 54, 71, 200, 201, 210, 282
 Причинность 250, 251
 Прогресс 14, 15, 79, 204
 – воинской администрации 225
 – индустриальный 251, 266
 – политическая организация и 136
 – промышленной жизни 196, 204
 – социального развития 68, 136
 – социальной интеграции 58
 – физический 81
 Производительная деятельность 218, 255–256
 Производство 19, 32, 33, 235
 – распределение и 20, 32–33, 217, 269, 287
 Произвол
 – высших 135, 213 сн., 225, 263
 – монарха 124, 130, 131, 273
 Происхождение
 – божественное 123–125, 126–128, 160, 183, 186, 197, 218, 237
 – от великого предка 122, 197
 Промискуитет 44, 118
 Промышленники 157, 199, 219

- Промышленность 10, 136, 168–170, 235, 236, 240, 247, 255, 256, 274
- разделение труда и 21, 260
 - регулирование, 240, 277
 - специализация и 19
- Промышленные
- государство 31, 167, 288
 - группы 200, 203, 204, 206, 218
 - деятельность 170, 171, 198, 213 сн., 235, 250, 251, 267, 268
 - общество 255–256, 263, 266, 277, 280, 285, 290
 - организация общества 255–256, 259, 262
 - развитие 203, 204, 206, 214, 218, 272, 273, 274
 - система 33
 - сословие 170
 - тип общества 31, 220, 241, 255–294
 - учреждения 6
 - центры 170–171, 273
- Пропаганда мнений 229
- Простые группы 7, 125, 136
- Протекционная политика 230, 279
- Протекционные тарифы 240
- Протест
- против деспотизма 5
 - торговцев 240
- Протестанты 276–277, 279
- Пруссия 240
- Публичное обсуждение 85, 179, 195
- Публичные организации 267
- Публичные отношения 7
- Пытки 54, 94
- Пьемонт 202
- Р**
- Рабовладение 155
- Раболепие 99, 218, 282, 286–288, 293
- Работники, излишек 222
- Рабочие 74
- Рабство 6, 82, 169, 232
- благотельные последствия 6
 - в Восточной Африке 70
 - возникновение 62–63, 80
 - добровольное 41, 63, 70–71
 - долговое 169
 - захват в 53, 63, 80, 82, 231
 - илотов
 - локальные интеграции и 55
 - при Мервингах 75
 - страдания и 6
 - христианство и 247
- Рабы, социальное положение 61–63
- Равенна 156
- Равенство
- перед законом 81
 - поддержание 155
 - прав 159
 - принцип 145
- Раджи 70, 123, 128
- Развитие
- борьба и 15
 - власть и 89
 - военной организации 237–241
 - воинственного типа 223
 - коммерции 78
 - народной власти 195, 198
 - независимости 286
 - остановка 35
 - политических структур 29
 - политических учреждений, война и 111, 126
 - политической организации 25
 - представительной системы 195
 - промышленности 164
 - разумной жизни 15
 - родства 44, 57, 118
 - сложные процессы 16
 - социальное 251
 - структуры управления 132
 - условие 35
 - чрезмерное 31
- Разделение
- на классы 63, 73–76, 78–82, 178, 183, 196, 269
 - общества, военное 20
 - ответственности 174, 181
 - труда 10, 18–22, 26–27, 88, 260
- Раздробленность 51
- Различия
- в пище 72, 81
 - духовных качеств 73, 81, 84
 - классовое 76, 81
 - положений 82, 189
 - природы людей 71

- физическое 72, 73, 81, 84
- культуры обществ 220
- цивилизации обществ 220
- Разрушение и перестройка 35
- Райи. См. Раджи
- Ранг 26, 32–34, 72–74, 77, 81, 124, 134, 224–225, 227, 233
- Распад
 - империй 49, 59
 - социальных организмов 59
- Распределение 10, 19, 32, 33, 263
 - власти 101
 - коммунистическое 262
- Революция, французская 26, 217, 275
- Регент 119, 132, 135
- Регентство 135, 203, 208
- Региментация (подчинение) 227–228, 250–251, 256
- Регламентация 232, 250
- Регулирование
 - деятельности 19
 - индивидуальной жизни 241
 - наследование функции и 32, 38
 - социальный кодекс и 102
 - улиц 242
 - частной жизни 276
- Регулирующие (регулятивные)
 - деятельность 132, 226, 237–243, 291
 - значение закона 252–253
 - контроль 263
 - организация 29–31, 37, 235, 239
 - структура 225
- Регулятор 95
- Режим (правление, управление) 7, 30, 163, 217, 239, 268, 271
 - военный 56, 244, 247, 249, 251, 257, 286
 - договора 217, 286, 291
 - политический 7, 31
 - промышленный 259, 266
 - статуса 217, 255, 263, 271, 291
- Рейн 157, 206
- Рекопиляция 212
- Рекруты 251, 275, 277–278
- Религиозные
 - верования, чувства и 102
 - войны 275
 - контроль 43
 - мнения 271
 - секты 286
- Религия
 - высшая 9
 - государственная 182
 - союз войны и 182
- Ремесленники 168, 171, 203
 - гильдии 32
- Рента 74
- Репутация 108
- Республика 143
- Республика
 - зачаточная форма 162
 - учреждения 161
- Реформа 28, 31
- Реформаторы социальные 288
- Реформы, в Германии, (1875, 1880) 239
- Решение большинством голосов 85
- Рим (римские) 175
 - аристократия 238
 - власть гражданская и военная 239
 - военачальники, захват власти и 166
 - граждане 177
 - добровольное рабство 70
 - земельная собственность и военная обязанность 68
 - избирательная монархия 128
 - изменение учреждений 35
 - императоры 5
 - империя, упадок 270
 - история 152–153
 - кланы 46
 - международная торговля и 170
 - нашествие 111
 - обычай назначения диктатора 137
 - обычай усыновления 54
 - олигархия 170
 - падение Римской империи 25
 - первобытный 153, 249
 - политические элементы власти 86
 - расширение олигархии 207
 - республика 155, 162,
 - сенаторы 175, 238
 - солдатские императоры 98

- учреждения 162
- чиновники 238
- Римляне
 - варвары и 25, 68
 - владычество Египтом 25, 75, 239
 - войны 23, 247
 - единство 46
 - зверства 11, 12
 - избрание по жребию 193
 - культ предков 46–48
- Ринк 104
- Род (gens) 45
- Родительская власть 145
- Родовитость и богатство 78
- Родословные 124
- Родство
 - степень 69–70, 149
 - с вождем 149 сн.
- Розыск 242
- Романья 202
- Россия 187
- «Рост английской конституции», Фриман 87
- Рост
 - народных учреждений 90
 - обширных обществ 144
 - политического могущества, военные успехи и 111
- Рыцари 77

- С**
- Саксония 239
- Саксонская лига 158
- Салиши (племя Колумбии) 91
- Самараи. См. Самураи
- Самоа (остров) 40, 50, 121, 174
- Самодержавие 99
- Самодержец, политическая сила 98–99
- Самодетельность 168
- Самодостаточная организация 229
- Самозащита, правовая 286
- Самопомощь 229
- Саморегулирующийся социальный процесс 252
- Самосохранение 21, 28, 37, 221
 - личное 223
 - общества 229, 252, 265
- Самоубийство 244
- Самоуправление 155, 158, 193, 203, 253
- Самураи 134
- Сандвичевы острова 64, 72, 74, 130, 231
- Санкция
 - духовной власти 129, 182–183
 - религии 99
 - сверхъестественная 111–114, 123, 128–129, 138, 150, 182
- Сан-Марино, республика 159
- Сановники церкви 183
- Сатирический поединок 91
- Свобода 223
 - личности 279
 - обычаи и 95
 - перехода ремесленников 55
 - прессы 277
 - речи 277
 - совести 287
- Свободные
 - арендаторы 214
 - выбор 20, 171
 - граждане, Рима 86
 - земледельцы, 69, 178, 184, 215
 - крестьянство. См. Свободные земледельцы
 - люди 54–55, 69, 71, 75, 86, 178, 184, 185, 208, 271, 273
 - люди, вооруженные 175–177, 181, 184, 185, 189, 207
 - правление. См. Свободная форма управления
 - профессии 239
 - соревнования 257
 - управление, промышленная деятельность и 170, 171
 - учреждения 145, 206
 - форма управления 87, 159, 170–171, 200, 206, 268
- Свойства, приобретенные 16
- Связь
 - власти и богатства 78
 - воинских занятий и землевладения 67–69, 77–78, 178
 - деспотической власти и общественного развития 136

- с землей 79, 80
- с небесным владыкой
- семейная неурегулированная 118
- сложных групп 126
- социальных групп, полиандрия и 45
- социальных групп, приспособление и 51
- Священники 182–183, 240
- Северогерманский союз 240
- Севооборот 10
- Сёгун 135
- Сейм 181, 194
- Семейные
 - группа 45, 115–116
 - божество 122
 - верховенство 116, 117, 126, 155
 - положение 234
 - отношения 10, 33, 61, 79, 115–116, 118, 155, 284
 - союзы 116–117
 - учреждения 6
- Семья как религиозное братство 47
- Сенат 191, 195
 - охранитель закона 155
 - римский 86, 164
 - собрание царей 154
 - созыв 188
 - Тира 86
- Сенатор 188
- Сенаторы, римские 175
- Серф (seft) 65–66
- Сиам 130, 136
- Сиена 164
- Сикион 151
- Сила, источник 90
- Сила, политической агентуры 101
- Силы принуждения 52, 105,
- Синекуры 29
- Сиракузы, крепостное население 65
- Скабины 181
- Скандинавия древняя, 88, 207
- Скептицизм, кооперация и 43
- Склонности
 - воспитание и 3
 - к подчинению 41, 73
 - повелевать 73
 - предубеждения и 4
 - специальные формы 4
 - убеждения и 4
- Службное положение
 - благосостояние и 78
 - социальное положение и 76
- Собрание
 - в Древнем Риме 86
 - в швейцарских кантонах 87, 158, 161
 - воинов 153
 - вооруженных людей 175–177
 - всеобщее 86, 175–176
 - выборное 177
 - высших классов 210
 - горожан 161
 - дворян и представителей 211
 - дифференциация 83–84
 - исполнительное 165, 172, 195
 - местное 86, 209,
 - народа 83–85, 101
 - национальное 209
 - право голоса 85
 - представителей 216
 - роль народа 84, 86
- Собрание общественное 100
- Собрание политических глав 149
- Собрание старейшин
 - агора 86
 - в древней Англии
 - первобытных германцев 86
 - роль народа 84, 86
- Собрания периодические 196, 198, 202, 207, 215
- Собственники
 - земли 149 сн., 178
 - мелкие 181
- Собственности право 8, 231, 234, 245, 247, 270, 279, 281
- Собственность 33, 63, 62, 65
 - государства 224, 234, 275
 - захват 273
 - земельная 26, 68, 80, 138, 178
 - индивидуальная 69, 80, 224
 - коллективная 69, 80
 - коммерческая 206
 - кочевых племен 67, 80
 - монарха 130, 138, 275
 - переход по наследству 118, 178

- Совет 181
 - граждан 154, 158
 - десяти 165
 - племени 84, 85, 143, 269
 - старейшин 143, 153
- Совещание 216
- Совещательная группа 186
- Совещательная организация 175, 177–179, 183, 184, 186, 188, 219
 - военный совет и 175–176, 195
 - высшее меньшинство и 195
 - духовенство и 181, 183
 - постоянная 183
 - правитель и 192
- Совещательное право 181, 184
- Совещательное собрание, влияние 174
- Совещательный орган, правитель и 186–188
- Согласие
 - главы с младшими вождями 174
 - молчаливое 109, 127
 - общее 128, 176
 - пассивное 250
- Согласование
 - действий 36–37, 186
 - интересов 200
- Содержание правительства 210–211
- Соединение
 - военной и духовной власти 182
 - главенства семейного и политического 117
 - гражданского главенства с военным 166–167
 - патриархальных групп 54, 97, 126, 146
- Соединенная защита 156, 167, 218
- Соединенное действие 223
- Соединенные Штаты (Америки) 84, 167, 279
- Солдаты
 - в Древнем Риме 12, 98, 167
 - землевладение и 68–69
 - нация и 232–233, 277, 288, 290
 - отношения подчиненности 142, 226, 228, 252–253, 255–256, 263, 265
- Солона законы 168, 201
- Сообщение 39–40
- Соотношение воинов и производителей 222
- Соотношение мысли и чувства 3
- Соперничество 12, 14, 29
 - короля с аристократией 200
 - партий 202
 - промышленников с аристократией 171
 - торговцев с аристократией 79, 164, 199
- Соподчинение 76, 228,
- Соподчиненность, первичная 104–105
- Сопrotивление 200
 - захвату власти 104, 109, 137, 141–147
 - переменам 28
 - поборам 209, 211–215, 218
 - политическому контролю 105
 - реорганизации 29–31
- Соревнование, свободное 257
- Соревнование. См. соперничество 29
- Сословие 164, 211, 215
 - военное 242
 - дворян 175
 - промышленное 170
 - торговцев 79
- Сословная дифференциация 247
- Сословные склонности 4
- Социализм 31
- Социалистические общества 241
- Социалисты 256
 - германские 31
- Социальное положение 253
 - крепостных 63–66
 - мужчин и женщин 60–61
 - на Востоке 76
 - наследование земли и 68–69
 - покоренных 76, 80
 - рабов 61–63
- Социальное развитие 251
 - абсолютизм и 137
 - благосостояние и 39
 - пропорции трех элементов 89
 - фазы 110
- Социальные
 - группы, связь 52
 - жизнь, начало 87

- кодекс 102
- кооперация 83
- неравенство 69, 71, 81
- объединение 204
- организация, военного общества 224. *См. тж* Организация общества
- реформаторы 288
- связь 57, 75
- солидарность 45
- структура 84, 251, 292 генезис 251
- Социология, метод 3–6
- Союз
 - войны и религии 182
 - городов 205, 206, 218
 - граждан 228–229
 - заговорщиков 229
 - политический 158
 - временный 49, 58, 231
 - правительств 266
 - римских кантонов 152
 - частный 258
 - швейцарских кантонов 159
- Спарта 50, 148, 164, 235, 249, 253
 - гелоты (илоты) 65
 - пережиток царской власти 151
 - подчинение административным агентам и 165
 - спартанцы 147, 177, 247, 251,
- Специализация
 - классов 32
 - кооперация и 19
- Способность
 - воинственная 109
 - и замещение должностей 34, 35, 38, 266
 - индивидуумов 34–35
 - к войне 221
 - к независимости 218, 258
 - к отправлению власти 132
 - носить оружие 69, 175–176, 207, 222, 223
 - повиноваться 73
 - самосохранения 221
- Справедливость 261–262
- Спрос 19
- Сравнение обществ 16
- Средиземное море 171
- Средневековье
 - города 55, 184
 - европейское 25, 75, 107, 184, 200, 247, 271
 - защита индивида 54–55, 271
 - политические репрессии 12
- Среднее сословие 251
- Среднее чувство и мнение 101
- Средние классы 277
- Ссудный процент 169
- Ссуды 79
- Старейшины
 - мнение 92
 - политические права 85
 - совет племени и 84–85
- Статус (социальное положение, ранг) 61, 64, 71, 186, 200, 215, 217, 225, 227, 265, 273
 - детей 284
 - и добродетель 244
- Страдание 3, 262
 - выживание общества и 7
 - политическая организация и 26
 - политический контроль и 27
 - рабство и 6
 - уменьшение 16
- Страх, внушение 112
- Страхование государственное 241
- Строение местности 39
- Структура, социальная, возникновение 84
 - зародышевая 83
 - общая 83
 - изменение 28
 - усложнение 35
- Субсидия 211
- Субфеодалы 75
- Судебная администрация 290
- Судебное преследование 242
- Суды, старейшин 142
- Судьи 86–87, 109
- Суеверия 4
- Суждения, извращение чувствами 3
- Султан 98, 179,
- Суматра 96, 108,
- Сходство. *См. тж* Неходство

- общественных структур 237
- обычаев 48
- религий 47
- слагаемых частей 57
- США. См. Соединенные штаты (Америки)

Т

- Табу 128
- Таити, остров 40, 119
- Тайгет 147
- Тамплиеры 29
- Тан 68, 75,
- Танн 50
- Тапу. См. Табу
- Творчество 250–251
- Тевкли 180
- Теологические склонности 4
- Теория вещей 250
- Теория духов 111, 114
- Территориальные связи 59
- Территория
 - война и 22, 64–66, 88
 - класс крепостных и 64–66
 - кочевые племена и 67, 80
 - население и 40, 64–66
 - общество и 17, 22, 35, 39, 88
 - собственность монарха и 130, 138
 - фактор сплочения 39–40, 88
 - феодальный титул и 78
- Тецкуко (округ Мексики) 119
- Тибет 133
- Тирания, феодальная 159
- Тиряне (население Тира), сенат и народное собрания 86
- Тираны, изгнание 170
- Титул
 - возникновение 78
 - императора 237
 - наследованный 77, 148
 - пожалованный 76, 77
 - продажа 79
 - симулирование 78
- Тлапан (округ Мексики) 119
- Товарищества, острова 72
- Тонга, остров 40, 72
- Торговля 203, 218, 273

- вмешательство в 240
- Торговые гильдии 29
- Тоскана 202
- Требования, неустановленные 209, 211
- Третье сословие 187, 203
 - формы, три элемента
- Трибун 156
- Трибы 44–55
- Трофей 82
- Труд
- Труд, физическая неспособность к 41
- Турция 245
- Тюрьмы 10

У

- Убеждения, склонности и 4
- Убийство пленников 11, 13, 54, 62, 182
- Уважение
 - к личности 281, 292
 - прав 282
 - к промышленной жизни 289
- Удача 108
- Удобрения 10
- Удовольствие 3
- Узурпация
 - власти 122, 132–133–136, 138
 - общих прав 71
 - политических функций 134–136, 138
 - узурпированной власти 135, 139
- Узы родства 44–45, 118
- Уитнагемот 185
- Университеты 240
- Униоро (Восточная Африка) 23
- Унтервальдер, кантон 158
- Упадок
 - воинственности 272
 - принудительной кооперации 271
 - регресс и 59
 - царств 148
- Управляющая часть общества 29
- Управляющий класс 30–31
- Управляющий механизм 30, 249–250,
- Ури (кантон) 87, 158
- Усыновление, обряд 54

Участие

- в народном собрании 185
- в управлении 193, 204
- народного элемента 163

Учреждения (институты)

- воинственного типа 243, 264,
- главенства 126, 137, 139,
- государственные инструменты 103
- деспотические 145
- Древней Греции 172
- законодательные 285,
- народные 90
- наследственной преемственности 121, 128
- обрядовые 82, 208
- политические 6, 10, 16, 22, 103, 111, 137, 165, 171, 195, 275
- генезис 137
- постоянные 114, 117
- правительственные 10
- представительные 217, 265
- промышленного общества 263, 266
- промышленные 6, 31
- раса и 5, 146
- республиканские 161–162,
- свободные 145
- свободные 145, 155, 159, 206
- семейные 6
- смешение 17
- совещательные 174–191
- сравнение 172
- унаследованные 100
- установившиеся 28, 35

Уэльс 214, 272

Ф

- Фактор цивилизации 40
- Факторы, задержки кооперации 42
- Фанатизм 98
- Феодалная монархия 143
- Феодалное дворянство 25, 77
- Феодалное пользование землей, временное 68
- Феодалное управление 196, 205,
- Феодалные владельцы 179, 183, 199, 215

Феодалные группы 206, 218

Феодалный период, во Франции 181

Ферсит (Терсит) 86

Фиджи 10, 247,

Физическая сила 107–108

Физическое превосходство 73, 81, 107–108, 137

Филантропическое общество 100

Филы, афинские 201 сн.

Флоренция 162, 166, 171, 202

Франция 158, 187, 200, 211, 215, 274–277, 286, 288, 292

- муниципальная организация 205

- политическая организация в 31

- продажа титулов 79

- феодалного времени 181, 230, 244

Французская монархия 111, 187

Французская революция 26, 217, 275

Французская республика 163

Фратрии 46, 168

Фрей 114

Функции

- в промышленном обществе 82

- вождя 131

- королевской власти 131

- корпоративные 260

- личные качества и 33–35, 38

- наследуемые 32–35, 38

- политические 77

- политической организации, 21

- правителя 95

- совещательные, духовенства 183

Х

Хайленд 149 сн.

Харты, королевские 204, 205, 209, 212

Хильдерик III 135

Хлебные законы 151 сн.

Храбрость, добродетель и 244

Христианство 12, 129, 182, 247

Христос 285

Ц

Царь, в Древнем Риме, 86

Целесообразность 18, 43 сн., 223, 225, 252

Цели, частные 19, 20, 256
 Целомудрие 9
 Цель
 – общества 28
 – общественного действия 258
 Ценз 169
 Центеварии 181
 Централизация 23, 224, 269
 – полицейской власти 242
 Централизованная администрация 264
 Централизованное правительство 280
 Централизованные формы правления 143–144, 147, 235
 Централизованный деспотизм 136, 232–235
 Централизующие влияние войны 154
 Центральная Америка 85, 143,
 Церковная организация 232,
 Церковь 28
 Цехи 164, 171, 205
 Цивилизация
 – антагонизм и 5
 – высшие чувства и 10, 11, 12, 13
 – и бесчеловечность 12, 13
 – обществ 220
 – объединение групп и 148
 – первые стадии 12
 Цивилизованность диких народов 7–9
 Цурита. См. Сорита Алонсо де

Ч

Чародей 112–113, 114, 125,
 Частные
 – войны 24, 179, 201, 272, 289
 – деятельность 102, 242, 249, 259, 271
 – жизнь 269, 276, 287
 – землевладение 178
 – мнения, религиозные 229
 – мотивы 94
 – отношения, и кодекс поведения 7
 – предприимчивость 250, 289
 – предпринятие 263

 – промышленность 235
 – собственность 224, 231, 234
 – союзы 258
 – цели 19, 20, 21, 256, 264
 Человеческие действия
 – в ранние эпохи 7
 – относительная оценка 6
 – точка зрения на 3, 6
 Честность дикарей 8, 9
 Чиновники 29, 247, 276–277
 – в деспотиях 187, 232–233, 235
 – диких племен 10
 – римские 238
 Чины 232
 Чувства
 – верования и 196
 – высшие 11, 12
 – гуманные 282
 – долга 8–9
 – накопленное и организованное 100
 – предков 96
 – прошлого и настоящего 94, 102
 – управляющий механизм и 30
 – усиление 12

Ш

Шах 187
 Швейцария 158
 Швейцарские кантоны 87
 Швиц (кантон) 158
 Шейх 105
 Шерваройские горы 268, 282
 Шестипальцевая династия 129
 Школы государственных 240
 Шогун. См. Сёгун
 Шорт 8
 Шотландия 149 сн., 205, 214, 216, 272
 Штрафы, произвольные 26

Э

Эволюция
 – борьба за выживание и 14
 – взгляд на развитие общества 136
 – животного мира 14
 – общественная 4, 15, 16, 196

- представительной организации 217
 - увеличение прочности организации и 33
 - Эгоизм 211, 293
 - Эквивалентная стоимость 257–258
 - Экзамен государственный 240
 - Эклезия 177
 - Экономическая автономия 229, 266, 292
 - Элементы политической деятельности 83, 85, 89
 - Эллинское завоевание 147
 - Эмансипация, народа 199
 - Эмигранты 80, 167, 201, 218
 - Эмиграция 80, 154, 197, 264
 - Эмоциональная природа 93
 - Эмоциональное равновесие 3
 - Энергия власти 34
 - Этапы социального развития 60
 - Этапы уменьшения свободы 55–56
 - Эфоры 165
- Ю**
- Юрисдикция 159
 - Юрисдикция высшая 238
 - Юстиция, администрация и 210
- Я**
- Ява, магометанское завоевание 127
 - Язычество 129
 - Япония
 - абсолютизм 124, 136, 187
 - обычай мести 245
 - подчиненность родителям 115
 - политическая организация 27
 - узурпация политических функций правителя 134–135
- Auxillum* 208
Colonial Institute 9
Comitia Paludata 175
Domum 208
Habeas Corpus 278
Interrex 128
Lawes, W. G. 9
Lex talonis. См. Закон возмездия
Poblaciones 203, 205
Tiers-états. См. Третье сословие
Veto. См. Вето

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР
ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

III том

Подписано в печать 30.01.2015. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 27.
Тираж 500 экз. Заказ .

ООО «ИД «Социум»,
e-mail: info@sotsium.ru ; (495) 330-51-98

Дополнительные материалы см. на сайте
spencerworks.ru

В частности, на сайте будет опубликован
pdf I тома «**Оснований этики**»,
вышедшего на русском языке в 1899 г.,
и состоящего из трех частей:

Часть I. Данные этики

Часть II. Индукции этики

Часть III. Этика индивидуальной жизни

Готовится к изданию в сентябре 2015 г.:

Спенсер Г. Из истории политических институтов

В книге будут опубликованы главы, не вошедшие
в т. III «История политических институтов»:

Глава X. Кабинеты министров

Глава XI. Местные органы власти

Глава XII. Вооруженные силы

Глава XIII. Системы судебной

и исполнительной власти

Глава XIV. Законы

Глава XV. Собственность

Глава XVI. Государственные доходы

Томас Бетелл
СОБСТВЕННОСТЬ И ПРОЦВЕТАНИЕ
(М.: ИРИСЭН, 2008. 408 с.)

Книга в популярной форме рассказывает об истории частной собственности со времен Древнего Рима и до наших дней. Эта тема рассматривается сразу с двух точек зрения: истории института и истории идей. Показана фундаментальная роль института частной собственности в общественном развитии. В то же время в книге собрана богатая коллекция исторических примеров того, как ослабление этого института вело к распаду и гибели сообществ или к увековечению низкого уровня жизни: судьба первых североамериканских колоний в Джеймстауне и Плимуте, история коммуны Роберта Оуэна, картофельный голод в Ирландии, социалистические эксперименты в СССР и Китае, проблемы арабского мира, земельные реформы в развивающихся странах и т.д. Автор анализирует экономическую логику стимулов и демонстрирует пагубность общего пользования ресурсами. Особое внимание уделено взаимосвязям между институтом собственности и состоянием окружающей среды, а также проблемам интеллектуальной собственности. В своем исследовании истории идеи частной собственности автор опирается на философские и юридические основы этого института. Если политический философ или экономист когда-либо написал что-то важное о связи прав собственности и процветания, то изложение его идей обязательно найдется в этой книге, где представлены взгляды Адама Смита, Иеремии Бентама, Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Кеннета Эрроу, Милтона Фридмана и многих других мыслителей. Особое внимание уделено возрождению интереса к правам собственности в экономической теории в 1950—1960-е годы (А. Алчиан, Г. Демсец, Р. Коуз).

Фридрих Хайек
Капитализм и историки
(Челябинск: Социум, 2012. 410 с.)

В книге подробно разбирается, как возник миф о том, что промышленная революция в Англии в конце XVIII — начале XIX в. привела к резкому ухудшению условий жизни рабочих. В статьях Т. С. Эштона и У. И. Хатта исследуются вопросы экономической истории этого периода — статистика уровня жизни городских фабричных рабочих (в т.ч. в сравнении с другими); в статьях Ф. Хайека, Л. Хэкера, Б. де Жувенеля, Т. С. Эштона изучается роль интеллектуалов в создании общего идеологического климата в обществе и в частности роль историков в формировании общего негативного отношения к капитализму. Русское издание дополнено статьей Хайека «Интеллектуалы и социализм», статьей Л. фон Мизеса «Капитализм» и его же очерком «Антикапиталистическая ментальность».

Дэвид Боуз
ЛИБЕРТАРИАНСТВО
История, принципы, политика
(Челябинск: Социум, 2014. 408с. 32 илл.)

Либертарианство — это политическая философия, выводящая принципы устройства общества из аксиомы самопринадлежности права собственности человека на собственное тело. Исходя из убеждения, что человек сам должен распоряжаться своей жизнью и имуществом и имеет право самостоятельно решать, как ему жить, при условии, что он признает такое же право за другими людьми, либертарианцы отстаивают максимально широкие права личности и требуют сведения роли государства к необходимому минимуму защите жизни и собственности граждан. Автору удалось в популярной форме представить весь комплекс либертарианских идей в области философии, экономики и права в их историческом развитии. В книгу включены 32 цветные иллюстрации, освещающие основные вехи развития либертарианской традиции и выделяющие наиболее важные идеи.

Людвиг фон Мизес
ЛИБЕРАЛИЗМ

(М.; Челябинск: Социум, 2014. 300 с.)

Единственное систематическое изложение принципов либерального устройства общества и государства, основ либеральной экономической и внешней политики. Демонстрирует тесную связь между международным миром, частной собственностью, гражданскими правами, свободным рынком и экономическим процветанием. Автору удалось развеять множество сомнений и недоразумений, возникавших при обсуждении социальных и политических проблем, а также касающихся либеральной доктрины.

Джон Локк
ДВА ТРАКТАТА О ПРАВЛЕНИИ
(Челябинск: Социум, 494 с.)

Джон Локк (1632—1704) по праву считается первым настоящим либералом и отцом современной политической философии. В «Двух трактатах о правлении» содержится социально-политическая концепция Локка — теория конституционной парламентской монархии.

Локк задается вопросом, в чем суть правительства и зачем оно нужно. Он убежден, что люди наделены правами независимо от существования правительства — именно поэтому мы называем их естественными правами, коли они существуют от природы. Люди создают правительство для защиты своих прав. Они могли бы делать это сами, но правительство является более эффективной системой защиты прав. Но если правительство выходит за рамки этой роли, люди имеют право на восстание. Лучший способ удерживать правительство на нужном для общества пути — система представительного правления.

Идеи Локка сыграли огромную роль в истории философии и общественно-политической мысли европейского Просвещения. Они оказали большое влияние в Великобритании на Толанда, Пристли, Беркли и Юма, во Франции — на Вольтера, Кондильяка и в особенности на материалистов XVIII в. — Ламетри, Гельвеция и Дидро. Политическая философия Локка развивалась Монтескье и нашла отражение в политических теориях Французской и Американской революций.

Людвиг фон Мизес
ВСЕМОГУЩЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
Тотальное государство и тотальная война
(Челябинск: Социум, 2013. 472 с.)

В книге представлена неотразимая критика политических, социальных и экономических идеологий, определявших историю Западной Европы и США в течение последних 200 лет. Автор подробно анализирует, как в специфических исторических и географических обстоятельствах в Германии эти идеологии (этатизм и национализм) породили стремление к автаркии и завоеванию требующего для этого «жизненного пространства», став причиной Второй мировой войны, а также как те же самые идеологии помешали другим западноевропейским странам предотвратить надвигавшуюся общеевропейскую катастрофу.

Мизес первым показал, что нацизм и фашизм представляют собой тоталитарные коллективистские системы, имея гораздо больше общего с коммунизмом, чем с капитализмом свободного рынка. Более того, они являются логическим следствием необузданного этатизма и милитаризма дофашистских обществ. В пропитанной марксизмом интеллектуальной атмосфере 1940-х годов установленная Мизесом связь фашизма с марксистским социализмом стала настоящим шоком.

Последняя глава содержит пророческую критику идеи мирового правительства, включая всемирные торговые соглашения. Особую актуальность для нашего времени представляет объяснение автором природы современного протекционизма как необходимого следствия вмешательства государства в экономику вообще и социального законодательства в особенности.

Вильгельм фон Гумбольдт
О пределах государственной деятельности
(Челябинск: Социум, 2009. 303 с.)

Написанное в 1792 г. сочинение Вильгельма фон Гумбольдта (1767—1835) является одним из важнейших вкладов немецкой мысли в политическую философию либерализма. В памятной записке, составленной по просьбе будущего правителя Майнцкого курфюршества, автор дал детальное описание устройства государства, ограничивающегося в своей деятельности только задачами поддержания закона и порядка, которое Гумбольдт противопоставляет порядкам прусского просвещенного деспотизма с его заботой о положительном благе граждан под девизом «Все для народа, ничего посредством народа». Опубликованная только после смерти автора книга оказала большое влияние не только на Германию, но и на таких мыслителей, как Дж. С. Милль в Англии и Э. де Лабурэ во Франции.

Бертран де Жувенель
ВЛАСТЬ
Естественная история ее возрастания
(М.: ИРИСЭН, 2011. 546с.)

Бертран де Жувенель — выдающийся французский политический мыслитель XX века — в своей книге представляет всесторонний анализ феномена политической власти как в теоретическом, так и в историческом аспектах. Он исследует различные теории суверенитета и показывает, к каким результатам приводит реализация этих теорий на практике. Большое внимание уделено неуничтожимому стремлению к экспансии, свойственному власти. Автор исследует психологические корни и культурные последствия этой экспансии. Особое внимание в книге уделяется взаимоотношениям власти и права. Б. де Жувенель прослеживает эволюцию политических институтов на протяжении демократической эпохи, которая вручила президентам и парламентам такую власть, которой позавидовали бы средневековые бароны. В книге ярко показаны опасности, заложенные в современной демократии, а также тоталитарные тенденции, заложенные в концепте суверенитета народа.

**В Москве книги издательства «Социум»
можно купить в магазине**

«Фаланстер»

Пн-Втс 11⁰⁰—20⁰⁰

м. Тверская, Пушкинская, Человская

Малый Гнездиновский пер., 12/27

Вход в арке, над аркой вывеска "КНИГИ", 2-й этаж.

Тел: (495) 749-57-21

**В Москве книги издательства «Социум»
можно купить в магазине издательства URSS:**

9⁰⁰—18⁰⁰ Пн—Пт

12⁰⁰—18⁰⁰ Сб—Вс

Нахимовский пр-т, д. 56

Тел. (499) 724-25-45

От м. Профсоюзная:

8 мин. пешим (до офиса) или одна остановка наземным транспортом:
автобусы №67, 37к, 130; троллейбус №43
до остановки «Ул. Ивана Бабушкина»

От м. Университет:

трамвай №14, 39 до остановки «Черемушкинский рынок»;
трамвай №22, 26 до остановки «Ул. Вавилова»;
автобусы №22, 26 до остановки «Ул. Ивана Бабушкина»